ОИК
УЧЕБН.

И 32 362

Л Е К Ц І И

по

І С Т О Р І І Р И М А .

ч 1-2

Проф. Ростовцева. Мих. Ив.

Курсы, читанные въ
I899-I900
и
I900-I90Iгг.

Исправленное Изданіе I90I-2 г. . обязательное для I курса

Высшіе Женскіе Курсы
С. Петербургъ

Е. Ш

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

992974

1 бл.

Начиная излагать вамъ курсъ римской исторіи, я долженъ прежде всего отвѣтить на одинъ важный вопросъ, который вы въ правѣ мнѣ поставить: какова будетъ цѣль предлагаемаго курса и въ чемъ я вижу сущность и значеніе изученія древней исторіи вообще и римской въ частности. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать только указавши, хотя бы и очень общо, на тѣ элементы, которые внесла древность въ культурный обиходъ современнаго человѣка, на тѣ основы, безъ которыхъ немыслимо существованіе современной культуры и государственности. И я не въ правѣ прямо говорить вамъ о роли Рима, такъ какъ эта роль безъ связи съ предыдущимъ останется для васъ непонятной и туманной; я обязанъ поэтому указать вамъ на то, какъ развивалась вся древность, какъ созидалось то, что мы зовемъ наслѣдіемъ античности, и изъ какихъ и кѣмъ созданныхъ элементовъ состоитъ это наслѣдіе.

Уже давно спорнымъ пунктомъ является вопросъ о томъ, гдѣ зародилась современная намъ культура, т.е. культура античнаго греко-римскаго міра, должны ли мы искать одного ея очага, изъ котораго ея искры разлетѣлись во всѣ стороны или можно и должно признать существованіе нѣсколькихъ такихъ, если не одновременно, то самостоятельно возникшихъ очаговъ. Держась на строго исторической почвѣ и не давая воли антропологическимъ и лингвистическимъ фантазіямъ, мы должны отвѣтить на этотъ вопросъ такъ: современное состояніе науки о древности дозволяетъ намъ сказать, что древнѣйшимъ культурнымъ очагомъ нашей земли была долина рѣ-

---

Лекціи по исторіи Рима. Исправленный прошлогодній курсъ.
Листъ I-ый. Литографія Богданова, Эртел. пер. № 1-ый.
Директоръ Курсовъ

ки Нила, древній и теперешній Египетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно самостоятельны и другіе три культурныхъ очага древности: Ассиро-Вавилонія, Индія и Китай. То что объединяетъ эти 4 міровыхъ культуры -- это ихъ происхожденіе. По геніальной индукціи Мечникова всѣ эти культуры должны быть названы культурами рѣчными, такъ какъ всѣ онѣ находятся въ тѣсной зависимости отъ характера и роли тѣхъ великихъ рѣкъ, которыя несомнѣнно опредѣляютъ физіономію не только экономической, но и государственной жизни названныхъ 4 очаговъ культуры. Обще всѣмъ 4 великимъ системамъ Нила, Евфрата и Тигра, Ганга и Инда и наконецъ китайскихъ рѣкъ то, что онѣ создаютъ своими оплодотворяющими наводненіями если не саму страну, то во всякомъ случаѣ плодородіе иначе безплодной почвы. Мало того обще имъ и то, что сами по себѣ рѣки эти не давали возможности безмятежнаго и беззаботнаго существованія, а скорѣе разрушали и губили всякую жизнь и что только совмѣстная и организованная работа цѣлаго народа могли побѣдить рѣку. Этой побѣды было однако мало, рѣка постоянно требовала новой и новой затраты силъ и энергіи, постоянной заботливости и вниманія. При этихъ условіяхъ вниманія и организованной работы она однако вознаграждала трудъ сторицей и давала возможность обезпеченнаго существованія всему народу, давая ему также возможность значительное время быть свободнымъ отъ всякаго обязательнаго труда. Возьмемъ напримѣръ Нилъ. Всѣмъ извѣстно, что его ежегодные розливы оплодотворяютъ Египетъ и что только они дѣлаютъ возможнымъ жизнь въ долинѣ этой рѣки. Но рѣка даетъ жизнь только при тщательнѣйшемъ за нею уходѣ. Необходимо, вопервыхъ, при посредствѣ сѣти каналовъ добиться правильнаго распредѣленія влаги и ила по всей территоріи, необходимо также при помощи тѣхъ же каналовъ

позаботиться о равномѣрномъ и дружномъ стокѣ воды, безъ чего немыслимы выносимыя санитарныя условія. Это же возможно только при условіи строго организованной работы всего населенія, руководимой однимъ общимъ планомъ, одной общей идеей. Это необходимое требованіе сказывается на государственной и экономической организаціи всѣхъ четырехъ названныхъ государствъ: всѣ они абсолютныя монархіи, вездѣ власть монарха считается исходящей отъ бога, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше монархъ идентифицируется съ богомъ. Воля каждаго подчиняется волѣ этого одного лица, главной задачей котораго является организовать совмѣстную работу на началахъ неограниченной деспотіи. Воля каждаго должна быть подчинена его волѣ, не можетъ быть развитія индивидуальнаго, такъ какъ каждое дѣйствіе не руководимое общей идеей можетъ вызвать смертельную опасность для всего населенія. Для большинства, конечно, смыслъ дѣйствій главы есть тайна, хранителемъ которой является онъ и тѣ, кто вмѣстѣ съ нимъ знаетъ эту тайну, т.е. тѣ, кто изслѣдовалъ и знаетъ природу великой рѣки - эти сотрудники монарха суть жрецы, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше монархія получаетъ религіозный или ... лучше теократическій оттѣнокъ.

Благодаря царю, его пониманію основной тайны земля Египта упорядочена и кормитъ свое населеніе, создатель Египта есть такимъ образомъ царь-богъ. Ясно, что онъ есть и владѣтель всей страны, единственный ея собственникъ, рядомъ съ которымъ существуютъ только совладѣтели въ лицѣ сотрудниковъ царя боговъ, т.е. ихъ жрецовъ. Это владѣніе всей землей есть первобытнѣйшая форма коллективнаго владѣнія, ея требуетъ сама природа Египта, индивидуальной собственности нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ никто не воленъ распоряжаться своимъ клочкомъ земли какъ ему угодно, всѣ должны подчиняться одной общей идеѣ,одному общему регламенту.

Такое положеніе дѣла вызываетъ и способствуетъ и культурному росту страны. Рѣки требуютъ, чтобы ихъ понимали и изучали, и это изученіе ведетъ къ зарожденію точныхъ наукъ: появляется лѣтосчисленіе, календарь на основаніи изученія небесныхъ свѣтилъ, необходимость знать точно территорію ведетъ къ необходимости ея точнаго измѣренія благодаря чему рождается геометрія и т.д. Большія матеріальныя средства и деспотическая власть царей содѣйствуютъ росту внѣшней культуры, позволяютъ возводить колоссальныя зданія и т.д. Но уже въ самой сущности восточныхъ рѣчныхъ культуръ лежитъ невозможность широкаго культурнаго развитія, возможнаго только какъ развитіе индивидуальное; развитію личности нѣтъ мѣста въ восточныхъ монархіяхъ, а только развитіе личности могло дать ту истинную внутреннюю культуру, которая составляетъ лучшее наслѣдіе античности. Для развитія личности нужны были другія условія, другая среда, другая государственность. Эти другія условія соединяетъ въ себѣ южная часть Балканскаго полуострова, острова около нея и противулежащій берегъ Малой Азіи, та страна, гдѣ жили и дѣйствовали эллины. Только эллиновъ можно назвать первой истинно культурной расой и этому они обязаны широкому развитію индивидуальности и въ частной и въ государственной жизни. Они не создали ни большого національнаго государства, какъ впослѣдствіи Римъ, ни государства территоріальнаго или соціальнаго какъ восточныя монархіи, но они создали возможность перехода отъ восточной монархіи къ національному государству путемъ высшаго развитія личности, личнаго творчества, личной свободы, личнаго мышленія. Государственность эллиновъ вся обусловлена этимъ развитіемъ личности и ея несовершенство обусловлено именно слишкомъ большимъ развитіемъ личной и государственной индивидуальности. Говорить

о культурныхъ пріобрѣтеніяхъ эллинской націи задача того, кто вамъ читаетъ греческую исторію. Ограничусь простымъ указаніемъ на то, что все, что мы зовемъ продуктомъ личнаго творчества достигло высокаго и подчасъ высшаго развитія въ Греціи: искусство въ видѣ живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, поэзіи создало вѣчные образцы, на которыхъ училась вся древность, на которыхъ стоимъ и мы; философія въ лицѣ ряда колоссальныхъ мыслителей достигла такой интенсивности мышленія, которой трудно найти подобную. Были положены и основанія наукѣ, но здѣсь кромѣ личнаго требуется и коллективное творчество, кромѣ геніальной интуиціи и интенсивности мышленія нужна и мелкая кропотливая работа сотенъ людей. Этой работы эллинъ въ этотъ индивидуальной періодъ своего развитія не далъ, въ полной мѣрѣ дала ее только современность. Я уже сказалъ, что соотвѣтственно этому развитію личности въ области частной жизни вырабатываются и личныя формы государственности - это есть организмъ города-государства, гдѣ развитію личности предоставлена широкая свобода. Уже территоріальная и племенная ограниченность этой формы государственности обусловливается стремленіемъ къ личной и племенной самостоятельности, грекъ сознаетъ свое національное единство, но онъ еще интенсивнѣе сознаетъ свою племенную и личную обособленность и не поступается вторыми въ угоду первой. Соотвѣтственно этому всѣ попытки въ Греціи къ созданію крупныхъ государствъ сопровождались насиліемъ и были обречены на недолговѣчность, соотвѣтственно этому греки не могли и не хотѣли выйти за предѣлы своего города-государства, не говоря уже о томъ, что они не могли создать міровой державы.

Эта политическая и государственная ограниченность и обособленность эллиновъ, доведя культуру Греціи до высшихъ ступеней интенсивности, не давала ей достаточной широты распространенія, до-

статочной экстенсивности. Подвижность и предпріимчивый духъ грековъ только отчасти давали распространеніе греческой культурѣ, греческія колоніи среди варваровъ тотчасъ же замыкались въ рамки города-государства, не стремясь къ ассимиляціи окружающихъ дикихъ племенъ.

Экстенсивность греческой культурѣ дала могучая личность Александра Великаго, опиравшагося на полу-греческій народъ македонцевъ. Македонское племя не принимало участія въ культурной жизни Греціи, оно не знало города-государства, въ немъ развилась и укрѣпилась другая форма монархической власти, форма царской патріархальной власти, съ которой мы встрѣтимся позднѣе въ Римѣ и въ основѣ которой лежитъ интенсивное сознаніе племенного единства Въ лицѣ Александра сознаніе племенного единства

превратилось въ сознаніе единства національнаго, и это свое личное сознаніе Александръ силой своего генія и своего племени навязалъ насильно всей расчлененной Греціи и заставилъ ее подъ своимъ водительствомъ занести свою индивидуальную культуру туда, гдѣ до этого времени только слабо мерцали отблески великихъ культуръ рѣчныхъ, даже туда, гдѣ медленно продолжали развиваться эти великія рѣчныя культуры. Александръ первый вводитъ въ обиходъ идею великаго Средиземнаго государства объединеннаго эллинской культурой. Идея эта была благотворна, такъ какъ благодаря ей греческая культура сдѣлалась достояніемъ и запада, т.е. нашимъ, но она положила конецъ интенсивному развитію Греціи, индивидуальной культурной работѣ отдѣльныхъ лицъ и городовъ государствъ. Лучшія силы Греціи ушли на востокъ служить дѣлу расширенія области греческой культуры, эти лучшія силы должны были слиться съ чуждыми національностями, съ чуждыми

расами, создавая новую національность, новую расу. Это однако оказалось невозможнымъ. Послѣ Александра создались правда новыя государства, но новыхъ національностей не создалось: слишкомъ глубока разница между національностями, которыя обыкновенно называютъ арійскими и семитическими, чтобы изъ ихъ сліянія могла создаться нація. И послѣ Александра такимъ образомъ національнаго государства не создалось, создался рядъ государствъ явившихся преемниками восточныхъ монархій и пытавшихся слить принципы выработанные ими съ созданіемъ греческой индивидуальности - городомъ-государствомъ. Временно это имъ удалось. Возникла новая форма государственности - эллинистическая монархія, форма искусственная и потому недолговѣчная. Въ ней не доставало главнаго элемента — національнаго единства или хотя бы родства, элемента, который характеризуетъ всѣ современныя намъ государства Европы.

Но эллинизмъ исполнилъ свою задачу: онъ разнесъ эллинскую культуру во всѣ уголки Востока, онъ развилъ все то, что можно было развить путемъ коллективной работы: благодаря эллинизму Востокъ узналъ здоровое народное хозяйство, достигъ высокаго расцвѣта внѣшней культуры, пошелъ дальше своей родины въ дѣлѣ разработки науки и выработки научныхъ методовъ.

Когда на Востокѣ такъ быстро шло распространеніе греческой культуры, западъ былъ ареной борьбы греческаго элемента съ семитическимъ. Побѣжденная на Востокѣ семитическая нація основалась на западѣ, въ Карѳагенѣ. Культурной націей назвать ее нельзя, только соединеніе семитическихъ идей съ греческими и индійскими въ лицѣ христа внесло новый элементъ въ міровую исторію, чистый семитизмъ былъ элементомъ скорѣе антикультурнымъ. Борьба его съ эллинствомъ на западѣ важна поэтому не столько сама по себѣ, сколько благодаря тому, что она ввела въ міровой обиходъ новую

націю и новое государство – италиковъ и Римъ.

Великая роль Рима лежитъ въ двухъ основныхъ его особенностяхъ: Римъ первый показалъ, что можетъ дать свободное подчиненіе личности государству, какую силу имѣетъ сознаніе государственной идеи, проникшее въ плоть и кровь каждаго гражданина. Эта личная свобода подчиненная сознательно интересамъ государства была той силой, которую не обнаружила ни Грецiя, ни Востокъ и благодаря этой силѣ Римъ сдѣлалъ то великое культурное дѣло, результатами котораго мы живемъ по сей день. Великое самостоятельное произведеніе Рима есть его тріединое право: гражданское, уголовное и государственное. Сознательно подчиняясь государству римлянинъ какъ свободная индивидуальность требовалъ точной регулировки тѣхъ требованій, которыя къ нему предъявляла община и не менѣе точной регулировки своихъ правъ по отношенію къ другимъ членамъ общины. Эта регулировка, которую онъ самъ же въ лицѣ своихъ выборныхъ магистратовъ вырабатывалъ и узаконялъ, давало ему такое высокое сознаніе своего гражданства, что онъ въ угоду ему самъ стѣснялъ свою личную свободу въ соотвѣтствіи съ требованіями государственной необходимости: грекъ этого не дѣлалъ, для него его личность была выше государства, его городъ былъ ему дороже національнаго единства.

До сознанія національнаго единства всѣхъ италиковъ правда и Римъ дошелъ только путемъ долгой и кровавой борьбы, дойдя до этого сознанія Римъ не провелъ этого сознанія послѣдовательно, не измѣнилъ своей государственности подъ давленіемъ этого сознанія, онъ остался при тѣхъ формахъ, которыя создалъ городъ Римъ и его первобытная территорія Лацій.

Но все же сознаніе національнаго единства Италіи въ связи съ указанной интенсивностью сознанія себя каждымъ какъ члена одного государственнаго организма сдѣлало свое дѣло. Въ борьбѣ съ семитами это національное единство и сознаніе своего родства съ эллинами дали побѣду Риму, и эта побѣда наложила на Римъ тяжелый долгъ эллинскаго наслѣдія, долгъ сыграть роль эллинистическихъ монархій на западѣ, т.е. распространить и тамъ эллинскую культуру, носителемъ которой онъ сдѣлался какъ политическій преемникъ Александровской монархіи. Выработка права есть великое культурное дѣло римской республики, распространеніе эллинской культуры на западѣ есть культурная миссія Римской Имперіи; Римская Имперія въ этомъ смыслѣ есть послѣдняя изъ эллинистическихъ монархій. Но и въ ней мы не находимъ того, чему мы обязаны нашей культурой - національнаго государства, созданіе его есть дѣло нашихъ сѣверныхъ націй. Возможность такого созданія вся обусловлена культурной ролью Рима, самостоятельность государственности нашихъ націй вся подготовлена имъ, не говоря уже о томъ, что ему мы обязаны тѣмъ, что могли не начинать сызнова всей культурной работы, а продолжать многое изъ того, что намъ завѣщала культура эллинства.

Исторія Рима есть исторія постепеннаго развитія организма города-государства въ государство территоріальное и затѣмъ міровое. Всемірно-историческій интересъ, который представляетъ для насъ изученіе исторіи Рима, сосредоточивается поэтому главнымъ образомъ на слѣдующихъ основныхъявленіяхъ. Съ одной стороны съ точки зрѣнія всемірно-исторической насъ интересуетъ то, какъ и въ силу какихъ условій организмъ обыкновеннаго греческаго города-государства разрѣшилъ на италійской почвѣ тотъ вопросъ, который онъ не могъ разрѣшить на почвѣ эллинскаго міра, т.е. какъ этотъ город-

ской организмъ въ силу постепеннаго роста превратился или стремился превратиться въ государство, какъ это ограниченное въ своихъ предѣлахъ государство быстро, слишкомъ быстро для нормальнаго развитія сдѣлалось государствомъ міровымъ, государствомъ, охватившемъ собой всѣ тѣ страны, которыя такъ или иначе входили въ предѣлы вліянія какъ греческой такъ и финикійско-семитической культуры. Какъ и въ силу какихъ причинъ это міровое государство не распалось также быстро, какъ распалась міровая монархія Александра Великаго и какъ его распаденіе постепенное, а не внезапное вызвало къ жизни образованіе новыхъ государственныхъ организмовъ въ тѣхъ изъ странъ, вошедшихъ въ его составъ, гдѣ греко-римская культура привита была на молодомъ здоровомъ національномъ стволѣ, т.е. не на Эллинскомъ Востокѣ, а на галло-германскомъ западѣ. Другой, не менѣе захватывающій интересъ представляетъ исторія Рима съ точки зрѣнія всемірно-культурной. Мы присутствуемъ при процессѣ единственномъ въ міровой исторіи. Мы видимъ, какъ вышедшая изъ элементовъ, созданныхъ культурными народами древняго Востока эллинская культура неудержимо распространяется по всему Востоку, какъ она на Западѣ сталкивается съ одной стороны съ культурой семитической, съ другой съ зарождающейся культурой италійской. Какъ эта культурная борьба переходитъ въ борьбу политическую и какъ крѣпкая и жизненная эллинская нація, побѣжденная, какъ и ея противники семиты въ политической борьбѣ сплоченной государственностью Рима и Италіи быстро побѣждаетъ своего побѣдителя въ борьбѣ культурной, создавая изъ слiянія италійскихъ зачатковъ и италійскаго народнаго генія съ развитой эллинской цивилизаціей то, что мы зовемъ теперь эллино-римской культурой. Какъ эта новая культура нивеллируетъ весь бассейнъ Средиземнаго моря и въ культурномъ отношеніи, такъ же какъ римская государ-

ственность нивеллировала его въ отношеніи политическомъ. Эта новая культура не убиваетъ однако національныхъ элементовъ побѣжденныхъ ею варварскихъ народовъ, и съ распаденіемъ римскаго государства эти національные элементы выступаютъ на первый планъ, заглушая остовъ греко-римской культуры, чтобы вновь, когда національный элементъ достаточно окрѣпъ въ эпоху Возрожденія, обратиться опять къ забытой было міровой греко-римской культурѣ, создавая на ея основахъ новую европейскую культуру, которой быть-можетъ какъ и римской суждено сдѣлаться міровой въ болѣе обширномъ, современномъ, океанскомъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, не менѣе важно и экономическое развитіе древняго міра и въ частности Рима. Мы присутствуемъ при томъ, какъ развивающееся на греческой почвѣ здоровое національное хозяйство сталкивается и борется съ безплоднымъ спекулятивнымъ семитическомъ капитализмомъ. Какъ этотъ капитализмъ, результатъ неорганическаго развитія греческаго города-государства въ государство міровое, побѣждаетъ на врея принципъ народнаго хозяйства и какъ эта побѣда выражается въ быстромъ экономическомъ паденіи новаго мірового римскаго государства, страдающаго отъ той же несовмѣстимости и непримиримости организма государства съ главенствомъ одного города. Но здоровая эллинская подкладка народнаго хозяйства съ измѣненіемъ характера римской государственности, съ превращеніемъ Римской Имперіи въ дѣйствительно міровое государство, вновь беретъ верхъ надъ безплоднымъ капитализмомъ, чтобы создать новое міровое хозяйство. Превращеніе это, въ виду несовершенства государственнаго мірового организма, не можетъ быть доведено до конца, міровое хозяйство, построенное на недоразвившемся народномъ хозяйствѣ, быстро сводится на нѣтъ, возвращаясь вновь къ тому, изъ чего оно вышло-къ первобытному міровому хозяйству. И только новыя національныя

государства, выйдя изъ рамокъ этого домового хозяйства, создаютъ настоящее, органически развившееся народное хозяйство, стоящее теперь на пути къ превращенію въ хозяйство міровое.

Таковы основныя явленія, связывающія исторію Рима съ исторіей современности. Но римская исторія имѣетъ и другой, не менѣе важный интересъ, который можно опредѣлить терминомъ критическій. Этотъ интересъ вызывается тѣмъ, что римская исторія сдѣлалась школой современной исторіографіи. Это явилось результатомъ состава преданія о древнѣйшей римской исторіи, конгломерата изъ легенды, миѳа, вымысла и дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ. На опредѣленіи, устраненіи и выдѣленіи этихъ факторовъ создалась и выросла современная историческая наука и то, что мы теперь ставимъ принципомъ научнаго историческаго мышленія, выработалось главнымъ образомъ на почвѣ изученія преданія о римской исторіи.

Съ очерка этого постепеннаго развитія изученія римской исторіи мы и начнемъ нашъ курсъ. Но для правильной оцѣнки пріобрѣтеній исторической науки современности мы обязаны уяснить себѣ, что понимаемъ подъ задачей историка современность и что считалось таковой въ древности.

Съ современной точки зрѣнія, исторія, говоря словами Ранке, имѣетъ своею цѣлью показать "какъ вещи были и какъ все создалось". Въ этомъ опредѣленіи заключается сразу указаніе и на три возможные способа писанія исторіи, развившіеся постепенно и составляющіе интегрирующія части всякаго современнаго историческаго труда, т.е. исторія чисто описательная, какъ вещи были, это исторія, которая не идетъ дальше зарегистрированія фактовъ безъ объясненія ихъ взаимной связи, далѣе, "какъ все создалось", т.е. та ис-

торія, которая отдаетъ себѣ отчетъ о связи событій, о мотивахъ, которые вызвали то или другое событіе, то или другое культурное состояніе. Въ изслѣдованіи этой причинной связи могутъ быть двѣ ступени: мотивировка отдѣльныхъ событій безъ опредѣленія взаимной связи событій; вторая ступень въ исторіографіи то, что называютъ исторіей прогматической - и наиболѣе совершенная манера: уясненіе, основанное на научныхъ методахъ, развитія человѣчества во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности. Здѣсь наряду съ политической исторіей, которая должна была служить исключительнымъ предметомъ первыхъ двухъ стадій развитія исторіографіи, входитъ въ свои права и исторія культуры, и исторія экономическая, и при томъ такъ, что наиболѣе насущнымъ вопросомъ послѣ установленія фактовъ является для насъ объясненіе генезиса даннаго событія, явленія или культурнаго состоянія, опредѣленіе взаимной связи, связи причинной между событіями, опредѣленіе составныхъ частей всякаго общественнаго явленія и тѣхъ факторовъ, которые способствовали его созданію. Это направленіе носитъ въ исторіи по праву имя направленія генетическаго. Настаиваю на томъ, что въ современной исторіографіи исторія культуры сдѣлалась полноправной сестрой безусловно царившей прежде политической исторіи, сестрой быть можетъ иногда заносчивой и требующей къ себѣ не только равнаго, но и исключительнаго вниманія. Какъ составная часть въ исторіи культуры входитъ исторія экономическая, исторія учрежденій уже давно заняла почетное мѣсто наряду съ исторіей политической. И къ этой области, области культурныхъ состояній, на которыя подчасъ обращала вниманіе свое и повѣствовательная и прагматическая исторія, мы примѣняемъ методъ гентическій: насъ интересуетъ не только то, въ какомъ видѣ мы застаемъ извѣстное явленіе въ извѣстную эпоху, гораздо важнѣе для насъ генезисъ этого явленія, тѣ

составныя части, которыя легли въ его основаніе и способствовали тому, что мы застаемъ его въ томъ, а не въ другомъ видѣ. Въ этомъ, еще болѣе, чѣмъ въ генетическомъ объясненіи событій, и лежитъ движеніе впередъ современной исторической науки.

Задачей историческаго изслѣдованія является, какъ мы сказали, съ одной стороны, возможно большее приближеніе къ истинѣ въ передачѣ историческихъ фактовъ, съ другой, - полное и ясное объясненіе этихъ фактовъ, ихъ происхожденія и взаимной связи. Поэтому основными методами исторической науки являются съ одной стороны критика, съ другой - интерпретація. Имѣя дѣло съ какимъ-нибудь историческимъ событіемъ или состояніемъ, мы принуждены составлять себѣ сужденіе о немъ на основаніи имѣющейся у традиціи, т.е. свидѣтельства современныхъ событію писателей или оффиціальныхъ документовъ. Принимать все огуломъ на вѣру мы не можемъ, мы обязаны отнестись къ даннымъ критически, т.е. выяснить ихъ достовѣрность, уяснить себѣ возможные мотивы, руководившіе лицомъ создавшимъ или зарегистровавшимъ данное свидѣтельство и т.д. Только на основаніи критически провѣреннаго матеріала мы имѣемъ право употребить въ дѣло полученный изъ этого матеріала фактъ. Это такъ называемая внѣшняя критика. Но на этомъ дѣло критики не кончается; мы обязаны считаться съ фактомъ и съ другой точки зрѣнія, мы должны рѣшить, къ чему приложить полученный матеріалъ, будетъ ли онъ въ нашемъ зданіи ключевымъ камнемъ свода или простой орнаментаціей. Мы должны опредѣлить сравнительную важность факта. Это такъ называемая внутренняя критика.

Полученные такимъ образомъ факты мы должны понять, т.е. объяснить себѣ, какъ они возникли, гдѣ искать ихъ зародыша, въ какой связи они стоятъ съ другими родственными фактами и т.п. Это - историческая интерпретація.

Для насъ важно теперь на основаніи этихъ принциповъ установить отношеніе древнихъ историковъ къ своей задачѣ,и для этой цѣли намъ удобнѣе всего воспользоваться тѣми историками, которые лежатъ въ основѣ преданія о римской исторіи, а именно Ливіемъ и Полибіемъ для исторіи республики и Тацитомъ - для Имперіи.

Представителемъ источниковъ римской республики,сочиненіе котораго обнимало римскую исторію отъ временъ легендарныхъ до времени созданія того, что мы привыкли называть римской имперіей, является для насъ съ полнымъ правомъ Титъ Ливій. Передъ греками, трактовавшими, какъ и онъ, всю исторію Рима, и Діонисіемъ, и Діодоромъ онъ имѣетъ то преимущество, что во-первыхъ, онъ создалъ намъ цѣльное произведеніе, а не компиляцію, что онъ прочувствовалъ, если не продумалъ, судьбы родного ему народа. Самъ онъ жилъ въ то переходное время, когда и невнимательному наблюдателю ясно было, что для Рима начинается другой періодъ, что время роста и внутренней борьбы кончилось, и что настало время организаціи и мирнаго развитія. Республика умерла и на ея развалинахъ зародилась монархія, спокойно, осторожно, но твердо проводимая практическимъ геніемъ Августа. Это давало Ливію возможность смотрѣть на совершившееся объективно, посколько это ему позволялъ его патріотизмъ и его натура художника, но съ другой стороны и говорить о совершившемся свободно и не только о давнихъ событіяхъ, но и о послѣдней кровопролитной борьбѣ принципа, зарождавшагося единовластія съ принципами отжившей республики. И это въ виду вышеуказаннаго обстоятельства: онъ жилъ тогда, Когда принципъ единовластія не былъ провозглашенъ формально, когда Августъ

Лекціи по исторіи Рима. Прошлогодній исправленный курсъ. Листъ 2-ой. Литографія Богданова, Эрт. пер. № I-ый.

Директоръ Курсовъ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКЪ

не рѣшался проводить его еще фактически послѣдовательно въ вопросахъ, не имѣвшихъ для него первостепенной важности. Августу нужно было примирить съ собой наиболѣе выдающихся изъ современныхъ писателей, онъ мирился съ независимымъ отношеніемъ къ своей личности и къ проводимому имъ принципу, а избѣгалъ только отношенія враждебнаго. О созданіи преданія, ему благопріятнаго, онъ заботился самъ съ помощью лицъ ему преданныхъ, большей частью изъ грековъ.

Условія, какъ мы видимъ, сложились для Ливія въ высшей степени благопріятно; его таланту задача закрѣпленія въ опредѣленныя формы прожитого Римомъ періода исторіи, періода громкихъ дѣлъ и великихъ преступленій оказалась вполнѣ по силамъ. Это доказываетъ уже то, что его произведеніе стало каноническимъ, вытѣснило всѣ другія предшествующія ему сочиненія того или почти того же содержанія, словомъ, что онъ легъ въ основу тѣхъ представленій, который получалъ мало мальски образованный римлянинъ о славномъ прошломъ своего государства. И это дѣлаетъ для насъ Ливія еще болѣе цѣннымъ: онъ былъ для римлянъ идеаломъ историка и на его произведенія мы научаемся понимать, что же выдающіеся представители римской мысли считали идеаломъ исторіи.

Какъ же понималъ Ливій свою задачу, какъ историка? Отвѣтъ на это даетъ намъ уже самъ онъ въ предисловіи къ своему труду: "я не вполнѣ увѣренъ, говоритъ онъ, будетъ ли стоить труда написать исторію римскаго народа отъ основанія города; если бы даже я и зналъ это, то не рѣшился бы этого высказать, видя, что предпріятіе это и старо и многими уже испробовано: новые и новые писатели, одинъ за другимъ всѣ увѣрены въ томъ, что либо привнесутъ что либо новое со стороны фактической, либо превзойдутъ искусствомъ изложенія древности. Какъ бы тамъ ни было, мнѣ пріятно

будетъ уже одно сознаніе того, что и я по мѣрѣ силъ послужилъ увѣковѣченію дѣяній перваго народа на землѣ; и если слава моя затемнена будетъ толпой другихъ писателей, я буду утѣшать себя ихъ превосходствомъ и величіемъ. Дѣло, за которое я берусь, требуетъ большого труда: приходится воспроизводить событія болѣе, чѣмъ за 700 лѣтъ, событія изъ жизни государства, начавшаго съ малаго и возросшаго до того, что собственное свое величіе становится ему въ тягость.

Большинству читателей безъ сомнѣнія, мало доставитъ удовольствія исторія зарожденія города и ближайшія къ нему событія; они спѣшатъ къ новѣйшимъ событіямъ, событіямъ того времени, когда силы уже раньше достигшаго величайшей мочи народа стали уничтожать сами себя; для меня же, награда за мой трудъ будетъ состоять и въ томъ, что занятый всѣми силами моего ума воспроизведеніемъ этихъ древнихъ событій, я хоть на время отвлекусь отъ тѣхъ бѣдствій, долголѣтнимъ свидѣтелемъ которыхъ было наше поколѣніе; здѣсь меня не будутъ тревожить заботы, если и не заставляющія писателя уклониться отъ истины, то все же не тревожащія его душу.

Я не собираюсь ни опровергать, ни подтверждать преданія о событіяхъ, предшествовавшихъ основанію или вѣрнѣе соизволенію судьбы на основаніе города, событіяхъ, украшенныхъ поэтическими красками, а не основанныхъ на несомнѣнныхъ историческихъ памятникахъ. Сѣдой древности позволяется, смѣшивая человѣческое съ божескимъ, освящать зарожденіе городовъ. И если какому нибудь народу мы должны позволить освятить свое рожденіе и занести своихъ основателей въ число боговъ, такъ это народу римскому: военная слава его такова, что родъ людской долженъ мириться спокойно съ его утвержденіемъ о происхожденіи своемъ и своего родоначальника отъ бога Марса, какъ онъ мирится съ его властью.

Для меня не представитъ большой важности, какъ взглянутъ и будутъ судить объ этихъ и подобныхъ событіяхъ: пусть только каждый внимательно прослѣдитъ, какова была жизнь, каковы были нравы, кѣмъ и какимъ путемъ пріобрѣтено было и увеличено могущество государства у себя дома и на войнѣ; пусть онъ прослѣдитъ затѣмъ, какъ нравственность съ постепеннымъ паденіемъ государственнаго порядка сначала поколебалась, затѣмъ стала падать все больше и больше и наконецъ рухнула окончательно; такъ дошли мы до нашего времени, когда уже не въ состояніи выносить ни нашихъ пороковъ, ни средствъ противъ нихъ.

Въ этомъ то и состоитъ цѣлебная и плодотворная сила познаванія событій, что видишь точно засвидѣтельтвованные примѣры, какъ бы выставленные на блестящемъ памятникѣ: оттуда ты можешь взять и для себя и для своего государства образцы, достойные подражанія, тамъ же ты увидишь и научишься избѣгать позорныхъ начинаній и того, что ведетъ къ позорному концу."

Такова *profession de foi* нашего историка. Какъ видите, высшая цѣль исторіи по его мнѣнію, это научить людей, показать имъ на примѣрѣ, чего они должны избѣгать и къ чему они должны стремиться, т.е. цѣль съ одной стороны практически-политическая, а съ другой - моральная - воспитывать людей на примѣрахъ, научить ихъ добру и отвратить отъ зла. Какъ видите, Ливій далекъ отъ современной, на видъ сухой формулы: изслѣдовать какъ все было и какъ все создалось. Далекъ Ливій и отъ современной объективности, онъ не хочетъ отвлечься отъ своей личности, видѣть и представлять событія, какъ они были, не думая въ данный моментъ о томъ, кто ты и въ какихъ отношеніяхъ стоятъ къ тебѣ тѣ, о комъ ты пишешь. Ливій римлянинъ прежде всего, для него Римъ стоитъ въ центрѣ, и остальной міръ существуетъ лишь постольку, поскольку онъ входитъ

въ соприкосновеніе съ Римомъ. Онъ пишетъ исторію, какъ римлянинъ и для Рима. Съ этой воспитательной тенденціей стоитъ въ непосредственной связи и форма исторіи Ливія и способъ его работы. Учить другихъ на примѣрахъ, для этого требуется, во-первыхъ, предоставить эти примѣры въ такой формѣ, чтобы читатель самъ собой воспринималъ то, что ему даютъ, чтобы примѣры были рельефны и красивы, чтобы они дѣйствовали не только на разумъ, но и на воображеніе, чтобы передъ читателемъ вставала живая картина, которая бы его подняла и воодушевила. Такая исторія есть прежде всего искусство, и къ ней мы еще вернемся. Съ другой стороны исторія тѣмъ отличается отъ реторики, что она даетъ картину правдивую во всѣхъ ея подробностяхъ; слѣдовательно, историкъ обязанъ искать правду. И ее искалъ не только Ливій, но и другіе историки. Уже въ предисловіи, какъ мы видѣли, Ливій выставляетъ этотъ принципъ и нѣтъ сомнѣнія, что онъ имъ руководился во всемъ своемъ трудѣ, но каковы были его методы исканія правды? Этимъ мы одновременно мы задаемъ вопросъ, какъ Ливій понималъ и пользовался исторической критикой. Выше уже было указано, что современная научная критика распадается на критику внѣшнюю и внутреннюю. Первая требуетъ отъ историка пользованія матеріаломъ вполнѣ достовѣрнымъ, т.е.заставляетъ его провѣрять матеріалъ, не позволяетъ ему принимать на вѣру ни одного утвержденія, предпочитать преданію второй руки преданіе непосредственное, по возможности документальное, гдѣ личности остается какъ можно меньше мѣста. Ливій дальше слабыхъ попытокъ въ этой области не пошелъ. Способъ его работы принципіально разнится отъ современнаго: для него источниками служили прежде всего и исключительно его предшественники. Матеріалъ свой онъ почерпалъ цѣликомъ изъ какого-нибудь историка, только изрѣдка провѣряя его и сличая съ другими исто-

риками же и не восходя никогда къ преданію непосредственному. Между тѣмъ, мы изъ другихъ писателей знаемъ, что памятники преданія непосредственно существовали; знаемъ даже, что Ливію на нихъ иногда указывали, но Ливій оставался къ нимъ равнодуменъ. Главной задачей его было не изслѣдованіе, а изложеніе событій.

Если при выборѣ источниковъ онъ часто попадалъ на писателей дѣйствительно выдающихся и достовѣрныхъ, то этимъ онъ обязанъ главнымъ образомъ своему здравому смыслу и чутью, а не критической провѣркѣ. Этотъ же здравый смыслъ привелъ его къ тому, что онъ не смѣло слѣдовалъ своему источнику, а часто высказывалъ сомнѣніе. Такъ, мы уже слышали, что онъ думаетъ о древнѣйшей исторіи Рима; не разъ и въ дальнѣйшемъ онъ высказываетъ сомнѣнія и часто указываетъ на причины недостовѣрности преданія, но никогда онъ не стремится провѣрить преданіе, проконтролировать свой источникъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ критикой внутренней, т.е. съ взвѣшиваніемъ полученныхъ при помощи внѣшней критики фактовъ съ выдѣленіемъ изъ ихъ массы фактовъ основныхъ, характерныхъ. Ливій руководится болѣе критеріями моральными и ораторскими: для него важнѣе всего тѣ событія, которыя могутъ послужить блестящимъ примѣромъ и позволяютъ ему развернуть свой ораторскій и художественный талантъ. На фактахъ важности первостепенной, какъ многіе законы, имѣвшіе огромное вліяніе на ходъ исторіи, онъ не останавливается, а съ любовью и мастерствомъ рисуетъ подвигъ Муція Сцеволы или битву Гораціевъ и Куріаціевъ.

Интерпретація событій, установленіе причинной связи между ними, мотивировка ихъ, является одной изъ главныхъ задачъ современнаго историка, съ другой стороны, кромѣ этого пониманія причинной связи фактовъ въ зависимости отъ географическихъ условій, условій экономическихъ и культурныхъ, огромную роль для понима-

манія историческихъ событій и состояній вообще, чему исключительно и служитъ интерпретація, играетъ пониманіе отдѣльныхъ индивидуумовъ, пониманіе ихъ характера, словомъ, индивидуальная психологія, находящая себѣ наилучшее выраженіе въ характеристикѣ. характеристика историческихъ дѣятелей у Ливія играетъ большую роль. Эти характеристики часто глубоко правдивы, всегда блестящи, но онѣ слишкомъ общи, мало индивидуальны, всѣ лица носятъ на себѣ печать времени самого Ливія. Особенно въ рѣчахъ нѣтъ проникновенія духомъ и особенностями эпохи: между рѣчами Цинцината и Сципіона также мало разницы въ формѣ выраженія, какъ между рѣчами Муція Сцеволы и Ганнибала, словомъ не хватаетъ истиннаго психологическаго анализа, котораго мы требуемъ отъ современнаго историка. Тоже и при характеристикѣ цѣлыхъ народностей.

Нельзя сказать, чтобы Ливію совсѣмъ было неизвѣстно то значеніе, которое имѣетъ географическое положеніе, климатъ и т.д.на ходъ исторіи, экономическая, общественная, и интеллектуальная жизнь народа; особенно подробно, конечно, въ виду того интереса, который представляли для каждаго римлянина борьба классовъ, измѣненіе подъ ея вліяніемъ формы правленія, Ливій останавливается на внутренней политической жизни народа. Но ата внутренняя жизнь народа только координирована съ внѣшней его жизнью, а не тѣсно съ ней связана, нѣтъ полнаго пониманія тѣхъ тѣсныхъ отношеній, той зависимости, въ которой находится одна сторона жизни отъ другой. Все подчинено той моральной дидактической тенденціи въ наиболѣе наглядной и красивой формѣ, о которой рѣчь была выше.

Даже исторія нравовъ, которая въ глазахъ Ливія должна бы имѣть особое значеніе, не дала ему повода къ связному ея изложенію, съ выясненіемъ причинъ того или другого измѣненія въ нихъ. Причину такого спорадическаго вниманія къ вышеизложеннымъ фактамъ

надо видѣть, какъ въ неполномъ пониманіи ихъ значенія, такъ и особенно въ способѣ изложенія исторіи по годамъ, заимствованномъ у предшественниковъ. Это анналистическое изложеніе находится опять таки въ зависимости отъ несовершенства критическаго метода, не позволявшаго Ливію пользоваться своими предшественниками вполнѣ независимо и въ научномъ отношеніи, какъ онъ ими пользовался въ отношеніи художественномъ.

Мотивировку событій Ливій также подчинилъ своимъ художественнымъ принципамъ. Чаще всего онъ даетъ ее въ видѣ рѣчей главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Эти рѣчи одна изъ главныхъ прелестей Ливіева изложенія. Онѣ всѣ глубоко продуманы, продуманы и тончайше обработаны въ стилистическомъ отношеніи: рѣчи - высшая ступень художественнаго творчества Ливія, но каузальная зависимость событій изъ нихъ вытекаетъ далеко не ясно. Да и прибѣгаетъ къ рѣчамъ не часто и постоянно приводитъ факты безъ всякой мотивировки. У Ливія вездѣ и всегда на первомъ планѣ художественность группировки событій, наконецъ, художественность и въ выборѣ событій. Онъ самъ не вѣритъ легендамъ о началѣ Рима, но онѣ привлекаютъ его своимъ благодарнымъ для художника содержаніемъ, и онъ съ любовью обрабатываетъ характеръ Ромула, старается влить жизнь въ туманныхъ и схематическихъ Нумъ Помпиліевъ и Тулловъ Гостиліевъ. Иногда онъ можетъ быть и кривилъ душой, опять таки какъ художникъ. Можно думать, что онъ зналъ настоящую развязку галльскаго нашествія, извѣстную намъ изъ Полибія, но легенда о Камиллѣ была настолько красива и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько говорила его патріотическому чувству, что онъ не задумался разсказать ее и дѣйствительно далъ намъ образецъ реторически-художественнаго изложенія.

Этотъ очеркъ,надѣюсь, даетъ вамъ общее понятіе о характерѣ произведенія Ливія; за подробностями совѣтую вамъ обратиться къ пре-

восходной книжкѣ Тэна: *Essai sur Tite-Live* имѣющейся и въ русскомъ переводѣ (2-ое изданіе 1900 г. подъ редакціей Герье).

Намъ,однако, остается задать себѣ еще одинъ вопросъ: мы пришли къ заключенію, что Ливій современнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ историку далеко не удовлетворяетъ, имѣемъ ли мы право за это его обвинять? Казалось бы, что писавъ послѣ Оукидида, геніальнаго изслѣдователя истины для нея самой и Полибія, почти совершенно удовлетворяющаго, какъ сейчасъ увидимъ, по крайней мѣрѣ части современныхъ требованій, Ливій долженъ былъ заимствовать у нихъ ихъ пониманіе исторіи, ихъ методику, и если онъ этого не сдѣлалъ, мы въ правѣ ему это поставить въ вину. Но, думаю, Оукидидъ и Полибій были и оставались исключеніями. Первый былъ для Ливія несомнѣнно не совсѣмъ понятенъ уже въ виду того, что врядъ ли Ливій владѣлъ въ совершенствѣ греческимъ языкомъ; Полибій же не могъ много говорить художественной душѣ Ливія. Наконецъ и требованія времени были другія: Ливій хотѣлъ дать римскую исторію для римлянъ, увѣковѣчить событія ихъ исторіи въ наглядной, понятной и красивой формѣ, дѣйствовать не логикой, а образами и этого онъ вполнѣ достигалъ. На исторію онъ не смотрѣлъ какъ на науку, а какъ на искусство и, можетъ быть, вмѣсто того, чтобы обвинять его, намъ не мѣшало бы кой чему у него поучиться.

Исключительнымъ явленіемъ въ области античной римской историографіи является грекъ — П о л и б і й , полная противоположность во многихъ отношеніяхъ Ливію.

Для пониманія его особеннаго положенія въ римской историографіи намъ необходимо здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь познакомиться съ біографіей интересующаго насъ лица. Жизнь Полибія падаетъ на ту эпоху, когда Римъ сознательно перешелъ къ политикѣ мірового государства. Пуническія войны рѣшены были окончательно въ поль-

зу Рима, началось интенсивное вмѣшательство Рима въ политическую жизнь Греческой половины міра, т.е. собственной Греціи и эллинистическихъ монархій. Прозорливому уму, критически относившемуся къ совершавшимся событіямъ, ясно было, что будущее исключительно принадлежитъ Риму. Въ эту то переходную эпоху попадаетъ, правда, по неволѣ, въ качествѣ полузаложника, въ Римъ одинъ изъ главарей ахейскаго союза - Полибій. На родинѣ своей онъ уже былъ извѣстенъ, какъ широко образованный человѣкъ, какъ опытный политикъ и хорошій полководецъ. Въ Римѣ судьба задерживаетъ его надолго и сводитъ съ самымъ прогрессивнымъ изъ римскихъ кружковъ того времени, кружокъ Сципіоновъ, стоявшихъ тогда на высотѣ славы, политическаго вліянія и богатства и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко увѣренныхъ въ превосходствѣ греческой цивилизаціи и необходимости пересадить ее возможно полнѣе на римскую почву.

Благодаря дружескимъ сношеніямъ съ этимъ кружкомъ, Полибій получилъ доступъ къ великимъ римскаго міра, познакомился съ политической внѣшней и внутренней жизнью государства и пришелъ къ глубокому и искреннему убѣжденію, что Римъ съ его политическимъ и военнымъ устройствомъ, съ его народнымъ характеромъ при томъ міровомъ положеніи, каковымъ засталъ его Полибій, необходимо долженъ былъ не только объединить Италію и западъ, но сдѣлаться и господиномъ востока съ его греческой цивилизаціей. Результатомъ этого убѣжденія и явился трудъ Полибія, его универсальная исторія въ сорока книгахъ, изъ которыхъ вполнѣ дошли до насъ только пять. Основная идея, проходящая черезъ весь трудъ и есть желаніе показать, какъ Римъ сталъ во главѣ міра, чему онъ этимъ обязанъ и почему Греція не могла выдержать борьбы съ нимъ.

Уже самая эта программа показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не столько съ исторіей цѣльной и законченной, какъ исторія Ливія, а

историческимъ изслѣдованіемъ, гдѣ центръ тяжести лежитъ не столько въ самомъ разсказѣ о событіяхъ, сколько въ мотивировкѣ ихъ, въ выясненіи причинной связи событій. При этомъ, однако, заданная Полибіемъ самому себѣ задача могла бы, казалось, повести его если не къ извращенію фактовъ, то къ подведенію ихъ подъ свою теорію, къ извѣстному насильствованію ихъ. Поэтому мы здѣсь съ особымъ интересомъ задаемъ себѣ вопросъ, какъ же обстоитъ дѣло съ исторической критикой у Полибія? Не разъ, заявляетъ онъ, что высшая вещь въ исторіи есть правда, что - "цѣль исторіи есть правда", "что исторія безъ правды, есть лицо безъ глазъ" и мы должны признать, что онъ дѣйствительно принципіально и упорно искалъ правды, примѣняя въ этомъ исканіи методы для его времени необычайные. Три обязанности, по его мнѣнію лежатъ на историкѣ: первая - тщательное изученіе источниковъ и собираніе матеріала, затѣмъ знакомство съ мѣстностью, гдѣ разыгрываются событія, кромѣ того, опытность въ политическихъ и военныхъ дѣлахъ. Все это должно быть сдобрено строгимъ критическимъ отношеніемъ къ собранному матеріалу, особенно къ трудамъ предшественниковъ. И дѣйствительно, исторія его удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Здѣсь насъ особенно интересуетъ первое и послѣднее требованія, т.е. требованіе тщательнаго собиранія матеріала и строгаго критическаго къ нему отношенія. И дѣйствительно, манеры реторической исторіи, съ которой мы познакомились на примѣрѣ Ливія, у него и слѣда нѣтъ. Для него нашъ принципъ предпочтенія непосредственнаго источника посредственному, т.е. свидѣтельствамъ писателей, имѣетъ полную силу. Для возможно большаго введенія ихъ въ свою исторію, Полибій роется въ архивахъ, изучаетъ документы, увѣковѣченные на камнѣ и бронзѣ, ищетъ знакомства съ очевидцами, при чемъ, однако, дѣйствуетъ съ строгимъ выборомъ, привлекая и поль-

зуясь только свидѣтельствами лицъ достовѣрныхъ.

Особенно ясна разница между манерой исторіи реторической и исторіей прагматической, какъ называетъ свою манеру Полибій, на рѣчахъ, вводимыхъ въ изложеніе. У Ливія, какъ мы видѣли, рѣчи дѣйствующихъ лицъ рѣдко подлинны, по большей части онѣ вошли въ составъ изложенія какъ средство мотивировать событія, иллюстрировать цѣли и намѣренія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Полибій держится другой манеры. Какъ и всегда, такъ и въ данномъ случаѣ, онъ не только фактически придерживается извѣстнаго принципа, но и теоретически его формулируетъ. Онъ всецѣло признаетъ важность рѣчей, какъ историческихъ источниковъ, именно рѣчей въ народныхъ собраніяхъ, особенно же пословъ иностранныхъ государствъ; по его мнѣнію въ нихъ заключаются наиболѣе важныя событія и содержится вся исторія. И онъ вполнѣ правъ для своего времени. Намъ, привыкшимъ представлять себѣ дипломатическія сношенія на бумагѣ, привыкшимъ пользоваться почти исключительно писанными документами, можетъ показаться преувеличеннымъ приписываніе такой роли рѣчамъ историческихъ лицъ. Но вспомнимъ, что и въ дѣйствительномъ ходѣ историческихъ событій живая рѣчь играла куда болѣе важную роль, чѣмъ теперь. Наши парламентскія рѣчи только рѣдко являются дѣйствительными факторами исторіи, по большей части онѣ условные выразители заранѣе рѣшеннаго дѣла, часто одна пустая формальность. Не то въ древности. Здѣсь, особенно въ ту эпоху, когда писалъ Полибій, центромъ исторіи являются все еще греческія политіи и сродная имъ римская республика. Здѣсь все совершается на площади или на форумѣ передъ лицомъ народа или въ собраніи совѣта и сената передъ лицомъ народныхъ представителей: и пріемъ пословъ, и посылка депутацій, и рѣчи о мирѣ и войнѣ, объ измѣненіяхъ въ учрежденіяхъ и т. д. То же на войнѣ въ засѣда-

ніяхъ военнаго совѣта, въ несомнѣнныхъ рѣчахъ полководца къ войску. Не забудемъ, что въ особенности въ Греціи, не только историкъ получалъ реторическое образованіе, но имъ же были пропитаны политическіе дѣятели, и вершители судебъ государства, и полководцы. Лучшимъ примѣромъ для насъ будетъ самъ Полибій: онъ не только историкъ или, по понятіямъ древнихъ, реторъ, онъ и государственный человѣкъ, и полководецъ. Поэтому то онъ и пренебрегаетъ рѣчами, а вставляетъ ихъ и не такъ, какъ реторическіе писатели, гдѣ попало, а только тамъ, гдѣ онѣ имѣютъ историческое значеніе, при этомъ Полибій старается "передать дѣйствительно сказанное, на сколько то возможно". И современная критика признала, что этими историческими взглядами Полибій дѣйствительно руководился, что его рѣчи въ большинствѣ случаевъ носятъ характеръ подлинности. Конечно, несмотря на стремленіе Полибія пользоваться источникаминепосредственными, онъ не могъ удовлетвориться ими одними. Во многихъ случаяхъ обширная историческая литература, трактовавшая большею частью исторіи отдѣльныхъ государствъ или царствованій, должна была играть для Полибія роль источниковъ за неимѣніемъ источниковъ первой категоріи. Въ пользованіи ими особенно нужна была строгая критика, основанная какъ на знакомствѣ съ личностью автора, его отношеніями къ трактуемымъ личностямъ и событіямъ, такъ и съ мѣстными условіями. И здѣсь Полибій показалъ себя вполнѣ на высотѣ своей задачи. Историческіе труды его предшественниковъ были полны нелѣпостей, тенденціознаго извращенія фактовъ въ пользу или во вредъ отдѣльныхъ личностей. Полибій все это отмѣчаетъ и все это оцѣниваетъ по заслугамъ, не жалѣя эпитетовъ. Входить въ подробности трактовки Полибія отдѣльныхъ источниковъ здѣсь, конечно, не мѣсто. Отмѣтимъ только еще разъ, что свою критическую работу Полибій не скрываетъ, наоборотъ

онъ на ней настаиваетъ, пользуется каждымъ случаемъ, чтобы выдвинуть ее на первый планъ и сдобрить общими разсужденіями о задачахъ историка и исторіи.

Характеръ изслѣдованія, а не законченнаго художественнаго произведенія, еще болѣе сказывается въ интерпретаціи событій. Къ мотивировкѣ событій у Полибія мы еще вернемся, здѣсь мы остановимся на выясненіи того, какіе факторы, по мнѣнію Полибія дѣлаютъ исторію.

Исторія Полибія есть преимущественно исторія политическая, но отъ художественной политической исторіи Ливія она отличается тѣмъ, что къ объясненію событій привлекается систематически тѣ факторы, которые у Ливія играютъ роль только случайную. Именно вниманіе его останавливаетъ прежде всего, какъ одинъ изъ главныхъ факторовъ, географическое положеніе страны, ея климатъ, характеръ народа и т.п. Полибій много ѣздилъ, онъ изучилъ почти всѣ страны, игравшіе роль въ исторіи занимавшей его эпохи и этимъ знаніямъ онъ обязанъ не въ малой мѣрѣ правильнымъ пониманіемъ, не говоря уже о ходѣ дѣйствій и тактикѣ полководцевъ, но и вообще роли той или другой страны и народа въ общей экономіи исторіи. Затѣмъ и внутренняя исторія народа, главнымъ образомъ, его учрежденія. Учрежденія создали силу Рима, въ учрежденіяхъ лежитъ основа его могущества и объясненіе того, что является задачей Полибія, т.е. мірового владычества Рима. Онъ понялъ, что немыслимость греческаго универсальнаго государства лежала именно въ недостаткахъ политической организаціи Греціи. Но учрежденія у Полибія не стоятъ въ тѣсной связи съ соціальнымъ строемъ государства, какъ уже въ Политикѣ Аристотеля; для него они находятъ свое выраженіе и измѣняются въ зависимости отъ лицъ, являющихся носителями власти. Экономическая и нравственная жизнь народа для него не являются такими важными факторами въ развитіи

учрежденій, каковыми они представляются намъ. Правда, онъ него не вполнѣ ускользнула важность этихъ факторовъ; къ сожалѣнію она свелась на внѣшнюю характеристику культурнаго состоянія народа въ связи съ характеристикой страны, но безъ изученія соціальнаго его развитія. Онъ рисуетъ постепенное паденіе нравственности, постепенное проникновеніе роскоши и исчезновеніе моральныхъ принциповъ, не входя въ болѣе глубокое изученіе народной жизни, въ выдѣленіе того, что бросается въ глаза отъ того, что о себѣ не кричитъ. Въ тѣсной связи съ этимъ въ исторіи Полибія стоитъ его стремленіе къ полной и критически правильной характеристикѣ историческихъ лицъ. Полибій является въ противоположность Ливію и другимъ художественно-реторическимъ историкамъ представителемъ характеристики субъективной, субъективной въ томъ смыслѣ, что она дается отъ лица самого автора. Ливій, соотвѣтственно характеру своей исторіи, какъ цѣльнаго художественнаго произведенія гдѣ дѣйствуютъ историческія личности и личность автора отступаетъ на задній планъ, не даетъ характеристикъ отъ своего лица. Онъ характеризуетъ такъ сказать посредственно. характеристику даннаго лица мы находимъ либо въ рѣчахъ о немъ отдѣльно дружественно и враждебно настроенныхъ лицъ, либо въ молвѣ, ходящей о лицѣ въ народѣ, въ сужденіи о немъ современниковъ. Кромѣ того характеристику лица часто даютъ рѣчи самихъ характеризуемыхъ лицъ. Иначе Полибій. Онъ рѣдко даетъ общую характеристику лица при появленіи его на исторической сценѣ. Онъ слѣдитъ за своими лицами шагъ за шагомъ и изъ отдѣльныхъ дѣйствій ихъ выводитъ отдѣльныя черты ихъ характера. Онъ анализируетъ, а не даетъ общую картину, въ которой всегда должна играть извѣстную роль фантазія. Фантазія изъ его историческаго изслѣдованія изгнана. И въ этой аналитической характеристикѣ Полибій проявляетъ ту же безпристра-

стность, то же критическое отношеніе, что и въ передачѣ имъ событій. Не всякій человѣкъ достоинъ подробной характеристики, только выдающіяся лица, создавшія событія, или лица, особенно знаменитыя, наконецъ тѣ, которыя неправильно были судимы до него, - занимаютъ Полибія. Чего же ищетъ Полибій въ историческихъ личностяхъ, въ изученіи ихъ характера? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ лежитъ и отвѣтъ на то, что Полибій считаетъ цѣлью исторіи. характеристика лица даетъ мотивировку событія, кромѣ того особенно выдающіяся лица служатъ поученіемъ или устращеніемъ для читателя.

Такимъ образомъ цѣль исторіи есть научить людей нравственно и политически, а политически научить людей можно только тогда, когда каждое событіе не только разсказано, но и объяснено, найдена его зависимость отъ другихъ событій и отъ воли историческихъ личностей. Въ этомъ и лежитъ сущность прогматической исторіи. "Если, говоритъ Полибій мы отнимемъ отъ исторіи то, что можетъ наставить, то остальное только совершенно ненужное и безполезное а наставлять исторія можетъ только тогда, когда мы понимаемъ как событія произошли, т.е. вникаемъ въ причинную связь между событіями. Относительно практическаго смысла исторіи Полибій держится тѣхъ же идей, что и Ливій и вся римская исторіографія; рѣзко расходится онъ съ риторической исторіей въ томъ, что форма изложенія отходитъ у него совершенно на задній планъ. Правда исторія должна не только научать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и занимать читателя, но достигается это интересомъ самихъ событій, отнюдь же не красотой рѣчи, выработанностью стиля, риторическими прикрасами, драматичностью изложенія, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что является сущностью исторіи риторической. Первое дѣло есть поученіе и сообразно этому Полибій не щадитъ читателя, постоянно сдабриваетъ свое из-

ложеніе моральными и политическими сентенціями, критикой предшественниковъ, словомъ, какъ мы указали выше, вводитъ читателя въ ходъ изслѣдованія. Полибій - историкъ - изслѣдователь, Ливій - историкъ - художникъ.

II. Документальные источники древнѣйшей римской исторіи.

Всѣ историческіе источники подраздѣляются на двѣ группы: источники документальные или непосредственные и источники литературные, посредственные, которые въ свою очередь дѣлятся на два вида, I) обрабатывающіе періодъ современный ему. Изъ литературныхъ источниковъ большое значеніе имѣютъ, безъ сомнѣнія, послѣдніе. Въ зависимости отъ нашего знакомства съ тѣмъ, какими источниками пользовались римскіе историки, и въ зависимости отъ характера этихъ источниковъ находится и нашъ взглядъ на ихъ произведенія. Особенно важно опредѣлить пользовались ли римскіе историки источниками непосредственными, документальными и если да, то что это были за источники, и насколько ихъ можно считать достовѣрными съ современной точки зрѣнія. Цѣлый рядъ отдѣльныхъ частей въ первыхъ книгахъ труда Ливія носитъ характеръ вполнѣ достовѣрнаго, документальнаго изложенія. По характеру изложенія, онѣ напоминаютъ лѣтописи среднихъ вѣковъ. Содержаніемъ этихъ частей Ливіевъ произведенія обыкновенно является сухое изложеніе разныхъ событій, связанныхъ только тою общей чертой, что всѣ они несомнѣнно могли или должны были сопровождаться тѣмъ или другимъ религіознымъ обрядомъ очистительнаго, просительнаго или благодар-

---

Листъ 3-ій. Лекціи по Римской исторіи .Прошлогодній курсъ.

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. № I-ый.
Директоръ Курсовъ

ственнаго характера. Этотъ характеръ записей указываетъ на авторство лица или лицъ, стоявшихъ въ близкой связи съ духовной жизнью римскаго народа и дѣйствительно мы имѣемъ у древнихъ писателей рядъ свѣдѣній о существованіи такой хроники духовнаго характера. Появленіе этой хроники связано съ обычаемъ веденія записей на такъ называемой „tabula pontificum". Глава духовной религіозной жизни римскаго народа, римскій понтифексъ-максимусъ, выставлялъ ежегодно на стѣнѣ отведеннаго ему государствомъ жилища - regia, бѣлую доску, на которой записывались имъ выдающіяся событія изъ жизни народа; туда вносились свѣдѣнія о голодѣ, морѣ, знаменіяхъ и т.п. Является вопросъ, съ какой цѣлью выставлялись эти таблицы, къ какому времени надо относить ихъ появленіе, какъ и когда начали пользоваться ими римскіе историки какъ источниками? Несомнѣнно, что таблицы выставлялись не съ историческими цѣлями, не для удовлетворенія интереса къ своему прошлому, котораго въ первобытной общинѣ пока еще не существовало, а вѣроятно, съ цѣлями практическими исключительно. Записи велись не только по отдѣльнымъ годамъ, но по отдѣльнымъ днямъ, что указываетъ на ихъ календарный характеръ, на связь этого обычая съ обязанностью понтификовъ заботиться о правильномъ ходѣ календаря. Въ послѣднемъ же чувствовалась необходимость въ виду того, что римскій годъ, для согласованія солнечнаго года съ лунным долженъ былъ отъ времени до времени быть удлиненнымъ то на цѣлый мѣсяцъ, то на одинъ день. Вѣроятно, что циклъ годовъ съ тими вставками не былъ точно регулированъ. Кромѣ того, въ составѣ римскаго года имѣлся цѣлый рядъ постоянныхъ и подвижныхъ праздниковъ, знать точную дату которыхъ было необходимо для населенія. Наконецъ каждый день имѣлъ свою индивидуальность: въ

одни дни можно было вести судебныя дѣла, въ другіе - нѣтъ, иногда судебной была только одна половина дня, были дни, когда можно было собирать народныя собранія, другіе - въ которые это было запрещено. Знать все это въ началѣ года, было, конечно, насущной потребностью народа. Веденіе же календаря, какъ сказано, находилось въ рукахъ понтификовъ. Опубликовать постоянный календарь было не въ ихъ выгодахъ, такъ какъ отнимало изъ ихъ рукъ значительную прерогативу, въ виду этого они и довольствовались ежегоднымъ выставленіемъ календарной таблицы; это и есть „tabula pontificum." Несомнѣнно такимъ образомъ, что цѣль ея въ этотъ первый періодъ ея существованія чисто-практическая - сдѣлать календарь на наступающій годъ извѣстнымъ народу. Если такъ, то и записи, появляющіяся на ней должны быть объясняемы съ той же практической точки зрѣнія. Уже сказано, что характеръ записей тѣсно связываетъ ихъ съ религіозно-государственной дѣятельностью понтификовъ въ томъ отношеніи, что всякое изъ занесенныхъ событій могло или должно было вызывать тотъ или другой религіозный обрядъ. Если сопоставить это съ практическимъ характеромъ самаго обычая, то, очевидно, надо найти и для записей объясненіе съ этой точки зрѣнія. Практическій же, современный интересъ записи могли имѣть только въ томъ случаѣ, если онѣ говорили не о прошедшемъ, а о будущемъ, т.е. имѣли характеръ объявленій. Объявлять о самихъ событіяхъ имѣло мало смысла, вѣроятнѣе предполагать, что объявленія понтификовъ имѣли въ виду не самое событіе, а религіозный обрядъ, его сопровождавшій. Это объявленіе по поводу мора, голодовки, знаменія, побѣды или пораженія свидѣтельствовали потомкамъ и о самомъ событіи, т.е. могли служить историческимъ источникомъ для позднѣйшихъ составителей хроники.

Эти записи понтификальныхъ таблицъ дали остовъ древнѣйшей рим-

ской исторіи прежде всего тѣмъ, что погодное ихъ веденіе позволяло съ начала ихъ веденія составить перечень тѣхъ лицъ, именами которыхъ годъ обозначался - эпониміковъ магистратовъ. Первый такой списокъ былъ созданъ уже въ концѣ 4 вѣка до Р.Х., что позволяетъ предположить, что въ это же время возникла и первая обработка понтификальныхъ таблицъ, первая римская хроника. Къ этому же времени относится первоначальная редакція исторіи царскаго періода; вѣроятно потому, что появилась эта редакція, какъ составная часть той же первоначальной хроники, составителями которой были, вѣроятно, понтифики (имъ однимъ былъ, конечно, доступенъ единственный исторический матеріалъ того времени -tabulae pontificum). Данныя этой первой хроники черезъ рядъ историковъ-анналистовъ и вошли, вѣроятно, въ мало измѣненномъ видѣ въ историческій трудъ Ливія.

Матеріалъ, однако, для составленія хроники былъ при составленіи ея полнымъ, безъ пропусковъ. Восходя къ первымъ временамъ существованія республики, онъ въ это время, судя по разсказу Ливія, былъ особенно богатъ пропусками. Это явленіе объясняется, конечно, тѣмъ что значительная часть древнѣйшихъ таблицъ погибла. Естественнѣе всего отнести это уничтоженіе ихъ на счетъ первыхъ завоевателей Рима - галловъ, завладѣвшихъ Римомъ въ началѣ 4 вѣка до Р.Х.

Существовало ли веденіе таблицъ и послѣ ихъ опубликованія? Надо думать, что существовало, но, очевидно, характеръ ихъ въ силу измѣнившихся историческихъ условій былъ уже не тотъ, что раньше. Наступившее время было эпохой постояннаго соприкосновенія Рима съ греческой цивилизаціей, оказавшей вліяніе на всю жизнь Рима и въ частности, конечно, на литературу его. Въ обществѣ создался интересъ къ своему прошлому и этому интересу старая форма таблицъ удовлетворить не могла; слѣдовательно, и характеръ таблицъ, продолжавшихъ сущест

вовать въ силу консервативности римлянъ,особенно во всемъ томъ, что касалось ихъ религіозной жизни, долженъ былъ измѣниться. И дѣйствительно, судя по вѣроятнымъ заимствованіямъ изъ нихъ въ римской исторической литературѣ, въ нихъ теперь надъ интересомъ практическимъ начинаетъ преобладать интересъ историческій. Число рубрикъ въ таблицахъ увеличивается. Кромѣ количественнаго увеличенія является еще и улучшеніе качественное. Сохраняя религіозно-понтификальный характеръ, таблицы начинаютъ интересоваться и политическою жизнью Рима; онѣ занимаются теперь и дѣятельностью сената, въ которомъ сосредоточивается тогдашняя политическая жизнь Рима, и дѣятельностью посольствъ, и событіями внутренней жизни, напр., народными собраніями, выборами. Эти заключенія мы можемъ сдѣлать на основаніи разсказа Ливія по тѣмъ документальнымъ островкамъ, которые, встрѣчаясь все чаще и чаще, дѣлаются подробнѣе и изобличаютъ возникшій историческій интересъ. Первое оффиціальное изданіе таблицъ не удовлетворяло теперь уже интересамъ римскаго общества, и во второмъ вѣкѣ возникаетъ новое изданіе, такъ называемыя "величайшія анналы". Авторомъ его источники наши называютъ великаго понтифика Кв. Муція Сцеволу. Историческій интересъ въ обществѣ развился, появился цѣлый рядъ историковъ. Новое изданіе анналъ воспользовалось, соотвѣтственно такому состоянію историческаго изслѣдованія не только прежними историческими источниками, но и новыми, и основано было, вѣроятно, главнымъ образомъ на литературной обработкѣ перваго оффиціальнаго изданія. Эти"величайшія анналы" пріобрѣтаютъ соотвѣтственно такому ихъ характеру обработки для древняго періода и сборника источниковъ для новѣйшаго огромный объемъ. Предыдущимъ историкамъ было достаточно 15, 20 книгъ для трактовки исторіи Рима отъ ея начала до ихъ временъ, анналы же заключались въ 80 книгахъ. Изъ источниковъ видно, что и въ этихъ анналахъ исторія царей

носила тотъ же искусственный характеръ, не имѣя достовѣрной основы; несомнѣнно однако, что обработка этого періода была теперь болѣе подробной; исторія республики основана была на остовѣ прерывающемся, значитъ и въ ней достовѣрность не всегда была возможной; болѣе достовѣрнымъ могло быть изложеніе только съ года Галльскаго нашествія (390 годъ по римской хронологіи). Въ 3 вѣкѣ, благодаря увеличившемуся историческому интересу и большему количеству матеріала, мѣняется и характеръ самаго остова исторіи: онъ съ этого вѣка расширяется и дѣлается болѣе подробнымъ и конечно достовѣрнымъ. Анналы не были единственнымъ документальнымъ источникомъ древнѣйшаго періода римской исторіи, существовали и другіе памятники, какъ напримѣръ: законы, увѣковѣченные въ бронзѣ или въ камнѣ, договоры, дошедшіе тѣмъ же путемъ и т.п. Открытіе въ этомъ году надписи на форумѣ въ Римѣ подтверждаетъ существованіе и достовѣрность этихъ источниковъ, хотя содержаніе новой надписи, въ виду ея фрагментованности и древности изложенія, для насъ непонятно.

III. ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБРАБОТКА ИСТОРІИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. 385.

Историческій интересъ въ римскомъ обществѣ въ древній періодъ его жизни былъ слабъ и пробужденіемъ этого интереса римляне обязаны грекамъ, у которыхъ въ это время существовала уже обширная историческая литература, касавшаяся не только греческой, но и всемірной исторіи. Когда римляне пришли въ соприкосновеніе съ культурой Греціи, возникаетъ и у нихъ интересъ къ прошлому, но сосредоточивается не на всемірной исторіи, а на своей собственной, что у нихъ наблюдается и въ послѣдующій періодъ до времени Римской Имперіи. Въ III вѣкѣ впервые возникаетъ стремленіе понять свое прошлое, при этомъ конечно римская историографія должна была примкнуть къ греческой, какъ къ болѣе развитой. Культурной зависимостью римлянъ отъ грековъ, обработкой греческаго языка и тѣмъ, что римская исторія

писалась столько же для римлянъ, сколько и для грековъ, объясняется то, что исторія Рима возникаетъ впервые хотя и въ Римѣ, но на греческомъ языкѣ. Кто были первые римскіе историографы? и какъ они обрабатывали исторію? Къ сожалѣнію мы не можемъ въ точности опредѣлить индивидуальности отдѣльныхъ писателей и характера ихъ произведеній; мы можемъ только дать общія ихъ черты. Начало римской историографіи связано съ именемъ Квинта Фабія Пиктора. Онъ происходилъ изъ знатнаго патриційскаго рода, который въ эпоху пуническихъ войнъ игралъ выдающуюся роль въ судьбахъ римскаго государства. Историческій трудъ Фабія Пиктора до насъ не дошелъ; мы узнаемъ о немъ только изъ позднѣйшихъ упоминаній и немногихъ выдержекъ. Кромѣ того, если римскіе историки даже цитируютъ Фабія, то они не приводятъ длинныхъ словъ его и передаютъ только содержаніе ихъ. Это конечно сильно мѣшаетъ намъ возстановить истинную литературную физіономію Фабія.

Фабій Пикторъ. Свѣдѣнія наши о первомъ римскомъ анналистѣ Фабіи Пикторѣ очень скудны и отрывочны. Мы знаемъ только, что происходилъ онъ изъ знатнаго и стараго рода Фабіевъ, игравшаго въ то время (I и 2 Пуническія войны) выдающуюся роль въ государственной жизни Рима, что самъ онъ исполнялъ магистратуры и былъ сенаторомъ. Отъ анналъ Фабія сохранились до насъ только незначительные отрывки и то не въ дословной передачѣ. Поэтому и то, что мы знаемъ о характерѣ его труда, также неполно и отрывочно, какъ и то, что намъ извѣстно объ его личности. Все же на основаніи помянутыхъ данныхъ и общаго знакомства съ эпохой мы можемъ себѣ составить вѣроятное представленіе объ общемъ характерѣ анналъ Фабія. Въ основу ихъ несомнѣнно легли оффиціальные анналы, изданные, какъ мы видѣли, понтификами незадолго до Фабія. Въ нихъ однако нашъ анналистъ нашелъ только остовъ исторіи своего народа, дополнилъ онъ его, вѣроятно,

главнымъ образомъ, на основаніи семейнаго или родового преданія своего семейнаго или родового преданія своего стараго рода. Преданіе это развилось въ Римѣ въ нѣдрахъ каждаго рода изъ трехъ связанныхъ между собой основъ: застольныхъ пѣсенъ, восхвалявшихъ главнымъ образомъ, военные подвиги всего рода, хвалебныхъ рѣчей, произносившихся надъ гробомъ каждаго заслуженнаго члена знатныхъ патриційскихъ родовъ и, наконецъ, родовыхъ и семейныхъ хроникъ и генеалогическихъ деревьевъ появившихся благодаря обычаю каждой семьи сохранять изображеніе всѣхъ членовъ семьи съ соотвѣтственными подписями. Старше другихъ составныхъ частей семейнаго преданія - застольныя пѣсни, передававшіяся устно; онѣ, вѣроятно, давали матеріалъ для надгробныхъ рѣчей и этимъ путемъ для семейныхъ хроникъ. Основныя черты этого преданія - сильная родовая партійность, недостовѣрность, или вѣрнѣе легендарность передаваемыхъ событій и характеристикъ и, наконецъ, отсутствіе хронологическаго пріуроченія событій и личностей. Блестящимъ примѣромъ такой семейной легенды (конечно, за исключеніемъ позднѣйшихъ прикрасъ) можетъ служить легенда о Коріоланѣ. Весьма вѣроятно, что семейнымъ преданіемъ и въ частности преданіемъ рода Фабіевъ пользовался и Фабій Пикторъ; точныхъ свѣдѣній и свидѣтельствъ мы объ этомъ не имѣемъ, но общій характеръ позднѣйшей анналистики, развивающей основы, заложенная Фабіемъ, дѣлаетъ это предположеніе въ высшей степени вѣроятнымъ.

Для исторіи царей Фабій нашелъ матеріалъ какъ въ официальныхъ анналахъ, такъ и у греческихъ историковъ, главнымъ образомъ, вѣроятно, у старшаго своего современника сицилійскаго историка Тимея. Во всякомъ случаѣ, судя по отрывкамъ, Фабій засталъ основныя черты легенды уже окончательно сформировавшимися.

Нѣсколько больше можно сказать объ отношеніи Фабія къ современнымъ ему событіямъ. Въ ихъ изложеніи, если и не въ трактовкѣ

всей исторіи республики, онъ проявилъ себя представителемъ міровоззрѣній старо-аристократической партіи. Эта партія видѣла залогъ живучести римскаго государства, главнымъ образомъ, въ сенатѣ; спасителемъ государства въ только что оконченной 2-ой Пунической войнѣ она считала Фабія Медлителя, который cunctando restituit rem (своей медлительностью спасъ государство). Рядомъ съ этой партіей сенатской, старо-родовой, росла и развивалась другая партія, выразителемъ идей которой въ римской исторіографіи былъ грекъ Полибій. Эта партія видѣла силу Рима въ его учрежденіяхъ, въ его государственномъ устройствѣ - гармоническомъ соединеніи трехъ основныхъ формъ правленія: монархіи, аристократіи и демократіи. Въ частности спасителемъ Рима въ борьбѣ съ Карѳагеномъ она считала не Фабія, а Сципіона.

Другой характерной чертой Фабіева изложенія Пуническихъ войнъ является слѣпая ненависть къ Карѳагену, а въ частности къ Ганнибалу. Кружокъ Сципіона не былъ такъ партіенъ и въ изложеніи Полибія мы имѣемъ другой взглядъ на Карѳагенъ и Ганнибала, взглядъ, основанный на знакомствѣ не только съ римскими, но и съ греко-карѳагенскими источниками.

Таково то немногое, ч о мы знаемъ или можемъ предположить о первомъ римскомъ историкѣ и первой литературной исторіи Рима. За Фабіемъ преданіе называетъ цѣлый рядъ другихъ историковъ-анналистовъ, свѣдѣнія о которыхъ еще скуднѣе, можетъ быть главнымъ образомъ, потому, что произведенія ихъ не давали ничего новаго и потому не выдерживали конкурренціи съ Фабіемъ, съ одной стороны, и съ позднѣйшими анналистами, съ другой.

КАТОНЪ.

Новое теченіе внесъ въ анналистику первый римскій историкъ, писавшій по латыни - М.Порцій Катонъ. Сознавая единство, теперь уже окончательно объединенныхъ Рима и Италіи (Катонъ былъ современникомъ быстраго роста Рима послѣ второй Пунической войны), онъ сознавалъ необходимость знакомства не только съ исторіей Рима, но и съ исторіей Италіи. Съ другой стороны, признавая право на существованіе за сформировавшейся уже исторіей царей, онъ видѣлъ, на сколько мало свѣдѣній давало преданіе о первыхъ временахъ республики. Объ эти причины заставили его отступить отъ обычнаго и для его времени и для послѣдующаго, распредѣленія матеріала по годамъ и взять за основу распредѣленія матеріала по годамъ и взять за основу распредѣленіе по мѣстностямъ, конечно, въ хронологическомъ порядкѣ, т.е. онъ говорилъ объ исторіи и учрежденіяхъ каждой общины по мѣрѣ того, какъ онѣ одна за другой вошли въ составъ римскаго государства. Поэтому то ему постоянно приходилось вести рѣчь о происхожденіи и первоначальной исторіи отдѣльныхъ общинъ, что и дало его произведенію имя *Origines* (*Les origines* - начала, зачатки). Это распредѣленіе матеріала въ значительной мѣрѣ вліяло и на содержаніе изложенія: главную роль у Катона играетъ уже не личная показная часть исторіи, въ центрѣ которой стоитъ родовая традиція, а исторія культуры и учрежденій, какъ того требовалъ и матеріалъ, по всей вѣроятности, преимущественно мѣстныя преданія отдѣльныхъ городовъ и ихъ историческія записи. Все это, конечно, предположенія, но и свидѣтельства древнихъ, и отрывки самихъ дѣлаютъ ихъ весьма вѣроятными.

Катонъ, какъ и другіе анналисты, довелъ изложеніе до своего

времени и въ этой послѣдней части своего труда, главною цѣлью котораго было поученіе своего собственнаго сына, онъ вѣроятно возвратился къ погодной системѣ изложенія. Разсказъ о событіяхъ дѣлается подробнѣе, хотя личный элементъ и продолжаетъ оставаться въ затонѣ. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ Катонъ приближался къ Фабію. Онъ былъ представителемъ той партіи, которая защищала интересы исконнаго римскаго гражданина крестьянина въ ущербъ идеѣ государства, т.е. правамъ союзниковъ и подданныхъ, и въ ущербъ чисто городскому населенію, все возраставшему въ Римѣ по мѣрѣ того, какъ Римъ все болѣе и болѣе становился міровымъ городомъ.

И въ литературномъ отношеніи Катонъ былъ новаторомъ: не говоря уже о томъ, что онъ первый писалъ исторію по латыни, онъ не пренебрегалъ и пріобрѣтеніями греческаго историческаго стиля. Особенно цѣнны были переданныя имъ въ соотвѣственныхъ мѣстахъ рѣчи, произнесенныя имъ самимъ. Вообще, себѣ, и своей дѣятельности Катонъ отвелъ въ своемъ трудѣ далеко не послѣднее мѣсто – *non sane detractator laudum suarum* – значитъ, какъ говоритъ одинъ древній писатель, онъ не щадилъ красокъ для изображенія своихъ заслугъ передъ отечествомъ. У Катона преемниковъ не было, по крайней мѣрѣ, непосредственныхъ; зато анналистическая манера продолжала выставлять новыхъ и новыхъ историковъ, работавшихъ по старой манерѣ надъ свѣтлымъ матеріаломъ. Врядъ ли новыя обработки вводили въ историческое изложеніе много новаго достовѣрнаго матеріала: основа, насколько мы можемъ судить, оставалась та же, что и прежде, мѣнялись только подробности: если увеличивался матеріалъ, то, вѣроятно, только семейной традиціей; если мѣнялось освѣщеніе, то опять таки въ родовомъ и партійномъ духѣ. Значительно, вѣроятно, мѣнялась и форма.

Но, конечно, не могли не оказать вліянія на исторіографію и традиціи Катона и особенно Полибія. Представителемъ реакціи противъ анналистики въ этически-прагматическомъ духѣ явился С е м п р о н і й А з е л л і о н ъ . Если онъ не далъ жизни новымъ идеямъ, то онъ все же интересенъ намъ, какъ представитель реакціи противъ господствовавшаго направленія, а отчасти и тѣмъ, что его нападки на анналистику рисуютъ намъ за неимѣніемъ другихъ данныхъ сущность и основныя черты старшей и средней римской анналитсики. Вотъ что говоритъ Азелліонъ о современной ему исторіографіи и о своихъ идеяхъ:

I) Между тѣми, кто пожелалъ составить намъ анналы и тѣми, кто попытался написать исторію Рима имѣется, прежде всего слѣдующая разница: годовыя книги (анналы) говорятъ только о томъ, что сдѣлано и въ которомъ году и при томъ говорятъ такъ, какъ тѣ, кто ведетъ дневной журналъ, называемый греками Ἐφημερίς намъ (историкамъ) недостаточно разсказать то, что было сдѣлано, но необходимо также показать , въ какихъ видахъ и какимъ образомъ сдѣланное было совершено.

II) Анналы не могутъ не вдохнуть въ кого либо новую смѣлость для защиты государства, ни заставить подумать того, кто безразсудно борется за какое-нибудь дѣло. Писать въ чье консульство началась война и въ чье кончилась и кто послѣ нея въ тріумфѣ въѣхалъ въ городъ, что было сдѣлано во время войны, - это значитъ повторять сказки, а не разсказывать (историческія событія); или говорить о томъ, что между тѣмъ рѣшилъ сенатъ или какой законъ внесенъ былъ и какимъ предложеніемъ, не объясняя какъ и зачѣмъ все это было сдѣлано - это значитъ скорѣе сказки разсказывать дѣтямъ, а не писать исторію.

РИМСКАЯ И ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Протестъ Азеллiона остался одинокъ. Римская анналистика продолжала течь по тому же руслу; ея основнымъ лозунгомъ продолжалъ быть чисто римскій патріотизмъ, ея идеаломъ - исторія Рима съ чисто римской точки зрѣнія. Несомнѣнно, въ развитіи античной исторіи это былъ крупный шагъ назадъ. Въ то время пониманіе исторіи на культурномъ Востокѣ было иное. Правда Ѳукидидъ болѣе 300 лѣтъ тому назадъ стоялъ еще до извѣстной степени на точкѣ зрѣнія мѣстной исторіи, исторіи одного государства; но уже дѣятельность Александра вызвала новую точку зрѣнія, дала грекамъ сознаніе своего національнаго и культурнаго единства и создала въ Греціи исторію универсальную, исторію всего греческаго міра. Создателемъ каноническаго произведенія въ этомъ духѣ былъ Эфоръ. Уже современникъ его Аристотель стоитъ на болѣе широкой точкѣ зрѣнія; для него міръ и человѣчество далеко не ограничиваются Александровой монархіей и эллинизмомъ, онъ вводитъ въ свой кругозоръ то, что прежде слыло за варваровъ и не могло претендовать на интересъ. Для него и Карѳагенъ и вѣроятно Римъ крупныя историческія единицы. Такова же, если не шире, и точка зрѣнія великаго александрійскаго ученаго Эратосѳена, положившаго основаніе міровой, съ античной точки зрѣнія географіи и міровой хронологіи; таковы же взгляды Полибія. Но со времени Полибія міровое положеніе мѣняется. Политическое и культурное расчлененіе тогдашняго міра все болѣе и болѣе сглаживается, вся политическая жизнь сосредоточивается въ Римѣ, весь интересъ концентрируется на немъ; понятія "міръ" и "Римъ" начинаютъ сближаться и въ виду этого греческая и римская исторіографія все болѣе и болѣе ограничивается

предѣлами города Рима. Выйти за предѣлы этого города и дѣйствительно понять зарождавшуюся римскую имперію какъ цѣльный организмъ, чѣмъ она должна была стать, оказалось не подъ силу тогдашнимъ историкамъ, особенно римскимъ. Ихъ патріотизмъ и сознаніе своего политическаго могущества не позволили имъ расширить свой кругозоръ, ограниченный политическимъ ростомъ римскаго государства и внутренней борьбой въ городѣ Римѣ. Единственное наслѣдіе греческой исторіографіи, привившееся въ Римѣ, была ея риторическая окраска, ея литературное совершенство. Это историческое направленіе свило себѣ прочное гнѣздо въ Римѣ.

МЛАДШАЯ АННАЛИСТИКА.

Въ указанномъ направленіи и продолжала развиваться римская анналистика. Отъ своихъ предшественниковъ младшіе анналисты I-го вѣка до Р.Х., наиболѣе видными представителями которыхъ являются Клавдій Квадригарій, Лициній Макръ и Валерій Антіантскій, унаслѣдовали интенсивный римскій патріотизмъ и фамильную партійность. Къ этому присоединилось еще то, что шедшая тогда въ Римѣ борьба партій сенатской и демократической разыгрывалась не только на форумѣ, но и на страницахъ анналъ: прошлое Рима, особенно борьба патриціевъ и плебеевъ перекраивалось каждымъ анналистомъ сообразно интересамъ и тенденціямъ своей партіи. Наконецъ, риторическое направленіе, пришедшее изъ Греціи, вызвало многословность и стремленіе къ эффекту во что бы то ни стало въ ущербъ истинѣ. Въ результатѣ этого историческаго развитія получилась та анналистика, какою мы знаемъ ее изъ Ливія: на видъ стройное зданіе безъ пробѣловъ и противорѣчій, на дѣлѣ искусственное построеніе, гдѣ историческіе факты переплетались въ древнѣйшемъ періодѣ съ

миѳомъ и легендой съ одной стороны, съ этіологическими выдумками и хронологическими системами съ другой, гдѣ все это было разсказано съ точки зрѣнія позднѣйшихъ партій и пріукрашено реторическими эффектами. Чѣмъ дальше, тѣмъ достовѣрныхъ фактовъ больше, но реторика и партійность продолжаютъ и въ свѣтлыя времена римской исторіи искажать ея физіономію.

СРЕДНІЕ ВѢКА, ВОЗРОЖДЕНІЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ.

Анналисты, будучи большими патріотами, старались въ своемъ изложеніи выдвинуть Римъ на первый планъ въ ущербъ исторіи другихъ національностей; вмѣстѣ съ тѣмъ они преслѣдовали интересы рода еще съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ интересы государства. Въ результатѣ получалось двоякое искаженіе исторіи, особенно древнѣйшаго періода: т.е.освѣщеніе фактовъ съ чисто римской точки зрѣнія и выдвиганіе отдѣльныхъ родовъ на первый планъ. При этомъ пробѣлы, имѣвшіеся въ анналахъ, анналисты Сулловой эпохи заполняли при помощи разнообразныхъ постепенно вырабатывающихся пріемовъ фальсификаціи исторіи съ указанныхъ точекъ зрѣнія; таковъ, напримѣръ, пріемъ удвоенія событій, причемъ событія достовѣрныя, съ измѣненіемъ именъ и подробностей, переносились въ древнѣйшія эпохи; иногда же прямо заимствовали факты или подробности въ изложеніи ихъ изъ исторіи греческой и т.д. На этой позднѣйшей анналистикѣ Ливій построилъ свое изложеніе, сдѣлавшееся краеугольнымъ камнемъ послѣдующихъ историковъ римской республики. Не говоря уже о признаніи его изложенія образцовымъ, вполнѣ вѣрнымъ по всѣмъ сообщаемымъ имъ даннымъ, какъ то ярче всего показываемъ примѣръ Тацита, находившимъ трудъ Ливія не только идеаломъ историческаго изложенія, но и вполнѣ достовѣрнымъ историческимъ источникомъ, и въ средніе вѣка единственнымъ источникомъ для изученія исторіи республикан-

скаго Рима былъ Ливій. Еще Данте возводилъ произведенія Ливія въ идеалъ и говорилъ, что Ливій никогда не ошибается: „Livio che non erra". Въ эпоху Возрожденія, съ возникновеніемъ интереса къ древности, возникаетъ вновь и интересъ къ римской исторіи и въ частности къ Ливію. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше находятъ древнихъ историковъ, знакомятся съ трудами Діонисія, Діодора и другихъ. Отношеніе ко всѣмъ этимъ историкамъ остается такимъ же, какимъ оно было и въ средніе вѣка. Думали, что никакого фактическаго искаженія у нихъ быть не могло и если ихъ и сопоставляли, то дѣлали это чисто внѣшнимъ образомъ. Историки эпохи Возрожденія, подражая Титу Ливію и вообще древней исторіографіи, передавали исторію Рима съ точки зрѣнія моральной и практически политической, стоя вполнѣ на точкѣ зрѣнія Ливія и видя въ немъ образецъ патріотическаго и литературнаго изложенія. Подобное отношеніе продолжалось до I7-го вѣка, когда труды древнихъ историковъ начинаютъ не только сопоставлять, но и пытаются уловить и объяснить противорѣчія, встрѣчающіяся въ нихъ. Слѣдствіемъ этого стремленія является скептическое отношеніе къ источникамъ, такъ называемое "скептическое направленіе" въ исторической литературѣ. Скептики открыли новый путь и слѣдомъ за ними пошелъ цѣлый рядъ ученыхъ, одинъ за другимъ отвергавшій достовѣрность той или другой группы фактовъ, передаваемыхъ Ливіемъ. Уже въ I7-мъ вѣкѣ этотъ скептицизмъ въ рукахъ геніальнаго Перизонія превращается въ то, что мы зовемъ теперь критикой. Онъ уже не только указываетъ на противорѣчія между источниками, но и пытается устранить ихъ, найти имъ объясненіе, старается не только разрушить, но и возсоздать преданіе. Онъ опередилъ свой вѣкъ и потому не имѣлъ никакого вліянія на современниковъ. Большее значеніе имѣлъ скептикъ Бофоръ, который отрицалъ достовѣрность первыхъ

5 вѣковъ исторіи Рима, указывалъ на недостовѣрность преданія, но въ то же время утверждалъ, что въ немъ есть историческое зерно, которое надо выдѣлить, но самъ отказывался взяться за эту трудную работу. Въ это время Ливій уже далеко не единственный источникъ для возсозданія хода древнѣйшей римской исторіи; живая дѣятельность филологовъ и антикваровъ Возрожденія сдѣлала намъ доступными при посредствѣ ряда изданій и ученыхъ обработокъ другихъ, правда, немногихъ писателей, дающихъ намъ свѣдѣнія о республиканскомъ періодѣ въ исторіи Рима. Одинъ за другимъ входятъ въ ученый обиходъ Діодоръ, Діонъ, Полибій, но пользуются ими историки, все еще, какъ и въ эпоху Возрожденія, чисто внѣшнимъ образомъ, сопоставляя только ихъ свѣдѣнія съ данными Ливія, отнюдь не провѣряя ихъ ими; и если скептики взялись за эту провѣрку, то результатомъ ея было только разрушеніе Ливіева построенія древнѣйшей исторіи безъ замѣны его новымъ достовѣрнымъ остовомъ. Новая эра въ изученіи Ливія и вообще всего древнѣйшаго періода римской исторіи со времени появленія труда Нибура „Römische Geschichte". Исходя изъ положенія, подготовленнаго скептиками, о недостовѣрности древнѣйшаго періода римской исторіи, Нибуръ не успокаивается на этомъ негативномъ результатѣ и изъ этого отрицанія стремится перейти къ выдѣленію при посредствѣ всѣхъ средствъ, даваемыхъ внѣшней критикой, дѣйствительнаго историческаго зерна, окутаннаго пленками легенды и вымысла. Въ знаменитомъ предисловіи къ первой части своего труда онъ говоритъ: "Несомнѣнно, что исторія первыхъ 4 вѣковъ Рима недостовѣрна и искажена. Неправильно было

Прошлогодній исправленный Курсъ по исторіи Рима. Листъ 4.
Литографія Богданова, Эртелевъ пер., д.I.
Директоръ

бы однако хулить Ливія за то, что онъ, несмотря на это, представляетъ ее, если не принимать во вниманіе немногихъ его сомнѣній, какъ вполнѣ достовѣрную; его оправданіе лежитъ въ достоинствахъ его изложенія и въ этомъ отношеніи также правильно было сравнивать его съ Геродотомъ. У насъ господствуетъ другой взглядъ на исторію, мы предъявляемъ ей другія требованія: и мы должны либо совсѣмъ не браться за написаніе древнѣйшей исторіи Рима, либо сдѣлать совсѣмъ другую работу, чѣмъ по необходимости неудачный пересказъ того, что римскіе историки хотѣли возвести въ званіе исторіи. Мы должны стараться отличать истину отъ фальсификаціи, мы должны напрягать наше зрѣніе, чтобы подъ этими наслоеніями угадать истину. Но это выдѣленіе басенъ, разрушеніе обмана могло и можетъ удовлетворить критика: онъ стремится только изобличить обманчивую исторію и доволенъ отдѣльными гипотезами, оставляя лежеть цѣлое въ обломкахъ вокругъ себя.

Историкъ, однако, нуждается въ позитивныхъ результатахъ: онъ обязанъ возстановить хотя бы только гипотетическую связь событій поставить на мѣсто разрушеннаго имъ, въ силу своего убѣжденія, разсказъ другой, болѣе вѣроятный. Если при этомъ онъ исключитъ изъ своего труда изслѣдованіе, при посредствѣ котораго ему удалось вызвать тѣни прошедшихъ временъ, то онъ либо обязанъ отказаться отъ этихъ результатовъ изслѣдованія, либо подвергается опасности показаться смѣло и претенціозно выдающимъ за исторически достовѣрное то, что на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ гипотеза или недостовѣрная возможность: дорогая плата за высшую связь общаго настроенія."" Историческія событія предполагаютъ государ-

---

"" Послѣдними словами Нибуръ интуитивно характеризуетъ трудъ Моммзена, который отказывается отъ представленія на судъ читателя своей критической работы. Онъ излагаетъ событія въ занимательн

ственное устройство и основные законы какъ этосъ (нравственную основу) націи: свѣдѣнія же объ этомъ, однако, еще темнѣе и запутаннѣе, чѣмъ искаженный пересказъ событій. Можетъ быть и возможно добиться въ выясненіи ихъ сущности бо́льшаго свѣта, чѣмъ при выясненіи отдѣльныхъ фактовъ исторіи въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. Но то, что мы выводимъ на основаніи комбинацій, будь это даже доказательно, только тогда можетъ стать исторически достовѣрнымъ, безъ подробнаго доказательства, когда оно нашло себѣ общее признаніе и подтвердилось согласнымъ убѣжденіемъ многихъ: это же убѣжденіе, быть можетъ, болѣе, чѣмъ новыя доказательства, свидѣтельствуетъ о достовѣрности результата".

На этихъ страницахъ намѣченъ Нибуромъ весь дальнѣйшій возможный ходъ историческаго изслѣдованія въ области исторіи перваго періода въ жизни Рима. Онъ требовалъ выдѣленія недостовѣрнаго при посредствѣ сличенія, сопоставленія и другихъ средствъ внѣшней критики, онъ требовалъ восхожденія при посредствѣ этой критики къ древнѣйшимъ основнымъ источникамъ, и это требованіе было исполнено рядомъ послѣдующихъ работъ. Онъ требовалъ выясненія основныхъ формъ государственнаго устройства частью на основаніи критически провѣреннаго матеріала, частью на основаніи внутренней критики, логической дедукціи изъ исторически достовѣрныхъ формъ государственнаго устройства, и на этомъ пути онъ возбудилъ рядъ изслѣдованій и работъ. Кромѣ того, Нибуръ требовалъ и изученія культуры и экономическаго благосостоянія государства.

Значеніе Нибура, такимъ образомъ, въ исторіи разработки римской исторіи опредѣляется тѣмъ, что онъ потребовалъ критическаго отно-

---

ной формѣ и безъ характеристики пути, по которому онъ пришелъ къ своимъ выводамъ.

шенія къ исторіи, потребовалъ изученія исторіи учрежденій, исторіи культуры и экономическаго развитія страны. Но часто Нибуръ самъ стоитъ ниже требованій, имъ предъявленныхъ. Это объясняется тѣмъ, что до него не было подготовительныхъ работъ, которыми онъ могъ бы пользоваться.

Разработка источниковъ съ точки зрѣнія исторіи развитія государственнаго строя тѣсно связана съ именемъ одной изъ самыхъ крупныхъ научныхъ силъ послѣ Нибура, съ именемъ Рубино. Рубино мы обязаны выясненіемъ на основаніи источниковъ основныхъ понятій римскаго государственнаго устройства. Для насъ здѣсь важно прослѣдить тотъ путь, по которому онъ шелъ, и опредѣлить его отношеніе къ источникамъ. Исходя изъ взглядовъ на традицію Нибура, онъ, однако, дѣлитъ преданіе на два слоя: преданіе внѣшней исторіи и преданіе объ исторіи внутренней, объ исторіи учрежденій: "При внимательномъ изученіи, говоритъ онъ, скоро становится замѣтнымъ, что свѣдѣнія о внутренней исторіи гораздо болѣе достовѣрны, чѣмъ свѣдѣнія объ исторіи внѣшней: первыя частью уже очень рано записанныя даже тамъ,гдѣ они передавались изъ устъ въ уста, связывались съ продолжавшими существовать учрежденіями, сохранялись благодаря преніямъ въ сенатѣ, благодаря судамъ и народному собранію, объ нихъ заботились и ихъ сохраняли духовныя лица и государственные люди; между тѣмъ вторыя были долгое время во власти народной легенды; уже въ силу своего характера они были болѣе подвержены украшенію ихъ фантазіей и извращенію благодаря національному и фамильному честолюбію. Поэтому приводимыя доказательства въ пользу того, что римляне не имѣли точныхъ свѣдѣній объ исторіи и состояніи ихъ государственнаго устройства относятся скорѣе къ преданію о внѣшней исторіи, чѣмъ къ преданію о государственномъ правѣ. Не входя въ критику этихъ положеній

Рубино, мы только отмѣчаемъ ихъ, такъ какъ они имѣли огромное вліяніе на величайшаго изслѣдователя судебъ Рима - М о м м з е н а. Онъ, правда, далеко не всецѣло въ ихъ власти, но ясно сознаетъ существованіе массы факторовъ, вліявшихъ и на искаженіе внутренней исторіи Рима, исторіи учрежденій, но въ основныхъ чертахъ онъ удерживаетъ съ полнымъ правомъ взглядъ Рубино на цѣльность развитія основныхъ государственныхъ учрежденій, на послѣдовательность и логичность его. Онъ написалъ исторію римскаго права, какъ строго выработанную систему, какъ слѣдствіе тѣхъ идей, которыя лежали въ основѣ римскихъ учрежденій. Такая работа была облегчена Моммзену тѣмъ, что онъ былъ по образованію своему и юристъ и филологъ. Онъ первый развиваетъ римское право, какъ нѣчто цѣльное, органическое. Путемъ логическихъ разсужденій онъ восходилъ отъ существующаго къ существовавшему.

Но и внѣшняя критика преданія не остановилась на той ступени, на которой оставилъ ее Нибуръ. Новую жизнь влилъ въ нее сравнительный методъ. Толчекъ, данный Нибуромъ, отразился не столько на изученіи источниковъ римской исторіи, сколько на изслѣдованіи источниковъ средневѣковыхъ. Внѣшняя критика, благодаря главнымъ образомъ обилію документальныхъ источниковъ, пришла здѣсь быстро къ огромнымъ, въ высшей степени важнымъ и точнымъ результатамъ. Это движеніе вызвало новый расцвѣтъ внѣшней критики въ области изученія древней исторіи. Цѣлая серія работъ въ этой области связана главнымъ образомъ съ именами Н и с с е р а и Н и т ш е и цѣлой плеяды ихъ послѣдователей. Нитшъ занимался исключительно требованіемъ Нибура выдѣленія источниковъ, старался найти слѣды первоначальнаго источника и опредѣлить его вліяніе на позднѣйшія событія. При этомъ онъ исходитъ изъ результатовъ работы Ниссена, установившаго на основаніи сличенія Полибія и Ливія

тотъ фактъ, что древніе историки пользовались въ большинствѣ случаевъ однимъ какимъ либо источникомъ, строго придерживаясь его изложенія, этотъ принципъ свелъ задачу критиковъ къ отысканію, гдѣ это возможно, основного источника отдѣльныхъ частей сохранившагося преданія и этимъ путемъ къ возстановленію утерянныхъ историческихъ трудовъ разныхъ эпохъ римской исторіографіи. Но, къ сожалѣнію, практически этотъ методъ не привелъ къ положительнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что матеріалъ для подробнаго возстановленія преданія въ его различныхъ формахъ оказывается слишкомъ незначительнымъ, чтобы дать намъ возможность подробно возстановить оригинальное преданіе. Намъ пока только можно надѣяться на выдѣленіи древнѣйшаго слоя, отказываясь отъ характеристики слоевъ промежуточныхъ. Да и древнѣйшій слой, къ сожалѣнію, можно возстановить не всегда. Исходя изъ даннаго Моммзеномъ толчка къ основанію историческихъ выводовъ на данныхъ преданія непосредственнаго, на данныхъ документальныхъ, они постепеннымъ изученіемъ отдѣльныхъ слоевъ преданія въ исторіи Ливія стремятся дойти до того зерна истины, которое восходитъ къ документальному и несомнѣнно достовѣрному источнику. При этомъ строгой критикѣ подвергаются не только данныя преданія о внѣшней жизни Рима, но и свѣдѣнія о его внутренней жизни. Стараются найти критерій для опредѣленія въ составѣ преданія легендарнаго и фальсифицированнаго при посредствѣ опредѣленія мотивовъ, которые могли повести къ фальсификаціи или созданію той или другой легенды въ народѣ. На помощь пришла и болѣе молодая наука, касающаяся греческаго міра. Изученіе греческой исторической литературы открыло глаза на многія непонятныя раньше явленія римской жизни.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ РИМА ВЪ ЭПОХУ ЦАРЕЙ.

Никакихъ свѣдѣній, которыя бы восходили къ эпохѣ царей, наше преданіе намъ не сохранило ни въ области внѣшней исторіи Рима, ни в области внутренней его исторіи. Все, что мы находимъ въ нашихъ источникахъ объ учрежденіяхъ царскаго Рима, есть результатъ научнаго построенія ученыхъ послѣдняго вѣка республики. Матеріалъ, находившійся въ ихъ распоряженіи для такой конструкціи, тотъ же, что и нашъ. Они, какъ и мы, восходили отъ существовавшихъ частью въ полной силѣ, частью отживавшихъ, частью отжившихъ учрежденій къ ихъ первообразу, къ ихъ первоначальной формѣ и за этой первоначальной формой, за этимъ прототипомъ признавали высокую древность, возводили его къ началу Рима, что въ представленіи каждаго римлянина совпадало съ представленіемъ о Римѣ, управляющемся царями. Современная наука въ лицѣ цѣлаго ряда видныхъ ея представителей, начиная съ Нибура, признала правильность этого метода и поэтому ставитъ своей задачей изъ существующаго теперь преданія выдѣлить древнее ученіе того или другого изслѣдователя о формѣ того или другого учрежденія въ древнѣйшій періодъ; затѣмъ она взвѣшиваетъ мотивы, заставившіе древняго изслѣдователя сдѣлать то или другое построеніе и признать его либо правильнымъ либо неправильнымъ, смотря по тому, какими эти мотивы оказываются съ современной точки зрѣнія. Основной методъ остается тотъ же, конечный результатъ въ сильной мѣрѣ колеблется въ зависимости отъ количества и качества имѣющагося матеріала.

Есть однако среди современныхъ ученыхъ и такіе, которые желаютъ довольствоваться только первой стадіей описанной работы; они ограничиваются возстановленіемъ теорій древнихъ изслѣдователей, отказываясь слѣдовать ихъ методу и возсоздавать ихъ путемъ древнюю исто-

рію и древнія учрежденія. Они довольствуются негативнымъ результатомъ, ожидая, что позитивное дастъ намъ не наше преданіе и теоріи древнихъ ученыхъ, а постепенное изслѣдованіе нѣдръ территоріи занимающаго насъ народа, они надѣются, что явятся непосредственные точные свидѣтели отдаленной древности и позволятъ оперировать не съ вѣроятнымъ только, а съ достовѣрнымъ матеріаломъ. Сравнительный методъ и памятники вотъ то, чѣмъ хотятъ замѣнить наше литературное преданіе.

Несомнѣнно, въ основѣ этого второго метода изслѣдованія лежитъ преувеличеніе, законности перваго метода мы не имѣемъ ни права, ни возможности отрицать вполнѣ. Логическое разсужденіе, лежащее въ основѣ его, слишкомъ ясно, чтобы мы могли не согласиться съ нимъ. Очевидно, что формы государственнаго строя развиваются органически, что новое, создаваясь, даетъ все таки просвѣчивать старому, что многія отжившія стороны продолжаютъ существовать, если не въ видѣ политическихъ установленій, то въ видѣ сакральныхъ, религіозныхъ переживаній. Поэтому, можетъ быть, не всегда, но во многихъ случаяхъ, мы путемъ теоретическаго разсужденія можемъ и на основаніи имѣющагося у насъ матеріала возсоздать общую картину государственнаго строя древнѣйшаго Рима.

Римское государство, съ тѣхъ поръ какъ Римъ себя помнитъ, состояло изъ 3 основныхъ элементовъ: народа, т.е. совокупности всѣхъ полноправныхъ гражданъ – жителей города Рима и территоріи этого города; представителей народной воли, носителей верховной власти, вытекающей изъ власти народа и санкціонированной богами – магистратовъ; наконецъ, представителей народной мудрости, носителей вѣковаго опыта – совѣта старѣйшинъ, сената. Эти три элемента существуютъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ римское государство, но отношеніе частей другъ къ другу и роль той или другой части въ государствен-

ной жизни измѣняется. Въ представленіи римлянъ первоначально основнымъ элементомъ государства былъ верховный устроитель его, создавшій съ соизволенія боговъ государство, какъ таковое — царь (rex). Въ основѣ представленій о царѣ и царской власти лежала нѣкоторая двойственность: съ одной стороны онъ стоитъ выше народа, онъ ставленникъ боговъ, хотя самъ и далеко не богъ, съ другой онъ правда, верховный, неограниченный, но все же представитель народной воли, тѣсно связанный съ народомъ, настолько тѣсно, что связи этой ни онъ, ни народъ порвать не въ состояніи. Онъ, основатель государства, немыслимъ безъ государства, т. е. народа, но и государство немыслимо безъ него, своего основателя.

Повидимому царская власть непрерывна. Царь можетъ умереть, но царская власть продолжаетъ существовать. Она отнюдь не наслѣдственна, а переходитъ послѣ смерти одного царя къ представителямъ общины, старѣйшинамъ, но только для того, чтобы ими немедленно же быть переданной въ руки выборнаго или выжеребьеванаго представителя, временнаго носителя ея — между-царя (interrex) съ тѣмъ опять таки, чтобы быть имъ переданной другому и т.д. до окончательнаго провозглашенія однимъ изъ этихъ между-царей новаго царя. Окончательно, однако, власть утверждается за царемъ только всѣмъ народомъ, соглашающимся или несоглашающимся признать предложенное лицо дѣйствительнымъ носителемъ верховной власти. Послѣ этого слѣдуетъ подтвержденіе выборовъ со стороны сената и, вѣроятно, проба со стороны царя, угоденъ ли онъ богамъ, гдѣ пробнымъ камнемъ служатъ дурные или хорошіе знаки (auspicia), посылаемые ему богами. Соотвѣтствовало ли это представленіе о царѣ дѣйствительности, мы не знаемъ. Ясно, только одно, что въ этомъ способѣ выбора царя оказывается двойственность представленія объ немъ: самая идея царской власти лежитъ внѣ воли народа, конкретный представитель ея есть

однако выразитель, носитель народной воли.

Компетенція царя по представленіямъ римскихъ изслѣдователей весьма обширна, но и здѣсь замѣтна въ ученіи римскихъ юристовъ нѣкоторая двойственность и здѣсь надо различать царя основателя отъ послѣдующихъ царей. Царь-основатель создаетъ народъ, создаетъ государство, въ то же время онъ создаетъ и основные государственные законы, связывающіе не только народъ, но и его самого; "съ этого момента, говоритъ Моммзенъ, власть царя становится связанной государственнымъ порядкомъ, становится „imperium legitimum" (Staatsrecht , III,II). Слѣдующіе за Ромуломъ цари могутъ связывать себя и народъ дальнѣйшими законами, но они сами связаны по отношенію къ основнымъ функціямъ своей власти.

Ихъ власть совмѣщаетъ въ себѣ власть всѣхъ магистратовъ позднѣйшаго республиканскаго періода, т.е.царь - и верховный полководецъ и верховный хозяинъ имущества римскаго народа и верховный судья. Онъ не связанъ тѣмъ, чѣмъ связаны республиканскіе магистраты: ни коллегіальностью власти, ни правомъ кассаціи его рѣшеній со стороны кого бытто ни было, ни правомъ осужденнаго преступника апеллировать къ народу, ни, наконецъ, обязательствомъ уступать части своей компетенціи своимъ помощникамъ. Но онъ все же связанъ правами, принадлежащими собранію старѣйшинъ и народу въ его законныхъ, т.е.созванныхъ царемъ, собраніяхъ. Онъ обязанъ сообщать народу и просить его санкціи для объявленія войны и т.п. Права отдѣльнаго гражданина также связываютъ царя: онъ не можетъ помѣшать законному наслѣдованію имущества и т.д.

Первый царь организуетъ общину. Въ основѣ общины, какъ таковой, лежитъ дѣленіе на роды - рядъ семей, объединенныхъ однимъ общимъ происхожденіемъ и однимъ общимъ именемъ.""Всѣ взрослые

"" Римская номенклатура состояла изъ 3 частей: имя цѣлаго рода

лены этихъ родовъ представители семей - отцы (*patres*) и сы-
новья этихъ отцовъ (*patricii*) составляютъ совокупность пол-
ноправныхъ гражданъ - общину. Но въ составъ этой общины входятъ
не они одни, членами ея являются лица неполноправныя, полусвобод-
ныя послушныя - *clientes* , а также всѣ тѣ, кто, будучи свободенъ
изначала или освободившись отъ личной зависимости и связи съ от-
дѣльнымъ полноправнымъ членомъ общины, является лично свободнымъ,
но неполноправнымъ членомъ общины - плебеемъ (*plebs* , *plebeius*).
Состоя членами одной и той же общины, названныя двѣ части ея свя-
заны другъ съ другомъ только этой принадлежностью къ одному госу-
дарству, единствомъ матеріальныхъ интересовъ, основанномъ на при-
обрѣтеніи зависимыми, неполноправными имущества въ предѣлахъ рим-
ской общины и на осѣдлости ихъ на римской территоріи. Болѣе тѣс-
ной связи между частями общества нѣтъ, и сліянію обѣихъ частей
поставлена непреоборимая преграда въ запрещеніи браковъ между
полноправными и зависимыми, т.е.въ непризнаніи за дѣтьми отъ этихъ
браковъ правъ на принадлежность къ полноправной части граждан-
ства. Нѣтъ, вѣроятно, и тѣсной религіозной связи, т.к.въ нашемъ
преданіи проскальзываютъ свидѣтельства, указывающія на особые
плебейскіе культы.

Политическими правами пользуются всѣ части общины. Свою общину
Ромулъ дѣлитъ на 30 курій, въ составъ каждой изъ которыхъ входитъ
извѣстное количество родовъ, и т.к.родовое дѣленіе распространя-

---

- *nomen* , свидѣтельствующее о принадлежности лица къ тому
или другому роду, для индивидуальнаго различія нужно было отдѣльное
имя, оно ставилось впереди родового имени и носило названіе
praenomen , а чтобы не смѣшивать семей одного и того же ро-
да давалось третье, фамильное прозвище - *cognomen* , ста-
вившееся послѣ родового имени.

ется и на неполноправныхъ, то въ составѣ ихъ имѣются и плебеи и кліенты. Эти 30 курій, собираясь вмѣстѣ, составляютъ общину, къ которой и обращается царь за санкціей своихъ рѣшеній, которой онъ предоставляетъ право миловать апеллирующаго къ ней преступника. Эти же 30 курій, раздѣленныя территоріально на 3 трибы, несутъ и всѣ тяготы, лежащія на общинѣ. Онѣ ставятъ войско - по сотнѣ всадниковъ и по тысячѣ пѣхотинцевъ отъ части, отъ трибы; съ нихъ, въ случаѣ нужды, царь собираетъ средства для веденія войны - *tributum*.

Но одни только патриційскіе роды даютъ изъ своей среды совѣтниковъ царя, которыя, собираясь въ свои собранія, даютъ царю, когда онъ ихъ о томъ спрашиваетъ, совѣты. Существуютъ они, однако, независимо отъ царей, являясь, когда прерывается царская власть смертью царя, носителями неумирающей власти; эту власть они, однако, обязаны передать новому носителю немедленно же послѣ ея перехода къ корпораціи, обязаны поставить изъ своей среды сначала междуцаря, а затѣмъ и окончательнаго новаго носителя власти - царя.

Община, однако, растетъ и этотъ ростъ, по представленію древнихъ отражается на удвоеніи войска, жрецовъ и сената. Въ составъ общины входятъ новые роды: они увеличиваютъ составъ сената приливомъ представителей новыхъ меньшихъ родовъ (*patres minorum genitum*), они удваиваютъ составъ пѣшаго войска и конныхъ центурій.

Вотъ въ основныхъ чертахъ то представленіе, которое имѣлось въ древности объ основахъ и началѣ государственнаго строя въ Римѣ. Понятно, что въ предѣлахъ этойсхемы существовало немало варіантовъ и немало сложныхъ и невыясненныхъ вопросовъ, особенно по отношенію къ пріуроченію той или другой черты строя или того или другого измѣненія въ немъ, но общее представленіе было несомнѣнно

таково.

Если мы теперь дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что же именно легло въ основаніе характеризованнаго представленія, то отвѣтъ на это возможенъ въ большинствѣ случаевъ.

О родовомъ бытѣ свидѣтельствуетъ рядъ явленій, прежде всего римская номенклатура, въ которой преобладаетъ родовое имя надъ личнымъ именемъ и семейнымъ прозвищемъ. Далѣе существованіе ряда чисто родовыхъ культовъ, вообще весь позднѣйшій семейный и родовой строй римской общины. Неменѣе несомнѣнно засвидѣтельствовано и существованіе царской власти въ Римѣ какъ согласнымъ въ этомъ пунктѣ преданіемъ, такъ и нѣкоторыми институтами, несомнѣнными остатками царскаго строя: существованіемъ въ римской республиканской общинѣ верховнаго жреца подъ именемъ *rex sacrorum*. Этимъ сразу опредѣляется и несомнѣнность не только административной, но и сакральной компетенціи царя. Кромѣ того существованіе царской власти подтверждается и рядомъ аналогіи латинскаго муниципальнаго строя, гдѣ царь, подъ именемъ диктатора, и въ позднѣйшее время играетъ дѣятельную роль.

Все, что относится къ подробностямъ компетенціи царей, есть заключеніе, исходящее изъ компетенціи республиканскихъ магистратуръ и поэтому доказательной силы не имѣетъ. Такое же произвольное построеніе есть и представленіе объ основномъ характерѣ царской власти.

Представленіе о первоначальномъ, чисто патриційскомъ строѣ общины, и кліентовъ и плебеяхъ основано на рядѣ несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ о борьбѣ двухъ классовъ въ Римѣ и на продолжавшемъ существовать институтѣ кліентелы, наконецъ, на удержанномъ за патриційскими сенаторами имени *patres*.

Не такъ простъ вопросъ относительно первоначальнаго дѣленія

общинынна три родовыя трибы: Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ. Антиквары поздняго республиканскаго времени понимали ихъ какъ территоріальное дѣленіе общины на три части и производили отъ этого слова слова, обозначавшія предводителя пѣхоты (*tribunus*) и налогъ на военныя нужды (*tributum*). Болѣе древнее преданіе, однако, не знаетъ нашихъ трибъ, какъ территоріальнаго дѣленія,-какъ таковое фигурируетъ во всемъ нашемъ преданіи только позднѣйшія 16 -35 трибъ,ничего общаго съ родовыми трибами не имѣющія. Напротивъ, оно знаетъ трибы какъ отдѣльные отряды всадниковъ и какъ таковыя онѣ извѣстны намъ изъ историческихъ временъ.

Несомнѣненъ зато характеръ другого политическаго дѣленія общины на куріи. Куріи пережили царскій періодъ, куріатныя собранія продолжали собираться въ вполнѣ историческое время. Но эти собранія уже въ самую раннюю эпоху нашего знакомства съ ними носятъ несомнѣнную печать отживавшаго или скорѣе отжившаго учрежденія. Они только форма, необходимая для совершенія нѣкоторыхъ дѣйствій гражданскаго и политическаго характера. Эти переживанія, однако, для насъ драгоцѣнны, свидѣтельствуя намъ объ основныхъ компетенціяхъ собранія по куріямъ царскаго Рима. Къ гражданскимъ актамъ, насовершеніе которыхъ требовалось согласіе курій, принадлежала прежде всего такъ называемая адрогація, т.е.переходъ съ взаимнаго соглашенія члена одного рода въ другой, что могло совершаться и послѣ смерти пріемнаго отца. Согласіе куріи требовалось и для возвращенія потеряннаго кѣмъ либо права гражданства. Въ политической жизни куріи продолжаютъ подтверждать своимъ согласіемъ дарованіе магистрату верховной власти въ государствѣ - *lex curiata de imperio*.

О существованіи и основныхъ компетенціяхъ сената въ царскій періодъ намъ ясно свидѣтельствуетъ институтъ *interregnum*- междуцарствія, и въ виду этого нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что сенатъ всегда былъ и остался носителемъ верховной власти въ государствѣ.

гдѣ эта власть продолжала жить, когда фактическій ея обладатель - царь или магистратъ - исчезалъ тѣмъ или другимъ образомъ, и его мѣсто не было замѣщено другимъ.

Наконецъ то, что древніе думали о первоначальномъ войскѣ своей общины, является несомнѣнной дедукціей и комбинаціей современнаго имъ военнаго строя съ извѣстнымъ имъ политическимъ строемъ древнѣйшей общины. Позднѣйшій легіонъ съ его 5000 или 4200 солдатъ былъ распредѣленъ по куріямъ и трибамъ, и этимъ путемъ римляне получили свои сотни и тысячи; на этомъ матеріалѣ современные ученые и строятъ свои представленія о древнѣйшей формѣ государственнаго быта Рима. При этомъ, однако, дѣло не обходится безъ крупныхъ принципіальныхъ несогласій между отдѣльными, выдающимися изслѣдователями. Входить въ критику отдѣльныхъ разногласій мы не станемъ, но наиболѣе крупныя стороны вопроса отмѣтить необходимо.

Однимъ изъ основныхъ спорныхъ вопросовъ является вопросъ о составѣ общины и объ отношеніяхъ отдѣльныхъ частей ея другъ къ другу, т.е.вопросъ о томъ, какъ относились другъ къ другу три дѣленія населенія Рима: патриціи, плебеи и кліенты. Разрѣшеніе вопроса о взаимномъ отношеніи указанныхъ трехъ составныхъ частей общины зависитъ прежде всего отъ разрѣшенія вопроса о томъ, считались ли плебеи и кліенты гражданами. Фактъ позднѣйшаго участія плебеевъ въ собраніяхъ по куріямъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что плебеи вотировали въ куріяхъ, т.е.юридически считались гражданами. Если такъ, то они врядъ ли были покореннымъ патриціями мѣстнымъ населеніемъ, частью порабощеннымъ имъ и экономически въ лицѣ кліентовъ, и патриціи врядъ ли единственные первоначальные граждане. Естественнѣе думать, что роды патриціевъ постепенно выдѣлились сначала экономически изъ состава однородной общины, поработили, благодаря своему экономическому превосходству

нѣкоторые раззоренные роды, поступившихъ къ нимъ въ отношеніе "послушныхъ", а надъ остальными пріобрѣли настолько значительный перевѣсъ въ роли и вліяніи на государственную жизнь, что для нихъ сдѣлалось возможнымъ окончательно обособиться въ привигированное гражданство, устранивъ плебеевъ отъ несенія военной службы, отъ участія въ совѣщательномъ органѣ государства - сенатѣ и даже отъ возможности сліянія патриціевъ и плебеевъ посредствомъ запрещенія браковъ между тѣми и другими.

Причиной, сдѣлавшей возможнымъ такое обособленіе, была тѣсная сплоченность патриційскихъ родовъ и та зависимость, въ которую они поставили отъ себя рядъ и, можетъ быть, даже большинство плебейскихъ родовъ, уничтоживъ этимъ возможность организованнаго отпора съ ихъ стороны.

Другой, не менѣе важный, но и не менѣе оспариваемый вопросъ есть вопросъ о первоначальномъ дѣленіи общины и въ связи съ этимъ о происхожденіи общины. Дѣленіе общины на три трибы, является, по мнѣнію цѣлаго ряда ученыхъ и древнихъ и новыхъ, свидѣтельствомъ о томъ, что въ былое время цѣльная римская община создалась изъ трехъ общинъ, переживаніемъ чего явилось позднѣйшее дѣленіе на три трибы. Мы уже видѣли, что мнѣніе древнихъ о первоначальномъ дѣленіи территоріи Рима на три трибы не основательно, что роль трибъ въ позднѣйшее время сводилась къ военному дѣленію всадниковъ и что первоначально, вѣроятно, трибы были дѣленіемъ административнымъ, а отнюдь не территоріальнымъ. Если такъ, то и теорія соединенія трехъ трибъ-общинъ въ одну теряетъ почву подъ ногами и само собой напрашивается сравненіе съ родовымъ же дѣленіемъ греческихъ общинъ на филы. Въ виду этого правильно будетъ отвергнуть два крайнихъ мнѣнія о филахъ, т.е. мнѣніе о нихъ, какъ составныхъ частяхъ общины, и противоположное о нихъ, какъ объ исключительно военномъ дѣленіи, и признать развитое нами среднее мнѣніе.

Гораздо болѣе вѣроятно другое указаніе на возникновеніе города изъ двухъ первоначально самостоятельныхъ частей: это дѣленіе патриційскихъ родовъ на *maiores* и *minores*. Это дѣленіе съ большой долей вѣроятности сводится къ соединенію въ одно цѣлое двухъ общинъ сосѣднихъ, но, можетъ быть, разноплеменныхъ.

Если теперь мы попытаемся создать себѣ представленіе о томъ, что можно считать дѣйствительно историческимъ въ нашемъ преданіи о государственномъ и соціальномъ строѣ древнѣйшей общины, то мы придемъ къ слѣдующимъ выводамъ. Среди занявшаго долину на югъ отъ устья рѣки Тибра латинскаго племени, въ силу, вѣроятно, сосѣдства съ греками, но и въ силу развитія національныхъ элементовъ государственности, рано создается стремленіе соединиться въ отдѣльныхъ городскихъ центрахъ. Такихъ городовъ возникаетъ въ Лаціи цѣлый рядъ, однимъ изъ, можетъ быть, болѣе раннихъ является Римъ, возникающій недалеко отъ моря, на южномъ берегу Тибра, на Палатинскомъ холмѣ. На сосѣднемъ холмѣ существуетъ другая, можетъ быть, сабинская община. Латинская община поглащаетъ современемъсосабинскую, образуя единое цѣлое. Государственность во всѣхъ латинскихъ общинахъ развивается одинаково и притомъ въ значительной мѣрѣ аналогично развитію государственности греческой. Изъ состава населенія выдѣляется группа семействъ, накопляющая въ своихъ рукахъ крупныя земельныя богатства. Въ силу этого экономическаго превосходства она ставитъ отъ себя въ зависимость часть остальнаго населенія и захватываетъ въ свои руки важнѣйшія политическія права. Экономическое порабощеніе сказывается въ исчезновеніи части земельной собственности изъ рукъ части менѣе сильныхъ родовъ или отдѣль-

---

Прошлогодній исправленный курсъ по исторіи Рима. Листъ 5-й.
Литографія Богданова, Ртелевъ пер., д.I.
Директоръ

ныхъ мелкихъ собственниковъ и въ переходѣ ея къ патриційскимъ родамъ или собственникамъ, обезземеленный классъ оказывается въ зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и принужденъ работать уже не на своей, а на чужой землѣ, сохраняя за собой владѣніе только незначительными участками огородной и усадебной земли, такъ наз. *heredium*. Но основной строй общины древнѣе этого захвата, древнѣе его и царская власть въ общинѣ. Вотъ почему у всѣхъ гражданъ остается право давать свое согласіе на выборъ царя, принимая участіе въ собраніяхъ по куріямъ.

Вотъ то, что можно сказать о развитіи государственности въ Римѣ. Еще меньше свѣдѣній у насъ объ общей культурѣ латинскаго племени эпохи, современной характеризованному государственному строю.

Ячейкой, изъ которой развилась римская община, является семья (*familia*) съ отцомъ (*pater familiae*) во главѣ. Въ составъ семьи входятъ какъ жена и дѣти, такъ кліенты и рабы. Въ семьѣ одинъ господинъ - отецъ: въ его полной власти (*manus*) находятся всѣ члены семьи: и жена, и дѣти, и рабы; онъ по желанію можетъ продать ихъ, можетъ признать илицне признать новаго члена семьи законнымъ членомъ ея. Власть его ограничена не правомъ, а обычаемъ: въ особо важныхъ случаяхъ, какъ напр. при желаніи не признать новорожденнаго, осудить жену и под., было въ обычаѣ созывать семейный совѣтъ родичей для обсужденія дѣла. Каждая семья живетъ главнымъ образомъ произведеніемъ своихъ полей, на которыхъ работаютъ кліенты и только въ незначительной мѣрѣ рабы. Способъ хозяйства, какъ частнаго, такъ и государственнаго, примитивный: это хозяйство домовое. Каждая хозяйственная единица стремится удовлетворить своимъ нуждамъ, не прибѣгая къ посредству сосѣда, будь то сосѣдъ крестьянинъ или сосѣднее государство. Въ случаѣ нужды прибѣгаютъ къ обмѣну, но единицей обмѣна являются не деньги, а предметы производства, главнымъ образомъ скотъ мелкій и крупный. Впрочемъ, вполнѣ

закрытаго домового хозяйства мы не встрѣчаемъ и въ Лаціи. Уже въ самыхъ древнихъ гробницахъ мы встрѣчаемъ ввезенные финикійцами или греками предметы, свидѣтельствующіе о болѣе или менѣе оживленномъ обмѣнѣ. Но ввозимые предметы по большей части не предметы первой необходимости, а предметы роскоши: очевидно, ввозъ предметовъ промышленнаго производства въ обмѣнъ на натуральные продукты. Торговый обмѣнъ между государствами можетъ быть двоякій: I) на равныхъ условіяхъ, когда обмѣнъ производится равноцѣнными предметами, 2) не на равныхъ условіяхъ, когда государство, доставляя продукты сырые, само принимаетъ предметы промышленнаго производства. Въ случаѣ равноцѣннаго обмѣна въ обоихъ вступившихъ въ сношеніе государствахъ въ одинаковой степени развивается классъ купеческій. Этого мы не видимъ въ Римѣ, гдѣ тимократія, въ противоположность Греціи, не играла никакой роли, напротивъ развился классъ земледѣльческій. Находясь среди двухъ культурныхъ націй - этрусковъ на сѣверѣ и грековъ на югѣ, Лацій и Римъ рано должны были испытать ихъ вліяніе, сводившееся въ сущности къ вліянію греческому, т.к. культура этрусковъ была заимствована у грековъ же.

Культурное вліяніе сказывается прежде всего на заимствованіи изъ южной Италіи отъ греческихъ колоній одного изъ главныхъ культурныхъ пріобрѣтеній - письма. Сказывается оно и въ заимствованіи различныхъ отраслей промышленности и особенно художественныхъ формъ, главнымъ же образомъ въ общемъ подъемѣ національнаго благосостоянія, благодаря обмѣну не только съ непосредственными сосѣдями при посредствѣ греческихъ купцовъ. Греческое вліяніе, такимъ образомъ замѣтно уже съ самыхъ первыхъ шаговъ новой націи и оно сопровождаетъ ее на всемъ ея долгомъ пути, проникая вглубь націи, измѣняя ее въ самыхъ основныхъ ея государственныхъ, экономическихъ и культурныхъ формахъ. Болѣе внѣшнимъ, поверхностнымъ оказывается этруское вліяніе, конечно, главнымъ образомъ въ силу

заимствованности самой этрусской культуры. Оно проявляется главным образомъ въ подробностяхъ формальной стороны государственной жизни и нѣсколько сильнѣе въ религіозной жизни латинской націи. Чуждыя вліянія, греческое и латинское, сильно затрудняютъ и знакомство съ національными основами римской религіи. Единственнымъ источникомъ для такого знакомства являются съ одной стороны для знакомства съ богами - древній римскій календарь съ его перечисленіемъ постоянныхъ чисто національныхъ праздниковъ, съ другой для пониманія самаго характера религіи и культа позднѣйшія установленія, гд старое, какъ и всегда въ религіи, съ особой силой удерживается и сохраняется.

Римскій національный пантеонъ, какъ и пантеонъ всякой латинской общины, былъ очень обширенъ. Главную роль въ Римѣ, какъ и во всей Италіи, играетъ богъ войны, божественный предводитель войска общины - Марсъ. Крупную роль играютъ и боги покровители плодородія и земледѣлія: самъ Jovis, богиня мать земли Ops богиня матери Цереры, Liber, освободитель отъ заботъ, богъ вина и т.д. Бережливому римлянину были особенно дороги боги его семейныхъ закромовъ - Пенаты, домовитость проглядываетъ въ высокомъ почтеніи, которымъ пользовалась богиня центра семейной жизни, домашняго очага - Веста. Своихъ пенатовъ и свою Весту имѣетъ и община. Ремесло менѣе тѣсно срослось съ жизнью римлянина, но и тутъ у него являются боги покровители - кузнецъ Вулканъ и другіе. Купцу, получающему товары съ моря, и можетъ быть самому выплывающему изъ устьевъ Тибра, нуженъ былъ богъ Нептунъ. Всѣ эти и рядъ другихъ однако не живыя существа не выраженія стройной системы міропониманія, словомъ не греческія созданія, а неясныя безсистемныя олицетворенія и отвлеченія. Каждое дѣло должно быть начато подъ особымъ покровительствомъ особаго

бога и этотъ богъ есть не что иное, какъ отвлеченіе того же дѣла. Латва, сѣвьба, ковка - для всего былъ особій богъ. Въ отношеніи къ этимъ богамъ сказывается чисто римская черта - сухой формализмъ. Римлянинъ заключаетъ съ своимъ богомъ договоръ и исполняетъ свое обѣщаніе точно, но исключительно формально. Нѣтъ и слѣда нравственнаго подъема, мистической таинственности, богомъ навѣяннаго вдохновенія, все просто, все предусмотрѣно, все обставлено рядомъ формальныхъ предписаній.

Если искать нравственнаго вліянія въ религіи римской, то развѣ на почвѣ ея отношенія къ общественной жизни, въ ея примѣненіи къ наказанію тяжелыхъ преступленій противъ семьи и ея вѣчныхъ законовъ. Преступника боги поражали проклятіемъ, отлученіемъ -*sacer esto*.

У. РАЗВИТІЕ РИМСКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЯ ДО ГОРТЕНСІЕВЫХЪ ЗАКОНОВЪ.

Развитіе аристократическаго строя и переходъ къ чисто аристократическому государственному устройству.

Мы видѣли, что царская власть въ Римѣ тѣсно связана съ выдѣленіемъ аристократіи - патриціевъ изъ среды населенія и лишеніемъ другой части населенія всѣхъ политическихъ правъ съ одной стороны, съ подчиненіемъ ихъ экономической зависимости отъ знати въ формѣ кліентелы съ другой. Этотъ аристократическій строй общины выдѣляетъ изъ себя во время своего развитія царскую власть, опирающуюся первоначально исключительно на аристократію, выходящую изъ представителей аристократіи сената и возвращающуюся въ него.

Своего кульминаціоннаго пункта царская власть достигаетъ, на сколько можно судить по легендарнымъ преданіямъ, во время владычества въ Римѣ этрусской династіи Тарквиніемъ. Къ этому времени относятъ обыкновенно двѣ крупныя реформы, составляющія крупный шагъ впередъ на пути созданія аристократическаго города - государства:

это такъ называемая Сервіева реформа военнаго строя и территоріальнаго дѣленія города - государства

Первая реформа была вызвана прежде всего возрастающими потребностями государства, потребностью не столько въ большемъ количествѣ, сколько въ болѣе правильной организаціи войска. Тягота военной службы лежала, въ силу аристократическаго строя общины, главнымъ образомъ на знати и ихъ кліентахъ въ силу исключительной ихъ принадлежности къ родовому строю общины и въ силу очевидной даже въ нашемъ преданіи связи военной службы съ этимъ патриційскимъ родовымъ строемъ. Внѣродовое городское населеніе собственниковъ земельныхъ и ремесленниковъ стоитъ какъ внѣ рода, такъ вѣроятно и внѣ воинской повинности. Цѣлью такъ называемой Сервіевой реформы и было ввести въ войско и это внѣродовое населеніе путемъ измѣненія сущности войскового строя. Въ основу его кладется теперь не принадлежность къ тому или иному роду, а извѣстный имущественный цензъ. Все населеніе раздѣляется сообразно цензу каждаго лица, вѣроятно, его земельной собственности, на 5 призывовъ - classes внутри каждаго призыва имѣется опредѣленное количество дѣленій, ставившихъ каждое одну сотню центурій (centuriae). Внутри каждаго класса центуріи дѣлились на центуріи младшихъ (iuniores) и старшихъ (seniores), т.е. способныхъ къ службѣ въ полѣ и могущихъ служить только въ гарнизонѣ. Внѣ классовъ во главѣ ихъ стоятъ 18 центурій, поставляющихъ всадниковъ. Причисляются къ классамъ дѣленія, ставящія ремесленниковъ (центурія плотниковъ и центурія кузнецовъ), музыкантовъ (трубачи и игроки на рогахъ) и причисленныхъ . Провѣрка правильности войскового состава производится каждые 5 лѣтъ (цензъ).

Реформа эта носитъ несомнѣнно двойственный характеръ. Съ одной стороны она ложится на плебеевъ тяжелымъ бременемъ, такъ какъ теперь и они несутъ тяготу воинской повинности, можетъ быть уплачи-

ваютъ наравнѣ съ патриціями повременные сборы на военныя нужды tributum; съ другой стороны реформа впервые подымаетъ ихъ самосознаніе, сплачиваетъ ихъ, дѣлаетъ изъ нихъ настоящихъ гражданъ.

Современной этой реформѣ наше преданіе дѣлаетъ дѣленіе города на 4 мѣстныя трибы: Suburana, Esquilina, Palatin., Collin. Дѣленіе это чисто городское, рядомъ съ нимъ и м. б. до него существовало дѣленіе территоріи Рима на 16 трибъ, носившихъ имена отдѣльныхъ родовъ. Послѣднее дѣленіе, предполагая преобладаніе земельной собственности извѣстнаго рода въ предѣлахъ извѣстнаго участка, даетъ возможность предположить, что дѣленіе это стоитъ съ родовымъ строемъ общины, м.б. даже относится къ тому времени, когда существовала еще родовая собственность, т.е. ко времени, предшествовавшему Сервіевой реформѣ, предполагающей полное развитіе собственности индивидуальной и полную смерть собственности родовой. Между тѣмъ появленіе городскихъ трибъ ставится преданіемъ въ явную связь съ Сервіевой реформой, а имена трибъ вполнѣ соотвѣтствуютъ позднѣйшему принципу давать нововозникающимъ трибамъ географическія названія: по имени холма, рѣки и т.д., все это позволяетъ предположить, что городскія трибы младше сельскихъ и появились благодаря стремленію привлечь къ набору и уплатѣ tributum и городское населеніе, имѣвшее собственность только въ предѣлахъ города.

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Характеризованный строй не разрушился, а, можетъ быть, только и появился послѣ устраненія, несомнѣнно насильственнаго, царской власти. Что было поводомъ къ революціи, намъ неизвѣстно. Настоящаго преданія объ этомъ нѣтъ, точно засвидѣтельствовать только самый фактъ насильственнаго свержения царской власти. Возможно, что римской знати была не по сердцу чужая династія, возможно, что цар-

ская власть грозила эмансипироваться отъ опеки знати въ лицѣ ея сената, все это однако только гипотезы, повторяю, достовѣрнаго историческаго преданія объ этой эпохѣ у насъ нѣтъ. То, что передавали анналы, начиная съ древнѣйшихъ, не болѣе, какъ комментированная въ позднѣйшее время легенда.

Несомнѣнно, однако, что особенно крупныхъ измѣненій за этой революціей не послѣдовало. Царская власть всецѣло перешла на двухъ новыхъ носителей ея, консуловъ, стоявшихъ къ сенату и народу въ тѣхъ же отношеніяхъ, что и царь. Коренное отличіе новаго строя было годичность и коллегіальность власти въ противоположность пожизненной и единоличной власти царей. Если одинъ консулъ не соглашался съ постановленіемъ другого, то это постановленіе отмѣнялось. Такимъ образомъ, однимъ изъ основныхъ правъ, явившихся слѣдствіемъ первой революціи, было право *veto*. Общественный строй конечно, не могъ измѣниться. Аристократія осталась такие обособленной, какъ и раньше, такие безправенъ былъ плебсъ, всецѣло зависѣвшій отъ экономически сильной аристократіи, державшей въ своихъ рукахъ зависимыхъ кліентовъ въ силу экономическаго превосходства, плебеевъ - въ силу своей судебной, административной, военной и религіозной власти.

ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ТРИБУНАТЪ.

Проигралъ отъ революціи больше всего, несомнѣнно, плебсъ. Въ - эпоху царей онъ могъ въ случаѣ нужды найти защиту противъ аристократіи въ лицѣ царя, теперь онъ могъ опереться для защиты отъ произвола только на самого себя. Но въ то же время плебсу теперь дана была возможность бороться. Революція, въ которой *a priori* можно предположить дѣятельное участіе со стороны войска, привела къ тому, что военное центуріальное дѣленіе дѣлается и политическимъ, правда, ультра-аристократическимъ, такъ какъ экономически сильной

ѣнати принадлежитъ большинство голосовъ, но все же съ равноправнымъ представительствомъ и мелкихъ собственниковъ - плебеевъ. Плебеи видѣли несправедливость отчужденія ихъ отъ государственной жизни -- они несли тѣ же обязанности, какъ и патриціатъ - и это дало имъ самосознаніе и повело къ борьбѣ съ патриціями, которая красной нитью идетъ по исторіи Рима до III вѣка.

Стремленіе къ самозащитѣ со стороны плебеевъ привело къ созданію ими себѣ защитниковъ въ лицѣ представителей отъ каждой городской трибы - трибуновъ. Сила трибуновъ лежала въ ихъ правѣ кассаціи судебнаго или административнаго рѣшенія патриційскаго магистрата по отношенію къ плебею, если таковое рѣшеніе казалось ему несправедливымъ. Гарантіей ихъ была священность ихъ званія, положеніе, что нарушившій эту святость сана становился посвященнымъ подземнымъ богамъ, т.е. смерти. По клятвѣ, данной патриціями и плебеями, его личность дѣлалась неприкосновенной, на что указываетъ и его названіе трибунъ - заклятый *Sacro Sancti*. Функціи и прерогативы трибуновъ были новымъ оригинальнымъ созданіемъ римскаго государства, трибунатъ былъ узаконеніемъ постоянной революціи внутри государственнаго строя. Такая революція не могла мирнымъ путемъ выработаться изъ представительства, можетъ быть и раньше существовавшаго, городскихъ трибъ, она могла примкнуть къ нему; но характеръ установленій есть несомнѣнный результатъ насильственныхъ дѣйствій, революція со стороны плебеевъ воспоминаніе объ этомъ сохранило наше преданіе, если не въ разсказѣ объ удаленіи на священную гору, что по всей вѣроятности есть вымыселъ на основаніи позднѣйшаго событія или событій этого рода, то въ томъ революціонномъ характерѣ, который передаетъ всему движенію наше преданіе . Обычная хронологія относитъ возникновеніе трибуната въ 487 году. При этомъ отношеніе къ городскимъ трибамъ заставляетъ предположить съ Діодоромъ появленіе сразу четырехъ

а не двухъ трибуновъ и избраніе этихъ представителей плебса въ собраніяхъ его по трибамъ.

Эта связь съ городскими трибами и ограниченность власти трибуновъ предѣлами города заставляетъ предположить, что революція и появленіе трибуната были дѣломъ скорѣе городского чѣмъ сельскаго плебса. Это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: I) Сельскій плебсъ въ предѣлахъ I6 сельскихъ трибъ былъ подавленъ экономическимъ превосходствомъ патриціата и былъ разрозненъ, такъ какъ островки плебейской собственности были задавлены моремъ патриційскихъ владиній. 2) Городской плебсъ росъ гораздо быстрѣе сельскаго. Росъ онъ и благодаря переходу латинскихъ гражданъ въ предѣлы города, и благодаря отпуску рабовъ на волю и благодаря росту города, развитію его торговли и промышленности. Между тѣмъ сельскій плебсъ въ силу могущества знати терялъ свою экономическую самостоятельность, переходя въ клієнтскую зависимость или въ число плебса городскаго, и тѣмъ все менѣе и менѣе становился способенъ къ единенію и борьбѣ. 3) Въ силу появленія городскихъ трибъ и городскаго плебса, бывшаго въ ихъ предѣлахъ въ большинствѣ, явилась возможность организоваться, создать свой особый культъ и храмъ, своихъ представителей въ лицѣ эдиловъ храмовыхъ, первоначально служителей.

Изъ сказаннаго ясно, что революція, поведшая къ созданію трибуната должна была исходить отъ городского плебса и только постепенно съ появленіемъ новыхъ трибъ могла примкнуть къ борьбѣ и сельская часть плебса. Благодаря консерватизму римскихъ учрежденій, трибунатъ, сдѣлавшійся представителемъ всего плебса, продолжалъ сохранять характеръ чисто городского учрежденія.

ПИСАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Созданіе трибуната было только первымъ актомъ борьбы между сословіями. Разъ возникъ трибунатъ и явилась возможность высказываться въ собраніяхъ по трибамъ, плебеи должны были заговорить, должны были выставить свои требованія. Они и выставили ихъ, главнѣйшихъ было 5: I) ограниченіе произвола судебнаго и административнаго патриційскихъ магистратовъ, ограниченіе, котораго проще всего можно было добиться путемъ вынужденія опубликованія основныхъ нормъ гражданскаго и уголовнаго права и нѣкоторыхъ нормъ административно-полицейскихъ, наконецъ, нѣкоторыхъ основныхъ положеній въ области политическихъ и сословныхъ отношеній; 2) допущеніе плебеевъ на ряду съ патриціями къ магистратурѣ, главнымъ образомъ, конечно, опять таки для ограниченій маристратскаго произвола. 3) Обособленіе плебеевъ въ особую корпорацію съ своими собраніями и своими представителями, все это, конечно, первоначально со строгимъ ограниченіемъ въ чертѣ города. 4) Далѣе, возможное ослабленіе экономической зависимости мелкаго собственника отъ крупнаго, что прежде всего должно было сказаться. 5) Въ измѣненіи способа расширенія территоріи Рима, въ дарованіи большей роли въ государственной жизни сельскому плебсу путемъ его развитія въ ущербъ крупнымъ собственникамъ.

I) Ограниченіе произвола магистратовъ путемъ опубликованія правовыхъ нормъ плебеи добились согласно преданію раньше всего. Въ 450-449 году, согласно обычной хронологіи особая комиссія изъ 10 лицъ, въ числѣ членовъ которой преданіе между прочимъ называетъ одного изъ членовъ рода Клавдіевъ - Аппія Клавдія старшаго, особо избранная для этой цѣли съ чрезвычайными полномочіями, опубликовала сводъ положеній изъ области процесса гражданскаго и уголовнаго, основныхъ положеній гражданскаго права и нормъ адми-

стративнаго характера, все это на почвѣ равенства передъ судомъ обоихъ сословій съ удержаніемъ, конечно, основныхъ сословныхъ отличій. Ясно поэтому, почему въ этихъ I2 таблицахъ такъ мало сохранилось до насъ постановленій политическаго характера: законъ, подтверждавшій право каждаго въ случаѣ смертнаго приговора требовать себѣ народнаго суда *ius provocationis* — это единственная норма государственнаго права и та стоящая въ прямой связи съ нормировкой уголовнаго процесса. Изъ области сословныхъ отношеній сохранилось также очень мало постановленій, въ сущности только одно подтвержденіе запрета браковъ между патриціями и плебеями. Это доказываетъ, что сословныя отношенія, какъ таковыя, отнюдь не составляли предмета законодательства и урегулировки, устранялся только произволъ изъ обыденныхъ сношеній магистрата съ имѣвшимъ къ нему нужду путемъ ограниченія свободы его рѣшенія.

Объ этомъ древнѣйшемъ успѣхѣ плебеевъ свидѣтельствуетъ намъ сами остатки законодательства. То, что говоритъ преданіе, значительно искажено. Нельзя даже опредѣленно сказать, сопровождалась ли реформа насиліемъ со стороны плебеевъ и лежитъ ли въ основаніи разсказа о второмъ удаленіи плебса хоть нѣкоторая доля исторической истины.

2) Одновременно съ этой борьбой за письменное законодательство шла борьба за сословныя права, выражавшаяся главнымъ образомъ въ требованіи со стороны плебеевъ права на бракъ съ патриціями и въ тѣсной связанномъ съ этимъ требованіемъ доступа къ высшей магистратурѣ — консульству. Свою прерогативу на исключительное занятіе консульства патриціи основывали на происхожденіи, на своемъ родовомъ строѣ, настаивая на томъ, что только они могутъ съ успѣхомъ въ качествѣ носителей власти дѣйствовать съ согласія и угодно богамъ, только имъ однимъ принадлежатъ ауспиціи *Comitium* при-

знанный закономъ, уничтожилъ эту сословную замкнутость , вотъ почему требованіе коннубія было такъ тѣсно связано съ борьбой за политическія права. Согласно преданію, немедленно вслѣдъ за децимвиратомъ начинается борьба за коннубій и консульство. Въ 445 году по об. хрон. трибунъ Канулей выступаетъ съ предложеніемъ, чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ считались полноправными, т.е, патриціями. Конечно, только тогда, когда отецъ былъ патриціемъ, согласно общему правилу, что дѣти наслѣдуютъ сословіе отца. Другое его требованіе было, чтобы народу было предоставлено по желанію выбирать консуловъ либо изъ патриціевъ, либо изъ плебеевъ. Въ дѣйствительности первое предложеніе вызвано было, вѣроятно, нерѣдкими родственными связями между патриційскими родами и плебеями, въ виду этого очевидно и были въ средѣ патриціевъ люди, въ силу родственныхъ связей склонные высказаться за него. Первое предложеніе Канулея повидимому прошло. Исторія достиженія плебеями консульства не совсѣмъ ясна. Древнѣйшее преданіе говоритъ, что допущеніе плебеевъ къ нему состоялось уже послѣ паденія вторыхъ децимвировъ; но факты, т.ее.списокъ магистратовъ говоритъ, что первый плебейскій консулъ былъ выбранъ только въ 366 году до Р.Х., т. е. почти сто лѣтъ спустя. Достовѣрнымъ фактомъ было также и то, что въ этотъ періодъ коллегіи консуловъ въ нашихъ фактахъ чередуются съ коллегіями другихъ магистратовъ - военныхъ трибуновъ съ консульской властью(tribuni militum consulari potestate), причемъ среди этихъ коллегій имѣются и плебеи.

Это противорѣчіе древнѣйшаго преданія съ фактами позднѣйшее преданіе сглаживало, отвергая достовѣрность допущенія плебеевъ къ консульству уже послѣ децимвирата и возводя военныхъ трибуновъ къ компромиссу на почвѣ Канулеева предложенія: не соглашаясь на допущеніе плебеевъ къ консульству, патриціи создаютъ взамѣнъ кон-

сульства другую магистратуру съ непостояннымъ числомъ членовъ (отъ 3 до6), причемъ ежегодно долженъ рѣшаться вопросъ, будутъ ли избраны на слѣдующій годъ консулы или трибуны. Младшее преданіе полно почти ежегодной борьбы сословій по поводу этого вопроса.

Возникъ ли трабунатъ благодаря сословной борьбѣ или нѣтъ, этого въ точности сказать нельзя, несомнѣнно одно, что возникъ онъ не исключительно по этой причинѣ. При постоянныхъ войнахъ внѣ Рима и притомъ сразу въ двухъ или болѣе мѣстахъ для государства должно было быть желательнымъ не быть связаннымъ числомъ верховныхъ магистратовъ и имѣть возможность вмѣсто двухъ избрать на данный годъ большее количество сообразно потребностямъ данной минуты. Эта потребность въ большемъ количествѣ магистратовъ появлялась, конечно, не только на войнѣ, но и въ гражданской жизни, становившейся съ каждымъ годомъ все сложнѣе; настоятельно требовались особые носители цензорской власти, власти финансовой, власти судебной, власти полицейской. Настоятельнѣе всего государство нуждалось въ лицахъ, которые могли бы производить ценъ и которые завѣдывали бы финансами. Первые спеціальные магистраты для ценза - цензоры появились въ 443 году, еще раньше согласно преданію въ 447 го Прежде назначавшіеся консулами финансовые чиновники-квесторы сдѣлались избираемыми магистратами. И на этой почвѣ фактическая необходимость въ новыхъ магистратахъ сопровождалась сословной борьбой. На это указываютъ достовѣрныя указанія преданія о борьбѣ за военный трибунатъ, гдѣ только около 400 г. появляются первые плебеи. Тоже и въ цензурѣ и въ квестурѣ; и здѣсь только съ трудомъ добиваются плебеи равноправія и даже послѣ побѣды въ законодательномъ порядкѣ фактически въ силу патриційскихъ интригъ добиваются магистратуръ значительно позднѣе. Принципіальное разрѣшеніе борьбы за магистратуры преданіе относитъ къ 367 г., связывая его съ законодательствомъ три-

буновъ Люцинія и Секстія; но преданіе объ этомъ законодательствѣ, какъ мы увидимъ ниже, малодостовѣрно, фактъ же появленія перваго плебейскаго консула въ 366 году несомнѣненъ. И послѣ этого продолжается увеличеніе числа и постепенное только допущеніе къ нимъ плебеевъ, ясное доказательство, что обѣ указанныя выше причины продолжали дѣйствовать. Отъ консулата отдѣляются судебныя функціи, для которыхъ создается особая магистратура - претура, изъ него выдѣляется и надзоръ за городскимъ благоустройствомъ и связанная съ этимъ юрисдикція - эдилитетъ. И къ этимъ магистратурамъ, равно какъ и къ старымъ, диктатурѣ и начальству надъ всадниками, а также къ главнѣйшимъ жречествамъ, плебеи получаютъ доступъ не сразу. Несомнѣнно однако, что къ началу III вѣка до Р.Х. борьба окончилась и окончилась опять таки при помощи революціи въ видѣ послѣдняго удаленія плебеевъ за предѣлы города, на этотъ разъ несомнѣнно достовѣрнаго.

3) Уже самое появленіе у плебеевъ своихъ особыхъ представителей - трибуновъ, которые выбирались имъ въ особыхъ своихъ собраніяхъ очевидно по трибамъ, доказываетъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ явленій, сопровождавшихъ и обусловливавшихъ борьбу патриціевъ съ плебеями, было выдѣленіе плебейства, какъ такового изъ состава общины не въ видѣ составной части цѣлаго, а въ видѣ отдѣльной самостоятельной единицы. Это положеніе плебса съ трудомъ поддается государственно-правовому опредѣленію въ виду того, что оно, какъ и представители плебса - трибуны, есть узаконенная революція въ предѣлахъ неразрушеннаго прежняго государственнаго строя. Еще труднѣе опредѣлить зачатки этого самостоятельнаго положенія плебейства внутри обычнаго государственнаго строя Рима. Несомнѣнно одно: оно, какъ и трибунатъ, принадлежитъ всецѣло эпохѣ четырехъ городскихъ трибъ. Это доказывается рядомъ фактовъ: во-первыхъ связью между че-

тырьмя городскими трибами, во-вторыхъ чисто городскимъ характеромъ какъ плебейства вообще, такъ и трибуната въ частности. Внѣ Рима, какъ говоритъ Моммзенъ, нѣтъ ни патриція, ни плебея, есть только римскій гражданинъ. Внѣ Рима власть трибуната не дѣйствительна - она ограничена Римомъ и предмѣстьями.

Несомнѣнно, однако, что какъ трибуната, такъ и своего обособленнаго положенія, плебсъ добился путемъ революціоннымъ. Это ярко сказывается въ нашемъ преданіи, гдѣ за каждой изъ внутреннихъ реформъ слѣдуетъ неуловимое для насъ увеличеніе плебейской обособленности и правъ не отдѣльнаго плебея, а плебса во всей его цѣлости. И заканчивается это развитіе также насильственно революціоннымъ путемъ: вполнѣ достовѣрно, что только путемъ удаленія плебсъ добивается въ 289-286 г. до Р.Х. при посредствѣ диктатора М.Гортенсія закона, обезпечивающаго его рѣшеніямъ силу, равную рѣшенію всего народа въ его законныхъ собраніяхъ.

Отдѣльныя стадіи борьбы плебейства на этой почвѣ намъ плохо извѣстны. Лучше извѣстны намъ организаціи и прерогативы его, какъ такой ограниченной въ своихъ правахъ общины. Ограниченность эта выражается въ томъ, что у плебса есть только два признака самостоятельной общины: право собираться для рѣшеній и право имѣть своихъ представителей. Съ другой стороны у него нѣтъ ни своего войска, ни своего хозяйства, ни своихъ военачальниковъ, ни своего сената.

Собранія плебса (*concilia*) независимы отъ обще-государственной власти. Плебсъ въ этихъ собраніяхъ имѣетъ и выборныя, и судебныя, и законодательныя функціи. Но выборныя только въ предѣлахъ своихъ представителей, судебныя только тогда, когда какой-нибудь плебей аппелируетъ къ нему въ случаѣ притѣсненія со стороны патриціевъ и плебеевъ, наконецъ, законодательная власть ограничена *de iure* тѣмъ, что касается исключительно плебса, на

дѣлѣ рѣшенія его только тогда могутъ имѣть значеніе, когда ихъ признаетъ вся община, такъ какъ плебсъ не есть самостоятельная община. Какъ добивались плебеи признанія своихъ рѣшеній до Гортенсіевыхъ законовъ намъ не извѣстно. Возможно, что первоначально ихъ право покоилось на силѣ, но впослѣдствіи въ болѣе достовѣрную эпоху, было очевидно законное средство придать рѣшенію плебса (*plebescitum*) обязательную силу. Это средство, можетъ быть заключалось въ предварительномъ согласіи сената на ту или другую мѣру плебса.

Какимъ же путемъ юридически, а не исторически можно объяснить себѣ такое независимое положеніе плебса внутри государства? Древніе пытались объяснить его путемъ договора между патриціатомъ и имъ или путемъ особыхъ созданныхъ на этотъ случай законовъ; но и то и другое есть позднѣйшая фикція, несоотвѣтствующая сущности явленія. Гораздо вѣроятнѣе, что мы имѣемъ дѣло съ институтомъ, существованіе котораго было обезпечено клятвой, какъ внутри самого плебса, такъ и со стороны патриціевъ или ихъ представителей.

4–5) Въ основу волненій плебса и революціонныхъ его движеній преданіе кладетъ экономическое его разстроеніе, гнетъ долговъ, гибель мелкой земельной собственности и распространеніе крупнаго владѣнія. Объ стороны этой экономической руины требуютъ спеціальнаго и отдѣльнаго разсмотрѣнія. Съ одной стороны преданіе говоритъ, что въ силу скопленія богатствъ въ однѣхъ рукахъ, эко-

---

Лекціи по исторіи Рима. Прошлогодній испр. курсъ.
Листъ 6-ой. Литографія Богданова, Эртел. пер. № I-ый.
Директоръ Курсовъ

номически слабая часть населенія связывается постепенно и постоянно накопляющимися долговыми обязательствами. Строгое долговое право Рима, позволяющее кредитору въ случаѣ неплатежа завладѣть не только имуществомъ, но и личностью должника и дѣлать себѣ изъ него раба, дѣлаетъ положеніе должниковъ ужаснымъ и заставляетъ экономически порабощенный плебсъ искать защиты въ своей организаціи, у своихъ трибуновъ, заставляетъ ихъ желать опубликованія нормъ, регулирующихъ ихъ имущественныя отношенія къ правящему классу. Такое преданіе вполнѣ вяжется съ строемъ древнѣйшей общины, основанномъ на господствѣ экономически сильной знати, съ тѣмъ, что мы несомнѣнно знаемъ о древнѣйшемъ долговомъ правѣ и съ тѣмъ , что намъ извѣстно о результатахъ первой и второй революціи въ Римѣ: трибунатъ и опубликованіе законовъ несомнѣнно должны были, уменьшивъ произволъ магистратовъ, благодѣтельно подѣйствовать и на улучшеніе экономическаго положенія большей части населенія римской общины. Объ экономическомъ же порабощеніи части римскаго населенія въ періодъ чисто городского быта римской общины намъ ясно говоритъ институтъ кліентелы.

Ненормальное положеніе денежнаго рынка продолжало существовать и позже, и въ историческое время. Объ этомъ ясно говоритъ рядъ законовъ, направленныхъ противъ ростовщичества и чрезмѣрной высоты процентовъ. Уже въ законахъ XII таблицъ рѣчь шла о регулированіи займовъ (IO) и о преслѣдованіи ростовщичества, причемъ за ростовщичество виновный подвергался болѣе серьезному наказанію, чѣмъ за воровство. Въ этомъ духѣ законодательство продолжаетъ дѣйствовать и дальше: рядъ законовъ регулировалъ займы и преслѣдовалъ ростовщичество, наконецъ въ 342 г. до Р.Х. изданъ былъ законъ, по которому брать проценты запрещалось совсѣмъ. Важ-

нѣе этой утопіи были измѣненія въ долговомъ процессѣ по закону Пэтелея въ 326 или 316 г.: по этому закону должникъ, сознавшійся, что долги превышаютъ его состояніе, могъ отказаться отъ сво-
его имущества въ пользу кредитора, спасая этимъ свою свободу. Кромѣ того, было постановлено, что ни одинъ гражданинъ не могъ быть лишенъ свободы безъ предварительнаго рѣшенія въ этомъ смыслѣ присяжныхъ. И всетаки долговыя смуты продолжались. Причины ихъ лежали, очевидно, глубже. Главной, вѣроятно, надо считать недостаточность монетнаго обращенія въ странѣ, отчасти же и сосредоточеніе не земли, а капиталовъ въ однѣхъ рукахъ въ силу примитивности хозяйства большинства и сосредоточенія всѣхъ выгодныхъ дѣлъ, главнымъ образомъ, торговли и промышленности въ рукахъ меньшинства. Наконецъ, задолженность увеличивалась и тѣмъ, что взрослое населеніе вѣчно было занято войнами, разворявшими сильно не столько благодаря отсутствію въ теченіе извѣстнаго времени рабочей силы, сколько возможности гибели, смерти главы дома и его сыновей. Но послѣдней причинѣ я бы отнюдь не придавалъ главнаго значенія, какъ это дѣлаетъ наше преданіе.

Какъ бы тамъ ни было, задолженность продолжаетъ играть роль въ движеніи плебса еще въ 287 г., когда она отчасти вызываетъ послѣднюю революцію и удаленіе плебса. Гораздо важнѣе вопросъ о второмъ изъ указанныхъ факторовъ экономическаго раззоренія плебса – о гибели мелкой собственности въ пользу крупной, о развитіи крупныхъ помѣстій насчетъ мелкихъ, объ образованіи этимъ путемъ безземельнаго пролетаріата и о народномъ движеніи, вызванномъ этими угрожавшими симптомами, народномъ движеніи, проявляющемся во всѣхъ революціяхъ плебса и приводящемъ къ такъ называемому законодательству Лициніи, которое сократило число крупныхъ собственни-

ковъ, положивъ предѣлъ не частной собственности, а занятію общественныхъ полей и опредѣливъ закономъ отношеніе свободныхъ рабочихъ къ рабамъ въ крупныхъ помѣстьяхъ. (Законы эти относятъ къ 376-366г до Р.Х.)

Обезземеленіе плебса ставится въ связь съ отсутствіемъ у плебса права расширять свои хозяйства посредствомъ оккупаціи общественныхъ земель.

Вопросъ, касающійся судебъ земельной собственности въ Римѣ, слишкомъ важенъ, чтобы его можно было оставить безъ разсмотрѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ только разборъ этого вопроса позволитъ намъ составить ясное представленіе о роли, которую игралъ споръ за земли въ борьбѣ патриціевъ съ плебеями.

Первый періодъ римской государственной жизни всецѣло связанъ во всѣхъ отношеніяхъ съ родовымъ строемъ общины. Господствующей теоріей въ области экономическихъ отношеній, теоріей правда вызвавшей въ послѣднее время рядъ возраженій (Geschichte des Socialismus und Communism Э. Мейеръ и др.), является та, что древнѣйшее землевладѣніе въ Римѣ было родовымъ, т.е. что землю владѣлъ не каждый гражданинъ отдѣльно, а вся община, распредѣлявшая свою территорію между отдѣльными родами. Эти роды обрабатывали землю сообща, выгоняли свой скот на общее пастбище, пользовались общими лѣсными и горными угодьями. Первое появленіе индивидуальной собственности должно было сказаться по отношенію прежде всего не къ пахатной, а къ усадебной землѣ: домъ, гдѣ живетъ семья, дворъ, гдѣ стоитъ ея скотъ, садъ, - все это тѣсно связано съ индивидуальнымъ хозяиномъ, чѣмъ пахотная, можетъ быть обрабатываемая членами рода попеременно, причемъ члены рода переходятъ съ одного участка на другой. Уже къ этому періоду общинно-родового землевладѣнія относятся сословно-экономическія дѣленія общины на патриціевъ, плебеевъ и кліентовъ. Существуютъ роды и па-

триційскіе и плебейскіе, но первые рано выдѣляются и обособляются, подчиняя экономической отъ себя зависимости часть исключеннаго изъ патриційскихъ родовъ населенія въ формѣ кліентелы. Но все же цѣлый рядъ плебейскихъ родовъ остается во владѣніи землею и хотя и лишенный политическихъ правъ, продолжаетъ существовать въ видѣ отдѣльной части общины съ патриціями. При этомъ они постоянно пополняются притокомъ свѣжихъ силъ, между тѣмъ какъ патриціатъ остается въ силу необходимости замкнутымъ.

Но родовая форма землевладѣнія, какъ сказано, постепенно должна уступать шагъ за шагомъ развитію индивидуальной собственности, сначала въ области земли усадебной, затѣмъ въ области земли пахатной, позднѣе всего по отношенію къ угодьямъ.

Законы I2-ти таблицъ предполагаютъ частную собственность земельную, предполагаетъ ее и такъ называемая Сервіева реформа, кладущая въ основу дѣленія гражданства земельныя владѣнія каждаго отдѣльнаго гражданина, т.е. собственно говоря наше преданіе знаетъ только индивидуальную собственность. Какъ же представлять себѣ этотъ переходъ отъ родового землевладѣнія къ индивидуальному? Первый шагъ былъ сдѣланъ, когда признано было индивидуальное владѣніе за усадебной землей. Въ дальнѣйшемъ не малую роль сыграло плебейство, исключенное патриціатомъ изъ родового строя и этимъ самымъ поставленное въ возможность скорѣе освободиться и отъ узкихъ рамокъ родового землевладѣнія. Новый постоянный притокъ силъ въ среду плебеевъ повелъ къ дальнѣйшему шагу на пути къ индивидуальной собственности: къ ассигнаціи (буквально, къ указанію) земли отдѣльнымъ гражданамъ въ предѣлахъ постепенно присоединяемыхъ къ Риму территорій.

Все это совершилось внѣ родовъ; но и внутри ихъ должна была итти борьба родового землевладѣнія съ индивидуальнымъ. Какъ шла эта борьба, намъ плохо извѣстно. "Внутри пространствъ", говоритъ И.М.Гревсъ,

"еще подчиненныхъ общинному праву, уже выдѣлялись крупные надѣлы разбогатѣвшихъ членовъ союза, сильныхъ главарей какой нибудь многосемейной и многоклiентной группы. Они разводили большое количество скота, сберегали запасы, захватывали путемъ давленія на сходъ два или нѣсколько душевыхъ надѣловъ или распахивали за свой счетъ и на свой страхъ также при вынужденномъ согласіи общины или подъ шумокъ родовыхъ неурядицъ кусокъ общинной пустоши и отгораживались на завоеванныхъ личнымъ трудомъ и капиталомъ земляхъ отъ нивелирующаго и отѣсняющаго вліянія солидарныхъ обычаевъ стариковъ"."

Но очевидно, что къ тому времени, когда можно говорить объ исторіи Рима, эта борьба была уже закончена и закончена, притомъ, не въ формѣ передѣла родовыхъ земель законодательнымъ актомъ поровну всѣмъ гражданамъ, какъ того хочетъ новѣйшая теорія Неймана, видящаго такой законодательный актъ въ Сервіевой реформѣ, а путемъ узаконенія существовавшей индивидуальной собственности во всѣхъ ея градаціяхъ - отъ крупнаго помѣстья въ нѣсколько десятковъ югеровъ, до двухъюгерной усадьбы съ садомъ. Образованію такихъ разныхъ количественно земельныхъ владѣній способствовало многое: "Большое и малое плодородіе почвы, говоритъ тотъ же Гревсъ, доставшейся данному хозяйству; высокая или низкая трудоспособность, предпріимчивость и разсчетливость его руководителей; благопріятный или невыгодный составъ земледѣльческой земли, работу которой онъ направлялъ; удачное или несчастное сочетаніе соціальныхъ связей съ сосѣдями; мѣсто, которое удалось занять главѣ группы въ государствѣ, общее созидающее или разрушающее дѣйствіе, оказываемое на извѣстную сельско-хозяйственную единицу самымъ ходомъ историческихъ событій - войной и миромъ, внутренними волненіями, государственными

""Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія III (Ж.М.Н.П. 1897 ст. 869.

перемѣнами и т. д. – всѣ эти явленія скрывали въ себѣ возможность обогащенія и разоренія крестьянъ собственниковъ.

Появленіе и узаконеніе индивидуальной собственности стоятъ несомнѣнно въ связи съ общей исторіей Римской общины. Оно знаменуетъ собой съ одной стороны большій просторъ личной иниціативы въ предѣлахъ экономическихъ, т.е. возможность развитія въ этой области и плебейства, съ другой – постепенное разрушеніе городского строя путемъ появленія основанныхъ на частной, а не на родовой собственности территоріальныхъ дѣленій – трибъ, въ составъ которыхъ входили исключительно земельные собственники *assidui* – осѣдлые. Періодъ чисто городского строя, періодъ четырехъ трибъ совпадаетъ еще по времени съ существованіемъ послѣднихъ остатковъ родового землевладѣнія, первое расширеніе общины – Сервіева реформа однако уже знаменуетъ гибель его, а запечатлѣвается эта гибель въ появленіе сельскихъ трибъ съ географическими названіями, трибъ, основанныхъ всецѣло на частномъ землевладѣніи.

Какую же роль во всемъ этомъ развитіи играетъ общественная земля *ager publicus*? Занятіе ея экономически сильными и должно было повести къ фактическому исключенію плебеевъ изъ права расширять свое хозяйство посредствомъ новыхъ заимокъ и къ возникновенію крупныхъ земельныхъ владѣній, крупнаго скотоводства и рабскаго хозяйства.

Лициніевы законы преданіе ставитъ въ непосредственную связь съ исторіей не земельной собственности, а съ исторіей развитія крупнаго земельнаго владѣнія, такъ назыв. *possessiones* т.е. съ исторіей общинной земли римскаго государства – *ager publicus*. По преданію законодательство запрещало отдѣльнымъ гражданамъ владѣніе болѣе, чѣмъ 500 югерами общинной земли, запрещало обрабатывать землю исключительно рабами и выгонять на общинное пастбище

болѣе опредѣленное количество крупнаго и мелкаго скота. Такимъ образомъ, оно предполагаетъ уже въ 366 году такія явленія, какъ развитіе латифундій и рабскаго хозяйства.

Мы видѣли, какъ развилась въ Римѣ земельная собственность и какъ она привела къ неравномѣрному распредѣленію земель между отдѣльными членами общины, но мы видѣли также, что Римъ все же остается государствомъ по преимуществу крестьянскимъ; нормальная собственность не достигаетъ очень крупныхъ размѣровъ, хотя, конечно, опредѣлить ея среднюю норму очень трудно даже на основаніи свѣденія данныхъ и Сервіевомъ цензѣ къ той или другой высотѣ земельной собственности.

Все же свидѣтельство позднѣйшей аналистики о латифундіяхъ и о роли ихъ въ политической и экономической жизни Рима, т.е. въ борьбѣ патриціевъ съ плебеями идетъ въ разрѣзъ съ общимъ воззрѣніемъ римскихъ историковъ и антикваровъ на Римъ, какъ на государство, гдѣ царствовала по преимуществу мелкая и средняя крестьянская собственность. Такой взглядъ подтверждается и исторіей общинной земли въ Римѣ *ager publicus* главному источнику латифундій по общему мнѣнію римскихъ источниковъ.

Ager publicus римскаго государства составлялся главнымъ образомъ путемъ присоединенія всей или части территоріи завоеванныхъ Римомъ общинъ. Исторія Рима за первое время его существованія вся складывается изъ такихъ послѣдовательныхъ расширеній римской территоріи путемъ завоеванія, слѣдовательно, неминуемо долженъ былъ расти и *ager publicus*. На самомъ дѣлѣ, однако, все, что мы знаемъ объ этихъ завоеваніяхъ, не говоритъ за особенно обширные размѣры общинной земли въ это время. Общее представленіе преданія о томъ, что дѣлалъ Римъ съ пріобрѣтенными постепенно территоріями сводится къ тому, что земля либо оставля-

лась прежнимъ собственникомъ, либо дѣлилась между римскими гражданами путемъ назначенія ихъ участковъ въ собственность. Правда, это преданіе не можетъ претендовать на историческую достовѣрность, но оно въ полной мѣрѣ подтверждается позднѣйшей практикой Рима въ этой области. Такъ, первое крупное завоеваніе Рима - взятіе этрусскаго города Вей - повело къ раздѣлу земель между побѣдителями римлянами и латинами и къ раздѣлу въ собственность, такъ какъ въ области Вей появляются 4 новыя сельскія трибы и двѣ латинскія колоніи. То же можно сказать о позднѣйшемъ расширеніи римской территоріи, насчетъ Вольсковъ, поведшемъ также къ основанію въ ихъ предѣлахъ колоній. И такъ дѣло идетъ весь 4 вѣкъ: новыя территоріи либо ассигнуются, либо продаются, либо, быть можетъ, сдаются въ аренду; о ростѣ *ager publicus* не можетъ быть и рѣчи, объ образованіи на немъ путемъ оккупаціи крупныхъ владѣній тѣмъ менѣе. Только тогда, когда Римъ выходитъ въ 3 вѣкѣ за предѣлы Лаціи и быстро покоряетъ всю Италію, и сѣверную и южную, могъ и долженъ былъ образоваться обширный *ager publicus* и мы дѣйствительно видимъ, что таковой возникаетъ, быстро растетъ и ведетъ къ созданію латифундій. Общее политическое положеніе и постоянныя войны создаютъ тогда же и возможность хозяйничанья при посредствѣ рабовъ, т.е. какъ разъ къ тѣмъ явленіямъ, противъ которыхъ, согласно преданію, было направлено Лициніево законодательство. "

Въ первой половинѣ 4 вѣка оба явленія невозможны, первое уже потому, что въ то время территорія Рима обнимала по недрому раз-

---

"Критика данныхъ Лициніева закона на основаніи достовѣрнаго преданія принадлежитъ Э.Низе, выводы котораго въ высшей степени убѣдительны.

счету около1000 квадратныхъ верстъ, а хотя бы 100 лицъ, владѣвшій каждый по 500 югеровъ, занимали своими владѣніями уже четверть территоріи города; второе же въ силу того, что рабство въ той формѣ, какая характерна для крупнаго землевладѣнія, есть результатъ крупныхъ заморскихъ завоеваній, борьба же съ сосѣдями не могла дать такихъ результатовъ.

Очевидно, значитъ, что всѣ пункты Лициніева законодательства явно не подходятъ къ условіямъ времени, но въ правѣ ли мы поэтому сомнѣваться въ его существованіи вообще? Я думаю - нѣтъ: подобный фактъ долженъ былъ дѣйствительно существовать, чтобы преданіе могло пріурочить именно къ этому пункту позднѣйшія законодательныя нормы, непосредственно предшествовавшія времени Гракховъ. Мнѣ кажется, что какъ въ области денежнаго хозяйства, такъ и въласти землевладѣнія, несомнѣнно существовали еще до 4 вѣка эти явленія, способствовавшія созданію безземельнаго пролетаріата, но что эти явленія отнюдь не связаны съ исторіей общинной земли, а скорѣе съ исторіей собственности, съ развитіемъ, въ силу аристократическаго строя общины, крупной земельной собственности въ ущербъ мелкой при помощи, главнымъ образомъ, строгаго долгового права. Этому развитію противодѣйствовалъ плебсъ въ своей борьбѣ столько же политической, сколько экономической, добиваясь надѣленія безземельныхъ участками въ завоеванныхъ общинахъ, добиваясь созданія новыхъ трибъ и тѣмъ увеличивая какъ количество мелкихъ собственниковъ, такъ и количество борцовъ за свои прерогативы и ихъ значеніе въ общинѣ. Каждая новая триба была новой побѣдой плебса, новымъ ударомъ какъ политической, такъ и экономической силѣ патриціевъ и тѣсно связанному съ нимъ чисто городскому строю общины. Въ концѣ борьбы римская территорія - 35 трибъ - оказывается несомнѣнно заселенной главнымъ образомъ собственниками мелкими и средними, и новый расцвѣтъ крупнаго на этотъ разъ уже владѣнія

возникаетъ благодаря завоеванію внѣ Лаціи и ближайшаго сосѣдства въ южной и сѣверной Италіи. Тогда мы вновь присутствуемъ при борьбѣ но уже столько же при посредствѣ ограниченія размѣровъ захвата, сколько надѣленія пролетаріата землей. Это - эпоха Гракховъ.

Въ III вѣкѣ кончается борьба плебеевъ съ патриціями въ тотъ моментъ, когда появляются первые проблески міровой политики Рима; теперь нѣтъ ни патриція, ни плебея, есть только римскій гражданинъ.

Какое же значеніе имѣла эта долгая борьба, что является ея результатомъ, какія основныя національныя свойства выработала она, какое вліяніе имѣла она на дальнѣйшій ходъ исторіи?

Она, несомнѣнно, создала основныя свойства римскаго гражданина: любовное отношеніе къ государству, подчиненіе индивидуальности цѣлому. Человѣкъ, добивавшійся съ такимъ трудомъ своихъ правъ, конечно, ставилъ ихъ выше всего. Въ его глазахъ званіе *civis romanus* должно было получить значеніе, какого никогда не имѣло званіе греческаго гражданина для грека. Выработалось гражданское самосознаніе, и вся послѣдующая государственная жизнь Рима проникнута имъ.

Съ другой стороны результатомъ этой борьбы была полное равноправіе всѣхъ гражданъ. Это одно общее право римскаго гражданства, уничтоженіе сословныхъ различій, сдѣлало римское государство крѣпкимъ этой общностью и цѣлостью, дало ему возможность выдержать борьбу съ Италіей и другими государствами. Уже одна угроза плебеевъ уйти изъ предѣловъ города внѣдрила сознаніе, что всѣ граждане составляютъ одно государство, политическое и культурное цѣлое.

Борьба плебеевъ съ патриціями была возможна путемъ образованія постоянной революціи въ государствѣ въ лицѣ трибуната. Благодаря трибунамъ создался постоянный ферментъ прогресса. Римское государство отличалось крайнемъ корсерватизмомъ, а консерватизмъ

и застой граничатъ другъ съ другомъ; необходимо было постоянное измѣненіе, особенно при его быстромъ ростѣ. Этотъ элементъ прогресса на ряду съ консерватизмомъ дали трибуны; они создали возможность постояннаго измѣненія государственныхъ формъ, ихъ приспособленія къ задачамъ, которыя имъ ставила историческая жизнь Рима. Когда заканчивается борьба патриціевъ и плебеевъ, казалось, кончена и роль трибуната. Однако, этотъ враждебный консерватизму элементъ продолжаетъ существовать и отдаетъ себя на служеніе прогрессивной силѣ. Сначала трибунатъ стоитъ на сторонѣ сената противъ магистратуры. Когда же и сенатъ выраждается въ олигархію, онъ становится на сторону демократическихъ тенденцій.

Не только въ государственной, но и въ экономической и культурной жизни борьба эта имѣла не меньшее значеніе.

Въ жизни экономической - она повела къ образованію мелкой крестьянской собственности, и этотъ мелкій собственникъ вынесъ на своихъ плечахъ всю исторію распространенія римскаго могущества.

Въ культурномъ отношеніи эта борьба является побѣдой наиболѣе прогрессивнаго элемента. Изъ слѣды плебеевъ вышли борцы за греческую культуру; конкретно это выразилось въ религіи - въ распространеніи греческихъ культовъ; сказалось греческое вліяніе и въ исторіи римскаго преданія - выработкѣ греческой легенды, ставившей происхожденіе Рима въ связь съ сагой о разрушеніи Трои; сказалось и въ римской исторіографіи, всецѣло возникшей на греческихъ образцахъ, и въ литературѣ.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ВНѢШНЯГО РОСТА РИМСКОЙ ОБЩИНЫ ДО ГРАКХА.

Первыя свѣдѣнія, касающіяся Италіи, дошли до насъ отъ VI, Ув. до Р.Х. Италія представляетъ изъ себя въ это время слѣдующую этнографическую и политическую картину. Самый многочисленный изъ народовъ, ее населявшихъ, италики, распадались на нѣсколько пле-

менъ. Изъ нихъ не самое сильное - латины, заселявшіе долину на югъ отъ нижняго теченія рѣки Тибра; въ средней Италіи и въ южной части ея жило болѣе сильное и многочисленное племя Сабинянъ или Самнитовъ; берега Адріатическаго моря на югъ отъ устья рѣки По и значительная часть средней Италіи были населены Умбро-Сабеллами. Племена эти, вслѣдствіе своей малой культурности, играютъ въ древнѣйшую эпоху исторіи Италіи сравнительно незначительную роль въ ея политической жизни; они представляютъ базу, на которой оперируютъ болѣе культурныя племена: греки и этруски.

Греки не играли большой роли въ политической жизни Италіи, но тѣмъ большую роль сыграли они въ ея культурной жизни. Подвижность, экономическое благосостояніе, интенсивное развитіе культуры гнало грековъ въ чужія страны - и на берега Чернаго моря, и на прибрежья Малой Азіи, и на западъ - въ Италію и въ далекую Галлію. Грекъ по натурѣ индивидуалистъ, въ чужой странѣ онъ изолируется отъ остального населенія, пользуясь всѣмъ, что его окружаетъ, лишь для своихъ практическихъ цѣлей; поэтому то онъ вноситъ только лучъ своей высоко развитой культуры въ среду чуждыхъ ему народовъ, среди которыхъ онъ поселяется.

Въ Италіи въ дѣлѣ распространенія эллинской культуры очень важную роль сыграло племя этрусковъ. Это же племя въ VII, VI и въ началѣ V вв. имѣло очень важное значеніе въ политической жизни Италіи. Отъ этрусковъ осталось много письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ, но несмотря на это они все таки остаются загадкой, такъ какъ никому изъ ученыхъ не только не удалось найти ключа къ ихъ языку, но даже опредѣлить, къ какой семьѣ языковъ онъ относится. Лишь въ послѣднее время скандинавскому ученому Томсену, кажется, удалось установить родство этрускаго языка съ однимъ изъ сѣверо-кавказскихъ нарѣчій. Слѣдовательно мы, можетъ быть, находимся на поро-

гѣ разрѣшенія одного изъ самыхъ досадныхъ вопросовъ древности.

Какъ мы уже сказали, этруски вліяли и въ культурномъ отношеніи на Италію, и только благодаря непониманію ихъ языка мы еще не можемъ привести достовѣрныхъ доказательствъ этого вліянія. Несомнѣнно, что культура этрусковъ не была самостоятельна, но, не смотря на это, въ ней было много національныхъ чертъ, которыя глубоко проникли въ жизнь Италіи. Вопросъ лишь въ томъ, каково отношеніе между національными и заимствованными чертами этой культуры. До сихъ поръ наиболѣе распространеннымъ надо считать мнѣніе, что этрусская культура всецѣло заимствована у грековъ и что самостоятельнаго у нея ничего не было, но многое въ жизни Италіи и особенно Рима можно объяснить только вліяніемъ не италійскаго и не греческаго элемента, которымъ именно и являются этруски; нѣкоторыя особенности національнаго этрускаго искусства живы были въ Тосканѣ еще въ средніе вѣка. Все это заставляетъ насъ предполагать значительную дозу національно-этрускаго въ воздѣйствіи этой націи на Италію и еще болѣе жалѣть о невозможности выдѣлить эти національныя черты. Не такъ загадочны для насъ политическое вліяніе и ростъ этрусковъ.

Въ помянутый періодъ италійской исторіи они владѣли всей сѣверной Италіей: всѣмъ бассейномъ рѣки По, всей нынѣшней Тосканой и частью теперешней Умбріи; прошли они и дальше: несомнѣнно, что они были политическими господами въ Лаціи, что этруская династія царствовала одно время въ Римѣ и что царствованіе ея не прошло безслѣдно въ его послѣдующей жизни.

Вопросъ о господствѣ этрусковъ въ Кампаніи еще въ прошломъ году былъ бы спорнымъ, теперь, послѣ тогокакъ найдена была въ предѣлахъ Кампаніи длинная этруская надпись, сдѣлалось яснымъ, что и тамъ, хотя и недолго, владычествовали этруски. Итакъ, этруски -

господа сѣвера, Тосканы и Кампаніи; они вліятельный элементъ въ Лаціи. При такомъ развитіи сферы ихъ вліянія они должны были столкнуться съ греками, главнымъ образомъ въ Кампаніи, и столкновенія эти носили враждебный характеръ. Этруски были смѣлыми пиратами и представляли большую опасность для торговли грековъ; поэтому цѣлью грековъ было уничтожить этрусковъ. Но не грекамъ суждено было сломить этруское могущество, они были для этого слишкомъ разрозненны, да и у этрусковъ былъ сильный семитскій союзникъ - Карѳагенъ, который издавна боролся съ греками, и въ этой борьбѣ этрусковъ съ греками сталъ на сторону первыхъ. Ударъ этрускому могуществу былъ нанесенъ съ двухъ сторонъ: съ сѣвера и юго-востока. Съ сѣвера орды галловъ, уничтожая слѣды этруской культуры (постепенное движеніе ихъ на югъ началось не позже VI в. и продолжалось до IV в.), двигалось все дальше въ область этрускаго вліянія; одинъ изъ набѣговъ простерся даже до Лація, Римъ былъ ими разграбленъ и сожженъ.

Съ другой стороны власть этрусковъ въ Кампаніи была недолговѣчна; здѣсь они встрѣтили врага въ лицѣ Самнитовъ, которые стремились изъ горныхъ долинъ въ благословенныя долины Кампаніи и Апуліи. Это дикое, но носившее въ себѣ значительные культурные зачатки племя постепенно вытѣснило этрусковъ изъ Кампаніи. Въ этой борьбѣ Лацій и Римъ не играли никакой роли. Намъ извѣстно лишь, что въ этотъ періодъ господствуетъ въ Римѣ этруская династія, но совершенно неизвѣстно, какъ этруски добились этого вліянія, завоеваніемъ или мирнымъ путемъ. Чтобы оцѣнить политическое значеніе этрусковъ въ Римѣ, надо вспомнить тѣ отношенія, въ которыхъ находится Римъ къ своимъ сосѣдямъ, главнымъ образомъ къ другимъ городамъ Лація. Эти города, которыхъ по преданію было около 30, были окружены враждебными племенами: эквами, вольсками и др. Съ этими народами приходилось постоянно бороться латинамъ, вотъ почему у нихъ уже рано зародилась идея національнаго единства, которая повела къ образованію

латинскаго союза. Союзъ этотъ былъ союзомъ ряда вполнѣ полноправныхъ общинъ, союзомъ, основаннымъ на единствѣ религіи, языка, политическихъ и экономическихъ интересовъ; цѣль его - самосохраненіе и возможно большее распространеніе сферы своего вліянія. Въ это то время въ Римѣ появляется нѣчто чуждое, появляется новый элементъ, элементъ болѣе высокой государственности - элементъ этрускій. И вотъ мнѣ кажется (это моя гипотеза), что этруски въ эту именно эпоху и сыграли наибольшую роль въ жизни Рима, роль, безъ которой Римъ не могъ бы имѣть великаго историческаго значенія. Римъ какъ разъ въ это время создаетъ новую форму латинскаго союза, гдѣ всѣ общины, составляя одно цѣлое, противополагаются Риму, который руководитъ внѣшней политикой союза, имѣетъ возможность вмѣшиваться и во внутреннія дѣла его, являясь религіознымъ его центромъ, и такимъ образомъ подготовляетъ третью фазу въ исторіи союза, ту, гдѣ онъ господинъ союза, гдѣ онъ связанъ договоромъ съ каждой общиной отдѣльно, общины же не составляютъ болѣе одного цѣлаго другъ съ другомъ. Переходъ къ постепенному господству надъ союзомъ имѣетъ, думается мнѣ, дѣло этруской династіи. Ея болѣе высокая культурность болѣе развитая государственность этрусковъ, наконецъ, ихъ экономическое превосходство и политическое могущество дали Риму въ руки силы, которыхъ не имѣла ни одна изъ другихъ общинъ, и позволили Риму по праву стать во главѣ союза.

68 Между тѣмъ этрусковъ тѣснятъ со всѣхъ сторонъ. И Римъ, пользуясь этимъ, стряхиваетъ со своихъ плечъ ту государственность, которая была дана ему этрускаго, т.е. форму монархическаго тиранизма; замѣнивъ ее республиканскимъ строемъ, онъ уничтожаетъ и свою политическую зависимость отъ этрусковъ и даже самъ распространяетъ свои владѣнія на ихъ счетъ. Окончательный ударъ нанесло этрускамъ паденіе ихъ морского могущества, когда Карѳагенъ отказался отъ союза съ ними и вступилъ въ торговыя сношенія съ Римомъ, что можно вы-

дѣть изъ послѣдовательныхъ договоровъ Рима съ Карѳагеномъ. Эти договоры относятъ то къ концу IУ вѣка, то къ У; установленіе даты, въ виду гадательности всей хронологіи ранняго періода исторіи Италіи, особаго значенія не имѣетъ.

Къ У вѣку заканчивается первый періодъ исторіи Рима - латинскій. Римъ оказываетъ все большее и большее давленіе на Латинскій союзъ, требуетъ отъ него жертвъ какъ бы въ пользу союза, но въ дѣйствительности въ пользу своего государственнаго развитія. Латины замѣчаютъ это слишкомъ поздно, когда Римъ уже настолько могущественъ, что можетъ безъ труда побѣдить ихъ, доказательствомъ чего служитъ исходъ латинской войны. Разъ былъ заключенъ первый кругъ непосредственнаго римскаго вліянія, Римъ долженъ былъ вступить въ сношенія съ сосѣдними народами.

Теперь предстоитъ Риму крупная задача политическаго свойства: при незначительномъ количествѣ своихъ силъ бороться съ такими могущественными племенами, какъ умбро-сабеллы и сабины съ одной стороны и этруски съ другой. Эту задачу Римъ разрѣшилъ блестящимъ образомъ, благодаря главнымъ образомъ своимъ государственнымъ учрежденіямъ. при помощи которыхъ онъ могъ вести постоянную и послѣдовательную политику; съ другой стороны онъ представлялъ одно цѣлое съ Латинскимъ союзомъ, тогда какъ его противники были разрознены. Въ Этруріи, хотя и были союзы, но союзы равноправные, необъединенные одной главой.

На рубежѣ между латинскимъ и италійскимъ періодомъ лежитъ латинская война, изъ которой Римъ вышелъ побѣдителемъ, отчасти благодаря самнитамъ и карѳагенянамъ, съ которыми онъ именно въ это время

Прошлогодній исправленный курсъ по исторіи Рима. Листъ 7-й.
Литографія Богданова, Эртелевъ пер.,д.I.
Директоръ

состоялъ въ тѣсномъ союзѣ. Послѣ этой войны Риму пришлось столкнуться съ прежнимъ союзникомъ - самнитами изъ за Кампаніи. Эта борьба разрослась въ борьбу италиковъ съ Римомъ, которая окончилась побѣдой Рима, причина которой опять таки лежитъ въ его государственномъ устройствѣ и въ единствѣ всего латинскаго союза подъ главенствомъ Рима. Здѣсь имѣла большое значеніе основная черта римскаго духа: способность подчиняться государству, быть только гражданиномъ и отказаться отъ своего собственнаго я.

Первыя столкновенія Рима съ внѣиталійскими народами относятся къ очень далекому прошлому, когда еще этруски владѣли всей Италіей. Мы уже знаемъ, что успѣху столкновенія съ этрусками Римъ обязанъ союзомъ съ Карѳагеномъ, господствовавшимъ на Средиземномъ морѣ. Выходя за предѣлы Италіи, Римъ старался согласовать политику чужихъ странъ со своею національной политикой. Но въ этомъ не было еще міровой точки зрѣнія. Для характеристики міровой политики нужно перейти за италійскій періодъ, когда кончилась война съ самнитами, и всѣ народы Италіи признали гегемонію Рима. На этотъ то періодъ и падаетъ начало міровой политики Рима; первымъ проявленіемъ ея были сношенія съ болѣе культурными племенами: греками и финикіянами. Греки давно уже находились въ тѣсныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ Римомъ, цѣлый рядъ греческихъ колоній былъ расположенъ на юго-восточномъ и юго-западномъ берегахъ Италіи. Прежде всего Римъ вошелъ въ сношенія съ греческими колоніями Кампаніи изъ за которыхъ и возгорѣлась война съ самнитами. Затѣмъ въ сферу римскаго вліянія входятъ постепенно сначала западныя и южныя, а потомъ и восточныя греческія колоніи.

Въ силу основного принципа греческой исторіи, индивидуализма, это вмѣшательство въ греческія дѣла не могло бы привести Римъ къ политикѣ міровой; греческая нація отнеслась бы совершенно ра-

нодушно къ гибели своихъ италійскихъ сородичей, какъ прежде отнеслись равнодушно къ гибели своихъ Малоазіатскихъ колоній. Но случайно въ головѣ одного эллинистическаго монарха зародилась идея эллинскаго объединенія Запада, заимствованная имъ у Александра Македонскаго, который мечталъ создать одну эллинскую націю изъ всего Востока и Запада, гдѣ связующимъ цементомъ были бы греки. Эта идея оказалась утопіей, ему удалось лишь политически и культурно объединить одинъ Востокъ. Но разъ зародившись, идея эта должна была найти себѣ проэлитовъ и нашла себѣ такового въ лицѣ Эпирскаго царя Пирра, который ближе всего стоялъ къ западу и находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Эпиръ не принадлежалъ къ той части греческаго міра, въ которой уже давно царствовала эллинская культура; здѣсь политія не развилась въ такой степени, какъ въ Греціи, здѣсь жила еще свѣжая горная нація, объединенная сознаніемъ національной общности и національной династіей; въ этомъ - общая черта Эпира съ Македоніей; поэтому то Пирру и удалось хотя отчасти и на короткое время осуществить свой планъ. Онъ заключался въ объединеніи вокругъ личности Пирра западныхъ грековъ; быть можетъ, дальнѣйшею цѣлью Пирра было осуществить идею Александра Македонскаго и сдѣлать изъ запада ячейку міроваго государства.

Благодаря превосходному войску, собственной талантливости, если не геніальности, Пирру удалось на время одержать побѣду надъ Римомъ, сплотить вокругъ себя грековъ запада, объединить подъ своею властью колоніи Сициліи. Но онъ не расчиталъ, что придется бороться съ такимъ государственнымъ организмомъ, какимъ былъ Римъ, Римъ онъ просто проглядѣлъ. Это видно изъ того, что одержавъ эфемерныя побѣды въ Италіи, онъ удалился на борьбу съ давнишнимъ врагомъ эллинства - Карѳагеномъ въ Сициліи, гдѣ ему удалось объеди-

нить греческія колоніи и оттѣснить на время карѳагенянъ изъ ихъ Сицилійскихъ владѣній.

Но Пирръ не зналъ Карѳагена, не зналъ ни его матеріальныхъ силъ, ни его цѣпкости и стойкости; съ этимъ, какъ и съ греческимъ индивидуализмъ онъ сначала не считался, а потому и здѣсь побѣды его были эфемерны. Греки не считали нужнымъ держаться гегемоніи Пирра, и между ними началась типичная внутренняя борьба. Пирръ вмѣшался въ нее, но затѣмъ долженъ былъ вскорѣ перенести базу своихъ дѣйствій въ южную Италію, гдѣ и столкнулся вновь съ якобы окончательно имъ побѣжденнымъ, сплоченнымъ, національно-единымъ организмомъ - Римомъ и потерпѣлъ полное пораженіе. Весь этотъ эпизодъ самъ по себѣ большого политическаго значенія не имѣетъ, но онъ знаменуетъ вступленіе Рима на путь политики міровой.

Послѣ пораженія Пирра Римъ естественно обладалъ гегемоніей надъ всей Италіей, исключая лишь долину рѣки По, но она собственно составляетъ уже Предъальпійскую Галлію. Греки Италіи всегда находились въ самомъ тѣсномъ общеніи съ греческими колоніями Сициліи, И римляне, политическіе наслѣдники эллиновъ на югѣ Италіи, не могли равнодушно смотрѣть на то, что дѣлалось въ Сициліи, тѣмъ болѣе, что въ Римъ въ это время все болѣе и болѣе проникаетъ эллинизація, которая играетъ большую роль въ его культурной и политической жизни. Въ силу этого Римъ неминуемо долженъ былъ вмѣшаться въ дѣла сицилійскихъ колоній, которыя отстаивали свое существованіе отъ карѳагенской мощи. Интересы римлянъ, какъ носителей эллинизма, и Карѳагена, какъ распространителя финикійской культуры, столкнулись въ Сициліи, гдѣ и началась первая Пуническая война, которая была первымъ активнымъ дѣйствіемъ Рима на поприщѣ міровой политики. Теперь Римъ вышелъ за предѣлы Италіи (Сицилія также близко географически связана съ Италіей какъ и съ Карѳаге-

номъ; уже самое географическое положеніе ея должно было привести къ столкновенію между этими государствами) и сразу же пришлось ему столкнуться съ вполнѣ цѣльнымъ государственнымъ организмомъ, обладающимъ такою же цѣпкостью и стойкостью, какъ и онъ самъ. Каковы же были причины, позволившія Риму выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы?

Превосходство Рима лежитъ въ государственномъ устройствѣ, сдѣлавшемъ изъ него правильно работающую машину, гдѣ каждый гражданинъ составляетъ одну изъ ея частей, совершенно подчиненную и дѣйствующую согласно цѣлому. Но этого было бы мало: Римъ былъ городомъ - государствомъ, римскихъ гражданъ было недостаточно для борьбы съ такимъ богатымъ врагомъ. Тутъ помогло то обстоятельство, что Римъ столкнулся съ Карѳагеномъ въ тотъ моментъ, когда онъ закончилъ свой италійскій періодъ и былъ гегемономъ всѣхъ италійскихъ племенъ. Эти племена сознавали свое родство съ римлянами и, особенно въ столкновеніи съ чуждымъ элементомъ, дѣйствовали вполнѣ единодушно; съ другой стороны эта общая борьба съ чужимъ врагомъ скрѣпила разнородные элементы Италіи и въ значительной степени содѣйствовала созданію національнаго единства Италіи. Но для успѣха борьбы нужно было, чтобы Карѳагенъ былъ государствомъ съ другими основами, чтобы у него не было той силы, которая лежала въ національномъ единствѣ всѣхъ италійскихъ племенъ. И дѣйствительно Карѳагенъ не былъ національнымъ государствомъ, какъ не были національны и другія государства, дѣлившія въ то время власть надъ міромъ.

Зерно финикійцевъ, создавшее города Карѳагенъ, не могло объединить ни государственно, ни національно той огромной территоріи (Западная часть Африки, часть Сициліи, Испаніи и южная Галлія), которая держалась около Карѳагена, благодаря его экономическому могу-

ществу, вылившемуся въ нездоровыя формы эксплуататорскаго и спекулятивно-торговаго капитализма, основаннаго на одностороннемъ высасываніи подчиненныхъ территорій кучкой финикійскихъ капиталистовъ. Въ силу этого то отсутствія государственнаго единства и національной сплоченности Карѳагенъ и не могъ бороться съ Римомъ. Неминуемымъ послѣдствіемъ борьбы Рима съ финикійскимъ Западомъ было столкновеніе его съ Востокомъ. Дѣло въ томъ, что борьба Рима съ Карѳагеномъ не ограничилась странами внѣ-италійскими; часть ея прошла въ самой Италіи и былъ моментъ когда Римъ и римское государство находилось на краю гибели, благодаря тому, что во главѣ карѳагенянъ появился геніальный полководецъ въ лицѣ Ганнибала. Ганнибалъ былъ не только стратегомъ, онъ былъ и геніальнымъ политикомъ, предугадавшимъ блестящую будущность Рима. Перенеся центръ войны въ Италію и Римъ, онъ сознавалъ слабость Карѳагена и невозможность одними своими силами бороться съ Римомъ. Поэтому то онъ началъ проводить идею коалиціи восточныхъ и западныхъ государствъ противъ Рима, старался привлечь не только италійскія племена (что ему только въ незначительной степени удалось), но и эллинистическія монархіи. Прежде всего ему нужно было привлечь ближайшую сосѣдку Македонію, затѣмъ удалось очаровать своей идеей, хотя чисто внѣшнимъ образомъ, государства, лежащія далѣе на востокъ, государства М.Азіи, Сиріи и Египта. Но идея Ганнибала не осуществилась главнымъ образомъ потому, что для эллинистическихъ государствъ Римъ казался такимъ далекимъ, имъ казалось невозможнымъ его вмѣшательство въ ихъ внутреннія дѣла. При малѣйшемъ затрудненіи они возвращаются къ своимъ восточнымъ интересамъ. Они не поняли будущей роли Рима; лишь Ганнибалъ сознавалъ ее интенсивно и ясно, но ему не удалось влить это сознаніе въ эллинистическія монархіи.

Войной съ Карѳагеномъ Римъ начинаетъ третій періодъ своей внѣш-

ней жизни; если первый можно назвать латинскій, второй - италійскимъ, то третій нельзя опредѣлить иначе, какъ словомъ міровой. Этотъ послѣдній періодъ продолжается до конца республики и продолжаетъ жить при измѣненномъ режимѣ до послѣднихъ лѣтъ римскаго государства.

Въ эту эпоху начала своего мірового вліянія Римъ не мѣняетъ формъ своего государственнаго строя, онъ только приспособляетъ ихъ къ новымъ условіямъ, эпоха созданія и внутренней борьбы уже кончилась эпоха новыхъ измѣненій въ пользу окончательной демократизаціи еще не начиналась - наиболѣе удобный, повторяю, пунктъ въ исторіи для того, чтобы познакомится съ основами внутренняго строя римской общины какъ таковой и отношеній, въ которыя она стала въ объединенной ею Италіи.

VI. ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЯ РИМА ВЪ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ВРЕМЯ.

Магистратура. Существованіе римскаго государства, римской общины неразрывно связано съ существованіемъ римскаго народа, который является носителемъ государства. Каждое дѣйствіе общины какъ таковой, есть, такимъ образомъ, дѣйствіе всего народа. Такое дѣйствіе, однако, можетъ быть осуществлено только черезъ представителя народа, носителя его дѣеспособности, такимъ носителемъ является магистратъ, онъ есть представитель народной воли. Римскіе юристы однако не представляли себѣ возможности существованія общины безъ носителя ея воли и такому носителю приписывали даже самое существованіе государства: не община поручаетъ Ромулу быть носителемъ ея воли, а Ромулъ, создавая общину, является *eo ipso* ея представителемъ передъ богами и сосѣдними государствами, носителемъ ея воли во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ. Съ этого времени преемственность

власти непрерывна; сначала она покоится на одномъ представителѣ – царѣ, затѣмъ на все увеличивающемся числѣ срочныхъ магистратовъ, передаваясь отъ одного къ другому, согласно выраженному народомъ въ его законныхъ собраніяхъ желанію. Какъ магистратъ немыслимъ безъ народа, такъ и народъ немыслимъ, т.е. недѣеспособенъ, безъ магистрата, такъ какъ можетъ выражать свою волю только собравшись въ своихъ законныхъ собраніяхъ по предложенію магистрата.

Въ этихъ собраніяхъ народъ облекаетъ избираемое имъ лицо властью въ полномъ ея размѣрѣ (*imperium*); въ предѣлы этой власти входитъ и болѣе узкое понятіе власти (*potestas*), присущей нѣкоторымъ представителямъ народа, не обладающимъ всеобъемлющимъ *imperium*. Носители этой власти и есть римскіе магистраты.

Каждый гражданинъ можетъ сдѣлаться магистратомъ; никто не можетъ заставить его взять на себя исполненіе магистратскихъ обязанностей, не никому и въ голову не можетъ придти отказаться отъ этой чести – *honor*, если къ этому не имѣется непреодолимыхъ препятствій. Этимъ магистратура рѣзко отличается отъ тяготы *munus*, которую обязанъ нести каждый гражданинъ независимо отъ своего желанія.

Магистраты суть представители всего народа, поэтому представители плебса дѣлаются магистратами только тогда, когда плебсъ становится равнозначущъ народу. Народъ, кромѣ обычныхъ ежегодныхъ и избираемыхъ отъ времени до времени (цензоръ, диктаторъ) магистратовъ поручаетъ иногда власть для совершенія опредѣленнаго дѣла на извѣстный срокъ: носитель такой власти также зовется магистратомъ. Обыкновенно тѣ магистраты, которые обладаютъ полной властью (также и цензоръ) носятъ имя высшихъ (*maiores*) магистратовъ въ противоположность носителямъ одной только *potestas* низшимъ (*minores*).

Если какому нибудь лицу поручается фактическая власть, но не дается магистратура, онъ дѣйствуетъ только за магистрата (*pro magistratu*).

Основными свойствами магистратской власти являются 1) ея дѣленіе соотвѣтственно мѣсту ея дѣйствія на власть городскую и власть внѣ городскую, военную (*imperium domi et militiae*) 2) ея коллегіальность и вытекающее отсюда право запрещенія и кассаціи (*intercessio*), дѣйствительность которому придаетъ присущее магистрату право насильственнаго обузданія непокорнаго (*coercitio*) , 3) дѣленіе ея на власть религіозную и свѣтскую и присущее первой право непосредственно сноситься съ богами (*auspicia*), 4) наконецъ, ея срочность

Дѣленіе на власть домашнюю и военную есть прямое слѣдствіе исторіи развитія римской общины, ея первоначальнаго ограниченія предѣлами города. Магистратъ, хотя и обладающій полной властью и въ городѣ, и внѣ его, въ предѣлахъ города значительно ограниченъ основными свойствами магистратской власти, внѣ его дѣйствуетъ значительно свободнѣе - конное доказательство того, что начальный періодъ римской республики всецѣло совпадаетъ съ эпохой выработаннаго, чисто городского строя. Одно изъ основныхъ созданій городского строя общины - трибунатъ - имѣетъ право дѣйствовать только внутри города, городскихъ стѣнъ и нѣкотораго пространства внѣ ихъ.

Магистратъ, обладающій полной властью, выйдя за предѣлы города при особенныхъ точно опредѣленныхъ формальностяхъ, находится въ области военной, благодаря чему онъ съ одной стороны теряетъ право на законное отправленіе нѣкоторыхъ своихъ магистратскихъ функцій, какъ то: на производство суда въ частно-правовыхъ спорахъ, на рѣшеніе уголовнаго процесса въ его обычномъ теченіи, на производство ценза, - все дѣйствія, которыя тѣсно связаны съ городомъ, но за то онъ фактически усиливаетъ свою власть благодаря прежде всего тому, что освобождается отъ двухъ ограничивавшихъ его власть въ городѣ элементовъ: права трибуновъ кассировать его рѣшеніе и права каждаго гражданина аппелировать къ народу противъ мѣръ наказанія, при-

мѣняемыхъ къ нему магистратомъ. На войнѣ провокація недѣйствительна и право магистрата распространяется на жизнь и смерть каждаго гражданина, преимущественно, конечно, солдатъ его войска. Точно также умѣньшается сила двухъ другихъ ограниченій магистратской власти - срочности и коллегіальности. Внѣ города магистратъ, конечно, перестаетъ быть таковымъ по окончаніи срока своей магистратуры, но удерживаетъ власть въ своихъ рукахъ до прибытія преемника, между тѣмъ въ городѣ власть вмѣстѣ съ окончаніемъ срока магистратуры переходитъ либо къ преемнику, либо къ сенату и живетъ въ лицѣ между-царя. Коллегіальность также живетъ внѣ города, но фактически устраняется тѣмъ или другимъ способомъ, т.е.либо дѣленіемъ войска и мѣстомъ дѣйствія, либо чередованіемъ въ командованіи, причемъ у коллеги отнимается власть протестовать и дѣлать недѣйствительнымъ при посредствѣ протеста распоряженія обладающаго въ данный моментъ властью магистрата. Наконецъ, внѣ города магистратъ болѣе свободенъ въ передачѣ своей власти другому, что въ городѣ можетъ произойти только въ опредѣленныхъ, предусмотрѣнныхъ обычаемъ случаяхъ.

Первоначально и городская и военная власть соединены были въ рукахъ одной коллегіи магистратовъ, консуловъ, по временамъ даже въ рукахъ одного магистрата - диктатора, но чѣмъ дальше, тѣмъ принципіальное дѣленіе становится все болѣе и болѣе также личнымъ. Для функцій, ограниченныхъ предѣлами города, создаются особые носители (цензоры, преторы, эдилы), нѣкоторые магистраты избираются уже съ ограниченіемъ ихъ дѣятельности предѣлами внѣгородской компетенціи (квесторы), верховные магистраты путемъ замѣны ихъ внѣ города промагистратами ограничиваются дѣятельностью внутри города, но принципіально соединеніе обѣихъ компетенцій въ рукахъ верховныхъ магистратовъ продолжаетъ быть основною

нормою римскаго государственнаго строя.

2) Одна изъ основныхъ и самыхъ важныхъ чертъ римскаго государственнаго строя есть коллегіальность верховной, а затѣмъ и другихъ магистратуръ. Самый переходъ отъ царства къ республикѣ древніе представляли себѣ, главнымъ образомъ, какъ переходъ отъ единоличной власти къ коллегіальной, власти одного царя къ власти двухъ консуловъ. Основнымъ положеніемъ римской коллегіальной власти было то, что каждый изъ двухъ или болѣе коллегъ имѣетъ не часть власти или компетенціи, а всю власть въ той мѣрѣ, въ какой она принадлежала данной магистратурѣ. Поэтому каждый магистратъ можетъ совершать всѣ тѣ же дѣйствія, что и другой, и если противъ его дѣйствій коллега не протестуетъ, то они признаются законными. Но уже въ силу присутствія и у коллеги власти въ тѣхъ же размѣрахъ, послѣдній можетъ уничтожить законность дѣйствія своего коллеги протестомъ (intercessio). Единственной магистратурой неограниченной коллегіальностью и интерцессіей, была диктатура, противъ которой не дѣйствительно было даже право протеста со стороны трибуновъ, имѣвшихъ его противъ всѣхъ магистратскихъ актовъ. Этимъ трибуны, не имѣвшіе права дѣйствія (imperium), а имѣвшіе лишь право запрета, фактически разсматривались, какъ лица, имѣвшіе перевѣсъ власти надъ всѣми магистратами (maior potestas). Между собой коллеги имѣютъ совершенно равную власть; тамъ, гдѣ одинъ магистратъ превышаетъ своею властью другого, (диктаторъ по отношенію къ консулу, консулъ по отношенію къ претору и всѣмъ остальнымъ магистратамъ), хотя и говорилось иногда о коллегіальности, но она, конечно, фактически не существовала.

Въ виду того, что Римъ вышелъ изъ принципа власти единоличной, въ его государственной жизни существовалъ цѣлый рядъ магистратскихъ дѣйствій, требовавшихъ одного исполнителя. За исключеніемъ

тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ возможно было общее дѣйствіе (какъ напр. эдиктъ, предложеніе закона, созывъ сената, наборъ), во всѣхъ остальныхъ функціяхъ коллегіальность магистратуры должна была быть такъ или иначе устранена. Средствомъ для такого устраненія ея служили: чередованіе магистратовъ и раздѣленіе между собою дѣятельности при помощи опредѣленія границъ компетенціи каждаго коллеги.

Въ первомъ случаѣ чередованіе могло быть правильнымъ въ предѣлахъ обычныхъ дѣйствій магистрата, т.е. въ теченіе опредѣленнаго срока (день въ военной области, мѣсяцъ въ гражданской) дѣйствовалъ одинъ изъ коллегъ, по истеченіи его тотъ же срокъ другой. При этомъ недѣйствовавшій коллега сохранялъ въ городѣ право запрета, терялъ его въ полѣ; или тамъ, гдѣ дѣйствіе не могло быть подѣлено съ сохраненіемъ равноправія при посредствѣ чередованія прибѣгали къ жребію или къ соглашенію между коллегами, причемъ право запрета оставалось въ городской дѣятельности опять таки въ силѣ.

Дѣленіе компетенціи не было вполнѣ свободнымъ, не было въ обычаѣ, чтобы одинъ консулъ оставался дома, другой велъ войска, но въ предѣлахъ однородныхъ дѣйствій дѣленіе компетенціи сдѣлалось обычнымъ, такъ напр. одинъ консулъ принималъ на себя командованіе пѣхотой, и вмѣстѣ съ тѣмъ верховное командованіе, другой предводительствовалъ конницей; или войско дѣлилось на равныя части или дѣйствовало на различныхъ театрахъ. Такая одновременная, но раздѣльная власть называлась *provincia*. При такомъ дѣленіи компетенціи значительную роль игралъ сенатъ, опредѣляя области дѣйствія до выборовъ и оставляя только соглашеніе или жеребьеваніе въ предѣлахъ обозначенныхъ провинцій выбраннымъ магистратомъ. Созданіе магистратуръ съ опредѣленной заранѣе компетенціей сводило коллегіальность въ предѣлахъ этихъ магистратуръ, конечно, къ формѣ.

Главной *чертой* коллегіальности было уже упомянутое выше право ин-

терцессіи право дѣйствительное, какъ по отношенію къ равной, такъ и по отношенію къ низшей власти. Предѣлы интерцессіи, особенно трибунской, были до нѣкоторой степени стѣснены, вопервыхъ, существованіемъ диктатуры, противъ дѣйствій которой интерцессіи не было, затѣмъ положеніемъ, что интерцессія дѣйствительно только противъ магистратскихъ дѣйствій, т.е. не дѣйствительна, напр. при судѣ присяжныхъ на рѣшеніе одного или нѣсколькихъ присяжныхъ; наконецъ, тѣмъ, что интерцессія должна была быть произведена лично и притомъ немедленно послѣ совершенія акта, противъ котораго интерцессируется. Противъ законнаго состоявшагося рѣшенія народа интерцессіи не было. Интерцессія трибуновъ функціонировала такие, какъ апелляціонная инстанція во всѣхъ гражданскихъ процессахъ, во всѣхъ административныхъ дѣйствіяхъ магистратовъ, во всемъ уголовномъ судопроизводствѣ. Слѣдствіемъ интерцессіи было уничтоженіе законности совершеннаго акта, противъ интерцессіи интерцессія была намелина. Средствомъ заставить себя слушаться для запрещающаго, если онъ встрѣчалъ сопротивленіе, было его право коэрціціи, т.е. право принимать принудительныя мѣры въ тѣхъ случаяхъ, когда совершалось вредное по мнѣнію магистрата дѣйствіе, особенно не тогда, когда это дѣйствіе представляло изъ себя неповиновеніе магистратскимъ распоряженіямъ и являлось, такимъ образомъ, умаленіемъ магистратской власти. Въ этомъ правѣ коэрціціи лежитъ значительная гарантія дѣйствительности произносимыхъ магистратомъ рѣшеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и значительная доля произвола. Этотъ магистратскій произволъ былъ однако ограниченъ правомъ интерцессіи противъ принудительной мѣры и правомъ аппеляціи къ трибунамъ и народу; во отношеніи къ трибунамъ - правомъ аппеляціи къ народу. Внѣ города принудительная власть магистрата, не была подвержена всѣмъ этимъ стѣсненіямъ. Неограниченное право коэрціціи имѣютъ только магистраты

съ полной властью (imperium), магистраты безъ imperium не имѣютъ его, только эдилы и цензоры въ правѣ налагать штрафы въ строго ограниченныхъ предѣлахъ. Подверженъ коэрциціи всякій, живущій въ предѣлахъ круга дѣятельности римскихъ магистратовъ, будь онъ гражданинъ или нѣтъ. Магистраты низшаго ранга подвержены коэрциціи магистратовъ высшаго ранга, поэтому всѣ магистраты безъ исключенія (съ диктаторомъ включительно, правда, не съ начала существованія этой магистратуры) могутъ быть подвержены коэрциціи со стороны народныхъ трибуновъ. Но разные по власти магистраты одинъ по отношенію къ другому права коэрциціи не имѣютъ.

Средства коэрциціи были направлены либо противъ личности непослушнаго и состояли въ тѣлесныхъ наказаніяхъ до смерти включительно и въ тюремномъ предварительномъ заключеніи, либо противъ имущества и состояли въ наложеніи штрафа или уничтоженіи взятаго насильно предмета изъ имущества непокорнаго.

3) Римская республика исходитъ изъ положенія полной независимости свѣтской власти отъ духовной, даже болѣе - подчиненія духовной власти свѣтской. Греческія коллегіи и отдѣльные жрецы никогда не разсматривались какъ магистраты и поэтому въ жречествѣ отсутствуетъ понятіе магистратской коллегіальности, жрецы не имѣютъ права сноситься съ народомъ, они, по крайней мѣрѣ, въ эпоху строгой республики никогда не выбираются народомъ, а либо назначаются верховнымъ главою духовенства въ Римѣ - великимъ понтификомъ, либо греческія коллегіи пополняются самими коллегіями; при этомъ жречество не ограничено срочностью, какъ магистратура, а пожизненно. Единственный жрецъ, которому принадлежитъ иногда верховная магистратская власть и право магистратскаго сношенія съ богами, есть великій понтификъ постольку, поскольку онъ играетъ роль магистрата по отношенію къ подчиненнымъ ему жрецамъ; если жрецъ аппелируетъ на

наложенное понтификомъ наказаніе къ народу, понтификъ получаетъ право созывать народное собраніе для рѣшенія дѣла.

Все, что касается сакральныхъ установленій въ государствѣ лежитъ на обязанности магистратовъ и сената, коллегіи жрецовъ играютъ роль исключительно совѣщательныхъ органовъ; таковы, напримѣръ, всѣ постановленія, касающіеся культа новыхъ боговъ, постройки новыхъ храмовъ, посвященія богамъ чего бы то ни было, устройства новыхъ жречествъ и т.п. Напротивъ, обычныя религіозныя дѣйствія находятся всецѣло въ вѣдѣніи жречества; зато всѣ необычныя сакральныя дѣйствія, какъ наприм. игры, празденства и т.п. принадлежатъ всецѣло магистратурѣ.

Одно изъ основныхъ сакральныхъ правъ магистратуры было право сношенія послѣдней съ богами во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, право испрашивать у божества его мнѣніе по поводу предполагаемаго дѣйствія, такъ называемаго *auspicium*.

Боги посылаютъ свои знаки и тогда, когда ихъ объ этомъ просятъ, и тогда, когда они сами желаютъ предупредить людей о своей волѣ. Въ виду этого знаки могутъ быть или случайными, или испрошенными. Такой случайный знакъ могъ видѣть конечно каждый и доложить объ этомъ предпринимавшему дѣйствіе магистрату; вполнѣ зависило, впрочемъ отъ магистрата повѣрить или не повѣрить докладчику. Дѣло было болѣе сложнымъ, когда докладчикомъ являлся магистратъ же, особенно тогда, когда онъ увѣрялъ, что видѣлъ молнію. Такой докладъ нарушалъ теченіе всякаго дѣла. Особенно важно при этомъ было то, что докладчика никто не провѣрялъ и поэтому возможны были крупнѣйшія злоупотребленія этимъ правомъ доклада.

Если видѣть случайные знаки боговъ могъ всякій, то испрашивать таковые могъ только магистратъ при содѣйствіи жреческой коллегіи авгуровъ, или безъ него. Испрашиваемые знаки могли быть либо даны

птицами, либо животными, либо небесными знаменіями. При этомъ опять таки требовался не самый знакъ, а только увѣреніе магистрата, что таковой былъ имъ замѣченъ.

Божественные знаки испрашиваются магистратомъ всегда, когда онъ предпринимаетъ что нибудь новое, будь то однородная серія дѣйствій или дѣйствіе единичное. Особенно важно божественное содѣйствіе при самомъ избраніи магистратати, если боги отказываютъ въ немъ избранному лицу, право сношенія съ ними переходитъ къ основному носителю ауспицій - сенату и черезъ него - къ междуцарю.

Всякое дѣйствіе, на которое боги своего согласія не даютъ, не можетъ, конечно, считаться непроизведеннымъ, но оно считается неправильнымъ и результаты его такъ или иначе устраняются.

4) Власть магистрата тѣмъ отличается отъ власти царской и отъ жреческой, что она срочна. Срокъ, на который даются магистрату полномочія, обыкновенно бываетъ годичнымъ, въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ цензурѣ, болѣе продолжительнымъ. По истеченіи срока своей магистратуры магистратъ передавалъ власть своему преемнику; въ случаѣ, если такового не имѣется, она не остается у лица, окончившаго срокъ, а переходитъ къ носителю власти - сенату и имъ передается междуцарю.

Таковы были внутреннія свойства магистратской власти; не лишнимъ будетъ для насъ ознакомиться вкратцѣ и съ внѣшней стороной магистратуры, т.е.съ тѣми условіями, которыя требовались для полученія званія магистрата, и тѣми внѣшними прерогативами, которыми пользовались магистраты.

Магистратомъ, какъ сказано, могъ быть всякій римскій гражданинъ, съ тѣхъ поръ какъ окончилась въ Римѣ сословная борьба. Но были, конечно, нѣкоторыя ограничивающія право доступа къ магистратурамъ условія. Конечно, прежде всего требовалось для магистрата, чтобы онъ обладалъ правомъ римскаго гражданства, причемъ необходимымъ

условіемъ было, чтобы ни дѣдъ его, ни отецъ не были рабами. Но даже полноправные римскіе граждане, имѣвшіе полное право добиваться магистратуръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишались этого права: такъ нельзя было добиваться двухъ погодныхъ магистратуръ сразу, напр. консульства и претуры (но цензура и консульство были совмѣстимы), нельзя было выступать на слѣдующій годъ кандидатомъ на занимаемую магистратуру, что противорѣчило бы основному свойству магистратуры - срочности ея. Относительно права вообще вторично занимать извѣстную магистратуру позднѣе выработалось правило, по которому между первичной и вторичной магистратурой должно было пройти не менѣе 10 лѣтъ.

Условія, стѣснявшія доступъ къ магистратурѣ, выработались, конечно, постепенно, постепенно присоединялись все новыя правила; въ виду этого, не входя въ подробности, укажемъ только на два основныя принципа, которыми руководились при регулировкѣ правилъ достиженія магистратуръ. Съ одной стороны достиженіе магистратуръ ставилось въ зависимость отъ исполненія гражданиномъ главной гражданской тяготы - военной службы. Требовалось отъ него прослужить опредѣленное количество лѣтъ въ войскѣ или, по крайней мѣрѣ, извѣстное число разъ явиться къ набору. Съ другой стороны стѣснена была свобода добиваться той или другой магистратуры установленіемъ извѣстнаго порядка прохожденія магистратуръ и опредѣленіемъ сроковъ, которые должны были лежать между двумя магистратурами. Въ первомъ отношеніи постепенно выработалась норма, что преторомъ могъ сдѣлаться только тотъ, кто былъ уже квесторомъ, консуломъ тотъ, кто былъ уже преторомъ, причемъ обычаемъ требовалось, чтобы проходившій маги-

---

Прошлогодній исправленный курсъ по исторіи Рима. Листъ 8-й.
Литографія Богданова, Эртелевъ пер., д. 1.
Директоръ

стратскую карьеру не избѣгалъ исполненія эдилитета между квестурой и претурой. Плебейское представительство только очень поздно становится необходимымъ звеномъ магистратской цѣпи. Во второмъ отношеніи установилось правило, чтобы между исполненіемъ двухъ разныхъ магистратуръ проходилъ срокъ, не меньше двухлѣтняго, что въ связи съ требованіемъ отъ кандидата отбытія воинской повинности должно было повести къ требованію отъ кандидата на ту или другую магистратуру извѣстнаго предѣльнаго возраста.

Полученіе магистратуры было прямымъ слѣдствіемъ народнаго избранія, дававшаго магистрату власть на извѣстный срокъ, обыкновенно годъ. При порученіи извѣстному лицу опредѣленнаго дѣйствія магистратская власть поручалась ему или на срокъ, обыкновенно меньше года, или до окончанія порученія, иногда оба способа комбинировались. Годовой срокъ считался отъ дня вступленія въ исправленіе своихъ обязанностей до того же дня слѣдующаго года. При несовершенствѣ римскаго календаря, при случаяхъ смерти или отказа консула до срока, при вступленіе въ дѣйствіе института междуцарствія, благодаря такому отсутствію опредѣленнаго дня вступленія консуловъ въ свои обязанности, получалась въ государственной жизни печальная путаница, отразившаяся тяжело на составѣ нашего преданія. Нѣсколько исправилась путаница ко времени пуническихъ войнъ, когда, наконецъ, установленъ былъ день вступленія магистратовъ въ отправленіе своихъ обязанностей, сначала I5 марта, затѣмъ съ I53 года до Р.Х.началомъ новаго гражданскаго года сдѣлалось I января. Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ и появленіе правила, чтобы въ случаѣ исчезновенія магистратовъ до окончанія срока магистратуры на ихъ мѣсто до окончанія срока избирались замѣстители. Благодаря тому, что день выборовъ, совпадавшій сначала съ днемъ вступленія въ магистратуру, впослѣдствіи отодвинулся назадъ, получились въ составѣ римской магистратуры лица, уже избранныя, но еще не магистраты,

такъ называемыя *magistratus designatus*. Они были въ правѣ пользоваться нѣкоторыми прерогативами магистратуры, преимущественно съ цѣлью подготовить свою магистратскую дѣятельность.

Съ формальной стороны для вступленія избраннаго въ магистратуру необходимы были три акта общественнаго характера: 1) актъ, исходившій отъ собранія народа по куріямъ и имѣвшій, по мнѣнію однихъ, значеніе акта, подтверждавшаго избраніе, по мнѣнію другихъ, клятвы на вѣрность, приносимой народу магистратомъ; 2) актъ вопрошенія боговъ магистратомъ при его вступленіи; боги, при посредствѣ знаменій, высказывались по поводу избранія; 3) бывшая въ обычаѣ клятва вступавшихъ магистратовъ въ томъ, что они будутъ подчиняться законамъ. Всѣ три акта уже рано сдѣлались чистыми формальностями, причемъ въ первомъ случаѣ вмѣсто народа выступало 30 магистратскихъ прислужника, во второмъ регулярно наблюдался самый благопріятный небесный знакъ (молнія при ясномъ небѣ слѣва направо), въ третьемъ общая клятва не устраняла клятвенныхъ обѣщаній при проведеніи каждаго новаго закона.

Удовлетворявшее всѣмъ указаннымъ условіямъ лицо, избранное народомъ и продѣловшее всѣ требовавшіеся формальные акты, становилось магистратомъ римскаго народа. По истеченіи срока магистратъ въ силу этого обстоятельства перестаетъ быть таковымъ. Въ обычаѣ было, чтобы магистратъ передъ уходомъ говорилъ съ народомъ и клялся, что втеченіе своей магистратуры дѣйствовалъ сообразно велѣніямъ закона. До окончанія срока у общины не было средствъ заставить магистрата отказаться отъ своей власти, но она могла ему предложить сложить съ себя званіе, и позднѣе, когда вліяніе народа на государственную жизнь сдѣлалось преобладающимъ, это право предложенія фактически сдѣлалось правомъ смѣщенія. Всѣ распоряженія магистрата послѣ его ухода остаются въ силѣ, если они законны, т.е. являются результатомъ его совмѣстнаго дѣйствія съ народомъ, или резуль-

татомъ его обычной дѣятельности въ силу его опредѣленныхъ полномочій; все же бывшее результатомъ его дискредиціонной власти, но основанное на велѣніи законовъ, только тогда остается дѣйствительнымъ, когда его преемникъ признаетъ и себя связаннымъ распоряженіями своего предшественника.

Дѣятельность магистрата, какъ полномочнаго представителя народной воли, независимаго послѣ избранія отъ народа, собственно говоря, исключаетъ возможность учета его со стороны кого бы то ни было. Но въ предѣлахъ его управленія лежитъ государственная казна, управляемая особыми магистратами. Съ тѣхъ поръ, какъ кассовые управители - квесторы стали избираемыми, они сдѣлались и отвѣтственны, обязаны дать отчетъ въ своемъ управленіи черезъ посредство своихъ преемниковъ сенату. Этимъ путемъ, конечно, косвенно учитался и верховный магистратъ. Этимъ учетомъ и ограничивалась отвѣтственность магистрата какъ такового. За свои противозаконныя дѣйствія онъ могъ подвергнуться преслѣдованію, но уже въ качествѣ частнаго лица, по опредѣленной жалобѣ и въ предѣлахъ общихъ нормъ судопроизводства. Только впослѣдствіи и въ этомъ направленіи сдѣланы были измѣненія, приведшія къ тому, что преступленіе магистрата, особенно вымогательство, судилось въ особой формы судахъ при особо строгихъ наказаніяхъ, мотивированныхъ тѣмъ, что преступленіе совершено было во время исправленія магистратуры.

Магистратурѣ, какъ таковой, присущи были и нѣкоторые внѣшніе знаки отличія: право носить особую верхнюю и нижнюю одежду, право сидѣть тамъ, гдѣ другіе граждане стояли и притомъ на особомъ складномъ стулѣ (*sella curulis*), право появляться внѣ дома въ сопровожденіи прислужниковъ, несшихъ въ рукахъ эмблемы его власти: внутри города розги, внѣ его розги съ топорами. Помощниками магистратовъ являлись оплачиваемые жалованьемъ служители, состав-

лявшіе канцелярію и штабъ магистрата. Составъ ихъ былъ постоянъ, только отъ времени до времени онъ пересматривался и пополнялся.

Магистраты, конечно, жалованья не получали; государство давало имъ только тѣ средства, которыя находило необходимымъ для удовлетворенія имъ государственныхъ нуждъ и пополненіемъ имъ своихъ расходовъ, связанныхъ съ исполненіемъ магистратуры. Послѣднее дѣлалось не въ видѣ оплачиванія счетовъ магистрата, а въ видѣ ассигнованія ему опредѣленной суммы на покрытіе расхода; отчетъ въ расходованіи этихъ суммъ магистратъ давать обязанъ не былъ.

НАРОДЪ И НАРОДНОЕ СОБРАНІЕ.

Римскій народъ составляли изначала всѣ римскіе граждане, какъ патриціи, такъ и плебеи. Фактически первые отстраняли послѣднихъ отъ участія въ государственномъ управленіи, но юридически плебеи по римскимъ представленіямъ всегда были составной частью римскаго народа.

Искони римскій народъ выступаетъ въ политической жизни государства всегда, когда дѣло идетъ о важныхъ фактахъ государственной жизни. Сначала только какъ зритель и одобритель дѣйствій своихъ представителей, затѣмъ какъ рѣшающая инстанція во всѣхъ основныхъ государственныхъ вопросахъ. Но при этомъ незыблемымъ остается основное положеніе, что рѣшеніе народа имѣетъ силу только тогда, когда его созвалъ магистратъ не какъ толпу гражданъ, а какъ политическій организмъ, внѣшнимъ признакомъ чего является собраніе и голосованіе по основнымъ политическимъ дѣленіямъ народа. Такое только собраніе есть *comitium*, остальныя суть *concilia* или *conciones*, только такое собраніе имѣетъ право повелѣвать, только его рѣшеніе есть законъ, связывающій народъ. Сообразно съ развитіемъ римской конетитуціи политическія дѣленія народа мѣнялись.

являлись новые принципы дѣленія, но это новое не вытѣсняло, а ста новилось рядомъ съ старымъ. Старое гражданское дѣленіе на куріи было послѣдовательно смѣнено военнымъ дѣленіемъ на центуріи и новымъ гражданскимъ на трибы. Эти новыя дѣленія одни играли роль въ государственной жизни Рима, куріи, продолжая существовать, ограничены были сакральными функціями и функціями частно правового характера.

Только центуріи и трибы играли въ историческое время роль въ жизни Рима, причемъ предѣлы ихъ функцій не были строго ограничены. Военное дѣленіе на центуріи обнимало весь народъ и поэтому было созываемо вездѣ, гдѣ требовалось рѣшеніе всего народа. По трибамъ первоначально собирались одни плебеи и рѣшеніе ихъ народа не связывало; впослѣдствіи (со времени законодательства децемвировъ) по трибамъ стали собирать все гражданство, имѣвшее недвижимую собственность, первоначально для выбора низшихъ магистратовъ – квесторовъ, впослѣдствіе какъ органъ преторовъ для другихъ менѣе важныхъ дѣлъ, для которыхъ не стоило приводить въ движеніе сложную машину центуріатныхъ комицій. Когда въ составъ трибъ вошли не только собственники, а и всѣ римскіе граждане, гражданскія и военныя собранія утеряли свои основныя различія и трибы, въ силу большей простоты ихъ дѣйствій, пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе.

Процедура голосованій центурій была очень сложна. Созывать ихъ могъ только верховный магистратъ и только внѣ сакральныхъ границъ города. Всѣ подготовительныя дѣйствія совершались въ дни, предшествующіе созыву на сходкахъ (*conciones*). Въ день собранія происходило только голосованіе. На голосованіе народъ созывался глашатаями. Передъ голосованіемъ узнавалась воля боговъ. Распоряжается голосованіемъ созывающій магистратъ. Онъ въ обществѣ своихъ коллегъ и другихъ пожелавшихъ присутствовать высшихъ магистратовъ

сидитъ на возвышеніи, вокругъ котораго стоитъ народъ. По прочтеніи молитвы онъ ставитъ подлежащій рѣшенію вопросъ (*rogat*). Послѣ этого народъ разбивается на свои дѣленія, т.е. на центуріи, и приступаетъ къ голосованію. Голосуютъ центуріи одна за другой; начинаютъ первоначальныя центуріи всадниковъ, впослѣдствіи опредѣленная жребіемъ центурія перваго класса (*praerogativa*). За ней (ними) идутъ центуріи въ порядкѣ классовъ. Голоса подаются устно особымъ счетчикомъ, впослѣдствіи вводится письменная подача голосовъ. Голосованіе прекращается, когда получается абсолютное большинство голосовъ (при выборахъ въ позднѣйшее время относительное).

По трибамъ собирается либо одинъ плебсъ, либо весь народъ, процедура та же; значительно упрощаетъ дѣло то, что голосованіе идетъ одновременно во всѣхъ трибахъ. По окончаніи голосованія внутри трибъ о результатѣ объявляется, причемъ первымъ провозглашается результатъ въ трибѣ, обозначенной жребіемъ. Всякое рѣшеніе народа или предложеніе магистрата народу поступаетъ на разсмотрѣніе сената и можетъ быть имъ подтверждено, либо кассировано.

Дѣятельность комицій сосредоточивается главнымъ образомъ на выборахъ магистратовъ, судебныхъ рѣшеніяхъ и голосованіи законовъ. О первомъ уже была рѣчь, о второмъ будетъ сказано ниже. Наиболѣе важной была третья функція народнаго собранія - голосованіе предложенія магистратовъ, которыя послѣ этого дѣлались связывавшими государство законами. Коренныя основы государственнаго устройства Рима не есть дѣло народа, римляне представляютъ себѣ ихъ созданными магистратурой; и коренныя измѣненія производятся не народомъ и его законами, а магистратами, особо для этой цѣли избранными (децемвиры, Сулла). Обычные магистраты ставятъ на разрѣшеніе народа только частныя измѣненія существующаго порядка или въ пользу извѣстнаго лица (и тогда это будетъ *privilegium*), или имѣю-

щія общее значеніе (*lex*). На дѣлѣ эти измѣненія общаго характера получили очень широкое развитіе и римская конституція измѣнялась ими въ очень широкихъ размѣрахъ. Комиціи не стѣснялись положеніемъ о теоретической неизмѣняемости государственнаго устройства Рима.

Основнымъ свойствомъ римскаго законодательства было и осталось то положеніе, что народъ только отвѣчаетъ на вопросъ, поставленный магистратомъ. Иниціатива отъ народа происходила только при выборахъ, да и то только въ послѣдній періодъ республиканскаго Рима. Во всемъ остальномъ дѣятельную роль играли магистраты, народъ только пассивную. Въ виду этого народъ фактически былъ игрушкой въ рукахъ магистрата и, какъ увидимъ ниже, сената.

Предѣлы компетенціи народнаго собранія не были строго ограничены или вѣрнѣе, мы не въ состояніи указать этихъ границъ. Дарованіе права гражданства, созданіе новыхъ, измѣненіе старыхъ магистратуръ, рѣшенія, касавшіяся новыхъ налоговъ или другихъ гражданскихъ тяготъ, дарованіе привилегій, освобождавшихъ гражданина отъ законовъ - вотъ нѣкоторыя стороны дѣятельности народнаго собранія.

Между двумя основными формами собраній компетенція не была строго подѣлена. Были, однако, дѣйствія, которыя могли совершать только центуріи, какъ напримѣръ народный судъ и выборъ верховныхъ магистратовъ. Въ дѣлѣ законодательства роль играли почти исключительно собранія по трибамъ, какъ болѣе подвижныя, собиравшіяся въ городѣ. Но высшимъ выраженіемъ народной воли считались до конца республики одни центуріатныя комиціи, собранія по трибамъ всегда считались за *comitia leviora*.

СЕНАТЪ.

Если магистраты являются представителями народной воли, то сенатъ, собраніе старѣйшинъ (*seniores*) является выразителемъ

народной мудрости и носителемъ того верховнаго *imperium*, которое, исходя отъ народа, покоится на исполнительной власти, т.е. на царѣ или на магистратѣ. Первоначально сенатъ стоитъ въ непосредственной связи съ родовымъ строемъ общины и членами его, такъ или иначе, являются представители отдѣльныхъ родовъ, по выбору или по желанію верховной власти.

Такой сенатъ - представитель родового строя - относится, однако, ко времени, лежащему внѣ предѣловъ историческаго изслѣдованія. Римская исторія знаетъ только сенатъ, пополняемый магистратами, состоящій изъ опредѣленнаго числа членовъ, можетъ быть, первоначально распредѣленныхъ по дѣленіямъ народа на куріи или трибы. Членомъ этого сената можетъ быть всякій гражданинъ, достигшій возраста 46 лѣтъ. Коренной вопросъ для уразумѣнія сущности римскаго сената, внутренній характеръ этого учрежденія - это опредѣлить его составъ въ ранній республиканскій періодъ, т.е. рѣшить вопросъ о томъ, когда вошли въ него плебеи и въ какія отношенія они стали къ первоначально чисто патриційскому собранію. Данныхъ для рѣшенія этого коренного вопроса у насъ имѣется очень мало. Помимо недостовѣрнаго *quasi* - историческаго преданія о времени появленія плебевъ въ сенатѣ мы имѣемъ только рядъ техническихъ выраженій, указывающихъ на составъ сената въ древній республиканскій періодъ. Таковы термины *patres conscripti*; *patres* - для извѣстной части или всего сената и *conscripti* - для нѣкоторой части сената.

Особенно важно первое выраженіе. Большинство ученыхъ, и среди нихъ Моммзенъ, видятъ въ этой формулѣ указаніе на двойственность въ составѣ сената, на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга части сената - патриційскихъ сенаторовъ, которые одни только носятъ имя *patres* - отцы и *conscripti*, т.е. набранные, имя болѣе общаго характера, которое подходитъ ко всему сенату, но спеціально

къ его плебейской части. Эта двойственность въ составѣ оставила согласно этой теоріи, глубокій слѣдъ въ самой сущности учрежденія Только патриційскій сенатъ есть носитель власти, только патриційскіе сенаторы суть всѣ *interreges*, т. е. носители этой власти кажный въ отдѣльности въ случаѣ, если магистратская власть въ государствѣ никѣмъ не замѣщена. Они одни имѣютъ основное право сената своимъ авторитетомъ подкреплять рѣшеніе народа или магистратское ему предложеніе, наконецъ они одни могутъ говорить, когда магистратъ спрашиваетъ ихъ совѣта.

Другая теорія, видя въ *conscripti* опредѣленіе къ *patres* не находитъ двойственности въ составѣ сената, думая, что сенатъ до того времени, когда плебеи вступили въ него въ качествѣ полноправныхъ членовъ, сохранялъ чисто патриційскій характеръ, т.е. былъ однороденъ въ своемъ составѣ. Наиболѣе сильнымъ представителемъ этого взгляда является Виллемсъ.

Не входя въ подробный разборъ вопроса, надо было все таки отмѣтить разногласіе и стать на ту либо на другую сторону, такъ какъ отъ того или другого рѣшенія вопроса зависитъ общій взглядъ на сенатъ и его развитіе. И съ филологической точки зрѣнія, и съ исторической, преимущество[illegible], какъ кажется, находится на сторонѣ Момзена.

Итакъ составъ сената двойствененъ: онъ состоитъ изъ полноправныхъ и неполноправныхъ членовъ; послѣдніе своимъ присутствіемъ только подкрѣпляютъ авторитетность того или другого мнѣнія, высказаннаго магистратомъ или полноправнымъ сенаторомъ. Разница эта остается въ полной силѣ до тѣхъ поръ, пока составъ сената всецѣло зависитъ отъ воли верховныхъ магистратовъ - консуловъ, т.е. пока консулы не только пополняютъ сенатъ, но и имѣютъ право исключить каждаго сенатора изъ списковъ безъ объясненія причинъ.

Это консульское право, однако, фактически ограничено обычаемъ, т.е. тѣмъ основнымъ положеніемъ, что каждый сенаторъ остается таковымъ пожизненно и что не во власти консула лежитъ уменьшить или увеличить строго опредѣленное число членовъ сената.

Нѣсколько измѣнилось дѣло со времени Овиніева закона (312 г.), когда консулы лишились своего права пополненія сената, и это право перешло изъ ихъ рукъ въ руки особыхъ магистратовъ - цензоровъ. Основная разница новаго порядка отъ стараго лежала въ томъ, что теперь пополненіе совершалось не ежегодно, а черезъ пятилѣтіе промежутки, т.е. каждый сенаторъ могъ быть увѣренъ въ томъ, что останется таковымъ въ теченіе пяти лѣтъ. Еще важнѣе было то, что исключеніе совершалось только на основаніи формулированнаго указанія причины его. Пополненіе и исключенія совершались въ формѣ пересмотра списка сенаторовъ, причемъ составъ сената долженъ былъ пополняться согласно закону изъ лучшихъ людей безъ различія сословій и положенія.

Уже до Овиніева закона установился обычай, чтобы тотъ, кто въ качествѣ консула предсѣдательствовалъ въ сенатѣ, по сложеніи съ себя магистратуры входилъ въ составъ сената въ качествѣ претендента на первое очистившееся въ сенатѣ мѣсто. Этимъ путемъ очевидно плебеи фактически получили полныя права членовъ сената, распространившіяся, однако, только на функціи его, какъ совѣщательнаго учрежденія; такой обычай вступленія въ сенатъ бывшихъ верховныхъ магистратовъ развился въ право и настало время, когда цензоры должны были считаться съ этимъ правомъ, выражавшемся въ томъ, что при пересмотрѣ списковъ они обязаны были внести въ списки сначала только верховныхъ магистратовъ, затѣмъ всѣхъ курульныхъ (консуловъ, преторъ, эдиловъ), далѣе всѣхъ плебейскихъ магистратовъ; развитіе закончилось такимъ же правомъ на мѣсто въ сенатѣ квесторовъ.

этимъ путемъ были разрушены основы стараго сената. Изъ совѣщательнаго органа, всецѣло зависимаго отъ верховной власти, онъ дѣлается независимымъ учрежденіемъ, выбираемымъ народомъ, правда, учрежденіемъ, находящимся подъ контролемъ регулярныхъ магистратовъ - цензоровъ.

Нарушается и второе основное свойство сената - его опредѣленная численность. Разъ сенатъ пополняется только черезъ каждые пять лѣтъ и притомъ въ немъ засѣдаютъ въ силу права всѣ или почти всѣ бывшіе магистраты, ни фиктивная, ни тактическая числовая норма не могутъ быть удержаны.

Въ силу указанныхъ измѣненій сенатъ получаетъ въ политической жизни государства другую, болѣе широкую роль, чѣмъ та, которую онъ имѣлъ, будучи исключительно совѣщательнымъ органомъ магистратовъ. Въ одномъ отношеніи сенатъ въ эпоху полнаго развитія республиканскаго строя въ Римѣ болѣе потерялъ, чѣмъ выигралъ. Это въ той области своей дѣятельности, которая ему принадлежала, какъ чисто патриційскому учрежденію, т.е. теперь принадлежала только одной его части. Патриційскій сенатъ продолжаетъ быть носителемъ верховной магистратской власти и поставщикомъ междуцарій, но вторая сторона его дѣятельности - санкція рѣшеній народа, его *auctoritas* постепенно все болѣе и болѣе становится государственной правовой санкціей.

Первоначально всякое магистратское предложеніе, принятое народомъ вновь неслось имъ (*referre*) на судъ сената, и сенатъ санкціонировалъ его своимъ авторитетомъ или оказывалъ ему въ этой санкціи. Отказъ мотивировался, вѣроятно, не столько несогласіемъ сената съ предложеніемъ по существу дѣла, сколько формальными упущеніями несоотвѣтствіемъ предполагаемаго дѣйствія съ установившемся обычаемъ, освященнымъ стариной.

Въ концѣ 3-го вѣка санкція давалась уже не рѣшенію народа, а предложенію магистрата, т.е. не послѣ голосованія комицій, а до него. И эта мѣра, а главное увѣренность въ ненужности такого чисто формальнаго контроля привели законодательнымъ ли путемъ или въ силу обычая къ тому, что актъ *auctoritas* сдѣлался чистой формальностью.

Значительную роль играло при этомъ и то обстоятельство, что *auctoritas* была дѣломъ све уменьшавшейся части сената, его патриційскихъ членовъ, а между тѣмъ весь патриційско-плебейскій сенатъ стремился теперь играть роль въ государствѣ и именно въ силу присущихъ ему функцій.

Функціей же его, особенно съ тѣхъ поръ, какъ исчезла разница между патриційскими и плебейскими его членами, т.е. когда въ сенатъ стали попадать исключительно избранники народа, бывшіе магистраты, было совмѣстное дѣйствіе съ магистратомъ, обусловленное однако обращеніемъ магистрата къ содѣйствію сената. Содѣйствіе сената состояло въ томъ, что онъ высказывалъ свое мнѣніе по данному вопросу, мнѣніе, которое отнюдь не было приказаніемъ, а дѣйствовало только въ силу авторитетности тѣхъ лицъ, которые его высказывали.

Случаи, когда магистратъ обращался къ сенату и когда нѣтъ, закономъ предусмотрѣны не были, тутъ всецѣло царилъ обычай. Прежде всего изъ сферы совѣтовъ сената была совершенно исключена вся обычная дѣятельность магистрата: судопроизводство, командованіе войскомъ, выборъ обыкновенныхъ магистратовъ совершается внѣ предѣловъ сенатскаго мнѣнія, здѣсь дѣйствуетъ неопредѣленный по составу и временный совѣтъ магистрата.

Но во всемъ, что выходитъ за предѣлы обычной дѣятельности магистрата, обычай требовалъ сенатскаго подтвержденія намѣреній магистрата, сенатской *auctoritas* или вообще сенатскаго рѣшенія (*con-*

sultum) или мнѣнія (*sententia*) Эти сенатскія мнѣнія всегда разбирали вопросъ по существу, а не съ личной точки зрѣнія, т.е, говорили о необходимости выбора экстроординарныхъ магистратовъ, не называя лицъ, о необходимости отправки посольствъ, дѣлежа компетенціи между магитстратами и т.д. Дѣятельность сената распространяется почти на всѣ стороны государственной жизни, пріобрѣтая вездѣ руководящую роль.

Такъ, въ дѣлахъ культа магистратъ дѣйствуетъ самостоятельно только въ предѣлахъ обычной своей дѣятельности. Чуть дѣло касается новшества: новаго культа, ассигновки денегъ на исполненіе магистратскихъ обѣтовъ, необычайнаго праздника и вообще всего, выходящаго изъ обычныхъ рамокъ, магистратъ дѣйствуетъ только по соглашенію съ сенатомъ.

При отсутствіи возможности говорить и выяснять новые законы въ народномъ собраніи и при необходимости такого выясненія мѣстомъ его естественно явился сенатъ. Обязательнымъ такое предварительное совѣщаніе въ сенатѣ, конечно, не было, но въ силу обычая стало таковымъ, такъ какъ неугодное сенату предложеніе всегда могло быть кассировано въ народномъ собраніи однимъ изъ трибуновъ. Этого установленнаго обычаемъ предварительнаго права совѣщанія сената о законоположеніяхъ не надо, однако, смѣшивать съ предварительнымъ дарованіемъ закону сенатской *auctoritas* такъ какъ по существу законъ необходимо долженъ былъ быть утвержденнымъ патриційской частью сената, предварительно же разбирался въ сенатѣ въ силу обычая.

Незначительна была роль сената при выборахъ здѣсь она ограничивалась этими совѣтами, которые сенатъ могъ давать магистрату по его просьбѣ. Установленнаго обычаемъ, т.е. *quasi*-законнаго вмѣшательства сената въ ходъ выборовъ исторія не выработала.

Также ничтожна была дѣятельность сената по отношенію къ правосудію. Судебной инстанціей сенатъ въ хорошее республиканское время никогда не былъ, даже судебно-правовыя нормы вырабатывались преторами самостоятельно безъ привлеченія къ этому дѣлу сената, хотя бы въ роли совѣщательнаго органа.

Крупнѣе было значеніе сената въ вопросахъ, касавшихся спокойствія въ Римѣ и Италіи и тѣхъ принудительныхъ мѣръ, которыя принимались магистратами для его поддержанія. Вездѣ, гдѣ магистратъ отклонялся отъ обычныхъ правовыхъ нормъ, онъ обращался за содѣйствіемъ или за санкціей къ сенату. Такимъ путемъ у сената явилось право помилованія осужденнаго на смерть преступника путемъ превращенія по соглашенію съ магистратомъ этого наказанія въ пожизненное заключеніе. Этимъ путемъ сенатъ вмѣшивается въ тѣ дѣла, которыя грозятъ смутой государству, т.е. дѣла о массовыхъ заговорахъ или о распространеніи вредныхъ для государства ученій. Такъ было, напримѣръ, въ 184 г. до Р.Х., когда государство нашло нужнымъ задержать распространеніе культа Вакха, грозившаго оказать вредное вліяніе на общественную нравственность.

Изъ этого же совмѣстнаго съ магистратами дѣйствія развилось и одно изъ наиболѣе важныхъ и спорныхъ правъ сената - право объявлять государство въ опасности и давать въ руки верховнымъ магистратамъ дискреціонную власть для устраненія этой опасности (*senatus consultum ultimum*). Существованія такого права за сенатомъ демократическая партія не признавала никогда. Наиболѣе широкое примѣненіе своей дѣятельности сенатъ нашелъ въ регулировкѣ военной жизни Рима, жизни финансовой и внѣшнихъ его сношеній. Казалось бы, война и все съ нею связанное, менѣе всего могла вызывать вмѣшательство сената, на дѣлѣ же на регулировкѣ этой области государственной жизни болѣе, чѣмъ какой либо другой, зиждет-

ся постепенное развитіе сенатскаго могущества.

Сенатъ вмѣшивается прежде всего въ ежегодный наборъ. Помимо того, что наборъ и вообще считался мѣрой, выходящей изъ ряда обычныхъ (въ дѣйствительности онъ уже рано входитъ въ рядъ обычныхъ магистратскихъ дѣйствій), у сената постоянно является возможность регулировать дѣйствія магистратовъ благодаря тому, что рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы магистратамъ не понадобился лишній контингентъ для веденія войны, т.е. мѣра, выходившая за предѣлы его обычной компетенціи и требовавшая предварительнаго обсужденія въ сенатѣ. Этимъ путемъ въ предѣлы дѣятельности сената вошла вся внѣшняя политика Рима, поскольку она неразрывно связана была съ постоянными войнами за расширеніе римской гегемоніи.

Не менѣе силы давало въ руки сената и то, что въ его распоряженіи очутилось фактически и право дѣлежа власти, т.е. компетенціи (*provinciae*) между верховными магистратами. Фактическое распоряженіе римскимъ войскомъ дало сенату въ руки и это право указанія магистрату той или другой области дѣйствій, что собственно первоначально зависѣло всецѣло отъ соглашенія коллегъ. Особенно обычнымъ стало предварительное рѣшеніе сената тамъ, гдѣ дѣло шло о посылкѣ магистрата внѣ Италіи и о разграниченіи компетенцій во время заморской войны. Это сенатское право опредѣленія компетенцій было узаконено и вмѣстѣ съ тѣмъ стѣснено закономъ Г.Гракха 123г., по которому сенатское опредѣленіе провинцій одѣлалось обычнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограничено было тѣмъ, что распредѣляемыя компетенціи опредѣлялись до выбора магистратовъ, а затѣмъ распредѣлялись между коллегами по жребію или по соглашенію.

Въ самое веденіе войны сенатъ также нашелъ способъ вмѣшаться при посредствѣ своихъ посольствъ къ ведущему войну магистрату. Сенатскіе послы въ силу присущаго имъ авторитета имѣли на полководца немалое

вліяніе: отъ ихъ совѣтовъ часто зависѣло то или другое рѣшеніе магистрата. Все это ставило въ зависимость отъ сената всю внѣшнюю политику Рима въ военное время, постоянный контроль надъ полководцами, постоянная зависимость ихъ отъ сената во всемъ, что касалось войска и средствъ на веденіе войны, какъ увидимъ ниже, сдѣлали сенатъ дѣйствительнымъ руководителемъ если не отдѣльныхъ походовъ, то всякой войны въ ея цѣлости. Въ связи съ этимъ стоитъ и монополія сената на сношенія съ иностранными государствами въ мирное время. Международныя отношенія регулируются обыкновенно при посредствѣ посольствъ; посольства же посылалъ не магистратъ или полководецъ, а всегда сенатъ и притомъ всегда изъ своихъ членовъ. При этомъ сенатъ только опредѣляетъ число членовъ посольства и вырабатываетъ инструкцію, предсѣдательствующій магистратъ опредѣляетъ лица. Съ другой стороны и посольства иностранныхъ державъ сносятся непосредственно съ сенатомъ черезъ предсѣдательствующаго магистрата. Этимъ путемъ магистратура была фактически устранена отъ руководства внѣшними дѣлами и продолжала играть роль посредника между сенатомъ и зависимыми иностранными державами.

Правда, договоры заключались обыкновенно магистратомъ на мѣстѣ по окончаніи войны, но фактически и это входило въ предѣлы компетенціи сената, такъ какъ договоръ считался окончательнымъ только тогда, когда онъ былъ признанъ народомъ, это же могло случиться только послѣ всесторонняго разсмотрѣнія его въ сенатѣ. Поэтому то постоянно послѣ войны при магистратѣ появляются для выработки

Лекціи по исторіи Рима. Прошлогодній исправленный курсъ. Листъ 9. Литографія Богданова. Эртелевъ пер. д.I. Директоръ

условій мирнаго договора сенатскія комиссіи.

Вся эта всесторонняя дѣятельность сената дополнялась еще тѣмъ, что въ его рукахъ находилось и распоряженіе матеріальными средствами общины. Объясняется это еще тѣмъ, что всѣ почти расходы римской общины носятъ характеръ расходовъ экстрaординарныхъ, т.е. не входятъ въ предѣлы обычной магистратской компетенціи. Таковы оба главные расхода римской общины: на постройки и на военныя нужды. Всегда такимъ образомъ на ассигнованіе суммъ на эти нужды требовалось разрѣшеніе сената, хотя деньги немедленно же и фактически безконтрольно передавались въ распоряженіе магистрата. Благодаря такому фактическому завѣдыванію казной, сенатъ являлся завѣдующимъ и государственнымъ имуществомъ, т.е. основными доходами общины. Въ этомъ направленіи однако сенатъ довольствовался контролемъ надъ правильнымъ пользованіемъ имуществами, предоставляя организацію пользованія при посредствѣ откупа особымъ магистратамъ - цензорамъ.

Таковы въ общихъ чертахъ предѣлы сенатской компетенціи; она вся основана на обычаѣ и на постоянствѣ этого учрежденія сравнительно съ постоянно мѣняющейся магистратурой. По сравненію съ суверенным народнымъ собраніемъ сенатъ имѣетъ то преимущество, что онъ численно ограниченъ и что онъ имѣетъ право дебатовъ, а не только право принятія или непринятія магистратскаго предложенія. Въ виду этого здѣсь особенно важно познакомиться съ тѣми внѣшними формами, въ которыя вылилась дѣятельность сената, такъ какъ въ этомъ болѣе, чѣмъ въ чемъ либо другомъ лежитъ причина его первенствующей роли въ жизни римскаго государства.

СОЗЫВЪ СЕНАТА.

Сенатъ, какъ совѣщательное учрежденіе, какъ постоянный магистратскій совѣтъ, не можетъ собираться по своему желанію, его всегда созываетъ магистратъ. Первоначально его собираютъ исклю-

чительно верховные магистраты, консулы, затѣмъ то же право получаютъ преторы и, наконецъ, трибуны. Но и преторы, и трибуны дѣйствуютъ только рядомъ или вмѣсто консуловъ, истинными президентами сената всегда были консулы. Совмѣстное съ сенатомъ дѣйствіе трибуновъ объясняется тѣмъ, что и имъ, какъ и консуламъ, постоянно бываетъ необходимо сноситься съ сенатомъ для проведенія того или другого плебисцита, нуждавшагося, какъ и всякій законъ, въ предварительной санкціи сената.

Магистраты созывали сенатъ либо особымъ выставленнымъ заранѣе объявленіемъ, либо въ случаѣ спѣшки разсылкой служителей по домамъ сенаторовъ. Въ виду этого сенаторы не могли отлучаться изъ Рима безъ особаго каждый разъ на то разрѣшенія.

Какъ и всякій актъ государственной жизни въ Римѣ, и засѣданія сената происходили по преимуществу въ освященномъ мѣстѣ *templum*, но не подъ открытымъ небомъ. Обыкновенно сенатъ собирался въ особомъ, выстроенномъ для этой цѣли зданіи *curia*, находившемся въ непосредственной связи съ мѣстомъ народныхъ собраній - комиціемъ; и въ этомъ выражалась неразрывная связь сената и народа, взаимно другъ друга дополнявшихъ. Но и внѣ куріи, въ другомъ какомъ либо крытомъ помѣщеніи могъ собираться сенатъ и дѣйствительно онъ постоянно собирался въ различныхъ храмахъ города Рима, преимущественно тѣхъ, которые находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ форума. Иногда сенатъ собирался внѣ города, когда ему нужно было совѣщаться съ лицами, не имѣвшими права входить въ городъ и терявшими въ немъ нѣкоторыя свои права, напримѣръ, послы враждебныхъ государствъ.

Опредѣленныхъ дней собранія не было, не было даже регулировки собраній характеромъ того или другого дня: сенатъ могъ собираться во всѣ дни, независимо отъ той или другой квалификаціи. Суще-

ствовало только со 2 вѣка до Р.Х. законное распоряженіе, согласно которому совпаденіе дней народныхъ собраній съ собраніями сената не допускалось. Но и этотъ законъ обходили.

Каждый сенаторъ обязанъ быть въ засѣданіи и магистратъ имѣетъ право принудить его явиться въ случаѣ нежеланія. Но право принужденія на практикѣ не примѣнялось и на засѣданіяхъ рѣдко присутствовали всѣ или даже большинство сенаторовъ, хотя для рѣшенія извѣстныхъ дѣлъ и существовалъ законный минимумъ, который впрочемъ только тогда служилъ препятствіемъ законности рѣшенія, если фактъ отсутствія требуемаго числа былъ констатированъ въ засѣданіи.

Предсѣдательствуетъ въ засѣданіи обыкновенно, какъ сказано, консулъ. Отъ него зависитъ всецѣло, о чемъ говорить съ сенатомъ, только путемъ обхода закона сенатъ могъ заставить магистрата обсуждать то, что онъ считаетъ необходимымъ. Предметы обсужденія не были извѣстны заранѣе. ходъ засѣданія былъ таковъ. Передъ открытіемъ засѣданія магистратъ предсѣдатель испрашивалъ знаменіе боговъ. Затѣмъ онъ съ своего предсѣдательскаго мѣста, вѣроятно, находившагося на возвышеніи, а можетъ быть въ глубинѣ залы, ставилъ вопросъ и испрашивалъ мнѣніе собранія по этому вопросу. Обыкновенно однако магистратъ этимъ не ограничивался, а въ рѣчи выяснялъ фактическую сторону предлагаемаго вопроса, не предрѣшая его. Послѣ этого вопросъ, если не требовалъ обсужденія, прямо ставился на голоса, но обыкновенно магистратъ предварительно опрашивалъ мнѣнія сенаторовъ, причемъ обращался съ вопросомъ къ каждому въ отдѣльности, придерживаясь порядка списка сенаторовъ, гдѣ во главѣ стояли бывшіе консулы, затѣмъ бывшіе преторы и т.д. Но, если въ засѣданіи присутствовали магистраты, выбранные на будущій годъ, право голоса принадлежало прежде всего имъ, затѣмъ остальнымъ сенаторамъ по порядку. Присутствовавшіе въ засѣданіи магистраты могли гово-

рить, когда имъ угодно, но въ голосованіи не участвовали: Это право магистрата вмѣшиваться въ дебаты въ любое время значительно оживляло пренія и служило нерѣдко причиной оживленныхъ словесныхъ дуэлей (*altercatio*).

Каждый спрошенный сенаторъ могъ говорить что ему угодно и сколько ему угодно времени. Онъ имѣлъ право, не держась строго предмета обсужденія, возбуждать новые вопросы и развивать свой взглядъ на нихъ. Такъ какъ засѣданіе съ восходомъ солнца считалось закрытымъ, то обычнымъ пріемомъ было говорить до вечера и тѣмъ заставить отложить дѣло до слѣдующаго засѣданія.

Въ предѣлахъ этой полной свободы слова и предложенія сенаторъ не могъ только одного - воздержаться отъ выраженія своего мнѣнія. Мнѣніе должно было быть выражено либо самостоятельно въ особой рѣчи, либо путемъ присоединенія къ уже высказанному мнѣнію.

По окончаніи спроса мнѣній магистратъ перечисляетъ высказанныя предложенія, устраняетъ тѣ, которыя не идутъ къ дѣлу, остальныя же ставитъ на голоса въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ считаетъ наиболѣе удобнымъ. Голосованіе совершается путемъ перемѣщенія сенаторовъ, держащихся извѣстнаго мнѣнія, къ автору его и удаленія всѣхъ несогласныхъ въ другую половину зала. Послѣ этого магистратъ, не считая голосовъ, объявляетъ, на чьей сторонѣ большинство. Каждое рѣшеніе сената могло быть кассировано трибуномъ; въ этомъ случаѣ оно связывающей силы не имѣло, но оставалось авторитетнымъ мнѣніемъ и, какъ таковое, могло быть записано.

Послѣ голосованія, если не было другихъ дѣлъ, магистратъ распускалъ сенатъ словами: "я васъ не задерживаю, *patres conscripti*." Такова была схема сенатскихъ засѣданій. Но въ предѣлахъ этой схемы можно отмѣтить сотни вариацій. Полная свобода слова и неограниченность дебатовъ извѣстнымъ рядомъ вопросовъ, далѣе инициатива

всѣхъ магистратовъ вели за собой то, что въ сенатѣ обсуждались всѣ вопросы, волновавшіе Римъ, что всякое крупное событіе немедленно находило себѣ отголосокъ въ сенатѣ, и эта отзывчивость сената и способность реагировать на все и были основной причиной сосредоточенія всей власти въ рукахъ сената.

Орудіемъ дѣятельности сената былъ сенатусъ-консультъ - постановленіе сената по поводу того или другого вопроса. Всѣ сенатусъ-консульты записывались, редактировались по опредѣленному образцу особой комиссіей изъ сенаторовъ и затѣмъ хранились въ особомъ архивѣ. Публиковались они только въ исключительныхъ случаяхъ.

8б.л ЗАСѢДАНІЕ РИМСКАГО СЕНАТА 5 ДЕКАБРЯ 63 Г. ДО Р.Х.

63 годъ, годъ консульства Цицерона, былъ выдающимся годомъ въ исторіи послѣдняго вѣка республиканскаго Рима. Въ этомъ году государству грозили новыя смуты, новыя междуусобія, подобныя Маріевымъ и Сулловымъ. Этими междуусобіями государство было обязано шайкѣ честолюбцевъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ на безпрепятственную и привильную магистратскую карьеру и обремененныхъ огромными долгами. Отъ этой смуты спасъ Римъ тогдашній консулъ М.Туллій Цицеронъ, раскрывшій заговоръ и изобличившій цѣлымъ рядомъ мѣръ заговорщиковъ.

Вѣрнымъ зеркаломъ всего хода роста и раскрытія заговора являются засѣданія сената этого года.

Катилиновъ заговоръ разыгрался на почвѣ его неудачной попытки быть избраннымъ въ консулы: онъ желалъ добиться своего легальнымъ путемъ, но на всякій случай имѣлъ въ запасѣ и путь нелегальный, революціонный, основанный на соглашеніи съ рядомъ друзей и соумышленниковъ, надѣявшихся поживиться во время революціонныхъ смутъ.

За день до выборовъ Катилина въ общемъ собраніи заговорщиковъ излагаетъ свой планъ насильственныхъ дѣйствій въ случаѣ неудачи своей на выборахъ. Его рѣчь дѣлается извѣстной консулу, онъ от-

мѣняетъ выборы и созываетъ сенатъ въ экстренное собраніе. Все засѣданіе сводится къ рѣчи консула, въ которой онъ интерпеллируетъ главу заговора Катилину, присутствовавшаго, конечно, въ сенатѣ. Но у него въ рукахъ нѣтъ доказательствъ, и Катилина ловкимъ отвѣтомъ парируетъ громовую рѣчь Цицерона. Онъ откровенно выступаетъ въ немъ, но не главой заговора, а главой партіи, сводя нападки консула къ розни боровшихся въ Римѣ политическихъ партій.

"Государство состоитъ изъ двухъ тѣлъ: слабаго съ слабой головой и сильнаго, но безъ головы: послѣднее, если будетъ того достойно, будетъ имѣть голову, пока живъ онъ, Катилина".

Засѣданіе это происходило въ іюлѣ. Въ сентябрѣ состоялись выборы и Катилина провалился. Ему оставалось одно - насиліе.

Но у консула въ рукахъ все еще не было доказательствъ, и Катилина могъ спокойно готовиться къ своему рѣшительному удару. Только 21 октября Цицеронъ узналъ, что рѣшительный день назначенъ на 27 окт., когда заговорщики должны были взяться за оружіе въ Италіи, 28 должно было состояться избіеніе главарей сенатской партіи, а 1-го ноября Катилина долженъ былъ завладѣть Пренесте.

Консулъ собираетъ сенатъ, сенатъ объявляетъ государство въ опасности и поручаетъ консулу чрезвычайную власть. Заговоръ не удался, но Катилина не бросаетъ дѣла. 22 декабря, условившись съ соумышленниками, онъ объявляетъ имъ, что въ ближайшемъ будущемъ выѣзжаетъ изъ Рима къ войскамъ, собраннымъ въ Этруріи. Заговоръ на жизнь Цицерона не удается.

Все это Цицеронъ сообщаетъ сенату въ засѣданіи 7 ноября, въ которомъ Катилина имѣлъ смѣлость присутствовать. Доказательствъ противъ него у консула всего еще не было, и рѣчью совей Цицеронъ хотѣлъ вырвать какое нибудь признаніе у Катилины. Вотъ почему въ концѣ рѣчи онъ предлагаетъ ему раскрыть карты и немедленно уѣхать изъ

Рима къ этруской арміи. Засѣданіе сената убѣдило Катилину, что и сенатъ, и народъ вѣрятъ консулу и что ему остается либо сдаться, либо покинуть Римъ. Онъ и уѣзжаетъ яко бы въ изгнаніе, въ самомъ дѣлѣ къ арміи.

Только послѣ отъѣзда Катилины къ войску и послѣ объявленія его врагомъ отечества, Цицеронъ получилъ, наконецъ, въ свои руки явныя доказательства существованія заговора съ именами всѣхъ заговорщиковъ. Всѣ доказательства были доложены сенату и сенатъ приказалъ арестовать заговорщиковъ. Въ тотъ же день, 3-го дек., консулъ сообщаетъ о случившемся народу.

Желая прикрыться сенатомъ, не имѣя смѣлости лично произвести экзекуцію заговорщиковъ, Цицеронъ вновь созываетъ сенатъ 5-го дек. Это памятное засѣданіе извѣстно намъ во всѣхъ его подробностяхъ и превосходно иллюстрируетъ ходъ засѣданія сената и способъ рѣшенія въ немъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ.

Въ засѣданіи присутствовало I4 консуляровъ, сидѣвшіе въ первыхъ рядахъ, за ними сидѣли бывшіе преторы, далѣе бывшіе трибуны, наконецъ, бывшіе квесторы - все цвѣтъ римской аристократіи.

"Цицеронъ, открывъ засѣданіе обычными формальностями, ставитъ кратко собранію вопросъ, на который онъ ожидаетъ отвѣта: "что слѣдуетъ рѣшить относительно арестованныхъ?" Ему нечего было входить въ подробности, такъ какъ дѣло шло о только что случившихся и всѣмъ извѣстныхъ событіяхъ.

Первымъ спрошеннымъ о мнѣніи былъ, согласно обычаю, избранный на будущій годъ консулъ Д.Юлій Силанъ. Мы не знаемъ точно его словъ; согласно Саллюстію, онъ высказался за примѣненіе къ заговорщикамъ "крайняго наказанія", что всѣми было понято, какъ осужденіе на смерть. Л.Лициній Мурена, другой будущій консулъ, присоединился къ этому мнѣнію, равно какъ и всѣ консуляры безъ исключенія.

Консулъ переходитъ тогда къ опросу мнѣнія у преторіевъ. Г.Юлій Цезарь, избранный на будущій годъ преторомъ, встаетъ и произноситъ рѣчь, которую Саллюстій попытался возстановить не столько съ формальной ея стороны, сколько по содержанію. Держась точныхъ данныхъ, даваемыхъ четвертой рѣчью Цицерона и рѣчью, приписываемой Плутархомъ Катону, можно представить себѣ, каковъ былъ тонъ рѣчи Цезаря и его основное положеніе.

До него всѣ высказывавшіе свое мнѣніе смотрѣли на сенатъ, какъ на судебную инстанцію, долженствовавшую произнести приговоръ сознавшимся преступникамъ, пойманнымъ на мѣстѣ преступленія. Такое обыкновенное судебное дѣло Цезарь обращаетъ въ политическій вопросъ первой важности. За отсутствіемъ вождя демократовъ Красса онъ беретъ на себя роль вождя партіи и выступаетъ представителемъ ея интересовъ.

Онъ ставитъ вопросъ о системѣ принятія диктаторскихъ мѣръ, послѣднемъ рессурсѣ сенатской партіи: онъ нападаетъ на нее не столько съ точки зрѣнія принципа, сколько съ точки зрѣнія ея послѣдствій. Напомнивъ о послѣднемъ по времени законѣ, охранявшемъ личную свободу гражданина, Семпроніевомъ законѣ Г.Гракха, онъ оспариваетъ право сената и консуловъ произносить гражданамъ смертный приговоръ. Но наибольшее впечатлѣніе произвелъ онъ на собраніе, когда заговорилъ объ опасности оставленія пути законности. Онъ привелъ на память недавнія событія, напомнилъ объ эксцессахъ Сулловой эпохи; затѣмъ, обращая свои взоры на будущее, онъ далъ понять, что капризная судьба можетъ вновь привести къ кормилу правленія побѣжденную партію и она, конечно, воспользуется прецедентомъ, чтобы пустить въ ходъ насильственныя мѣры. Такова была, конечно, та угроза, о которой говоритъ Катонъ, когда онъ упрекаетъ Цезаря въ томъ, что онъ терроризовалъ сенатъ. Ораторъ заключилъ свою рѣчь предложеніемъ конфисковать имущество осужденныхъ, заключить ихъ въ

муниципіи, наиболѣе надежныя, съ запрещеніемъ когда бы то ни было снять наказаніе подъ страхомъ быть объявленнымъ врагомъ государства.

Задача, которую взялъ на себя Цезарь, была рискованной и опасной онъ открыто шелъ противъ общаго настроѣнія сената; но она не была ниже его силъ; онъ маневрировалъ съ такой ловкостью, развилъ такое краснорѣчіе, что его рѣчь произвела на собраніе глубокое и неожиданное впечатлѣніе.

Тогда опытные вожаки консервативной партіи, сохранившіе присутствіе духа, сдѣлали послѣднее усиліе, чтобы уничтожить впечатлѣніе, произведенное рѣчью противника. Они не могли выступить сами съ отвѣтной рѣчью, ихъ право рѣчи было исчерпано, и инстинктивно они обращаютмя къ президенту сената, не подчиненному общему правилу и имѣвшему право выступить съ рѣчью, когда ему то было угодно. Они покинули свои мѣста, взошли на эстраду, окружили курульное кресло магистрата и просили его присоединить свой голосъ къ голосу большинства, которому грозило полное пораженіе. Каково бы ни было краснорѣчіе консула, предпріятіе было рискованнымъ тѣмъ болѣе, что въ своемъ качествѣ президента онъ не могъ открыто выступить противъ оратора. Его роль можно сравнить съ ролью предсѣдателя суда. Дѣйствительно, президентъ сената не только не имѣлъ права производить какое бы то ни было давленіе на сенаторовъ, но онъ былъ обязанъ не высказывать даже въ извѣстной степени своего личнаго мнѣнія.

Въ этомъ духѣ и была рѣчь, произнесенная Цицерономъ въ нашемъ засѣданіи. Онъ ограничивается напоминаніемъ всѣмъ извѣстныхъ фактовъ и уликъ, говоритъ о серьезности положенія и о грозящей опасности, о необходимости принять какое бы то ни было рѣшеніе до наступленія ночи: всякая задержка грозитъ гибелью. Затѣмъ онъ приводитъ высказанныя положенія; его цѣлью было ослабить впечатлѣніе рѣ-

чи Цезаря, но онъ не могъ открыто полемизировать съ нимъ. И Цицеронъ въ этомъ затруднительномъ положеніи совершилъ настоящій *tour de force* : онъ сумѣлъ высказать свое сужденіе объ обоихъ мнѣніяхъ и указать собранію на то, которое онъ считаетъ правильнымъ и при всемъ этомъ его нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ хоть на минуту уклонился отъ той сдержанности, которая была въ данномъ случаѣ его обязанностью.

Онъ ловитъ Цезаря на словѣ; Цезарь предлагаетъ наказаніе болѣе страшное, чѣмъ смерть. Онъ сумѣлъ указать на трудность исполненія предложенія Цезаря. Главный аргументъ Цезаря - свобода личности гражданина - онъ пытается ослабить указаніемъ на то, что что уличенные заговорщики *eo ipso* не граждане болѣе.

Все же, и это несомнѣнно, рѣчь президента не ослабила впечатлѣнія, произведеннаго рѣчью Цезаря.

Итакъ, послѣ своей рѣчи консулъ продолжаетъ опросъ мнѣній; онъ обращается къ преторіямъ. Одинъ изъ нихъ, Тиб.Неронъ, высказываетъ новое мнѣніе. Это было среднее между двумя уже высказанными: онъ предложилъ отложить сужденіе до тѣхъ поръ, пока не будутъ приняты необходимыя мѣры охраны. Возможно, что Неронъ дѣйствовалъ въ интересахъ консервативной партіи. Мнѣніе Силана и Цицерона послѣ рѣчи Цезаря было, очевидно, осуждена на неуспѣхъ; надо было теперь во что бы то ни стало воспрепятствовать тому, чтобы мнѣніе Цезаря одержало верхъ. Такое предположеніе подтверждается послѣдовавшимъ за этимъ инцидентомъ. Силанъ, объясняя свое предложеніе, заявилъ, что подъ "крайнимъ наказаніемъ" онъ подразумѣвалъ то наказаніе, которое онъ считалъ крайнимъ для римскаго гражданина, т.е.тюрьму. При голосованіи онъ заявилъ, что присоединяется къ послѣднему изъ высказанныхъ мнѣній.

Итакъ, оставалось только два мнѣнія: Цезаря и Нерона и первое имѣло гораздо больше шансовъ на успѣхъ, когда М.Порцій Катонъ, из-

бранный въ трибуны на будущій годъ, произнесъ рѣчь, совершенно измѣнившую положеніе. Плутархъ такъ передаетъ ея содержаніе: "Катонъ съ первыхъ словъ далъ волю своему гнѣву: онъ порицалъ непостоянство Силана; напавъ затѣмъ на Цезаря, онъ упрекалъ его въ томъ, что онъ подъ предлогомъ милосердія и ратованія за народные интересы разрушаетъ государство, что онъ своей рѣчью терроризировалъ сенатъ. Въ дѣлѣ, гдѣ ему слѣдовало бы бояться за свою собственную судьбу, съ нимъ обращаются съ особой благосклонностью; онъ долженъ быть счастливъ тѣмъ, что избѣгаетъ подозрѣнія и не подвергается репрессивнымъ мѣрамъ по поводу всего, только что случившагося, онъ, открыто спасающій враговъ государства безъ всякаго сожалѣнія къ гибнущему государству, онъ, открыто симпатизирующій людямъ, которымъ не слѣдовало бы родиться и смерть которыхъ избавитъ государство отъ страшной опасности".

Эта горячая и смѣлая рѣчь тридцатилѣтняго человѣка, дебютанта въ сенаторской карьерѣ, не колеблясь поднявшаго знамя, брошенное вождями партіи, было привѣтствовано сенатомъ, и вмѣшательство Катона спасло консервативную партію отъ пораженія. Неизвѣстно, отказался ли Неронъ отъ своего предложенія; во всякомъ случаѣ, президентъ, пользуясь своимъ правомъ, первымъ пустилъ на голоса предложеніе Катона, принятое огромнымъ большинствомъ голосовъ.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ РИМСКОЙ КОНСТИТУЦІИ.

Римская конституція выработалась органически и была истиннымъ созданіемъ римскаго народа, его историческаго развитія. Роль законодательства въ ней ничтожна, каждый институтъ развивается вполнѣ логически изъ своихъ основъ и модифицируется сообразно измѣнявшимся политическимъ условіямъ, сообразно росту римскаго внѣшняго могущества. При этомъ сущность отдѣльныхъ институтовъ не мѣняется, они только приспособляются къ новымъ условіямъ, удерживая коренной принципъ, лежащій въ ихъ основѣ. Даже тамъ, гдѣ извѣстная

конституціонная форма отживаетъ, перестаетъ быть дѣеспособной мы не видимъ, чтобы она вполнѣ исчезла: она продолжаетъ существовать въ видѣ переживанія, какъ частно-правовая обязанность и продолжаетъ функціонировать преимущественно въ той области, гдѣ она соприкасается съ религіозной жизнью государства. Такой консерватизмъ римскаго строя повелъ къ тому, что сущность государственной жизни, измѣняясь, переходя изъ одной формы въ другую, не вызывала почти новыхъ институтовъ, никогда не требовала ломки государственнаго строя; измѣненія ограничивались тѣмъ, что центръ тяжести государственной жизни перемѣщался послѣдовательно съ одного института на другой. Такимъ центромъ являлась первоначально магистратура, выработанная чисто патриційской общиной. Она постепенно, съ измѣненіемъ состава народа, съ полученіемъ плебеями равноправія на ряду съ патриціями модифицируется, теряетъ свою патриційскую исключительность, развѣтвляется и наряду съ этимъ ослабляется въ борьбѣ съ плебейской анти - магистратурой трибунатомъ. Сущность борьбы заключается въ ослабленіи магистратскаго произвола, въ требованіи контроля магистратскихъ дѣйствій. Такой контроль однако противорѣчитъ сущности магистратуры какъ таковой и юридически не можетъ быть проведенъ въ жизнь, но гибкость римской конституціи находитъ выходъ въ фактическомъ подчиненіи магистратуры сенату, дѣлающемуся изъ совѣщательнаго органа магистратовъ именно путемъ развитія его совѣщательныхъ функцій фактическимъ руководителемъ всей государственной жизни Рима. Сенатъ и трибунатъ соединяются и съ успѣхомъ борятся противъ магистратскаго произвола, создавая изъ старыхъ основъ новый аристократическій государственный строй.

Такое всемогущество сената есть основной моментъ, характеризующій государственный строй республиканской эпохи, называе-

мой обыкновенно эпохой расцвѣта республики. Но и третій факторъ римской государственной жизни, юридически носитель верховной власти- народъ ставитъ постепенно все большія и большія требованія, желаетъ играть роль не только фиктивно, но и фактически. Вновь выступаютъ на первый планъ носители реформаціонной дѣятельности въ римскомъ государствѣ - трибуны, ища возможности приспособить и этотъ институтъ къ измѣнившимся условіямъ. Но на этотъ разъ сущность института стоитъ въ открытомъ противорѣчіи съ новыми требованіями, да и вообще весь строй римскаго города - государства приходитъ въ столкновеніе съ запросами государства мірового, и попытка приспособить къ этимъ запросамъ городской строй путемъ демократизаціи его не удается, не удается въ силу того, что принципы римскаго государственнаго строя оказываются неспособными на этотъ разъ къ коренной модификаціи, къ устраненію двухъ основъ государственнаго строя, мѣшавшихъ римской конституціи приспособиться къ новымъ условіямъ: отсутствія инициативы въ народномъ собраніи, выражающагося въ полномъ руководительствѣ его дѣйствіями со стороны магистратовъ и ограниченія правящаго народа предѣлами Рима. Все это ведетъ къ новой борьбѣ сената съ магистратурой, гдѣ крупную роль играютъ тѣ же трибуны и кончается новой побѣдой магистратскаго произвола въ видѣ новаго института- принципата. Нѣкоторое время борьба, на этотъ разъ неравная, аристократическаго строя въ лицѣ сената съ магистратскимъ произволомъ въ лицѣ принципата, продолжается, пока принципъ произвола не одерживаетъ окончательнаго верха и на обломкахъ римской конституціи не вырастаетъ абсолютная монархія.

Борьба сената и демократіи, стремленіе приспособить народное собраніе къ роли фактическаго властителя и составляютъ сущность исторіи Рима во 2-мъ и I-мъ вѣкахъ до Р. Х. Новое постепенное торжест-

во магистратскаго произвола, опирающагося на фактически подчинен - ную ему народную массу, характеризуетъ собой весь послѣ - гракховскій періодъ римской исторіи.

Если искать аналогіи конституціонной исторіи Рима въ современности, то сама собою напрашивается аналогія государственнаго строя Англіи. И здѣсь и тамъ органически развивающаяся конституція, развивающаяся не столько при посредствѣ законодательныхъ актовъ, сколько силою обычая и приспособленія основныхъ государственныхъ институтовъ къ развивающимся запросамъ государственной жизни, и здѣсь и тамъ ростъ аристократіи въ ущербъ государственному произволу, и здѣсь и тамъ повторныя попытки демократизаціи государственнаго строя. Правда демократизація здѣсь идетъ по другой дорогѣ, она основана на общегосударственномъ представительствѣ, т. е. развиваетъ тотъ принципъ, признать который Римъ оказался не въ состояніи. Чисто городской строй Рима въ связи съ коституціоннымъ консерватизмомъ поставили непреоборимыя препятствія здоровому развитію Рима какъ государства. Характеристика новыхъ измѣненій въ государственномъ строѣ Рима будетъ предметомъ моихъ дальнѣйшихъ чтеній, теперь намъ необходимо познакомиться съ тѣмъ какъ дѣйствовали основные органы римскаго государственнаго строя въ различныхъ отрасляхъ государственной жизни, какъ функціонировала машина, основныя части которой мы только что подвергли разсмотрѣнію.

ФИНАНСОВАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

Финансовая организація государства стоитъ въ непосредственной связи съ его общимъ экономическимъ строемъ. Общій характеръ финансоваго управленія страны всецѣло обусловливается высотой ея экономическаго развитія.

Въ Римѣ, какъ я уже говорилъ, экономическое развитіе страны стояло на очень низкомъ уровнѣ; вплоть до эпохи пуническихъ войнъ преоб-

ладала домовая система хозяйства, каждая хозяйственная единица по возможности удовлетворяла своимъ потребностямъ при посредствѣ домашняго производства, промышленность, какъ самостоятельная отрасль хозяйственной жизни страны, промышленность, работавшая на покупщика-потребителя, почти совсѣмъ отсутствовала. Обмѣнъ ограничивался очень узкими предѣлами отдѣльныхъ городскихъ округовъ, внѣшняя торговля была направлена преимущественно на ввозъ предметовъ роскоши, оплачивавшихся сырыми продуктами, и поэтому не проникла въ глубь страны, не захватывала въ свое теченіе всего населенія, не вліяла такимъ образомъ на производство.

Все это конечно отражалось и на государственномъ хозяйствѣ, на характерѣ государственныхъ доходовъ и способѣ ихъ расходованія, на дѣйствіи исполнительныхъ органовъ государственнаго хозяйства.

Самымъ яркимъ показателемъ высоты экономическаго уровня государственнаго хозяйства является характеръ мѣновой единицы, исторія денежныхъ знаковъ.

До тѣхъ поръ пока Римъ боролся за свое существованіе и затѣмъ за гегемонію въ Италіи. онъ довольствовался въ высшей степени примитивными денежными знаками, назначенными на обращеніе внутри страны--тяжелыми мѣдными слитками, впослѣдствіи литыми и только подъ самый конецъ чеканными монетами, курсировавшими по вѣсу и нормированными въ цѣнности только въ III в. до Р. Х.

Болѣе удобная мѣновая единица появилась только съ 269 года, когда фактическое распространеніе римскаго могущества на Италію повлекло за собою и необходимость создать единицу цѣнности, признаваемую за таковую и внѣ предѣловъ Рима, т. е. серебряную монету, подогнанную въ своей формѣ и вѣсѣ къ ходившимъ въ то время въ предѣлахъ Италіи мѣновымъ знакамъ.

Дальнѣйшая исторія римской монеты вся обусловлена постепеннымъ раз-

витіемъ внѣшняго вліянія Рима и отнюдь не основывается на экономи - ческомъ ростѣ Италіи и Рима. Постепенная побѣда римскаго денара надъ мѣстными монетами идетъ слѣдомъ за все болѣе и болѣе тѣснымъ сплоченіемъ около Рима отдѣльныхъ италійскихъ общинъ и племенъ..Какъ бы тамъ ни было, самый фактъ существованія мѣновыхъ знаковъ доказываетъ, что хозяйство римской общины искони было денежнымъ, а не натуральнымъ, но это не исключаетъ того факта, что оно, соотвѣтственно экономическому состоянію страны, все же за весь интересующій насъ періодъ оставалось замкнутымъ хозяйствомъ городской общины, а не хозяйствомъ государственнымъ въ современномъ смыслѣ этого слова.
Это доказывается тѣмъ, что во первыхъ доходы государства не были результатомъ экономическаго благосостоянія страны, развитія ея хозяйственной жизни, а всецѣло покоились на утилизаціи государственныхъ имуществъ, на принудительныхъ въ случаѣ нужды взносахъ со стороны гражданъ и на военной добычѣ; то, что составляетъ основу государственныхъ финансовъ каждаго современнаго государства, т.е. доходы извлекаемые изъ производительности страны, Т.е.налоги на промышленность и земельную собственность, на торговлю въ видѣ таможенныхъ пошлинъ-не играли почти никакой роли въ финансовой жизни Рима республиканскаго періода. Во-вторыхъ расходы шли почти исключительно на потребности обороны съ одной стороны , постольку, поскольку имъ не удовлетворяла натуральная воинская повинность, лежавшая на населеніи, и на чисто городскія нужды съ другой, т.е. главнымъ образомъ на общественныя городскія постройки, на городской культъ и т. п. Интересы внѣ городского населенія почти совсѣмъ не принимались въ разсчетъ и еще менѣе интересы Италіи.
Наконецъ и финансовое управленіе носило тотъ же чисто городской характеръ: имъ всецѣло завѣдывали городскіе магистры, цензоры (квесторы).

Лекціи по ист. Рима. Литогр. Богданова Артемьевъ пер. 1. Листъ 10. Директоръ Курсовъ Р[illegible]

Это общее положеніе подтвердитъ болѣе подробное разсмотрѣніе фи - нансовой организаціи Рима т.е. его доходовъ, расходовъ и устройст- ва финансоваго управленія.

ДОХОДЫ.

Основнымъ доходомъ римскаго государства за весь первый періодъ его существованія, т.е. до времени созданія мірового государства, былъ доходъ съ его собственности, главнымъ образомъ земельной. Эта земельная собственность могла лежать внутри города и внѣ его, могла быть застроенной или нѣтъ. Внутри города доходы государству даютъ какъ незастроенныя мѣста, предоставляемыя частнымъ лицамъ, так и принадлежащія государству постройки: храмы, а также лавки, бани и т.п. Внѣ города, въ предѣлахъ Лаціи и всей Италіи у государства имѣются обширныя государственныя имущества, состоящія какъ изъ па - хатныхъ земель, такъ и изъ земель выгонныхъ, лѣсовъ и зарослей и, наконецъ, изъ земель, доставлявшихъ опредѣленныя продукты: соль, ка - мень, руду и т.п. Имущества эти возникли вмѣстѣ съ возникновеніемъ государства и постепенно увеличивалось при каждомъ новомъ завоева- ніи отчисленіемъ извѣстной части территоріи завоеваннаго государст- ва въ собственность римской общины. Землю свою государство могло ли- бо подарить гражданамъ, давъ ее имъ въ надѣлъ въ вѣчную собствен - ность, или въ пользованіе безъ платы, или за опредѣленный годовой взносъ натурой или деньгами (*ager coloniciis* въ первомъ случаѣ и *viritanus* во второмъ), либо представить имъ извѣстныя необработан- ныя поля для обработки безъ ограниченія ихъ извѣстнымъ надѣломъ, съ правомъ со стороны государства на отобраніе этой земли и на извѣст- ную плату за пользованіе (*ager occupatorius*), либо, наконецъ про- дать его при посредствѣ квесторовъ въ вѣчное владѣніе, причемъ и здѣсь собственникомъ оставалось государство и получало извѣстную пла ту за пользованіе съ новыхъ владѣльцевъ (*ager questorius*).

но государство могло оставаться и непосредственнымъ владѣльцемъ и управителемъ земли, какъ пахатной, такъ и другого рода. Пахатная земля обыкновенно отдавалась въ аренду, выгонная предоставлялась для выгона на нее скота желающимъ за опредѣленную плату (*scriptura*) лѣсная утилизировалась или для нуждъ государства или сдавалась въ аренду; то же дѣлалось съ озерами, рѣками, рудниками. Плата за пользованіе и арендная плата съ этихъ земельныхъ богатствъ (*vectigal*) и составляли основной источникъ доходовъ Рима.

Правомъ собственности на землю, на берегъ моря и на мѣсто выгрузки товаровъ объясняется и взиманіе государствомъ таможенныхъ пошлинъ. Другихъ косвенныхъ налоговъ Римъ не зналъ , а этотъ налогъ падалъ почти исключительно на иностранныхъ купцовъ, въ рукахъ которыхъ въ данный періодъ находилась вся внѣшняя торговля Рима.

Исключительнымъ явленіемъ было взиманіе пошлины съ отпускаемыхъ на волю рабовъ.

Могло однако случиться, и въ періодъ борьбы Рима за существованіе и за гегемонію часто и случалось, что доходъ съ имущества не покрывалъ расходовъ на содержаніе войска и веденія войны; тогда государство прибѣгало къ помощи гражданъ и требовало у нихъ взносовъ на нужды государства (*tributum*). Эти взносы никогда не были регулярными, въ обиходъ римскаго хозяйства вошли они съ тѣхъ поръ, какъ войско стало получать жалованье, т.е. съ тѣхъ поръ, какъ воинская повинность перестала быть повинностью имущественной и сдѣлалась исключительно повинностью личною.

Основой для взиманія *tributum* служилъ, какъ раньше для несенія имущественной воинской повинности , гражданскій цензъ, имущественной списокъ гражданъ. Имуществомъ гражданина, подвергавшимся цензу, была прежде всего его земельная собственность (не владѣніе) городская и внѣ городская съ постройками и инвентаремъ, кромѣ того

весь наличный капиталъ. Извѣстный процентъ съ общей стоимости этого имущества и вносился гражданиномъ по требованію государства. Опредѣлялъ высоту взноса, конечно, сенатъ. Но и этотъ единственный налогъ съ теченіемъ времени исчезъ изъ римскаго обихода: онъ сдѣлался излишнимъ (окончательно съ 167 года) благодаря тому, что военная добыча стала почти обыденнымъ источникомъ, питавшимъ казну. Такъ ненормально и хищнически сложилась финансовая жизнь Рима вплоть независимо отъ того или другого экономическаго положенія страны.

РАСХОДЫ.

Основными расходами государства были издержки на культъ, на войско и на городскія постройки. Расходы на культъ покрывались по большей части доходами съ храмовъ, т.е. взносами натурой и деньгами вѣрующихъ за совершеніе обрядовъ, съ судебной дѣятельности жрецовъ (штрафы и т.п.), наконецъ, съ земельныхъ участковъ, ассигнованныхъ храмамъ или жреческимъ коллегіямъ, но считавшихся собственностью государства и управлявшихся государствомъ.

Изъ общихъ государственныхъ доходовъ приходилось, вѣроятно, покрывать большіе расходы на общественныя игры.

Большую часть обычныхъ доходовъ поглощали общественныя постройки: храмы, дороги, водопроводы, клоаки, т.е. новыя постройки, и поддержаніе старыхъ, притомъ не только въ предѣлахъ города Рима, но и во всѣхъ городахъ Италіи, населенныхъ римскими гражданами. На практикѣ, однако, государство ограничивалось городомъ; предоставляя италійскимъ колоніямъ и муниципіямъ управляться собственными средствами.

Наконецъ, крупныя суммы поглощало и жалованье войску и его содержаніе, которое впрочемъ вычиталось изъ жалованья каждаго солдата. Наоборотъ, очень мало стоило государству государственное управленіе и управленіе его имуществами. Органы государственнаго управленія,

какъ извѣстно. за исключеніемъ низшаго персонала служителей, не оплачивались, имущество управлялось исключительно при посредствѣ аренды. Правда, магистраты, на связанные съ ихъ магистратурой расходы получали извѣстныя суммы, но эти суммы были значительны только тогда, когда магистратъ дѣйствовалъ внѣ города.

ФИНАНСОВОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Во главѣ всего финансоваго управленія, какъ въ области доходовъ, такъ и въ области расходовъ стоитъ магистратура, первоначально верховные магистраты - консулы, затѣмъ особые магистраты - цензоры. Они завѣдываютъ какъ организаціей пользованія государственными имуществами, такъ и доставленіемъ основы для распредѣленія *tributum*. Первое постольку, поскольку они завѣдуютъ сдачей на откупъ налоговъ и сдачей въ аренду земель. Въ началѣ каждаго пятилѣтія они заключаютъ контракты съ предпринимателями, регулируя ихъ отношенія къ государству въ особыхъ уставахъ (*leges censoriae*); они же являются судебной инстанціей въ спорахъ, возникающихъ на почвѣ заключенныхъ контрактовъ. Но на этомъ ихъ дѣятельность и кончается. Плата за откупа и за аренду поступаетъ непосредственно въ казну, которою завѣдуетъ не онъ, а квесторъ и въ управленіе которой онъ не вмѣшивается.

Та же подготовительная дѣятельность характеризуетъ цензорскую компетенцію и въ области *tributum*. И здѣсь ему принадлежитъ обязанность провѣрить каждые пять лѣтъ списки гражданъ личные и имущественные, отмѣтить всѣ измѣненія, сдѣлать переоцѣнку, буде то нужно, но самое взиманіе подати и суммы, поступающія въ силу этого взиманія, лежатъ внѣ предѣловъ его компетенціи. Суммы взимаются особыми *tribuni aerarii*, поступаютъ въ эрарій на храненіе квестора и распредѣляются сенатомъ.

Таково отношеніе цензоровъ къ доходамъ общины. Они являются представителями интересовъ государства въ регулировкѣ правильной организаціи поступленія доходовъ, являются верховными хранителями

общественнаго имущества, поскольку оно состоитъ изъ недвижимостей. Такими же хранителями недвижимостей являются они по отношенію къ государственнымъ расходамъ. Они завѣдуетъ организаціей охраны государственныхъ имуществъ, т.е.каждые пять лѣтъ сдаютъ подряды по содержанію въ порядкѣ храмовъ, общественныхъ зданій, дорогъ и т.д. (*ultro tributa*) и по сооруженію новыхъ построекъ. До учрежденія цензуры фактическая власть надъ денежными средствами общины принадлежала консуламъ; онъ распоряжался кассой, какъ хотѣлъ, но только онъ одинъ. Всѣ другіе магистраты нуждались въ разрѣшеніи сената. Учрежденіе подконтрольной сенату цензуры уничтожило финансовую власть консуловъ, поставивъ все финансовое управленіе въ зависимость отъ сената, давъ возможность сенату назначать въ распоряженіе цензора тѣ суммы, какія онъ пожелаетъ. При этомъ цензоръ стѣсненъ былъ такъ же, какъ и раньше консулы, тѣмъ, что его контрактъ съ предпринимателемъ связывалъ кассу, къ которой онъ никакого отношенія не имѣлъ. Выдача денегъ производилась квесторомъ въ предѣлахъ ассигнованныхъ цензору сенатомъ суммъ. Но въ предѣлахъ его компетенціи лежало и смягченіе условій заключеннаго имъ контракта; чуть только дѣло шло о важной уступкѣ, рѣшеніе принадлежало сенату.

ВОЙСКО И ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Войско, которому Римъ былъ значительно обязанъ своимъ возвышеніемъ, измѣнялось въ своемъ внутреннемъ строѣ соотвѣтственно развитію общины и ея политическаго строя. Но одинъ принципъ оставался незыблемымъ за все время существованія основныхъ устоевъ римскаго государственнаго строя - римское войско должно состоять исключительно изъ римскихъ гражданъ, въ помощь имъ могутъ быть призываемы только союзники римскаго народа.

Древнѣйшій историческій строй римской общины былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ ея военнымъ строемъ: родовой строй вызвалъ и родовое войско, такъ называемая Сервіева реформа первоначально все-

цѣло сводилась къ реорганизаціи римскаго войска на новый ладъ. Какъ извѣстно, она поставила принципъ равнаго участія въ войскѣ всѣхъ гражданъ, обладавшихъ извѣстнымъ имуществомъ, причемъ тяжесть несенія повинности зависѣла отъ высоты имущественнаго ценза и особенно тяжело ложилась на всадниковъ, что и признавалось государствомъ въ видѣ выдачи всаднику денегъ на покупку и содержаніе лошади.

Положеніе значительно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ стало необходимымъ ввести плату солдатамъ, т.е. вознагражденіе за несеніе службы или, правильнѣе, возмѣщеніе имъ убытковъ, связанныхъ съ ихъ нахожденіемъ внѣ дома. Введеніе жалованья вызвало прежде всего фактическое паденіе имущественнаго критерія или зачисленія въ ту или другую часть войска и полное преобладаніе чисто военныхъ критеріевъ годности къ службѣ и военной опытности. Въ тѣсной связи съ реформой, касавшейся жалованья, стоитъ и реформа всей военной тактики, переходъ къ чисто римскому военному дѣленію на легіоны съ болѣе мелкими подраздѣленіями на когорты и моникулы.

Приблизительно въ это же время устанавливается норма ежегоднаго призыва подъ знамена для войны или военнаго обученія: нормируется призывъ въ обычное время 4 легіонами отъ 4000-5000 человѣкъ въ каждомъ и соотвѣтственнымъ (по 300 человѣкъ на легіонъ) количествомъ всадниковъ. Конечно, въ случаѣ нужды консулъ, по соглашенію съ сенатомъ можетъ увеличить количество призываемыхъ до нужнаго ему размѣра, образуя изъ новопризываемыхъ новыя тактическія единицы.

Призывъ совершается въ опредѣленный день, наборъ производится по трибамъ, причемъ обращается особое вниманіе на то, чтобы всѣ образуемые легіоны были одинаковы по годности набираемыхъ людей. Новобранцы немедленно послѣ призыва присягали набравшему ихъ магистрату (*sacramentum*).

Рядомъ съ гражданскимъ регулярнымъ войскомъ въ исторіи Рима играетъ огромную роль вспомогательныя войска, поставляемыя союзными Риму или подчиненными ему, но сохранившими самоуправленіе, общинами. Чѣмъ тѣснѣе становится связь Рима съ Италіей, чѣмъ болѣе интересы Рима становятся интересами Италіи, тѣмъ болѣе разница между коренным римскимъ войскомъ и италійскими союзниками должна была исчезать. Но совершался этотъ процессъ очень медленно и въ связи съ общимъ развитіемъ отношеній Италіи къ Риму, за все же время интенсивнаго внѣшняго роста Рима римское войско распадается на двѣ неравномѣрныя по численности части: меньшую часть составляли первое время, конечно, союзники, но со временъ объединенія Италіи ихъ численное превосходство сказывалось даже, не смотря на желаніе Рима удержать въ каждомъ отрядѣ численное равновѣсіе той и другой части.

Преимущественное положеніе Рима по отношенію къ союзному войску состояло въ томъ, что во первыхъ союзные контигенты всегда составляли только придатокъ къ гражданскому войску, вовторыхъ въ томъ, что предводительствовали союзниками римскіе офицеры.

Въ составѣ войска, такимъ образомъ, ярко отражается исторія внѣшняго и внутренняго развитія Рима, то же и на исторіи командованія. Во главѣ всего войска стоятъ верховные магистраты города Рима - консулы или диктаторы, субсидіарно преторы. Командованіе войскомъ есть основная часть верховной магистратской власти *imperium* Въ силу этого *imperium* консулъ принимаетъ присягу войска и руководитъ имъ на войнѣ, въ силу его онъ при благопріятномъ теченіи дѣлъ принимаетъ титулъ императора (обыкновенно по желанію войска), въ силу его онъ, возвращаясь послѣ побѣды въ Римъ, имѣетъ право на торжественный въѣздъ въ городъ вплоть до храма Юпитера Капитолійскаго - тріумфъ. Излагая отношеніе сената къ военному дѣлу, мы отмѣтили, однако, какъ эта сторона дѣятельности магистрата постепенно подвергалась ограниченіямъ со стороны сената и какъ постепенно

Подъ верховнымъ начальствомъ консула-отдѣльными легіонами командуютъ трибуны. Первоначально это прямые помощники консуловъ, имъ назначаемые; впослѣдствіи это въ большей части избранники народа, магистраты, правда, безъ *imperium*.

Требованія отъ офицеровъ, командовавшихъ гражданскимъ войскомъ и союзниками, фактическаго превосходства культурнаго надъ рядовыми привело къ тому, что трибуны стали выбираться исключительно изъ привиллегированныхъ классовъ изъ тѣхъ, которые по своему цензу должны были или вѣрнѣе могли проходить службу, т.е. отбывать послѣдовательные призывы въ конницѣ, т.е. изъ той части римскаго общества, которая впослѣдствіи образовала два класса нобилей или сенатскій и всадническій.

Трибуномъ могъ быть, конечно, всякій, предпочтительно тотъ, кто уже не былъ новичкомъ въ военной службѣ и, дѣйствительно, мы не разъ видимъ въ этомъ званіи бывшихъ магистратовъ; но постепенно входило въ обычай при постепенномъ увеличеніи разницы между культурными и некультурными классами общества, что юноши первыхъ сословій отбывали повинность въ офицерскихъ чинахъ, начиная прямо съ трибуната.

Къ этому же времени относится развитіе разницы между офицерами и унтеръ-офицерами - центуріонами, командовавшими низшими тактическими единицами - центуріей, маникуломъ и когортой. Они рѣзко отдѣляются отъ трибуновъ съ тѣхъ поръ, какъ трибуналъ дѣлается магистратурой и консулы фактически передаютъ свое право назначенія центуріоновъ трибунамъ же.

Judex. СУДЪ И СУДЬИ.

Каждое преступное дѣяніе можетъ быть направлено либо противъ отдѣльной личности, т.е. противъ самого лица или его имущества, либо противъ государства. Сообразно этому и римское право и рим-

скій процессъ распадается на двѣ части: государственное право и процессъ *ius publicum* и частное право *ius privatum*

Гражданскій процессъ. Въ предѣлахъ частнаго права дѣйствуютъ, какъ судья, первоначально магистратъ самостоятельно, впослѣдствіи и притомъ очень рано рядомъ съ магистратомъ появляется особое лицо, которому магистратъ поручаетъ произносить приговоръ, удерживая за собой право предварительнаго разсмотрѣнія дѣла и подготовленія процесса. Лицо, произносящее приговоръ, можетъ быть либо одно, (*iudex unus*), либо ихъ можетъ быть нѣсколько (*recuperatores*). Въ цвѣтущій періодъ республиканскаго строя это всегда сенаторы.

Такая двойственность римскаго судопроизводства вызываетъ къ жизни двойственность процесса: благодаря ей каждый процессъ распадается на два акта: магистратскій подготовительный (*in iure*) и рѣшающій присяжный *in iudicio*

Ходъ процесса строго установленъ, регулированы всѣ мелочи судопроизводства. Историческое развитіе выработало въ этомъ отношеніи двѣ формы: болѣе древнюю и болѣе строгую *per legis actionem* и болѣе гибкую и менѣе формальную въ противность своему имени *per formulam*.

Разница между этими двумя формами такова. *Legis actio* устанавливала точно опредѣленную форму хода процесса. Обыкновенная, самая строгая форма *sacramento* состояла въ томъ, что обѣ стороны выкладываютъ извѣстную сумму въ видѣ залога; проигравшій процессъ терялъ свой залогъ, шедшій въ пользу государства; рядомъ засвидѣтельствованы еще 4 формы судопроизводства.

Передъ судомъ должны были являться сами спорящіе; замѣнить спорящаго могъ только человѣкъ, бравшій на себя всѣ послѣдствія приговора.

Дѣло открывалось тѣмъ, что въ опредѣленныхъ строго закономъ и религіей словахъ высказывалось спорящими то, о чемъ шелъ споръ. Начинаетъ обвинитель, обвиняемый можетъ или сознаться, или выступить съ обвинителемъ въ мировую сдѣлку. Въ противномъ случаѣ онъ принимаетъ вызовъ обвинителя, и процессъ открывается въ состязательномъ порядкѣ, причемъ споръ идетъ о данномъ залогѣ.

Этимъ путемъ возникалъ процессъ легально, кончалась стадія *in iure*, и начиналось слѣдствіе передъ лицомъ, которое должно было произнести приговоръ, обыкновеннымъ присяжнымъ. Послѣ состязанія сторонъ, судья прійдя къ извѣстному убѣжденію, произноситъ приговоръ.

Приговоръ, хотя и рѣшалъ формально только дѣло о выигрышѣ или проигрышѣ залога, но это рѣшеніе распространялось и на суть дѣла, причемъ однако всякое требованіе обвинителя выражалось судомъ въ опредѣленной суммѣ денегъ.

Такая регулировка процесса носила въ себѣ крупныя неудобства: стороны въ ней были связаны тысячами формулъ и формальностей, исполненіе которыхъ вело къ потерѣ процесса, суть дѣла уходила на задній планъ передъ внѣшней обстановкой и т.д. Въ виду этого эта форма во II вѣкѣ до Р.Х. была особымъ закономъ устранена изъ большинства процессовъ и замѣнена новой. Основнымъ отличительнымъ признакомъ новой формы является то, что дѣятельность магистрата совершенно отдѣляется отъ дѣятельности судьи: присутствіе присяжнаго (присяжныхъ) теперь требуется закономъ. Въ виду этого точнѣе опредѣляется и дѣятельность магистрата: онъ даетъ судью или присяжныхъ по предварительномъ разсмотрѣніи дѣла и по установленіи предмета спора, законныхъ основаній для его рѣшенія и тѣхъ возможностей, съ которыми судья долженъ былъ считаться, на что онъ долженъ былъ дать утвердительный или отрицательный отвѣтъ. Эта

предварительная часть процесса находила свое выраженіе въ особомъ документѣ - formula , передававшемся по предъявленіи его обвинителемъ судьѣ или судьямъ.

При установленіи упомянутой формулы принимались въ разсчетъ требованія обвинителя, подыскивавшаго въ ежегодныхъ эдиктахъ претора подходящія для его дѣла постановленія. Противъ этихъ положеній обвинителя обвиняемый могъ протестовать, рѣшеніе принадлежало претору. По существу о дѣлѣ говорилось только передъ судьей. Судьи выбирались преторомъ изъ списковъ, но такъ, что обѣ стороны имѣли право высказаться. Передъ лицомъ судьи процессъ шелъ въ состязательномъ порядкѣ, причемъ обыкновенно говорили особые адвокаты, а не сами стороны. Сначала говорила сторона обвиненія, потомъ обвиняемаго, причемъ давалась каждой сторонѣ возможность сказать только одну рѣчь. Велъ засѣданіе судья. Передъ концомъ засѣданія допускался обмѣнъ возраженій между сторонами, послѣ чего судья со своими соприсяжными удалялся на тайное совѣщаніе и выносилъ приговоръ. Апелляціи на его рѣшеніе не было. Исполненію рѣшенія государство обязывалось помочь при посредствѣ экзекутивныхъ функцій, принадлежавшихъ магистрату.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕССЪ.

Римское право, какъ было указано, не знаетъ дѣленія на уголовное и гражданское право; подъ установленное и ходячее въ Римѣ понятіе "публичнаго права" подходятъ далеко не всѣ уголовные процессы и значительная часть ихъ разбиралась по частно-правовымъ нормамъ. Въ основѣ понятія уголовнаго права лежитъ стремленіе государства карать преступленіе, т.е. все то, что нарушаетъ общепризнанные нравственные законы. Въ случаѣ нарушенія этихъ законовъ государство вступается въ первый періодъ своего существованія въ лицѣ носителя верховной власти - царя, констатирующаго

нарушеніе закона и наложеніемъ наказанія удовлетворяющаго боговъ и людей и возстановляющаго нарушенное равновѣсіе. Въ этомъ правѣ общины лежитъ масса произвола при условіи такого единичнаго представительства, въ этомъ отношеніи понятіе нравственнаго и безнравственнаго индивидуально, индивидуально и рѣшеніе, касающееся установленія фактической подкладки процесса, индивидуально въ особенности и опредѣленіе высоты наказанія. "Уголовное п р а в о, говоритъ Момзенъ, зарождается только тогда, когда произволу носителя наказующей власти, производящаго слѣдствіе судьи, ставятся предѣлы въ видѣ государственнаго закона, включая сюда и равносильный закону обычай. Законъ объективно опредѣляетъ тѣ противунравственные поступки, противъ которыхъ община должна принимать мѣры, и тѣмъ самымъ запрещаетъ вмѣшательство со стороны общины во всѣ остальныя дѣла. Законъ опредѣляетъ ходъ слѣдствія въ положительномъ видѣ. Законъ устанавливаетъ за каждое преступленіе соотвѣтственное наказаніе. Римское общественное уголовное право зарождается съ Валеріевымъ закономъ, подчинившимъ смертный приговоръ магистрата подтвержденію со стороны гражданства, римское частное право съ постановленіемъ, отнявшимъ изъ рукъ претора окончательное установленіе наказанія, при условномъ же установленіи отдавшее окончательное рѣшеніе въ руки присяжныхъ. Съ этихъ поръ въ Римѣ нѣтъ болѣе преступленія, не предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ, нѣтъ уголовнаго процесса безъ соотвѣтственнаго закона, нѣтъ наказанія, не устанавливаемаго закономъ. Магистратскій произволъ не устраненъ; и теперь магистратъ въ предѣлахъ военнаго права и своего права коэрциціи въ предѣлахъ города можетъ наказывать по своему усмотрѣнію безъ точной формулировки преступленія, безъ опредѣленныхъ процесса и мѣры наказанія; но рядомъ съ этой несвязанной ничѣмъ магистратской коэрциціей стоитъ магистратская

юдикація. Эта уголовная юдикація, если понимать ее въ строгомъ смыслѣ этого слова, поставлена сравнительно съ уголовной коэрціей въ узкія рамки: городской характеръ римскаго государственнаго строя требуетъ ограниченія формальнаго уголовнаго процесса предѣлами города; но совершенно непримиримо съ сущностью права положеніе, что публичный уголовный процессъ есть прерогатива гражданина и мущины и совершенно непримиримъ къ негражданину и женщинѣ. Въ гражданскомъ правѣ историческое его развитіе быстро уничтожило это ограниченіе; публичное уголовное право въ его необходимомъ дополненіи магистратской коэрціей и упорномъ сохраненіи города, какъ единственнаго мѣста, годнаго для суда, осталось далеко позади гражданскаго права".

Преступленіями, наказуемыми государствомъ, являются первоначально только тѣ, гдѣ гражданинъ выступаетъ въ роли врага отечества; въ Римѣ уже рано вышли за эти предѣлы; законы 12 таблицъ признаютъ уже преступленіемъ противъ государства и убійство свободнаго, и поджогъ, и кражу хлѣба на корню, и пѣсни оскорбительнаго характера. Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ противъ общины дѣйствуетъ съ ея стороны магистратъ, вооруженный своимъ правомъ коэрціи и юдикаціи.

Все это относится къ нарушенію интересовъ частнаго лица, преимущественно имущественныхъ, не стоитъ въ предѣлахъ прямого государственнаго интереса, и государство, устанавливая обязательное соглашеніе между обидчикомъ и обиженнымъ, дѣйствуетъ только въ интересахъ общественнаго порядка, устраняя самопомощь, несогласимую съ суверенными правами общины, и поэтому иниціативы преслѣдованія на себя не беретъ.

Магистраты въ своихъ дѣйствіяхъ въ защиту государственныхъ интересовъ выступаютъ вооруженными коэрціей и юдикаціей. Пер-

воначально оба права нераздѣльно соединены въ рукахъ верховныхъ магистратовъ безъ преобладанія одного надъ другимъ. Съ учрежденіемъ особой магистратуры для юрисдикціи - претуры у консулата остается одна коэрциція, которая претору предоставлена только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Изъ магистратскаго права коэрцицій непосредственно вытекаетъ вмѣшательство въ уголовный процессъ народа и зарожденіе народнаго суда. Тамъ, гдѣ магистратъ дѣйствуетъ на основаніи опредѣленнаго закона противъ римскаго гражданина, онъ не можетъ прибѣгать къ коэрциціи, а обязанъ судить; при приговорѣ, ведущемъ за собой смерть приговореннаго или штрафъ, превышающій извѣстный максимумъ, осужденный аппелируетъ къ народу, который и является такимъ образомъ, послѣдней рѣшающей инстанціей. Такіе приговоры постановляли либо консулы черезъ особо назначенныхъ *duumviri perduellionis* т.е. комиссія изъ двухъ для рѣшенія преступленій противъ государства, и *quaestores parricidii* т. е. слѣдователей по дѣламъ объ убійствѣ гражданъ", либо трибуны, отъ которыхъ первоначально аппелировали, конечно, къ плебсу, въ предѣлахъ установленія штрафа функціонируютъ плебейскіе эдилы и великій понтификъ.

Всѣ эти магистраты въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ не коллегіально, а въ одиночку. Процессъ, ими руководимый, распадается на слѣдующія ступени: I) приглашеніе обвиняемому явиться для производства предварительнаго слѣдствія, когда обстоятельства дѣла не вполнѣ ясны. 2) Слѣдствіе (*anquisitio*), происходившее въ теченіе трехъ дней (съ промежутками между ними) въ присутствіи народа. Въ этой стадіи устанавливались факты, послужившіе къ обвине-

"" Сверхъ того всѣ тѣ дѣла, которыя по законамъ подлежали разсмотрѣнію по иниціативѣ государства и за которыя государственный законъ назначалъ извѣстное наказаніе.

ніе. Выступаетъ подсудимый, но допускается и защитникъ, 3) Послѣ этого магистратъ произноситъ приговоръ и назначаетъ наказаніе. 4) Противъ этого приговора подсудимый аппелируетъ къ народу, со времени закона I2 таблицъ въ дѣлахъ ведшихъ къ смерти къ центуріатнымъ комиціямъ (provocatio). Послѣ этого магистратъ созываетъ народъ обычнымъ образомъ и въ собраніи, вѣроятно послѣ предварительныхъ преній, голосуется дѣло, какъ и всякое другое предложеніе. Въ рукахъ магистрата лежало, не явившись въ срокъ помиловать обвиняемаго, такъ какъ вторично дѣло не могло быть поставлено на судъ общины. Таковъ былъ судъ общины. Политическое его значеніе Моммзенъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: "Римскій общинный судъ есть прямое и полное выраженіе римской гражданской свободы. Если государственное уголовное право вообще выдвигаетъ превосходство общины надъ отдѣльнымъ лицомъ, т.е. понятіе государства, первоначально въ формѣ неограниченнаго магистратскаго произвола, то съ появленіемъ народнаго суда и магистратъ подчиняется гражданству, магистратскій произволъ загоняется въ рамки закона, но въ то же время замѣняется произволомъ верховной общины, стоящимъ выше закона. Коэрциція превратилась въ юдикацію. Но это великое дѣло ограниченія имперіи сохраняетъ слѣды своего происхожденія. Та власть, благодаря которой магистратъ произноситъ въ общинномъ уголовномъ судѣ приговоръ первымъ, это все та же власть, въ силу которой онъ не стѣсненъ въ судѣ надъ женщинами и чужестранцами. Принужденіе оправдать свой приговоръ передъ общиной и неокончательность этого приговора ограничиваетъ, не уничтожаетъ его произвольнаго характера. Далѣе, произволъ окончательнаго рѣшенія, переданный гражданству, нисколько не мѣняется въ своей сущности, только переносится на другого. И теперь этотъ

процессъ не подчиненъ закону такъ какъ судебная власть, органомъ которой является судъ присяжныхъ... комиціальный судъ допускаетъ помилованіе, судъ присяжныхъ его не знаетъ. Крупный подвигъ политическій заключается въ уступкѣ, которую дѣлаетъ комиціальное всевластіе магистратскому оправданію, въ томъ, что ни одинъ гражданинъ не можетъ быть присужденъ къ тяжелому публичному наказанію иначе, какъ по соглашенію магистрата и народа; но помилованіе есть тоже произволъ и неправильное оправданіе есть также неправда. Римское уголовное право есть несомнѣнно сильнѣйшее проявленіе и величайшій подвигъ римской гражданской свободы; но въ немъ и видны недостатки его положительныхъ качествъ: рѣзкій эгоизмъ, не признающій женщинъ и чужеземцевъ, слабость и снисходительность къ преступникамъ согражданамъ, укрощенный, но не уничтоженный произволъ".

Рядомъ съ преступленіями, направленными противъ государства и которыя государство караетъ при посредствѣ своихъ магистратовъ, существуютъ преступленія, направленныя противъ частныхъ лицъ, но нарушающія основные нравственные государственные принципы, поэтому подходящія подъ понятіе преступленій уголовныхъ. Такъ какъ въ ихъ преслѣдованіи не государство имѣетъ инціативу, а выступаетъ частное лицо съ жалобой, которую магистратъ разбираетъ по нормамъ гражданскаго права, то этотъ процессъ и не принадлежитъ къ *ius publicum*, а къ *ius privatum* хотя и сознавалось, что подсудное дѣйствіе есть преступленіе, направленное также и противъ общественнаго строя(*delictum*) Это выразилось и въ созданіи для нѣкоторыхъ явно нарушавшихъ

Лекціи по исторіи Рима. Листъ II-й. Исправленный прошлогодній курсъ.
Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д. № I-ый.
Директоръ Курсовъ

общественныя нормы преступленій особо строгого суда, но по гражданско правовымъ нормамъ, такъ называемое

Этимъ путемъ государство получало штрафы по приговорамъ, этимъ путемъ преслѣдовалось ростовщичество и ограбленіе малолѣтнихъ. Но съ развитіемъ римской государственной жизни такой порядокъ сдѣлался анахронизмомъ. Рядъ преступленій, начиная съ преступленія магистратовъ при исполненіи своихъ обязанностей, требовалъ государственнаго вмѣшательства и государственнаго преслѣдованія и это преслѣдованіе было удовлетворено посредствомъ созданія особой формы суда, средней между магистратскимъ и магистрато-народнымъ судомъ. по гражданскимъ нормамъ. Это былъ такъ называемый обвинительный процессъ, идѣ и слѣдствіе и рѣшеніе дѣла принадлежало государственнымъ органамъ, но при томъ такъ, что магистратъ терялъ право предварительнаго слѣдствія, переходившее на всякаго желавшаго выступить обвинителемъ и сохранялъ только право опредѣленія законнаго хода дѣла; рѣшеніе согласно нормамъ гражданскаго процесса принадлежало присяжнымъ.

Этотъ новый процессъ возникъ путемъ постепеннаго подчиненія выраженному въ немъ принципу цѣлаго ряда преступленій, причемъ нормы процесса регулировались для каждой категоріи преступленій особыми законами, такъ что въ предѣлахъ указаннаго принципа наблюдается цѣлый рядъ варіацій. Кромѣ того, не только категоріи преступленій; а отдѣльныя преступленія путемъ особыхъ законовъ подвергались разсмотрѣнію особаго суда, организованнаго по нормамъ обвинительнаго процесса.

Основнымъ свойствомъ названной формы процесса является тотъ принципъ, что обвиняетъ въ немъ не магистратъ, а частное лицо, представляющее одновременно и интересы пострадавшихъ и интересы государства. Появленіе этого принципа объясняется исторически.

въ процессахъ по вымогательствамъ со стороны магистратовъ по отношенію къ провинціаламъ представитель провинціаловъ, ихъ патронъ, выступалъ первоначально въ роли гражданскаго истца, требовавшаго (*repetere*) съ бывшаго магистрата возвращенія награбленныхъ суммъ. Въ виду интереса, который такіе гражданскіе процессы имѣли съ государственной точки зрѣнія, гражданскій процессъ, руководимый преторомъ, за вѣдывавшимъ дѣлами между гражданами и чужеземцами, превращается въ особую форму уголовнаго суда, руководимаго особымъ преторомъ; и обвинитель въ этомъ процессѣ, патронъ провинціаловъ, является, такимъ образомъ, уже не только представителемъ потерпѣвшихъ, но и органомъ государственнаго правосудія. Съ теченіемъ времени рядъ особыхъ законовъ расширилъ компетенцію новой формы суда подведеніемъ подъ нее дѣлъ по слѣдующимъ преступленіямъ (кромѣ магистратскаго хищенія - *repetundae*): святотатство и некулатъ, убійство, незаконное искательство магистратуръ, преступленія противъ величія римскаго народа, подлѣлка, тяжелыя оскорбленія, насиліе, похищеніе людей. Новая форма процесса появилась, конечно, сравнительно поздно, т.е. когда регулировано было управленіе провинціями и сознаны его недостатки; первый законъ этого рода принадлежитъ 149 г. до Р.Х. Въ каждой установленной особымъ закономъ для извѣстной категоріи дѣлъ комиссіи (*quaestio*) предсѣдательствовалъ магистратъ. обыкновенно преторъ, но если преторовъ не хватало, то назначался (*praetor*) изъ бывшихъ преторовъ или эдиловъ. Присяжные набирались до времени младшаго Гракха изъ состава сенаторовъ, т.е. ихъ списокъ равнялся списку сенаторовъ, послѣ Гракховъ и до Суллы изъ 18 центур. всадниковъ, т.е. изъ числа 1800 всадниковъ *equo publico*, наконецъ при Суллѣ опять изъ состава увеличеннаго въ числѣ (600) сената и послѣ него изъ смѣшаннаго списка, гдѣ были сенаторы и всадники. Для каждой *quaestio* предсѣдателемъ составлялся особый списокъ изъ состава большаго списка, изъ него составлялась коллегія присяжныхъ

въ каждомъ процессѣ, обыкновенно многочисленная; въ этомъ отношеніи присяжные въ *quaestiones* не столько присяжные гражданскаго процесса, сколько совѣтъ всегда многочисленный магистрата.

Окончательно устанавливается составъ присяжныхъ посредствомъ выдѣленія изъ большого списка обвиняемымъ и обвинителемъ ряда лицъ, имъ почему либо непріятныхъ. Число присяжныхъ колебалось, но никогда не было ниже нѣсколькихъ десятковъ. Присягаетъ присяжный дважды: передъ началомъ процесса и передъ рѣшеніемъ. Производился судъ всегда въ Римѣ, обыкновенно публично на старомъ или позднѣе одномъ изъ новыхъ форумовъ, частью прилегавшихъ къ форуму крытыхъ галереяхъ, базиликахъ. Здѣсь на эстрадѣ сидѣлъ магистратъ со своимъ совѣтомъ и помощниками, передъ трибуналомъ на возвышенномъ мѣстѣ на скамьяхъ сидѣли присяжные, внизу тяжущіеся, свидѣтели и публика.

Обвинитель самъ ведетъ процессъ, только въ дѣлахъ о вымогательствѣ его замѣняетъ третье лицо. Обвинителемъ можетъ явиться всякій, за исключеніемъ чужеземца, несовершеннолѣтняго и женщины, кромѣ того человѣка, находящагося подъ обвиненіемъ. Если является нѣсколько обвинителей и они не согласны между собой, выборъ между ними принадлежитъ магистрату, выбирающему лицо, наиболѣе заинтересованное, отъ котораго можно ожидать наиболѣе энергичнаго обвиненія.

Обвиняемый имѣетъ право имѣть защитника (*patronus*) причемъ въ позднее республиканское время таковыхъ въ каждомъ процессѣ является нѣсколько. Рядомъ съ ними дѣйствуютъ совѣтчики по юридическимъ вопросамъ (*advocat*). Процессъ начинается рядомъ вводныхъ актовъ: I) внесеніемъ обвиненія, 2) вызовъ обвиняемаго, 3) регулированіе слѣдствія, 4) опредѣленіе состава присяжныхъ и 5) опредѣленія дня засѣданія.

Обвиненіе, Т.е.собственно имя обвиняемаго, вносится обвинителемъ (*nominis delatio*) къ магистрату, который вписываетъ (*inscriptio*)

какъ его, такъ и имя обвинителя и законъ, противъ котораго обвиняемый преступилъ.

Затѣмъ обвинитель, въ случаѣ нужды, получаетъ особыя полномочія для производства слѣдствія отъ магистрата, предсѣдателя суда. Затѣмъ путемъ отвода со стороны сторонъ опредѣляется составъ присяжныхъ и, наконецъ, магистратъ назначаетъ день судоговоренія, принимая во вниманіе срокъ, нужный обвинителю для производства слѣдствія. Главными способами доказательствъ со стороны защиты и обвиненія были, кромѣ признанія своей вины со стороны обвиняемаго, свидѣтельскія показанія. Формальныя доказательства, обычныя въ гражданскомъ процессѣ, здѣсь были не у мѣста. Свидѣтелями могли быть и свободные и рабы; пытка исключалась для всякаго свободнаго, но не для раба. Вызовъ свидѣтелей всецѣло лежитъ на обвинителѣ, причемъ ему предоставляются магистратскія права принужденія. Вознаградить свидѣтелей за убытки долженъ былъ онъ же. Обвиняемый имѣлъ также право вызова, но безъ всякаго права принужденія. Показывали свидѣтели обыкновенно устно, но и письменное засвидѣтельствованное показаніе имѣло силу.

Фигурировали на судѣ документы, причемъ обвинителю предоставлялось право производить домашніе обыски и конфисковать либо самые документы, либо требовать копіи съ нихъ.

При судоговореніи магистратъ ограничивался поддержаніемъ порядка, въ общемъ же его роль была пассивна; онъ не вмѣшивается въ пренія и не имѣетъ права опроса свидѣтелей.

Присяжные также молчатъ въ теченіе всего хода преній. Судъ начинается вызовомъ сторонъ и перекличкой присяжныхъ. Затѣмъ говоритъ обвинитель, перечисляя данныя для обвиненія, послѣ него обвиняемый или защитникъ, и только послѣ этого начинались показанія свидѣтелей и выдвигался остальной обвинительный или оправдательный

матеріалъ. Такое неудобное расположеніе отдѣльныхъ актовъ вело къ тому, что обыкновенно дѣло разбиралось дважды, такъ какъ въ своихъ рѣчахъ стороны не имѣли подъ руками всего матеріала слѣдствія. Послѣ окончанія слѣдствія, рѣчей заключительныхъ не бываетъ и переходятъ къ формулировки приговора. Приговоръ произносятъ присяжные на основаніи вынесеннаго изъ пренія убѣжденія либо "осуждаю" либо "освобождаю" и произносится послѣ совѣщанія закрытымъ голосованіемъ посредствомъ табличекъ съ буквами *c (condamno я осуждаю)*. Голосованіе, впрочемъ, могло быть и открытымъ, причемъ очередь опредѣлялась жребіемъ. Послѣдствія приговора были опредѣлены закономъ и подробности въ компетенцію присяжныхъ не входили. Иногда требовалась оцѣнка процесса, т.е. опредѣленіе суммы уплаты обвиненнымъ; это, однако, вело къ новому процессу съ тѣмъ же составомъ суда. Рѣшеніе присяжныхъ было окончательнымъ.

Если обвиненіе было возбуждено недобросовѣстно, что выражалось въ оправдательномъ приговорѣ или неявкѣ обвинителя, обвиняемый имѣлъ право немедленно возбудить противъ обвинителя процессъ за клевету, причемъ осужденный подвергался безчестію, т.е. лишенію гражданскихъ правъ.

Въ случаѣ столкновенія двухъ обвинителей, одинъ могъ обвинить другого въ сознательномъ желаніи такъ вести процессъ, что бы оправдать обвиняемаго.

П Р О Ц Е С С Ъ В Е Р Р Е С А .

Превосходную иллюстрацію хода судебнаго дѣла, идущаго по обвинительному порядку, даетъ процессъ Верреса, пропретора въ Сициліи, разграбившаго свою провинцію и обвиненнаго въ Римѣ провинціалами черезъ посредство Цицерона передъ лицомъ претора, завѣдывавшаго судебными дѣлами этой категоріи, т.е. *quaestio de repetundis*.

За промежутокъ времени между появленіемъ особой формы суда для этихъ процессовъ, т.е. между 149 г. до Р.Х. и 81 годукогда Сулла вновь регулировалъ эти суды, процессъ нѣсколько разъ подвергался измѣненіямъ. Важнѣйшее намъ извѣстное - это измѣненіе внесенное младшимъ Гракхомъ, состоявшее въ замѣнѣ судей сенаторовъ, судьями всадниками; спеціальнаго отношенія къ дѣламъ по вымогательствамъ въ провинціи этотъ законъ не имѣлъ. При Суллѣ сенатъ вновь поставлялъ судей, и, слѣдовательно, присяжными въ процессѣ Верреса 70 года были сенаторы реорганизованнаго Суллой сената. Какъ измѣнились чисто процессуальныя формы за время между 149 - 81 г. мы не знаемъ, такъ какъ отъ цѣлаго ряда законовъ, регулировавшихъ этотъ именно процессъ, до насъ сохранились только остатки Ацилiева закона 123 - 122 гг. Врядъ ли, однако, измѣненія касались существенныхъ пунктовъ и весьма вѣроятно, что ходъ процесса во второмъ вѣкѣ и въ началѣ I-го былъ приблизительно одинъ и тотъ же.

Верресъ былъ обвиненъ сицилійцами тотчасъ же послѣ своего возвращенія изъ провинціи. представителемъ интересовъ провинціи явился молодой начинающій политическій дѣятель Цицеронъ. Онъ недавно былъ квесторомъ въ той же Сицилiи и теперь искалъ эдильства. За Верреса стояли всѣ нобили, такъ или иначе связанные съ нимъ родствомъ или общностью интересовъ, но общимъ дѣломъ всей *nobilitas* процессъ Верреса сдѣлаться не могъ, такъ какъ сицилійскій пропреторъ не былъ выдающимся дѣятелемъ партiи, а простымъ ея рядовымъ. Поэтому у Цицерона шансы на успѣхъ были и ему пришлось бороться не столько съ политической партiей, сколько съ кликой пристрастныхъ и подкупленныхъ сенаторовъ. Въ борьбѣ съ Цицерономъ Верресу важнѣе всего было: I) чтобы предсѣдателемъ суда былъ человѣкъ близкій ему, 2) чтобы составъ судей былъ подкупленъ. Второе было

болѣе важное, а потому на второе прежде всего были направлены махинаціи Верреса и его опытныхъ совѣтчиковъ.

Итакъ, въ январѣ Верресъ вернулся изъ провинціи. Не давъ ему осмотрѣться въ Римѣ, возобновить знакомства послѣ трехлѣтняго отсутствія, Цицеронъ немедленно заноситъ его имя въ списокъ обвиняемыхъ соотвѣтственнаго претора. Верресу надо было во что бы то ни стало, выиграть время. Для этого, а также и для того, чтобы, если возможно, совсѣмъ погубить обвиненіе въ зародышѣ, Верресъ находитъ себѣ другого обвинителя въ лицѣ Кв. Цацилія. Претору надо было, стало быть выбирать между двумя обвинителями (Divinatio) такого, который дѣйствовалъ бы энергичнѣе въ интересахъ обвиненія, Поддерживая свое право на обвиненіе, Цицеронъ произноситъ свою первую рѣчь въ этомъ процессѣ, доказывая, что его одного хочетъ Сицилія и что Цацилій, очевидно , недобросовѣстенъ и будетъ вести обвиненіе въ интересахъ подсудимаго (Praevaricatio). Побѣду одерживаетъ Цицеронъ.

Въ качествѣ теперь оффиціальнаго обвинителя Цицеронъ испрашиваетъ 110 дней на подготовленіе процесса, довольствуясь возможно короткимъ срокомъ , нужнымъ для собранія данныхъ для обвиненія въ Римѣ и для пополненія ихъ на мѣстѣ. Верресу оставалось одно : задержать начало процесса, чтобъ имѣть возможность пустить въ ходъ машину подкупа, подобрать свидѣтелей, вызвать сочувствіе въ обществѣ и т. д. Все это дѣлаетъ не онъ самъ, для всего этого нужны опытные люди спеціалисты, и вотъ съ такими спеціалистами Верресъ входитъ въ соглашеніе. Они прежде всего ищутъ какой нибудь возможности задержать начало процесса и находятъ ее въ томъ, что на другой день послѣ полученія Цицерономъ права руководить слѣдствіемъ, къ претору является другое лицо, обвиняющее проконсула Македонія по тому же закону и требующее для слѣдствія не 110 дней,

какъ Цицеронъ, а только 108. Тѣмъ самымъ преторъ ставится въ необходимость назначить дѣло второго къ слушанію ранѣе перваго, т.е. отсрочить разборъ дѣла Верреса до окончанія македонскаго процесса. Все же обвинитель Верреса и въ этомъ случаѣ времени для слѣдствія не выигрываетъ; онъ долженъ прибыть къ сроку на случай если обвинитель по македонскому дѣлу не явится. Два мѣсяца Цицеронъ работаетъ въ Римѣ, пятьдесятъ дней проводитъ въ Сициліи. За это время въ Римѣ опредѣляется составъ присяжныхъ для второго процесса; возможно, однако, что теперь же опредѣлился и составъ присяжныхъ въ процессѣ Верреса и что это именно задержало Цицерона въ Римѣ на цѣлыхъ два мѣсяца.

Спѣшно сдѣлавъ свое дѣло въ Сициліи, Цицеронъ возвращается въ Римъ къ сроку. Въ это время въ Римѣ разбирался процессъ македонскаго намѣстника. Въ то же время дѣйствовали и агенты Верреса, подыскивая изъ назначенной для процесса части сенаторовъ лицъ, готовыхъ оправдать Верреса за деньги. Въ маѣ происходитъ окончательное утвержденіе состава присяжныхъ, можетъ быть, новая жеребьевка при составѣ декурій и новый отводъ, можетъ быть, вообще первое образованіе состава присяжныхъ. Жеребьевка и отводъ даютъ результаты неблагопріятные для Верреса: въ составѣ присяжныхъ подкупно меньшинство, на оправданіе при этомъ составѣ надѣяться нечего. Тогда выдвигается на первый планъ стремленіе оттянуть разбирательство дѣла, если возможно до конца года, т.е. до вступленія въ магистратуру выбранныхъ въ іюлѣ магистратовъ, друзей Верреса, или по крайней мѣрѣ до того времени, когда изъ состава присяжныхъ выйдутъ, въ силу разныхъ причинъ, нѣкоторые наиболѣе непріятные подсудимому присяжные.

Слушаніе дѣла назначено было на 5-е августа. Начаться должно было дѣло съ обвинительной рѣчи Цицерона и отвѣта защитника Верреса

Гортенсія. Рѣчи эти должны были занять много времени, а между тѣмъ факты въ нихъ не могли фигурировать въ лицѣ свидѣтелей и документовъ. А тѣмъ временемъ наступалъ конецъ года, почти сплошь состоявшій изъ неприсутственныхъ дней, одни за другими должны были выбывать въ осенніе мѣсяцы наиболѣе честные изъ присяжныхъ. Обвинителю во что бы то ни стало нужно было ускорить дѣло, ускорить же его можно было только путемъ отказа отъ обвинительной рѣчи. Такъ Цицеронъ и дѣлаетъ и послѣ краткаго вступленія, гдѣ онъ объясняетъ причины такого своего образа дѣйствія, онъ прямо приступаетъ къ допросу свидѣтелей и чтенію документовъ. Эти доказательства производятъ потрясающее впечатленіе, Верресъ предупреждаетъ приговоръ удаленіемъ въ изгнаніе. Этимъ процессъ кончается. Начинается новый: оцѣнка убытковъ потерпѣвшихъ (*litis aestimatio*). Цицеронъ, однако, отказавшись отъ обвинительной рѣчи въ судѣ, не желаетъ отказаться отъ нея совершенно и издаетъ ее въ свѣтъ особой публикаціей въ пяти книгахъ. Эта публикація показываетъ намъ, какъ затянулся бы процессъ, не откажись Цицеронъ отъ чтенія обвинительной рѣчи.

1080. ИТАЛІЯ И ПРОВИНЦІИ.

До сихъ поръ мы разбирали развитіе римскаго государственнаго строя внутри города, т.е. постепенное развитіе отдѣльныхъ городскихъ институтовъ и ихъ приспособленіе къ нуждамъ римскаго государства, вышедшаго уже очень рано за предѣлы города. Намъ необходимо теперь отдать себѣ отчетъ, въ какія же отношенія стали постепенно присоединяемыя къ первоначальной городской территоріи Рима раньше самостоятельныя государственныя единицы, т.е. какимъ путемъ возникло то, что впослѣдствіи носило имя римскаго *Imperium*, того территоріальнаго единства., на которое распространялась власть римскаго народа и его представителей .

Концентрическіе круги, въ которыхъ развивалось внѣшнее могущество Рима привело его прежде всего къ фактическому подчиненію союзныхъ и одноплеменныхъ латинскихъ общинъ и къ расширенію своего гражданства при посредствѣ колоній изъ состава римскаго гражданства:, далѣе должны были быть регулированы отношенія съ покоренными родственными, но не одноплеменными государствомъ и городомъ въ Италіи, наконецъ къ чуждымъ по національности городамъ и племенамъ Италіи и внѣиталійскихъ завоеваній. Основа такой регулировки отношеній была вездѣ одна и та же : Римъ считался - будучи самъ городомъ государствомъ, только съ такими же городскими организмами, не признавая новыхъ формъ государственности, возникшихъ на почвѣ эллинизма,т.е.союзовъ отдѣльныхъ городовъ и комбинированныхъ изъ организма города и восточныхъ монархій территоріальныхъ государствъ, гдѣ городъ все болѣе и болѣе переставалъ играть роль самоуправляющейся суверенной единицы. Вездѣ Римъ считается ,такимъ образомъ, исключительно съ городомъ, что сказывается прежде всего на его отношеніяхъ къ неподчиненнымъ самостоятельнымъ государствамъ. Только съ городами Римъ заключалъ вѣчные договоры, монархію онъ признавалъ только въ лицѣ монарха,т.е.заключалъ договоръ съ даннымъ царемъ, а не съ государствомъ, во главѣ котораго царь стоялъ.

Въ виду этого и регулировка отношеній къ постепенно входившимъ въ предѣлы римской власти и вліянія государственнымъ организмомъ сводились къ опредѣленію степени зависимости отдѣльныхъ городскихъ единицъ къ Риму, причемъ фактъ зависимости, неполной самостоятельности вездѣ былъ на лицо, варьировалась только степень самостоятельности во внутреннемъ самоуправленіи.

Раньше другихъ стали въ зависимость отъ Рима общины л а т и н с к і я . Римское преданіе не знаетъ такого времени, когда бы Римъ былъ равноправной составной частью латинскаго союза, но оно не

знаетъ и времени, когда бы Римъ совсѣмъ не былъ связанъ съ союзомъ. Для римлянина отношеніе Рима къ союзнымъ городамъ есть искони отношеніе первенствующей общины къ зависимымъ, хотя, несомнѣнно, было время, когда Римъ былъ такой же составной частью союза, какъ и Пренесте, и руководительство принадлежало не ему, а, можетъ быть, Альбѣ. Латинскій союзъ въ первый періодъ своего существованія, т.е. до уничтоженія союза между отдѣльными латинскими общинами въ 338 году, распадался на двѣ части: общины,искони входившія въ союзъ (*prisci Latini*) и новооснованныя общины (уже въ періодъ гегемоніи Рима), вошедшія въ составъ союза - латинскія колоніи. Впослѣдствіи, однако, когда основаніе латинской колоніи исходило всецѣло отъ Рима, а не отъ союза, новыя колоніи уже не входили въ союзъ.

Цѣлью союза была общая защита отъ врага. Инициатива сбора войска исходила отъ руководящей общины, т.е. Рима. Основой для набора, какъ и въ Римѣ, былъ цензъ, причемъ, вѣроятно, основы его во всемъ союзѣ были одинаковы. Каждая община внутри союза вполнѣ самостоятельна, что выражается, прежде всего въ ея правѣ вести самостоятельно войну съ членами союза и заключать съ ними отдѣльные договоры. Но внѣ союза каждая община связана договорами между членами союза и между союзомъ и Римомъ.

Союзъ между латинскими городами и Римомъ сводится , несмотря на имя *foedus aequum* (союзъ на равныхъ основаніяхъ) къ зависимости союза отъ Рима . Зависимость выражается въ военномъ главенствѣ Рима,т.е. въ предводительствующей роли, которую играетъ Римъ во время войны и въ исключительномъ правѣ Рима на сношенія и договоры съ сосѣдями.

Отношенія послѣ 338 года остались, вѣроятно , въ общемъ тѣми же, что и раньше, съ той только разницей, что каждая община теперь непосредственно связана только съ Римомъ, но не съ другими ла-

тинскими общинами, и функціи союза перешли на Римъ. Такъ теперь новыя латинскія общины, хотя и продолжаютъ создаваться въ большомъ количествѣ, но исключительно по рѣшенію народнаго собранія. Форма появленія новыхъ латинскихъ общинъ и теперь созданіе колоній, но на ряду съ этимъ рѣшеніе комицій создаетъ латинскія общины и изъ нелатинскихъ союзовъ или покоренныхъ городовъ, буде, конечно, они того пожелаютъ. Такое явленіе перехода союзныхъ автономныхъ общинъ въ положеніе латинъ доказываетъ, что послѣдніе пользовались извѣстными преимуществами передъ другими италійскими общинами.

Правда, суверенность латинскихъ общинъ быстро отошла въ область преданія, и онѣ уже во второмъ вѣкѣ до Р.Х.считаются за составную часть римскаго *imperium*, все же онѣ сохраняютъ рядъ преимуществъ передъ другими союзными и автономными общинами Италіи. Частью это основывалось на близкомъ родствѣ съ Римомъ, вызывавшемъ и родство основныхъ положеній частнаго права, почему въ Римѣ споры между латиномъ и римлянином разрѣшались городскимъ преторомъ; отсюда же вытекаетъ и нестѣсненное право обмѣна (*commercium*) между латиномъ и римлянином по обще національнымъ формамъ, вполнѣ совпадавшемъ съ римскими. Важнѣйшимъ изъ входившихъ сюда правъ надо считать: право на усыновленіе латина римлянином и наоборотъ, право пріобрѣтать недвижимую собственность въ территоріи города, право дѣлать долги по римской нормѣ, право получать наслѣдство отъ римскихъ гражданъ по завѣщанію. Всѣ эти права дѣйствительны, однако, только по отношенію къ Риму и отдѣльной латинской общинѣ, отнюдь не въ отношеніяхъ латинскихъ общинъ между собой.

Одной изъ самыхъ важныхъ привилегій латинскихъ общинъ было облегченіе въ достиженіи права римскаго гражданства латиномъ. Связано было полученіе этого права только съ перемѣной мѣста жительства, т.е.съ переѣздомъ латина на житье въ Римъ. Такой латинъ при по-

производствѣ ценза являлся къ цензору, который и заносилъ его въ списки, какъ и римскаго гражданина.

Это важнѣйшее право латинскихъ общинъ было сведено почти на нѣтъ для цѣлой категоріи латинскихъ общинъ. Весьма вѣроятно, что колоніи, основанныя послѣ 338 года до Р.Х., не получили больше этого права, и доступъ ихъ гражданъ къ римскому гражданству былъ облегченъ только тѣмъ, что за каждымъ бывшимъ магистратомъ этихъ общинъ признавалось право на римское гражданство.

Помянутое право латинскаго гражданина на римское гражданство влекло за собою то, что каждый латинскій гражданинъ, находясь въ Римѣ, принималъ участіе въ народномъ собраніи наравнѣ съ римскими гражданами. При этомъ это право признано было за гражданами всѣхъ латинскихъ общинъ, лучшаго ли или худшаго права.

Параллельно съ постепеннымъ превращеніемъ латинскаго союза, союза полноправныхъ общинъ между собой въ союзъ съ одной стороны союза латинскихъ городовъ съ Римомъ, съ другой стороны, наконецъ, въ союзъ того же Рима съ каждой отдѣльной латинской общиной идетъ общая борьба латинскаго племени подъ гегемоніей Рима съ сосѣдними родственными и чуждыми ей по національности племенами: этрусками, вольсками, эквами, сабинами, самнитами и греками. Въ средѣ этихъ племенъ отношенія въ до-римскій періодъ ихъ существованія сложились разно: союзъ этрусскихъ городовъ сильно рознился отъ союза самнитскихъ клановъ, государственность вольсковъ и эквовъ врядъ ли многимъ рознилась отъ латинской, отдѣльныя греческія города-государства проводили на западѣ греческую форму государственности. Столкновеніе всѣхъ этихъ элементовъ съ Римомъ и Лаціумомъ и побѣда Рима должны были поставить на очередь вопросъ о регулировкѣ отношеній сторонами, о выработкѣ извѣстныхъ формъ сосуществованія при данной фактической зависимости отъ Рима и менѣе привилегированнаго положенія, чѣмъ Лаціумъ. Въ этой регулировкѣ воз-

можны были двѣ тенденціи: съ одной стороны тенденція исключительная, т.е.нежеланіе ввести въ латинскую націю чуждые ей элементы, съ другой, объединительная - желаніе объединить однимъ языкомъ и одной національностью различныя по національности племена Италіи. И та, и другая тенденція проявились, но и та, и другая считали и признавали только одну форму государственности - городъ. Первая тенденція должна была сказываться конкретно въ уничтоженіи самостоятельнаго существованія покореннаго города и въ управленіи имъ органами римской власти. Она создала форму зависимости выразившуюся въ отнятіи у общины суверенности и въ зачисленіи ея жителей въ число гражданъ, но безъ политическихъ правъ (*cives sine suffragio*). Но чисто городской строй Рима съ его городской магистратурой дѣлалъ полное проведеніе въ жизнь этой формы зависимости въ высшей степени затруднительнымъ, почти невозможнымъ, особенно для болѣе отдаленныхъ общинъ; нотъ почему части покоренныхъ и поставленныхъ въ указанныя условія общинъ всетаки дается самоуправленіе, сглаживающее различіе между этой формой и обычной инкорпорированія путемъ сохраненія автономности и самоуправленія. Разница, пока существуетъ эта форма, выражается только въ томъ, что *civites sine suffragio* живутъ по нормамъ, установленнымъ Римомъ, и жители ихъ равноправны римскимъ гражданамъ только въ тяготахъ и повинностяхъ, т.е.также несутъ военную службу и также поддерживаютъ своими взносами римскую казну, какъ и граждане, не имѣя никакихъ гражданскихъ прерогативъ, т.е.ни права голоса въ комиціяхъ, ни права провокаціи, ни права собственности въ предѣлахъ римской территоріи, ни права на бракъ съ римскими гражданами. Всѣ ихъ права ограничивались предѣлами ихъ города.

Такая форма зависимости, конечно, не могла быть живучей, она не могла выдержать испытанія и осталась до времени полнаго объ-

единенія Италіи на другихъ основаніяхъ только слѣдомъ неудавшейся попытки организовать Италію путемъ созданія безправной массы рядомъ съ полноправной кучкой побѣдителей.

Чѣмъ болѣе, однако, выяснялась непригодность этого принципа, тѣмъ сильнѣе развивался другой принципъ, по которому организована была латинская нація, принципъ зависимаго союза для совмѣстнаго дѣйствія на почвѣ объединенія сначала Италіи, затѣмъ и внѣиталійскихъ странъ въ однородное и государственное и даже національное цѣлое.

Прежде всего, рядомъ съ исконнымъ представленіемъ о родственной связи съ латинами развивается при знакомствѣ представленіе о существованіи родственной связи между большинствомъ жителей Италіи, особенно благодаря столкновенію съ чуждыми національностями, главнымъ образомъ семитской и кельтской, отчасти греческой. Греческая національность, благодаря рано развившейся культурной зависимости, довольно рано вводится въ представленіи латинъ и италиковъ въ кругъ родственныхъ племенъ.

Это сознаніе національнаго родства способствуетъ созданію болѣе широкаго, чѣмъ латинскій союзъ общинъ, союза италійскаго. Зарождается этотъ союзъ тогда, когда о фактической равноправности между союзниками, въ силу хода историческихъ событій, и рѣчи быть не можетъ, когда Римъ, съ одной стороны на организаціи своихъ отношеній къ латинамъ выработалъ форму зависимаго союза, когда, съ другой стороны, не было въ Италіи о б щ и н ы, которая была бы равна по силамъ Риму. Племенные же союзы и союзы общинные не были однородны Риму и поэтому его усилія были прежде всего направлены на ихъ уничтоженіе. Характерно, что единственный вполнѣ равноправный союзникъ Рима, за исключеніемъ недолговѣчнаго союза съ самнитами, есть такая же община, какъ и онъ - Карѳагенъ. Эти причины привели къ созданію италійскаго союза въ той формѣ, въ которой

онъ существовалъ, т.е. въ формѣ союза зависимаго, выработаннаго для латинъ. Въ виду этого основы отношеній Рима къ италійскимъ союзникамъ тѣ же, что и къ латинамъ, различія обусловливаются различіемъ обстоятельствъ, при которыхъ возникли оба союза.

Начало италійскому союзу положено было въ 326 г. до Р.Х. включеніемъ въ союзъ Неаполя, съ тѣхъ поръ развитіе его идетъ непрерывно до войнъ I-го вѣка до Р.Х., приведшихъ къ полному объединенію Италіи посредствомъ уничтоженія разницы между гражданиномъ союзнаго города и гражданиномъ римскимъ.

Параллельно развитію этой политической формы идетъ и вызвавшая его и вызванная имъ латинизація Италіи.

"Политическія отношенія отдѣльныхъ общинъ къ Риму слагаются, какъ и въ латинскомъ союзѣ, изъ уменьшенія ихъ государственной самостоятельности съ одной стороны и сравненія ихъ гражданъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ римскими съ другой", говоритъ Моммзенъ (*Mommsen, Abriss des röm. Staatsr.*, 64).

Уменьшеніе государственной самостоятельности сказывается прежде всего въ уничтоженіи права сноситься съ другими общинами кромѣ Рима, затѣмъ въ подчиненіи рѣшеніямъ римскаго народа въ тѣхъ случаяхъ, когда они касаются всей Италіи. Кромѣ того, зависимость выражается въ поставкѣ, по требованіямъ Рима, войсковыхъ контингентовъ: для Италійскихъ городовъ пѣхоты, для греческихъ приморскихъ – флота.

Что до уравненія италіковъ съ римскими гражданами, то оно прежде всего сказывается внѣ Италіи, гдѣ Италикъ пользуется тѣми же правами, что и римскій гражданинъ, т.е. покровительствомъ римскихъ властей и свободой отъ мѣстныхъ налоговъ и пошлинъ. Внутри Ита-

---

Прошлогодній исправл. курсъ по исторіи Рима. Листъ 12-й.
Литогр. Богданова, Эртелевъ пер., д. I. Директоръ

лій права союзника все болѣе и болѣе приближаются къ правамъ латиновъ, хотя юридически италикъ продолжаетъ быть чужеземцемъ.

Постепенное изглаженіе національныхъ и правовыхъ отличій, конечно, не поддается точному опредѣленію, особенно при недостаточности нашихъ свѣдѣній, но событія I-го вѣка ясно показываютъ, какія успѣхи оно сдѣлало къ тому времени.

Объединительная тенденція римлянъ касалась племенъ имъ родственныхъ, напр.умбро-сабельскихъ, которыхъ они желали латинизировать и ввести въ свою національность. Эти націи очень немногимъ отличались отъ римлянъ, что можно видѣть изъ ихъ языка, похожаго на латинскій.

По отношенію кампанцевъ и грековъ замѣтна та же тенденція такъ какъ и эти племена считались родственными, хотя теперь нѣкоторые считаютъ италиковъ болѣе родственными кельтамъ, чѣмъ грекамъ. Въ то время мнѣніе о родствѣ съ греками такъ утвердилось, что легло въ основу преданія о римлянахъ какъ о потомкахъ Энея. Въ виду этого въ предѣлы объединительныхъ тенденцій были введены и греческія колоніи. Теперь является вопросъ о формахъ урегулированія отношеній къ родственнымъ племенамъ. Первое племя, которому пришлось испытать объединительную политику Рима, были латины, какъ болѣе близкіе сосѣди и наиболѣе родственное племя. Вырабатывая свои отношенія съ латинами, Римъ сталкивается тамъ съ такими же городами-государствами, какимъ онъ былъ самъ, и ему пришлось оставить ихъ самоуправленіе, не разрушить существовавшіе между ними союзы, чтобы заключить самому союзы съ каждымъ городомъ-государствомъ отдѣльно, на принципѣ подчиненія ихъ себѣ. Этотъ типъ послужилъ прототипомъ всему италійскому союзу.

Но для возможности организаціи союза Италійскаго по образцу латинскаго необходимо было организовать всю Италію по одному образцу, т.е.создать такіе же города, какъ и въ Лаціи тамъ, гдѣ ихъ не

было. Столкнувшись съ самнитами, Римъ не нашелъ тамъ городовъ-государствъ, а союзъ клановъ, и ему пришлось создать города при помощи латинскихъ колоній, которыя Римъ и не замедлилъ основать въ Самніи и Апуліи, равно и въ Галліи, гдѣ царилъ племенной строй.

Кромѣ латинскихъ колоній возникаетъ еще рядъ гражданскихъ римскихъ общинъ. Что же за цѣль этихъ колоній?

Причиной появленія гражданскихъ колоній надо считать желаніе со стороны Рима утвердиться въ наиболѣе важныхъ стратегическихъ пунктахъ, создать тамъ постоянный гарнизонъ изъ римскихъ гражданъ. Также стара какъ Римъ и первая его колонія – его гавань Остія, затѣмъ возникаетъ рядъ таковыхъ, преимущественно въ приморскихъ городахъ. Какъ населенный центръ, колонія, конечно, должна имѣть и свою территорію, надѣлы высланныхъ туда изъ Рима колонистовъ. Такимъ образомъ появляется новый городской организмъ, тѣсно связанный съ Римомъ и первоначально врядъ ли обладавшій внутреннимъ самоуправленіемъ. Таковое должно было, однако, явиться какъ въ силу чисто городского строя римскаго государства, такъ и въ силу того, что рядомъ съ гражданскими колоніями развивалось все болѣе и болѣе самоуправленіе не только въ союзныхъ общинахъ, но и въ общинахъ гражданъ, не владѣвшихъ политическими правами. Самоуправленіе колоній сложилось, конечно, въ тѣ же формы, что и самоуправленіе союзныхъ общинъ съ одной стороны, было подраженіемъ городскому строю Рима съ другой. О политической самостоятельности римскихъ колоній конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Итакъ, Италія къ концу II вѣка до Р.Х. представляла изъ себя обширный союзъ самоуправляющихся общинъ, объединенныхъ общею связью съ Римомъ, но лишенныхъ связи другъ съ другомъ, лишенныхъ, конечно, и всякой политической самостоятельности. Этотъ пестрый, разноплеменный и разнокультурный союзъ постепенно все болѣе и болѣе подчинялся латинской національности, ея языку, все болѣе и болѣе

сознавалъ себя однимъ государственнымъ и культурнымъ цѣлымъ. Это сознаніе должно было привести къ все болѣе тѣсному сплоченію союза при посредствѣ все большей и большей нивеллировки той разницы, которая существовала между союзной общиной и общиной римскихъ гражданъ. Эта тенденція сплоченія, котораго добивалась Италія, нашла себѣ выраженіе въ союзнической войнѣ, послѣднемъ проявленіи племенной розни, и закончилась дѣйствительнымъ уничтоженіемъ разнообразія внутренняго общиннаго строя и созданіемъ тѣсно связанной съ Римомъ, политически несамостоятельной теперь уже и *de facto* серіи римскихъ колоній и муниципій. Отнынѣ каждый римскій гражданинъ кромѣ общей родины Рима имѣетъ и спеціально родной городъ въ одномъ изъ италійскихъ муниципіевъ.

ПРОВИНЦІИ.

Пока Римъ развивался въ предѣлахъ Италіи, его развитіе шло медленно и, если можно такъ сказать, органически. Италійскій союзъ былъ результатомъ долгой борьбы и еще болѣе долгой и трудной ассимилирующей работы; его форма выработалась органически изъ тѣхъ основъ государственности, которыя развились въ Лаціи благодаря естественному ходу историческаго развитія, выработалась параллельно съ выработкой основныхъ устоевъ городского республиканскаго строя; и естественно поэтому, что естественный республиканскій строй былъ основой, на которой были построены отношенія и зависимость Италіи отъ Рима.

Все это, однако, измѣнилось со времени Ганнибаловой войны и послѣдовавшихъ за нею событій. Послѣ побѣды надъ царицей Запада, Карѳагеномъ, Римъ сразу сталъ лицомъ къ лицу съ варварскимъ западомъ и, какъ преемникъ Карѳагена на западѣ, столкнулся съ исконнымъ врагомъ его - греками. Органически выросшая италійская нація въ лицѣ италійскаго союза во главѣ съ Римомъ была такой могучей силой, съ которой не могли справиться силы тогдашняго культурнаго

Востока, не говоря уже о греческихъ оазисахъ на западѣ, въ Италіи и Сициліи. Слабость послѣднихъ лежала главнымъ образомъ въ томъ, что эллины на западѣ застыли на формѣ города-государства, обособленнаго и потому слабаго, не сумѣли сплотиться, когда тому при Пиррѣ представился удобный случай, не сумѣли противопоставить союзу италиковъ такой же союзъ западныхъ грековъ. И если они сравнительно успѣшно боролись съ могучей политіей Карѳагеномъ, этимъ финикійскимъ купцомъ, закабалившимъ рядъ дикихъ племенъ, но не связавшихъ ихъ съ собой органической связью, то ни имъ, ни Карѳагену не было подъ силу бороться съ сплоченной вокругъ Рима Италіей.

Не такъ ясны причины политическихъ и военныхъ успѣховъ Рима на Востокѣ. Несомнѣнно, греческая культура въ концѣ 3 вѣка до Р.Х. стояла на высшей точкѣ своего развитія. И греческая государственность въ это время сдѣлала крупный шагъ впередъ. Попытка Аѳинъ въ У вѣкѣ сдѣлаться греческимъ Римомъ разбилась частью о сопротивленіе военнаго государства Спарты, частью въ силу слишкомъ широкаго размаха, съ которымъ начали свое дѣло Аѳины, частью въ силу врожденнаго грекамъ желанія стоять обособленно, желанія, вызваннаго высокимъ культурнымъ развитіемъ, котораго достигли отдѣльныя греческія политіи. Уже вскорѣ послѣ неудачи Аѳинъ становится яснымъ, что нужна новая форма государственности, чтобы объединить Грецію, что нужно покончить съ исключительностью города-государства и создать болѣе сильный государственный организмъ, который могъ бы бороться съ новой зародившейся въ сосѣдней Македоніи формой государственности. Борьба съ македонскими монархами показала Греціи, что ея государственный строй отжилъ, что политіи не подъ силу бороться съ крупнымъ территоріальнымъ государствомъ, каковымъ сдѣлалась Македонія при Филиппѣ.

На этомъ застало Грецію появленіе Александра и его государства,

объединившаго весь востокъ прививкой къ нему прогрессивныхъ греческихъ культурныхъ началъ, открывшему и эллинству новое широкое поле дѣятельности въ видѣ прежде подвластныхъ персидскому царю территорій Малой Азіи, Сиріи, Египта. Выросшія на развалинахъ Александровой монархіи новыя культурныя государства Востока: Пергамъ, Сирія, Египетъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ новыми формами государственности; всѣ они,кромѣ Египта, пытаются подчинить и согласовать организмъ греческой политіи съ формами восточной территоріальной монархіи, сдѣлать изъ нея часть новаго цѣлаго, сохраняя ея самоуправленіе и самодавленіе. Пока идетъ развитіе указанной новой формы государственности на Востокѣ, и въ Греціи зарождается въ противовѣсъ новымъ эллинистическимъ монархіямъ новая форма государственности въ видѣ широкихъ городскихъ союзовъ, союзовъ на основаніи полнаго равенства отдѣльныхъ членовъ его и управленія при посредствѣ представительства отдѣльныхъ членовъ союза въ союзномъ совѣтѣ. Эта новая форма, нашедшая себѣ выраженіе въ Европѣ въ союзахъ этолійскомъ и ахейскомъ, въ Азіи въ союзѣ Ликійскомъ должна была сразу же вступить въ борьбу съ цѣлымъ рядомъ враговъ: съ царствовавшимъ въ самой Греціи сепаратизмомъ, съ желаніемъ поддержать отжившую форму города-государства во что бы то ни стало съ одной стороны, съ сосѣдней территоріальной монархіей - Македоніей, стремившейся подчинить новой формѣ и греческія политіи съ другой. Наконецъ, и самый союзъ возникъ одновременно въ двухъ мѣстахъ и оба союза претендовали объединить около себя всю Грецію.

Итакъ, когда тѣсно сплоченный италійскій союзъ сталъ лицомъ къ лицу съ Востокомъ, онъ нашелъ его въ полномъ броженіи. Новыя формы государственности не успѣли еще пустить корней, необходимая для упроченія этихъ формъ борьба была въ полномъ разгарѣ; но одно

временно съ этой борьбой культура двигалась гигантскими шагами впередъ, развивались и шли все болѣе и болѣе и вглубь и вширь науки теоретическія и прикладныя, искусство чистое и художественная промышленность, шло полнымъ ходомъ и экономическое развитіе. Все это при непрерывномъ грохотѣ оружія, при постоянныхъ территоріальныхъ измѣненіяхъ приблизительно такъ, какъ въ Европѣ въ 18 и началѣ 19вв..

На органическое развитіе борьбы и формированіе новыхъ государственныхъ единицъ было внезапно насильственно прервано извнѣ. На западѣ у всего Востока появился новый страшный врагъ, страшный потому, что, будучи очень далеко отъ Востока въ культурномъ и даже государственномъ отношеніи, онъ пришелъ съ нимъ въ столкновеніе какъ разъ въ то время, когда онъ достигъ апогея своего государственнаго развитія, поскольку оно было возможно, держась въ предѣлахъ формъ города-государства, когда недостатокъ внутренней культуры онъ уже успѣлъ прикрыть внѣшнимъ покровомъ заимствованной греческой культуры и особенно именно тогда, когда на Востокѣ только начали выдѣляться жизнеспособные организмы, все продолжалась борьба отдѣльныхъ государственныхъ формъ и организмовъ. Въ эту борьбу вмѣшался Римъ. Очерченныя выше условія, постоянная и устойчивая политика Рима, т.е. римскаго сената, сдѣлали то, что не прошло и 100 лѣтъ, какъ весь Востокъ очутился въ зависимости отъ Рима, въ зависимости болѣе или менѣе тѣсной. Такимъ образомъ около середины II вѣка до Р.Х. Риму приходилось разрѣшить трудную задачу регулировки своихъ отношеній къ самымъ разнообразнымъ по своему строю побѣжденнымъ государственнымъ организмамъ. Съ одной стороны стоялъ Востокъ съ его политіей, союзомъ городовъ и территоріальныхъ монархій, съ другой - Западъ съ его оазисами греческихъ и финикійскихъ политій,

съ его племеннымъ и волостнымъ строемъ, съ его разнообразными національностями: берберскими, иберскими, лигурійскими и кельтскими. Задача предстояла нелегкая, а разрѣшить ее требовалось во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе.

Понятно, что въ этомъ случаѣ Римъ примкнулъ къ тому, что онъ уже примѣнялъ на практикѣ въ организаціи своихъ внутреннихъ италійскихъ отношеній и это въ двухъ направленіяхъ.

Вопервыхъ, покоренію главнымъ образомъ на Востокѣ предшествовалъ почти всегда союзъ съ отдѣльными организмами подчиняемой территоріи. Прочные, вѣчные союзы, какъ сказано, Римъ признавалъ только съ городами государствами, какъ Аѳины, Родосъ, Массилія и др. Эти союзныя отношенія урегулированы были такъ же, какъ подобныя имъ въ Италіи, т.е. каждый разъ на основаніи особаго договора. При этомъ надо отличить договоръ съ дѣйствительно самостоятельными государствами, который такъ долго остается договоромъ равнаго съ равнымъ, какъ долго сосѣднія земли не окончательно покорены и въ нихъ не появляется римскій магистратъ и договоръ на началахъ уничтоженія политической суверенности. Къ концу II в. союзныхъ городовъ первой категоріи уже нѣтъ, и всѣ союзники Рима такъ же подчинены ему, какъ и италійскіе. Разница только та, что между заморскими союзниками и Римомъ нѣтъ той тѣсной связи, какая существуетъ между союзниками въ Италіи. Это выражается прежде всего въ томъ, что въ римскомъ войскѣ только рѣдко появляются союзные контингенты и то главнымъ образомъ флотъ, и зависимость выражается въ менѣе обычной для всей Италіи формѣ уплаты денежныхъ взносовъ; эта форма зависимости дѣлается обычной для всѣхъ внѣ-италійскихъ союзниковъ. Во внутреннихъ дѣлахъ союзныя общины вполнѣ самостоятельны, даже болѣе, чѣмъ италійскія, такъ какъ ихъ внутреннія дѣла менѣе важны для Рима, чѣмъ внутренняя жизнь союзниковъ италійскихъ, на которыхъ

основана мощь Рима.

Въ такія отношенія могла стать только незначительная часть внѣ-италійскихъ зависимыхъ и подчиненныхъ. Къ большинству завоеванныхъ территорій примѣнено было право завоевателя въ полномъ размѣрѣ, какъ оно рѣдко примѣнялось въ Италіи. Сдавшіеся на милость Рима (Dediti и ихъ потомки Deditcii) отдавали себя въ полное распоряженіе Рима. "Они, по словамъ Моммзена (Abriss, 68) разсматриваются не какъ граждане, не какъ иностранцы, не какъ рабы, но какъ свободные безъ всякихъ гражданскихъ правъ; они собственно говоря не безправны, такъ какъ въ предѣлахъ римской власти защита личности частно-правовыя сношенія есть прерогатива каждаго свободнаго, но они исключены изъ всего того, что связано съ правомъ гражданства, т.е. они не пользуются правомъ на бракъ и на наслѣдство, не принимаютъ участія въ охранѣ государства или вообще ни какой нибудь части государственной жизни; кромѣ того они уже потому безправны по отношенію къ римской общинѣ, что она сохраняетъ первоначальное право окончательнаго распоряженія надъ зависимыми отъ нея людьми, хотя и не пользуется имъ въ данный моментъ". На этомъ понятіи были всецѣло построены отношенія Рима къ провинціямъ.

Управлялъ покоренными, конечно, прежде всего тотъ, кто ихъ покорилъ, т.е. полководецъ - консулъ или преторъ. Находясь внѣ Рима онъ ничѣмъ не стѣсненъ въ своей власти даже по отношенію къ римскимъ гражданамъ, не говоря уже о покоренныхъ. Эта власть, дѣйствовавшая при покореніи, продолжаетъ дѣйствовать и послѣ него, она увѣковѣчивается въ видѣ власти особаго претора въ покоренной области. (provincia)

Но римскій строй и здѣсь, какъ и въ Италіи, не имѣлъ органовъ для непосредственнаго управленія покоренными во всѣхъ дѣлахъ ихъ внутренней жизни. Не смотря на фикцію лишенія всѣхъ гражданскихъ правъ,

покоренный все-таки входилъ въ составъ римскаго государства, оставаясь въ то же время тѣсно связаннымъ съ тѣми условіями общественной жизни, въ которыхъ застало его покореніе; разрушать эти условія не было въ интересахъ Рима и онъ предпочелъ оставить ихъ прежними, особенно тамъ, гдѣ эти условія были аналогичны италійскимъ, т.е. основаны на принципѣ городскаго самоуправленія; какъ разъ первыя провинціи Рима - Африка и Сицилія имѣли всецѣло городской строй. Такимъ путемъ общины были фактически автономны, но эта автономность была только терпима, и всякій житель провинціи всецѣло зависѣлъ отъ произвола военнаго правителя. Община была настолько удобнымъ органомъ администраціи, она такъ глубоко проникла въ жизнь Италіи, что на ней Римъ построилъ и всю свою организацію въ новой фазѣ своего развитія, сознательно низводя болѣе прогрессивныя формы общественнаго строя греческихъ союзовъ и эллинистическихъ монархій вновь къ чисто общинному строю и вводя этотъ строй тамъ, гдѣ онъ былъ прогрессомъ, т.е. на Западѣ. Распространеніе этого общиннаго строя со всей внѣшней культурой, связанной съ нимъ и есть наиболѣе крупная заслуга Рима, которая однако, врядъ ли уравновѣшиваетъ гибель прогрессивныхъ формъ жизни Востока.

Въ покоренныхъ странахъ право собственности надъ всей территоріей принадлежитъ при послѣдовательномъ проведеніи принципа, конечно, завоевателю. Но, конечно, не въ интересахъ завоевателя было гнать все населеніе съ завоеванной территоріи и сажать на его мѣсто римскихъ и италійскихъ колонистовъ: въ Италіи и такъ не было избытка въ населеніи. Въ виду этого, свое право собственности надъ завоеванной территоріей Римъ поддерживалъ только въ видѣ юридической фикціи; практически это право выражалось въ томъ, что съ земли каждый владѣлецъ обязывался платить Риму извѣстную часть дохода деньгами или натурой, что для греческихъ общинъ было новостью

не вполнѣ знакомо было всѣмъ эллинистическимъ монархіямъ. Пока идея собственности Рима не вошла въ обиходъ, уплаты провинціаловъ разсматривалось какъ возмѣщеніе убытковъ на содержаніе войска (stipendium).

Такъ организовалось новое римское міровое государство на первыхъ порахъ. Ясно тотчасъ же, какъ ненормальна была такая организація. Союзъ италійскихъ общинъ уже потому не былъ прочной государственной формой, что онъ былъ союзомъ только по имени, на дѣлѣ же все сводилось къ верховенству одной общины надъ всѣми другими; отсутствіе представительства дѣлало остальныя общины только пассивными зрительницами хозяйничанья главенствующей. Такое положеніе не могло быть долговѣчнымъ, и вся исторія Италіи въ концѣ 2-го и 1-го вѣка до Р.Х. есть исканіе выхода изъ этого положенія.

Еще менѣе нормально положеніе провинцій, особенно восточныхъ. Рабство покоренныхъ, неустойчивость управленія, произволъ царили въ римскомъ государствѣ. И это не могло длиться вѣчно, но здѣсь нельзя было ждать протеста отъ самихъ покоренныхъ: ихъ мощь была сломлена ихъ низведеніемъ вновь къ основной формѣ ихъ государственности - политіи и того единенія эллинства, котораго они не успѣли добиться на свободѣ, они не могли,конечно, выработать во время рабства. Помочь долженъ былъ самъ Римъ, сознавъ ненормальность своего основного принципа. И это сознаніе проникаетъ въ общество уже въ концѣ 2-го вѣка, но ему не даютъ созрѣть вопросы внутренней политической, соціальной и экономической жизни Италіи.

Въ культурной жизни Италіи также замѣченъ переворотъ въ ту же эпоху: начинаетъ вырабатываться типъ греко-римской культуры.

Словомъ, съ конца 2-го вѣка Римъ вступаетъ въ новую фазу развитія; ростъ Рима, города-государства, кончился, начинается періодъ развитія римскаго государства.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ORNL-62440

OUK

ОИК
И32 268

ЛЕКЦІИ
ПО
ИСТОРІИ РИМА

т 2 СПб 1902 г.

Пр. Ростовцева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

992975

15 бл. **Политическая эволюція Рима.**

(Зарожденіе Рима. Географическія и этнографическія условія его возвышенія. Римъ и латинскій союзъ. Достиженіе Римомъ Италійской гегемоніи. Борьба на границахъ съ галлами и греками. Борьба съ Карѳагеномъ, ея исходъ и результаты. Переходъ Рима къ всемірно-исторической ролѣ его существованія. Первая провинція. Начало Римскаго имперіализма и почва для монархической идеи въ созданныхъ имъ условіяхъ).

Общеизвѣстныя легенды объ основаніи Рима и первомъ періодѣ его существованія, являются весьма сомнительными историческими источниками, вслѣдствіе чего всѣ вопросы, касающіеся первоначальной исторіи Рима крайне запутаны. Мы знаемъ только, что Римъ возникъ видѣ такого же <u>города - государства</u>, какъ и окружающіе латинскіе города и греческія колоніи. разница въ томъ, что Римъ никогда, по всей вѣроятности, не сознавалъ себя одинокимъ, а всегда былъ связанъ тѣснѣйшими узами со своими сосѣдями, городами латинскаго союза, образовавшагося, какъ намъ извѣстно - для взаимной защиты отъ окружающихъ племенъ - въ эпоху, едва ли многимъ не совпадающую съ возникновеніемъ самого Рима. Первоначальная исторія послѣдняго совпадаетъ потому съ исторіей латинскаго союза, въ которомъ однако, Римъ недолго остается простымъ полноправнымъ членомъ; онъ скоро выдвигается на первый планъ и захватываетъ гегемонію. Возвышенію Рима - причины этого возвышенія вообще много-

Директоръ

Литогр. Богданова. Эртелевъ пер. д. 12.

численны и сложны – въ особенности способствовало благопріятное географическое положеніе. Не у моря, слѣдовательно въ безопасности отъ этрусскихъ пиратовъ, а также отъ слишкомъ большого вліянія Греціи; на судоходной рѣкѣ – слѣдовательно могущій поддерживать внѣшнюю и внутреннюю торговлю – городъ соединялъ равнородныя выгоды приморскаго и центральнаго положенія. Важно и то обстоятельство, что Римъ не былъ чисто латинскимъ городомъ, (какъ напр. Тускулумъ), а составился путемъ смѣшенія, изъ нѣсколькихъ народностей. Въ составѣ смѣшаннаго населенія, Латины дали, насколько мы знаемъ, приблизительно одну треть всего числа жителей Рима. Составъ соединившихся племенъ былъ чрезвычайно благопріятенъ для образованія того характернаго этнографическаго типа, который впослѣдствіи отличалъ римлянъ и который такъ способствовалъ развитію изъ нихъ народа съ гигантской историческою мощью. При возникновеніи Рима съ латинами, какъ мы знаемъ, соединились Сабины и этруски. Воинственные горцы – сабины принесли выносливому трудолюбивому земледѣльцу – латинину недоставшую ему воинскую закаленность; культурные задатки, необходимые для дальнѣйшаго развитія семенъ цивилизаціи и созданія государственности были – главнымъ образомъ въ своей формальной сторонѣ – принесены этрусками. У послѣднихъ Римъ заимствовалъ греческій ритуалъ, одежду и т.д. – вполнѣ готовую, строго выработанную внѣшнюю технику государственности. Болѣе глубокія культурныя основы Риму суждено было получить впослѣдствіи изъ Эллады. Такъ какъ Римъ самъ создался изъ слѣянія упомянутыхъ племенъ, то дѣйствіе ихъ національныхъ особенностей не было лишь какимъ поверхностнымъ вліяніемъ, а вошло въ плоть и кровь римскаго народа. Такъ создался типъ римлянина: съ одной стороны – трудолюбивый, выносливый, суровый, проникнутый почтеніемъ къ богамъ, вои

и земледѣлецъ; съ другой - жизнерадостный и подвижной любитель зрѣлищъ, подчасъ грубоватый комикъ.

Итакъ, географическія и этнографическія особенности обусловили господствующее положеніе Рима въ Лат. Союз. Другіе члены котораго не пользовались тѣми счастливыми условіями, какія создали Римъ. Надо думать, что Римъ уже сравнительно скоро взялъ верхъ надъ Лат. Союз. Въ дальнѣйшей исторіи онъ уже опредѣленно играетъ роль руководителя во всѣхъ общеполитическихъ дѣлахъ, разрѣшавшихся сообща и въ строгихъ рамкахъ Союза. Это руководящее положеніе дало скоро возможность Риму расширить свою власть и за предѣлы союза, къ которому ему удалось привлечь менѣе родственныхъ ему племенъ и войскомъ. Во главѣ Лат. Союз. Римъ постепенно шелъ къ италійскому господству; на своемъ поступательномъ движеніи онъ столкнулся съ двумя сильными племенами: этрусками на сѣверѣ и самнитами на югѣ. Этруски въ эту эпоху уже ослабленные усиліями Карѳагена и грековъ, а въ особенности разбитые постоянными нападеніями галловъ съ сѣвера, представляли собой въ сущности уже отживающую націю и Римъ сравнительно легко могъ справиться съ ними. Гораздо труднѣе оказалась борьба съ самнитами, хотя послѣдніе лишь начали развиваться въ государство. У себя въ горахъ они были и остались крайними партикуляристами, распадаясь на безчисленные мелкіе кланы, вѣчно враждовавшіе между собой; положить начало государственности имъ удалось не на родинѣ, а въ кампаніи, благословенной, плодородной странѣ, издавна привлекавшей вниманіе латиновъ и грековъ. Мѣстныя греческія колоніибыли внѣшнимъ образомъ побѣждены самнитянами и внѣшнимъ же образомъ переняли послѣдніе культуру побѣжденныхъ. По сравненію съ горными соплеменниками, самниты здѣсь несомненно здѣсь сдѣлали шагъ впередъ въ отношеніи государствен-

ности; но прочнаго, единаго цѣлаго этому молодому, здоровому народу не удалось создать и здѣсь. Вліяніе греческаго индивидуализма - въ связи съ ихъ собственною наклонностью къ разрозненности - не давало самнитамъ объединяться. Они продолжали жить отдѣльными группами, и только крайняя необходимость заставляла ихъ временно сплачиваться. Тѣмъ не менѣе воинская доблесть самнитъ, ихъ страстная любовь къ независимости, способность къ ожесточенной борьбѣ до послѣдней капли крови - были факторами, не лишенными значенія и сдѣлавшими самнитскія войны тяжкими для Рима. Лишь послѣ долгихъ усилій закаленности, стойкому консерватизму и сплоченности Лат. Союза удалось сломить упорное сопротивленіе непріятеля.

Римъ постепенно простиралъ свою руку надъ Италіей. Прежде чѣмъ историческая жизнь его вступила въ фазу общеиталійской государственности, произошло еще столкновеніе между нимъ и латинами, окончившееся неудачно для послѣднихъ, - быть можетъ въ значительной степени благодаря превосходству культурныхъ началъ заложенныхъ въ Римѣ этрусками. Римъ очутился во главѣ центральной Италіи. Регулируя свои отношенія къ зависимымъ государствамъ, Римъ дѣлалъ ощутительную разницу между латинами и остальными народностями; тогда какъ съ первыми заключались союзы на равныхъ или почти равныхъ правахъ, союзы съ 2 нами носили уже вполнѣ характеръ союза побѣдителя съ покоренными. Римъ посредствомъ колонизаціи ассимилировалъ покоренныя племена, создавая въ Италіи рядъ однородныхъ муниципій, съ которыми и заключалъ эту новую форму союза. Римъ былъ въ превеллигированномъ положеніи: всякій римскій гражданинъ сохранялъ во всей Италіи свое римское гражданство и съ нимъ участіе въ государственной жизни господствующей муниципіи - недоступное жителю муниципіи

подчиненной. Въ такихъ условіяхъ заключалась несомнѣнно больная ненормальность, которая съ теченіемъ времени и съ увеличеніемъ римскаго могущества должна была все больше возрастать; но пока она еще не чувствовалась, такъ какъ внѣшнія отношенія Рима отвлекали народныя силы отъ отношеній внутреннихъ и развязеніе внутреннихъ противорѣчій очевидно было еще впереди.

Въ концѣ IУ и въ началѣ III вѣка мы находимъ Римъ подавившимъ всѣхъ своихъ сосѣдей и охватывающимъ въ смыслѣ государственности всю центральную Италію. Непокоренными оставались на югѣ греки, съ ихъ характерными формами государственной жизни; на сѣверѣ - галлы, неорганизованное скопленіе разрозненныхъ варварскихъ племенъ. Оба эти элемента имѣли крупное значеніе для всей послѣдующей исторіи Рима.

Галлы были авангардомъ великаго народнаго движенія на юго-западъ; ихъ постоянные набѣги являлись первой угрозой, звучавшей для культурнаго міра съ далекаго сѣвера, откуда надвигался хаотическій потокъ неизвѣстныхъ племенъ, впослѣдствіи затопившихъ и поглотившихъ этотъ міръ. Борьба Рима съ Галлами, не особенно трудная вначалѣ, становилась съ теченіемъ времени все труднѣе; романизировать настоящимъ образомъ удалось только одну кельтическую вѣтвь сѣверныхъ варваровъ. Галлы продолжали тревожить Римъ и борьба съ ними затянулась до II-го вѣка.

Съ греками, культуру которыхъ Риму было суждено воспринять и распространить, справиться было легче, вслѣдствіе воинской слабости Грековъ. Восточная объединительная политика Рима, распространявшаяся на эллиновъ, была въ сущности идеей старой, возникшей въ IУ вѣкѣ въ Сиракузахъ. Ранимъ ея провозвѣстникомъ является тиранъ Діонисій, стремившійся объединить западныхъ

Грековъ въ одно цѣлое. Отъ него она переходила къ цѣлому ряду преемниковъ, то падая, то поднимаясь; и наконецъ, подъ вліяніемъ Александра окрѣпла особенно сильно въ лицѣ Пирра, царя Эпирскаго, - какъ разъ тогда, когда Римъ сталъ во главѣ центральной Италіи. Пирру пришлось столкнуться съ Римомъ и Карѳагеномъ противниками, державшимися совершенно различной политики, - одинаково гибельной для ихъ врага. Пройдя чрезъ Италію и легко замиривъ Сицилію, Пирръ вернулся въ Италію снова, думая скоро закончить войну; но его ожидало съ одной стороны стойкое сплоченное сопротивленіе Рима, съ другой - уклончивая, вѣроломная политика Карѳагена, который, не вѣря въ эллинское единство удачно расчитывалъ на дѣйствіе всегдашняго греческаго индивидуализма. Дѣйствительно, греки не хотѣли и не умѣли содѣйствовать торжеству объединительной идеи Пирра; онъ остался одинъ, никѣмъ не поддерживаемый, противъ сплоченной громады молодого римскаго государства. Борьба была неравной, и предпріятіе Пирра окончилось полной неудачей.

Замиривъ италійскихъ Грековъ и поглотивъ ихъ въ составъ своего государственнаго цѣлаго, Римъ закончилъ нѣкоторымъ образомъ дѣло внутренняго объединенія; теперь ему нужны были силы для продолжительной и тяжкой внѣшней борьбы, къ которой неминуемо влекли обоихъ историческія условія.

Смыслъ и цѣль существованія Карѳагена составляла узурпація всѣхъ торговыхъ сношеній между варварскимъ Западомъ и культурнымъ Востокомъ, - посредничество въ обмѣнѣ между ними. Естественно, Карѳагену постоянно приходилось бороться за торговую гегемонію съ Грецией. Когда послѣдняя бывала разбросана, Карѳагенъ одерживалъ верхъ; при рѣдкихъ, мгновенныхъ и случайныхъ

объединеніяхъ Грековъ, ему приходилось уступать ихъ сплочен-
нымъ силамъ. Греческое единство не удавалось; но явилось един-
ство римское, не менѣе нежелательное для Карѳагена. Объедини-
тельная политика Рима изъ греческихъ колоній неминуемо должна
была перейти въ Сицилію. Колоніи сицилійскія были родственны
тѣмъ, надъ которыми уже господствовалъ Римъ; тутъ и тамъ дѣйст-
вовали одинаковые этнографическіе факторы. Римъ понемногу захва-
Сицилію въ свору своего вліянія, принявъ такимъ образомъ на се-
бя и борьбу сицилійскихъ колоній съ Карѳагеномъ, который теперь
не могъ уклониться отъ столкновенія, какъ онъ это дѣлалъ иног-
да съ греками. Новый противникъ обладалъ воинской силой и тѣс-
ной сплоченностью, и подвигался настойчиво - иногда безсознате-
льно, но неуклонно - къ осуществленію своихъ историческихъ за-
дачъ. Карѳагеняне хорошо понимали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и напря-
гали для борьбы всѣ свои силы; время пуническихъ войнъ было для
Карѳагена временемъ наибольшаго развитія національнаго самосо-
знанія. Но Римъ вступилъ въ борьбу во главѣ объединенной Италіи
Карѳагену же никогда не удавалось ассимилировать находящіяся
подъ его господствомъ разноплеменныя группы - вслѣдствіе пагуб-
ной карѳагенской политики, стремившейся исключительно къ эконо-
мической эксплуатаціи покоренныхъ народовъ, не давая имъ ника-
кого мѣста въ государственной жизни страны. Карѳагенъ никогда
даже и не заботился о какомъ бы то ни было урегулированіи сво-
ихъ отношеній къ зависимымъ отъ него народностямъ, оставляя
полный просторъ произволу носителей хищническому произволу но-
сителей власти. Карѳагенъ былъ всегда политическимъ цѣлымъ не-
значительно лишь какъ городъ-государство. Тѣмъ не менѣе, это
было государство; чтобы справиться съ нимъ нужны были огромныя

силы - это показываетъ исторія второй Пунической войны.

Кончилась борьба все же побѣдой Рима, и матеріальный уронъ его ничего не значитъ въ сравненіи и съ матеріальными же и въ особенности же съ культурными пріобрѣтеніями. Государственная польза отъ исхода войны заключалась прежде всего въ томъ, что для дѣлъ внѣшней политики Римъ окончательно сталъ единою главой Италіи, покоривъ вполнѣ тѣхъ немногихъ италіковъ, которые рѣшились стать противъ него на сторону Карѳагена. Главныя выгоди побѣды ясны сами собой: посредничество въ торговлѣ между Востокомъ и западомъ перешло отъ побѣжденныхъ къ побѣдителю. Съ другой стороны,- что въ особенности важно- Римъ вступалъ на путь теперь своего внѣ-италійскаго развитія, на путь будущаго имперіализма. Доставшаяся отъ Карѳагена Сицилія для Рима - уже не союзникъ (хотя бы и низшій) но подданный, на ряду съ полноправными римлянами и неполноправными членами римскаго государства, въ немъ явились члены уже вполнѣ безправные. Сицилія - первая римская провинція; изъ дальнѣйшаго будетъ видно, какое значеніе имѣло появленіе этого новаго элемента въ римскомъ государствѣ. На Сициліи , конечно,не могло остановиться экспансивное движеніе Рима. Греція только и ждала паденія Карѳагена,что бы вновь предъявить свои права на господство въ Средиземномъ морѣ. Этимъ и рядомъ другихъ, менѣе важныхъ обстоятельствъ , обусловливалась неизбѣжность столкновенія между Римомъ и греческимъ Востокомъ, этотъ востокъ представлялъ собою скопище разнородныхъ мелкихъ муниципій и монархій (Сирія, Батрія, Египетъ, Пергамъ, Арменія; изъ городовъ Эѳесъ и д.р.) разрозненныхъ и враждующихъ, представлявшихъ каждая любопытное соединеніе интенсивной культурной силы

съ политическою слабостію. Отсутствіе національнаго единства въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ и существованіе единства культурнаго у верховъ всѣхъ этихъ государствъ, породило неустойчивость отношеній, вызывало постоянныя династическія неурядицы, нескончаемыя мелкія войны, ведшіяся посредствомъ наемныхъ греческихъ войскъ. То обстоятельство, что войска были наемныя, имѣло важное значеніе, такъ какъ при этихъ условіяхъ войны не мѣшали расцвѣту культуры, не разрушали экономическихъ основъ существованія каждаго, не лишали населеніе его жизненныхъ силъ. Отсюда - блестящее развитіе мелкой и средней земельной собственности, промышленности и торговли, всего экономическаго строя. Но если войны не мѣшали высокому подъемъ культуры эллинскаго Востока, то съ другой стороны и вся совокупность его культурныхъ силъ не могла мѣшать постоянному повторенію этихъ войнъ и ихъ конечному роковому исходу для цѣлаго,- поскольку возможно назвать цѣлымъ эту пеструю группу государственныхъ организмовъ, этотъ поразительный хаосъ племенъ, въ которомъ до сихъ поръ не могутъ разобраться этнографы. Что могъ противупоставить стойкому, объединенному движенію Рима этотъ міръ мѣстныхъ раздоровъ и политическаго безсилія? Македонія, быть можетъ, явилась - бы до нѣкоторой степени значительнымъ противникомъ Рима, такъ какъ она одна изъ всѣхъ этихъ государствъ могла быть названа, по крайней мѣрѣ, національнымъ; въ силу своего географическаго положенія она должна была первою и столкнуться съ Римомъ. Но лучшія силы Македоніи ушли при Александрѣ на борьбу съ Востокомъ. И, конечно, было совершенно немыслимымъ, что бы она одна выдержала напоръ Рима, а между тѣмъ, союзниковъ, (по крайней

мірѣ вѣрныхъ) у нея не было. Греки остались вѣрны себѣ, и передъ напоромъ Рима не съумѣли объединиться. Примкнувъ было къ Македоніи, остальные греки скоро ее оставили, увлеченные призракомъ римской свободы, и Македонія должна была пасть передъ Римомъ.

Поступательное движеніе Рима постепенно привело къ тому, что онъ завладѣлъ всѣмъ басейномъ Средиземнаго моря и соединилъ соединили землями далеко въ глубь Востока. Это тріумфальное шествіе на Востокъ загладило на время въ народномъ сознаніи неправильность отношеній въ самой Италіи, гдѣ италикъ жертвовавшій всѣмъ для Рима, пользовался ничтожными, по сравненію съ тяготомъ, которую несъ, правами, и совершенно не могъ идти въ сравненіе съ настоящимъ римскимъ гражданиномъ. Общая польза на Востокѣ, представлявшимся источникомъ постоянныхъ военныхъ доходовъ, отвлекала вниманіе отъ положенія дѣлъ въ Италіи; стремленіе къ внутреннему раздору на время было подавлено, но, конечно, лишь на время. Вопросъ объ урегулированіи внутреннихъ отношеній былъ неизбѣженъ и сама имперіалистическая политика Рима внесла въ жизнь государства новый элементъ, которому предстояло усилить еще эту неизбѣжность.

Дѣло въ томъ, что Римъ вовсѣ не былъ подготовленъ къ управленію огромнымъ пріобрѣтеннымъ имуществомъ. для управленія имѣ Рима, какъ и въ Римѣ, была лишь одна форма: магистратура. но по существовавшему положенію, магистратъ становился безконтрольнымъ и полновластнымъ ,когда находился въ орудіи за стѣнами города Рима. таковымъ онъ слѣдовательно являлся и въ провинціи, гдѣ такимъ образомъ, въ лицѣ *проконсула*

неизбѣжно должна была культивироваться монархическая идея. Если на дѣлѣ эта тенденція и проявилась сравнительно поздно, то только вслѣдствіе цѣннаго свойства римлянъ - ставить на первый планъ интересы государства и не пользоваться порученною государствомъ властью для личныхъ цѣлей. Впослѣдствіи однако, это отношеніе носителей власти къ своей миссіи измѣнилось; индивидуализмъ, занесенный изъ Греціи, сталъ проникать въ высшіе слои общества; „проконсулатъ и преторы сдѣлались постепенно въ государствѣ разсадниками монархическихъ началъ. Благодаря постоянному общенію съ войсками проконсуловъ и преторовъ, эта идея стала постепенно внѣдряться и въ народъ. Какъ проконсулъ долгое время распоряжался полновластно, привыкая къ положенію безотвѣтственнаго властелина, такъ и народъ со своей стороны пріучался къ господству, хотя бы и временному, неограниченной военной власти и не только въ интересахъ Рима, но уже и въ интересахъ отдѣльнаго лица. Такимъ образомъ, имперіализмъ далъ толчекъ къ возникновенію и развитію цезаризма въ Римскомъ государствѣ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦІЯ РИМА.

Развитіе государственной жизни Рима связано тѣснѣйшимъ образомъ съ основными особенностями римской конституціи, на которыхъ поэтому необходимо здѣсь остановиться.

Вся конституціонная исторія Рима можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ выведена изъ понятія магистратуры, понятія сперва республиканской, затѣмъ монархической власти. О первоначальной формѣ римской государственной жизни наши свѣдѣнія чрезвычайно скудны. Однако, естественная послѣдовательность въ хо-

дѣ жизни всякаго народа въ особенности же народа столь консервативнаго какъ римскій, даетъ возможность до нѣкоторой степени возстановить ходъ его развитія въ прошломъ, по данныхъ позднѣйшаго времени. Въ историческую эпоху наиболѣе важную роль во внутренней жизни Рима играютъ три элемента, три составныя части власти. Власть рѣшающая, носителемъ которой являются всѣ граждане (въ народномъ собраніи); власть совѣщательная, находящаяся въ рукахъ Сената, т. е. части избранной народа, наиболѣе чтимой другими, наконецъ власть исполнительная, сперва представляемая немногими, позднѣй болѣе многочисленная по составу, т. е. магистратура. Вездѣ и всегда есть особаго вниманія высокое положеніе исполнительной власти по сравненія съ двумя другими. Инициатива принадлежитъ магистрату, безъ него не можетъ дѣйствовать ни Сенатъ, ни Народное Собраніе, которому онъ предлагаетъ на обсужденіе или голосованіе (народу—только на голосованіе) тотъ или другой вопросъ. Основная черта римской конституціи есть, при раздѣленіи трехъ властей исключительная высота власти исполнительной. Изъ того, что намъ извѣстно въ этомъ направленіи въ историческое время выводится гипотеза, имѣющая за собою много вѣроятнаго, существованіи въ Римѣ когда-то единоличной и неограниченной магистратуры. Въ историческое время мы ее находимъ въ рукахъ двухъ лицъ, и притомъ ограниченной выборностью, срочностью и коллегіальностью. Консуловъ было двое; лишь въ случаѣ крайней опасности для государства это положеніе мѣнялось и во главѣ исполнительной власти становился неограниченный диктаторъ. Коллегіальность имѣла значеніе особенно потому, что каждый консулъ пользовался правомъ intercessio (протеста) выражавшемся въ томъ, что онъ могъ наложить абсолютное veto на любое постановленіе своего

коллеги. Сюда входило и право *coercitio* (обуздания), т.е. право применить насилие въ случаѣ сопротивленія. Если коллегіальность ограничивала магистратъ въ немъ самомъ, то выборность несомнѣнно ставила его въ нѣкоторую зависимость отъ избирателей, до извѣстной степени затрудняя возможность существованія враждебнаго народу правительства. Понятно также значеніе срочности; магитратъ былъ полновластенъ и безотвѣтственъ лишь въ продолженіи одного года, по истеченіи котораго онъ слагалъ съ себя всѣ полномочія. Въ предѣлахъ выборности, коллегіальности и срочности – магистратъ пользовался всей полнотой власти (*imperium*) безконтрольной и безотвѣтственной, которая сдерживалась и ограничивалась лишь однимъ правомъ со стороны римскаго народа и каждаго гражданина въ отдѣльности – правомъ на жизнь. Эта замѣчательная гарантія, имѣющая нравственную важность не достигнутая теперь еще во многихъ цивилизованныхъ государствахъ, требуетъ болѣе подробнаго выясненія. магистратъ не могъ безотвѣтственно лишить отдѣльнаго гражданина жизни. Онъ имѣлъ право произнести смертный приговоръ, но каждый могъ аппелировать на этотъ приговоръ къ Народному Собранію. Правда, послѣднее не могло уничтожить законность постановленія магистрата, и право народа было лишь правомъ помилованія – такъ что теоретически власть магистрата оставалась неограниченной. Такое настаиваніе на этой неограниченности даже тамъ, гдѣ она фактически не имѣла мѣста – предполагаетъ въ древнѣйшемъ Римѣ время единоличной , неограниченной и на дѣлѣ магистратуры. Дѣйствительно, римскія преданія единогласно указываютъ намъ на первоначальный характеръ государственной власти именно такого рода. На основаніи этого можно съ достаточной увѣренностью сказать, что живя сдержки консульской власти напр. право *provocatio* (аппелляція на смерт-

ный приговоръ) – позднѣйшаго происхожденія. Что касается коллегіальности, то она по всей вѣроятности также стара, какъ и самое консульство; можно думать, что и срочность есть такое же первоначальное понятіе. Римская магистратура въ томъ видѣ, какъ мы ее застали, конечно, существовала мѣк оторое время безъ оппозиціи. Но время это было непродолжительно, такъ какъ самая возможность тогдашняго положенія вещей обусловливалась существованіемъ большой неправильности во внутреннемъ устройствѣ общины. Римское общество, какъ извѣстно, дѣлилось тогда на двѣ очень неравныя части: патриціатъ и плебей, то есть на меньшинство полноправныхъ гражданъ и огромное большинство неполноправныхъ. (Не гражданами я ихъ не называю, такъ какъ считаю невозможнымъ такое положеніе дѣлъ, при которомъ они дѣйствительно не имѣли бы никакихъ правъ). Ясно, что это раздѣленіе не могло быть вѣчнымъ. Въ отдаленномъ прошломъ мы должны необходимо признать однородный (въ смыслѣ политическихъ правъ) составъ римскаго народа, изъ котораго лишь впослѣдствіи разнообразныя соціальныя и экономическія условія выработали составъ двойственный. Послѣдній, путемъ исторической же эволюціи долженъ былъ опять придти къ однородности. Такое пониманіе процесса "обезправленія" и послѣдующаго освобожденія плебеевъ есть необходимый постулатъ въ разсмотрѣніи хода римской исторіи. Борьба плебеевъ съ патриціями есть историческое требованіе обдѣленнаго частью общества когда-то узурпированныхъ у него правъ.

Политическія права плебеевъ представляли собой возможный *minimum* участія въ государственной жизни: имѣя голосъ, (и то въ слабой степени) въ Народномъ Собраніи, они не могли быть членами ни Сената, ни магистрата. Поэтому, вся возможная борьба должна

была направлѣна на исканіе доступа въ эти учрежденія, особенно въ магистратъ, вслѣдствіе исключительнаго положенія послѣдняго. Эта борьба являлась возможной и необходимой въ силу того, что плебеи, лишенные почти всѣхъ политическихъ правъ все таки были римскими гражданами и, сознавая себя таковыми, не могли не считать себя обдѣленными вслѣдствіе узурпаціи высшаго класса. Борьба въ экономической области, какъ мы увидимъ, имѣла также мѣсто въ стремленіи плебеевъ къ освобожденію, но центръ тяжести лежалъ несомнѣнно въ борьбѣ за политическое равенство въ государствѣ. Замѣчательно, что усилія плебеевъ, направленныя, какъ сказано, прежде всего на достиженіе мѣста въ магистратурѣ и не имѣвшія первоначально виду ослабленія магистрата - роковымъ образомъ привели именно къ этому ослабленію. Полное уничтоженіе неравенства, сложившееся долгимъ историческимъ процессомъ, не могло совершиться быстро и въ широкихъ рамкахъ; оно началось съ частностей; вѣковыя твердыни приходилось ломать по частямъ. Отсюда измѣненіе вопроса, перенесеніе его на почву болѣе мелкихъ жизненныхъ неправильностей, гдѣ плебеями особенно живо чувствовалось проявленіе патриціанскаго гнета, гдѣ оно являлось непосредственно слѣдствіемъ силы магистрата. Поэтому и родилось желаніе плебеевъ ослабить магистратъ, что раньше не могло, въ сущности входить въ ихъ цѣли. Съ другой стороны и патриціи съ гораздо большей охотой согласились на уменьшеніе магистратскаго *imperium*, чѣмъ на уравненіе съ собой въ правахъ людей, которыхъ вѣковая привычка сдѣлала для патриціевъ существами низшаго порядка. Въ сущности для патриціевъ такое отношеніе къ дѣ-

---

Лекціи по исторіи Рима. Листъ 2-й.
Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д №2 1-й.

Директоръ Курсовъ

Государственная историческая библіотека

лу было вовсе не благопріятно, но историческое воспитаніе помогало правящему классу понять политическое значеніе своихъ дѣйствій. Поэтому первымъ результатомъ успѣшной борьбы плебеевъ за свои права - было ослабленіе органа исполнительной власти, конкретнымъ выраженіемъ чего явилось установленіе трибуната, представителя интересовъ уже не всего народа, а только плебса. Конечно этотъ важный успѣхъ былъ достигнутъ не сразу и притомъ путемъ революціоннымъ, при помощи огромныхъ усилій и всѣхъ возможныхъ средствъ борьбы. Слѣды революціоннаго процесса носитъ на себѣ и самый трибунатъ, явившійся сначала залогомъ силы плебеевъ при продолженіи борьбы, затѣмъ носителемъ возможныхъ правъ и полномочій, также отмѣченныхъ революціоннымъ духомъ. Характерныя свойства революціи - отрицаніе, разрушеніе лежатъ въ основѣ первоначальныхъ правъ трибуната. Онъ имѣлъ по отношенію къ каждому магистрату, неограниченное veto, и право coercitio въ случаѣ сопротивленія. Для того, что-бы трибунатъ могъ получить созидательную силу, необходимо было развитіе такой силы у выдвинувшаго его класса, чего пока еще не было. Но и какъ чисто отрицательный элементъ, новая власть скоро получила въ государствѣ огромную силу, благодаря важному обезпеченію, котораго плебеи добились отъ патріевъ (подъ угрозою покинуть Римъ): трибунатъ былъ властью заклятой. Клятва патриціевъ при его установленіи обрекала подземнымъ богамъ всякаго, нарушившаго основные права трибуната; въ данномъ случаѣ это означало, что такого человѣка кто угодно могъ отправить къ тѣмъ богамъ, которымъ его посвятили, т.е. преступникъ ставился внѣ закона. При извѣстномъ консерватизмѣ

римлянъ, эта клятва являлась гарантіей, важнѣе которой нельзя ничего себѣ представить; патриціатъ выказалъ большую политическую недальновидность , давъ такимъ образомъ прочное мѣсто въ государственномъ цѣломъ- воплощенной революціи въ лицѣ трибуната.

Правда, за стѣнами города Рима - власть трибуната не имѣла значенія; тамъ трибунъ становился простымъ гражданиномъ. Такимъ образомъ, вся классовая борьба сосредоточивалась внутри города, и это было очень важно. Могущество Рима, какъ государства, могло во внѣ безпрепятственно расти, такъ какъ за чертой города не было ни патриціевъ, ни плебеевъ, а только римскіе граждане - и магистратъ, не имѣя дѣла съ трибунатомъ не былъ стѣсненъ ничѣмъ, кромѣ основныхъ свойствъ магистратуры.
Въ Римѣ однако дѣло обстояло иначе, и плебеи воспользовались новою силою,что-бы сдѣлать возможно менѣе вредною магистратуру, въ которой патриціи упорно отказывались дать мѣсто плебсу.Это упорство было во вредъ патриціямъ, но оно вполнѣ объяснимо. Классовая рознь развилась слишкомъ органически, чтобы уничтожиться сразуи патриціи, естественно, скорѣе соглашались понемногу уступить всѣ свои права, чѣмъ немедленно дать то, что казалось имъ слишкомъ большою частью этихъ правъ. Магистратура постепенно теряласвою силу подъ ударами трибуната, послѣдовательно отнимавшаго у нея одну прерогативу за другой, что достигалось выдѣленіемъ дѣятельности судебной, полицейской, финансовой- въ вѣдѣнье особыхъ магистратовъ. , теоретически сохранявшееся, какъ полнота власти, выдѣлило изъ себя частичную власть, находившуюся въ рукахъ болѣе мелкихъ магистратовъ. Такъ выработалась историческая схема римской магистратуры, въ которой власть первоначально принадлежавшая всецѣло консуламъ,

распространяется съ нихъ на преторовъ, квесторовъ , эдиловъ-- словомъ специализируется, направляется на отдѣльныя функціи: слѣдствіемъ этой ности власти является ослабленіе ея. У консула оставалась, собственно, лишь власть военная,(да и ту онъ впослѣдствіи дѣлилъ съ преторами) иправо иниціативы въ Сенатѣ и народномъ собраніи.

При продолженіи борьбы съ патриціями, плебеи постепенно научились противупоставлять сплоченности послѣднихъ-- такъ же тѣсно сплоченное цѣлое, сознательно требующее себѣ правъ. Успѣхъ плебеевъ, въ окончательномъ своемъ видѣ, превзошелъ ихъ ожиданія и требованія. Помимо мѣстъ въ магистратурѣ, послѣ долгихъ усилій наконецъ достигнутыхъ, (первый консулъ изъ плебеевъ въ 366 г.) у нихъ еще раньше оказалось право голосованія собственной comitia tributa, право чрезвычайно важное для будущаго, Когда плебеи добились своего собственнаго голосованія по трибамъ, на ряду съ общенароднымъ, права послѣдняго оказались меньше правъ трибутныхъ собраній. Территоріальный принципъ подраздѣленія плебеевъ былъ несравненно демократичнѣе экономическаго дѣленія по центуріямъ, и такимъ образомъ вводилъ въ среду политической жизни гораздо большее число лицъ. При существованіи трибутнаго собранія, плебеи получили нѣкоторую возможность созидательной дѣятельности, т. е. то, чего не доставало ранѣе трибунату. Съ 471 (законъ Лициніевъ Валерій) трибуны избирались не по куріямъ, какъ прежде, а въ трибутномъ собраніи. Однако, по отношенію къ римской конституціи, классовая борьба не повела къ демократизаціи въ принципѣ государственнаго строя, чего можно было ожидать съ перваго взгляда. Пока народное собраніе остава-

лось неразсуждающею голосующею машиною--развитіе количественное не могло увеличить его политической роли, въ силу основного римскаго консерватизма. Отъ борьбы народа съ магистратомъ выиграло не Народное Собраніе, а Сенатъ, власть котораго не вдвинутая въ опредѣленныя рамки, была вслѣдствіе этого менѣе твердой, но за то не сталкивалась съ постоянными препятствіями. Въ сущности опредѣленныхъ прерогативъ у Сената было двѣ; но заднихъ то онъ менѣе всего и стоялъ. Первая была -- право предварительнаго совѣщанія по вопросамъ, предлагавшимся народному собранію. Тѣсно связанное съ развитіемъ правъ самого народа, оно немогло имѣть большого значенія безъ замѣтнаго роста этихъ правъ; притомъ оно принадлежало лишь патриціанскому Сенату, и когда, наконецъ плебейатъ получилъ доступъ въ Сенатъ, это право утратило значеніе. Также не важно было и другое правоСената, ведущее начало отъ временъ царской власти; право это заключалось въ принятіи Сенатомъ въ свои руки власти магистрата,въ случаѣ внезапнаго исчезновенія послѣдняго, (напр. внезапной смерти консула). Тогда Сенатъ собиралъ Народное Собраніе, и руководилъ избраніемъ новаго магистрата, при посредствѣ Сенатомъ же выбраннаго временнаго носителя власти (interrex). Но чѣмъ менѣе дорожилъ Сенатъ двумя указанными выше правами, то тѣмъ сильнѣе онъ держался за свой совѣщательный голосъ, изъ котораго впослѣдствіи дѣйствительно развилось могущество Сената, несмотря на всю неопредѣленность этого права, и на то, что инициатива принадлежала магистрату. Это могло случиться вслѣдствіе условій, не входящихъ въ область чисто политическхъ отношеній. Сенаторы, лучшіе граждане, всилу [illegible]а избирались почти всегда изъ числа бывшихъ магистратовъ. При демократизаціи Сената этотъ улер-

нался, хотя и не безъ борьбы; здѣсь лежало начало совершенно новыхъ государственныхъ отношеній. Въ силу условій экономическихъ и соціальныхъ въ Римѣ происходило выдѣленіе новаго класса общества явленіе неизбѣжно совершающееся періодически во всякомъ живущемъ государствѣ. Новое дѣленіе, возникавшее при этомъ, не могло основываться только на традиціи; дѣйствительно, изъ традиціи выросло впослѣдствіи господство новаго класса. Классъ этотъ --новая римская аристократія составился изъ бывшихъ членовъ магистратуры Такъ какъ изъ ихъ состава пополнялся Сенатъ, то понятіе *Senatus* и *Nobilitas* начинаютъ постепенно отождествляться, и сенаторы становятся новой аристократіей. Естественно,что возвысившійся соціально Сенатъ начинаетъ стремиться къ полнотѣ политическихъ правъ, Сенатъ желаетъ освободиться отъ зависимости по отношенію къ магистрату и направляетъ свои усилія на ослабленіе послѣдняго, пользуясь въ этомъ случаѣ плодами дѣятельности плебеевъ. Сенатъ идетъ объ руку съ трибунатомъ,дѣйствующимъ теперь уже не въ пользу сословія плебеевъ, растворившагося въ правящемъ классѣ, а въ пользу Сената. Это привело къ фактическому сосредоточенью власти въ рукахъ Сената, совѣщательный голосъ котораго обратился въ голосъ рѣшающій, или, вѣрнѣе, приказывающій, такъ какъ теперь магистратура изъ боязни трибуната не противилась Сенату.

Господство Сената, однако, могло быть лишь временнымъ. Римская конституція,- въ томъ видѣ какъ она развилась, при только что указанныхъ условіяхъ не соотвѣтствовала уже настоящему положенію вещей. Реформы являлись вопросомъ времени, и носительницею этихъ реформъ должна была стать прогрессивно- революціонная сила римскаго государства-- трибунатъ . Ясно, что послѣд-

нему предстояло при этомъ столкновеніе со своимъ недавнимъ союзникомъ, такъ какъ реформы неизбѣжно касались классовыхъ отношеній, а Сенатъ былъ теперь представителемъ классовыхъ интересовъ. Дѣйствительно, рѣзкій конфликтъ подготовлялся и произошелъ въ эпоху Гракховъ, когда Сенатъ , защищая интересы правящаго класса въ ущербъ интересамъ большинства, насиліемъ воспротивился реформамъ трибуната.

Послѣдній однако имѣлъ худшаго врага не въ лицѣ Сената, а въ самомъ себѣ. Въ немъ заключалось начало, могущее дать жизнь новизнѣ, вовсе ему нежелательной: начало сильной индивидуальной власти. Понятно, какое обоюдоострое оружіе представляло въ рукахъ трибуна его право veto , особенно, когда послѣ перегруппировки соціальныхъ отношеній, трибунатъ утратилъ значеніе чисто плебейской власти, сталъ такою же магистратурою , какъ всѣ остальные. Въ этой формѣ онъ, въ силу разрушительнаго характера своихъ полномочій, получилъ особенно важное значеніе. Слѣдствіемъ развитія въ трибунатѣ, какъ магистратурѣ, упомянутаго начала индивидуальной силы въ связи съ остальными условіями жизни римскаго государства было то, что трибунатъ, стремясь къ демократизаціи въ предѣлахъ стараго римскаго строя— подкопалъ основные устои этого строя, и въ интересахъ не демократизаціи, а цезаризма.

ЭВОЛЮЦІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

Экономическій строй римской общины во времена царской и позднѣе аристократической власти не можетъ быть точно извѣстенъ, а долженъ быть возстановленъ,- какъ и все касающееся этой эпохи, - на основаніи позднѣйшихъ фазъ своего развитія. Всѣмъ чертамъ первоначальнаго римскаго строя общи ихъ связи съ древнимъ родовымъ бытомъ. На это указываетъ и первоначальное дѣленіе на трибы, многія изъ которыхъ, особенно сельскія, носили имена знатныхъ родовъ. Изъ особенностей политическаго значенія рода и изъ различныхъ историческихъ переживаній, вродѣ упомянутыхъ трибъ, можно заключить о существованіи въ первоначальной - римской народной жизни - родового устройства и родовой земельной собственности. Не мѣшаетъ замѣтить, что это лишь предположеніе, но очень вѣроятное съ общеисторической точки зрѣнія.

Какъ же вышла изъ изъ первоначальнаго родового строя собственность индивидуальная и позднѣйшее соціальное устройство? Какъ получился институтъ кліентелы и самый плебсъ? Ища происхожденія того и другого, обыкновенно, посредствомъ чисто логическаго пріема, допускаютъ существованіе въ Римѣ (до родового строя) экономическаго коммунизма. Я признаю это предположеніе излишнимъ. Насколько Римъ намъ извѣстенъ, мы находимъ въ немъ родовой строй и имѣемъ всѣкія основанія постулировать его для древнѣйшихъ временъ. Предполагая существованіе родового строя кліенты - экономически зависимые люди, обрабатывавшіе чужую землю, - являются подчиненными, кріпо-

отныхъ рода. Но откуда взялись при родовомъ устройствѣ плебеи? зависимость ихъ не экономическая; это понятіе чисто политического характера; изъ кліэнства оно поэтому возникнуть не могло, чѣмъ бы мы не считали кліэнства - хотя бы и не слѣдствіемъ завоеванія, какъ думаютъ въ большинствѣ случаевъ, а чисто экономическимъ подчиненіемъ слабѣйшихъ членовъ рода. Плебейатъ возникъ, вѣроятно, параллельно съ кліэнствомъ, но независимо отъ него. Наряду съ комплексомъ отдѣльныхъ имѣній родовыхъ всегда оказывается не входящая въ него часть. Это прежде всего <u>городъ</u>, гдѣ несомнѣнно и начинается первое развитіе индивидуальной собственности. Здѣсь рождается посредствующій классъ ремесленниковъ и торговцевъ, что способствуетъ появленію большого количества индивидуальныхъ собственниковъ. Въ нихъ то я и вижу зародышъ плебейата. Весьма возможно, что торговлей и ремеслами занялись въ Римѣ пришельцы - этруски, сабины, и т.д. Число ихъ возростало вмѣстѣ съ благосостояніемъ города; съ развитіемъ же земельной собственности происходило выдѣленіе кліэнтовъ, изъ которыхъ земля не нуждалась, а также выдѣленіе ихъ отъ обѣдиѣвшихъ и вымиравшихъ родовъ. Тѣ и другіе элементы входили въ плебейатъ. Послѣдній былъ институтомъ спеціально городскимъ, римскимъ; это доказывается мѣстнымъ характеромъ всей классовой борьбы, городскими особенностями трибуната, позднѣйшимъ дѣленіемъ на 4 трибы, и т.д. Но затѣмъ плебейство распространяется за предѣлы Рима, и это индивидуальное начало должно было вести къ постепенному разложенію родовой собственности.

Развитіе индивидуальной собственности, сначала въ видѣ скота, потомъ и мѣновыхъ знаковъ, выдѣляетъ изъ общаго состава тѣ,

въ которыхъ новое богатство особенно накопляется. Первый толчекъ къ этому расширенію территоріи государства. Если принципъ родовой собственности силенъ, то и новыя пріобрѣтенія укладываются въ прежнюю форму; но на нихъ гораздо легче и разовьется форма собственности индивидуальной, если она назрѣваетъ. Болѣе сильные политически естественно захватывали въ свои руки новую собственность, и это легче всего было сдѣлать на новыхъ территоріяхъ. При этомъ происходило выдѣленіе мало жизнеспособныхъ родовъ въ плебейатъ. Итакъ, индивидуальная собственность неудержимо растетъ и несомнѣнно должно было быть сильнымъ ея дѣйствіе на собственность родовую, изъ которой также начинаютъ выдѣляться индивидуальныя группы.

Такъ какъ значительная часть плебса произошла изъ земледѣльцевъ, они не теряли привязанности къ землѣ и при развитіи индивидуальной собственности - стремились прежде всего къ собственности земельной, сначала въ предѣлахъ новой территоріи затѣмъ и въ старыхъ, коренныхъ владѣніяхъ Рима. Въ извѣстный намъ періодъ римской исторіи (приблизительно отъ Сервія, даже позже) индивидуальная собственность получила полное развитіе. И тогда-же имѣетъ мѣсто начало борьбы между патриціями и плебеями, обусловленной такимъ образомъ и конфликтомъ политическимъ внутри города и конфликтомъ внѣ города на почвѣ собственности. Глядя за аграрной жизнью римскаго народа, мы не видимъ въ ней имущественнаго неравенства особенно кричащаго; причину этого надо искать въ быстромъ территоріальномъ развитіи Рима. Бурнаго земельнаго кризиса, по моему мнѣнію, быть не могло, вопреки преданію, которое въ эпоху развитія индивидуальной собственности помѣщаетъ окостѣненную экономичес-

кую борьбу. Извѣстная борьба, конечно, была; этому имѣются доказательства, хотя и косвенныя, но достаточныя чтобы сдѣлать исторически несомнѣннымъ стремленіе патриціата утилизировать экономически свою политическую силу. Онъ могъ это сдѣлать особенно на почвѣ новаго присоединенія территоріи. Вновь пріобрѣтенной землей государство, помимо колонизаціи (т.е.поселенія римскихъ земледѣльцевъ на покоренной территоріи), могло распорядиться двумя способами: отдать ее въ собственность гражданамъ (ассигнація) на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, или отдать въ пользованіе опять таки на различныхъ основаніяхъ. Способомъ такой отдачи бывала окупація, состоявшая въ томъ, что извѣстныя земли объявлялись свободными, и занять ихъ могъ любой гражданинъ, становясь по отношенію къ государству въ положеніе владѣльца. Регулировка всѣхъ этихъ имущественныхъ распредѣленій производилась посрѣдствомъ откупной системы. Понятно, что когда она была исключительно въ рукахъ патриціата, дѣленіе производилось въ его пользу. Особенно должна была сказаться эта несправедливость, при небольшомъ еще развитіи территоріи, когда имѣли дѣло съ землями вблизи Рима, такъ сказать подъ руками патриціевъ. Разумѣется,этому былъ положенъ конецъ достиженіемъ плебеями мѣстъ въ магистратурѣ. Наступило время непроизвольнаго обогащенія привеллигированныхъ, а болѣе или менѣе справедливаго дѣленія между всѣми гражданами. Съ этимъ (IУ в.) совпадаетъ огромное территоріальное развитіе Рима; а крупную территорію гораздо легче подѣлить никого не обижая.Матеріала было достаточно, что-бы свободно пользоваться распредѣлительной властью въ интересахъ всѣхъ. Поэтому начало III в. есть время громаднаго

развитія римскаго крестьянства, каждый членъ котораго представлялъ независимую экономическую единицу, имѣвшую вслѣдствіе этой независимости большую силу. Эту римскую силу мелкая земельная собственность разноситъ по всѣмъ римскимъ владѣніямъ, отъ Ликіи до Кампаніи. Теперь экономической борьбы не происходитъ, лишь идетъ постепенное развитіе и распространеніе мелкой земельной собственности все дальше и дальше.(Борьба происходитъ въ это время политическая). Постепенно развивается новое экономическое неравенство,стоящее въ тѣснѣйшей связи съ огромнымъ ростомъ внѣшняго римскаго могущества, идущимъ въ началѣ III в.очень быстро, и съ огромнымъ, вслѣдствіе этого наплывомъ капитала въ римское государство. Болѣе культурный Востокъ наводнилъ Римъ предметами своего производства, а также и монетой, породилъ новыя экономическія потребности, и аграрные вопросы отступили на второй планъ передъ начинающимся развитіемъ капитализма. Капиталъ сосредоточивается первоначально въ рукахъ правящаго класса, а затѣмъ въ рукахъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе велъ дѣла римскихъ провинцій. Главнымъ образомъ въ рукахъ собирателей даней сосредоточивались теперь крупныя денежныя богатства.(Денежныя, какъ и натуральныя повинности съ покоренныхъ, Римъ получалъ при помощи откупной системы).Нахлынувшіе иностранные капиталы должны были подѣйствовать на урегулированіе экономическихъ отношеній внутри государства. Сильнѣйшимъ источникомъ притока капиталовъ явилось новое положеніе Рима, какъ пріемника Карѳагена въ торговомъ посредничествѣ между Западомъ и Востокомъ (такая роль какъ нельзя болѣе подходила государству обладающему множествомъ промежуточныхъ пунктовъ на терго-

земъ пути- гаваней, острововъ и проч.).

Въ этомъ родѣ дохода главное участіе принималъ классъ торговый и промышленный, развившійся на новыхъ началахъ,- всадники. Итакъ, иностранные капиталы должны были сосредоточиться: I) въ рукахъ новаго нобилитета, куда входили и патриціи и плебеи; 2) въ рукахъ новаго же класса всадниковъ, (классъ развившійся изъ прежняго городского промышленнаго сословія; названіе "всадниковъ" съ опредѣленной военной группы перешло на всѣхъ не-правящихъ и спекулирующихъ лицъ).

Главное русло золотого потока, притекавшаго съ Востока, шло въ Римъ, но отдѣльные рукава его направлялись во всѣ римскія владѣнія, внося опредѣленныя измѣненія во внутреннюю экономическую жизнь страны. Прежде всего это отозвалось на отношеніяхъ аграрныхъ. Въ Италіи не существовало другой области, кромѣ земледѣлія, куда можно было-бы помѣстить крупный капиталъ. Римъ, взявъ на себя посредствующую роль въ торговлѣ, не взялъ и не могъ бы взять роли активной въ смыслѣ крупныхъ торговопромышленныхъ предпріятій. Отсюда капиталъ сталъ силою земельною, и въ рукахъ капиталистовъ начала скопляться крупная земельная собственность, отодвигая на задній планъ, (хотя пока и не уничтожая) собственность мелкую.

При постепенномъ завоеваніи земли она раздѣлялась, какъ было указано, между отдѣльными лицами. Но часть ея оставалась и въ рукахъ государства; съ возрастаніемъ римскаго могущества количество этой государственной земли (ager publicus) все увеличивалось и государство должно было искать способовъ ея эксплуатировать. Здѣсь, какъ уже было упомянуто, развилась откупная система. При посредствѣ ея земля сдавалась

частным лицам в аренду, т.е. пользование на срок, за известную плату (рента); самою вещью аренда постепенно не переходила во владение, а последнее в собственность; тогда арендная плата превращалась в подать. Этим путем происходило развитие рядом с мелкою, крупной земельной собственности, куда капиталисты помещали свои деньги. Но в предгорьях Италии земли в таких количествах не хватало; приходилось обращаться к провинциям. Однако в эти отдаленные земли капиталы помещались неохотно; понятно поэтому возникновение борьбы между крупной и мелкой земельной собственностью в Италии. Вещественным осложнением явилось рабовладение. Для крупного земельного хозяйства, за нехваткою свободных работников, трудовою силою явились рабы. Эта сила, менее плодотворная чем свободная рабочая рука, но при тогдашних постоянных войнах — гораздо более дешевая — должна была понемногу устранять потребность в свободном труде.

Все указанные обстоятельства неизбежно сталкивали мелкую земельную собстве

ность съ крупной, край существенно было побѣдить, вслѣдствіе политическаго, экономическаго, а позднѣе и культурнаго превосходства капиталистовъ. Италія все болѣе должна была превращаться въ комплексъ крупныхъ, обрабатываемыхъ рабами имѣній (latifundium), рядомъ съ развитіемъ края шло постепенное обезземеленіе и обѣднѣніе мелкихъ землевладѣльцевъ, иными словами: развитіе пролетаріата, край, ища себѣ выхода, шелъ въ города. Т. образомъ, развитіе латифундій косвенно способствовало разрастанію крупныхъ людныхъ центровъ въ городахъ.

Такая регулировка соціально-экономическихъ отношеній является крѣпкой ненормальностью, причина ея лежала въ особенностяхъ самого римскаго капитализма. Выросшій не изъ здороваго естественнаго развитія римской торговли и земледѣлія, но изъ захвата при микроскопическомъ ростѣ территоріальнаго могущества чуже шлявшейся торговли; изъ искусственнаго насажденія, въ связи съ тѣмъ же ростомъ рабскаго земледѣльческаго труда, изъ ненормальнаго обогащенія на счетъ провинцій, выросшій изъ всѣхъ этихъ условій, римскій капиталъ,

болѣзненный и неестественный, долженъ былъ бо
лѣзненно и неестественно имѣть всю сложу
ность внутренней жизни страны.

Эволюція военная

Первоначальному родовому строю въ Римѣ
соотвѣтствовало, естественно, и родовое уст
ройство войска, слѣды чего остались въ номен
клатурѣ военныхъ дѣленій долгаго вре
мени. Въ эпоху временъ обозначенныхъ именемъ
Сервія Туллія, родовое дѣленіе войска на 3 три
бы и 30 куріи является уже значительно измѣ
ненными. Можно думать, что центуріи, какъ
военное подраздѣленіе, возникли ранѣе преоб
разованій, давшихъ центуріатное устройство
римской общины. Во всякомъ случаѣ въ перво
начальномъ войскѣ видно было то, что въ него
входили лишь полноправные граждане, — пат
риціи. Послѣ Сервіевой реформы, разбившей
римскій народъ, по принципу экономическо
му на классы, съ подраздѣленіемъ на центу
ріи, въ войско входили, какъ патриціи, так
и плебеи. Конечно, въ центуріи всадниковъ
(ихъ было 18, пѣхотныхъ 170) составлялись,
какъ наиболѣе богатые, исключительно
патриціи; а первоначально и въ нихъ плебеевъ
было, вѣроятно, очень мало. Во
всякомъ случаѣ, Сервіевыми реформами

началась демократизація войска. Въ историческое время мы застаемъ въ военномъ строѣ Рима характерную черту: слиянie въ лицѣ воина-римскаго солдата, римскаго гражданина и римскаго крестьянина. Первая льготa не было большою ненормальностью то обстоятельство, что за свою военную службу, будучи гражданинъ не получалъ жалованья, но при постоянныхъ войнахъ, въ особенности въ отдаленныхъ странахъ, выгодныя поступки изъ нихъ изчезли. Выгодныя службы не вознаграждали крестьянина за упадокъ его хозяйства, и въ концѣ концовъ сила вещей привела къ назначенiю войскамъ жалованья. Вмѣстѣ съ этимъ, конечно, уменьшилось значенie имущественнаго цензa для воина; но назначенie жалованья войскамъ имѣло еще и тотъ результатъ, что измѣнялось отношенie воиновъ и къ войнѣ, и къ военачальнику. Съ личностью послѣдняго, отъ кого зависѣло вознаграждeнie подчиненныхъ, войско связывалось гораздо тѣснѣе, особенно въ постоянныхъ провинціальныхъ арміяхъ, на что уже было указано. Въ дальнѣйшемъ развитiи военнаго римскаго строя важно отмѣтить еще

Лекцiи по ист. Рима листъ 3.

Директоръ

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

два элемента военной силы государства: 1) союзников и 2) пролетаріат. Союзники обязаны были поставлять извѣстный контингентъ войскъ подъ начальствомъ своихъ офицеровъ. Это было лишнею причиною для союзниковъ чувствовать свое неравноправіе: несмотря одинаковыя военныя тяготы съ римскими гражданами, они въ политическую жизнь государства все таки не допускались. Съ другой стороны, и римскіе граждане, служа въ одной арміи съ союзниками, поневолѣ должны были пріучаться къ взгляду на нихъ, какъ на людей, въ нѣкоторомъ отношеніи равныхъ гражданамъ. Такимъ образомъ наличность въ войскѣ союзниковъ ускорила наступленіе необходимаго кризиса въ отношеніяхъ Рима къ союзнымъ общинамъ. Пролетаріатъ постепенно сталъ попадать въ ряды войска, съ уменьшеніемъ имущественнаго ценза военной службы.
Въ силу развивавшагося чина, отличившій свой срокъ воинъ такъ или иначе обезпечивался: это была привилегія, хотя быть можетъ и незначительная, но достаточная, чтобы пріучить смотрѣть на службу, какъ на источникъ выгоды, особенно для тѣхъ, кому нечего было терять.

Пролетаріатъ въ войскѣ былъ наиболѣе сильнымъ факторомъ развитія силы своей рати и рати полководца; въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ видно, какимъ образомъ шло это развитіе и какія причины кромѣ указанныхъ его обусловливали.

Потребности реформъ въ Римскомъ государствѣ. Гракхи. Итоги ихъ реформаторской дѣятельности. Олигархическая реставрація. Ея плоды.

Болѣзненныя явленія въ государственномъ организмѣ Рима, назрѣвшія къ эпохѣ Гракховыхъ реформъ, могутъ быть раздѣлены на три группы. 1) Въ экономической области мы находимъ паденіе мелкой крестьянской собственности, истощеніе жизненныхъ соковъ государства, до тѣхъ поръ вынесеннаго на плечахъ именно сильно мелкаго собственника-гражданина; ненормальный ростъ капитализма и развитіе рабскаго хозяйства. 2) Рядомъ съ этимъ выросло другое зло въ области государственнаго строя Рима; устройство римской власти выродилось въ крайне узкую, ненормальную классовую олигархію, злоупотреблявшую

главным образом въ интересахъ личнаго обогащенія. 3) въ политической сферѣ Римъ былъ занятъ, требующимъ скорѣйшаго разрѣшенія, вопросомъ о регулированіи отношеній Рима къ провинціямъ и къ союзникамъ; главное значеніе имѣли первыя и послѣднія изъ указанныхъ явленій; на нихъ прежде всего и направилась реформаторская дѣятельность. Но съ ними тѣсно были связаны и олигархическій строй, съ которымъ поэтому реформаторы непремѣнно должны были столкнуться, даже если бы и не затрагивали его прямо.

Реформаторы эти должны были явиться естественно въ лицѣ трибуновъ. Представители интеллигентнаго меньшинства, сознающаго плохой порядокъ вещей, создавая планы къ улучшенію его, должны были для проведенія этихъ плановъ въ жизнь искать трибуната. Лишь въ немъ была полнота власти, необходимая для осуществленія широкихъ реформъ. Трибунъ лично неприкосновенный, имѣлъ кромѣ того сильное орудіе, въ трибунныхъ собраніяхъ, сохранявшихъ исключительно демократическій характеръ, а слѣдовательно наиболѣе удобныхъ для проведенія реформъ (не говоря уже о меньшей

сложности всего механизма трибутивных собраний, по сравнению с центуриатными); огромное значение имела и основная негативная власть трибуната-его право вето.

Вследствие всего этого и граждане, несмотря на свое знатное происхождение, искали трибуната, необходимого для их реформаторской деятельности. Попытки реформ были и до Гракхов, направляясь против одного из худших зол римской жизни: латифундий. Это зло сказывалось всякий раз, как Рим нуждался в войске — т.е. ежеминутно. Уменьшение числа мелких земельных собственников, составлявших прежде силу римского войска, уменьшало эту силу, что сказывалось в рядах мелких военных неудачах. Вследствие тесной связи всех правящих классов Рима с военною силою государства, всеми стоящими у власти было рано замечено разлагающее влияние латифундий на военную силу Рима. Поэтому первые усилия реформы направлены были на создание, хотя бы искусственное, большого числа мелких собственников. Создать мелкие надельные владения можно было либо землею государственною, или землею узурпированною знатью

Второе въ особенности представило значительныя трудности, и передъ реформой въ этомъ смыслѣ отступали многіе предшественники Гракховъ, напр. трибунъ Лелій, боясь той бездны личныхъ интересовъ, которую она затрагивала. Эту реформу справедливо разсматриваютъ, какъ главное дѣло Гракховъ; но дѣятельность ихъ, по характеру и цѣли благодѣтельная, была направлена и къ устраненію другихъ золъ въ римскомъ государствѣ. Старшій изъ Гракховъ Тиберій, избранный въ 133 г. трибуномъ, немедленно же вошелъ съ предложеніемъ аграрной[x] реформы. Онъ не побоялся требовать возстановленія закона, по которому отдѣльный римскій гражданинъ не могъ владѣть болѣе чѣмъ 500 нар. десятинами; не боялся и такой опасной гарантіи, какъ непродаваемость новыхъ участковъ послѣ передѣла узурпированныхъ земель. Вся реформа вызвала такой гнѣвъ обдѣленной знати, что Гракху трудно было надѣяться на успѣхъ. Знать воспротивилась всѣми силами реформѣ; когда примѣненіе трибунскаго вѣто коллегіи Гракха не удалось. Противникамъ реформатора оставалось еще средство: насиліе

---

x Преданіе приписываетъ его мысли и относитъ къ 367 г. до Р. Х.

Оно и было пущено въ ходъ, въ любопытной государственной революціи, низводившей изъ Сената, и усердною которой Тиберій палъ. На сію ему явился братъ Гай Гракхъ, конценція реформы котораго, является куда гораздо глубже и шире охватываетъ собою всѣ три зла римской системы. Помимо аграрныхъ отношеній, вниманіе Гракха привлекало неестественное положеніе провинцій и союзниковъ Рима. Онъ началъ съ требованія о дарованіи римскаго гражданства латинамъ и другимъ ближайшимъ сосѣдямъ Рима, и латинства — болѣе отдаленнымъ. Это предложеніе, какимъ бы скромнымъ оно ни казалось, не могло встрѣтить сочувствія въ Римѣ. Ему долженъ былъ воспротивиться, прежде всего Сенатъ, какъ правящій классъ, не уславливший конкуренціи новыхъ многочисленныхъ носителей власти. Не было сочувствія и въ римскомъ народѣ, привыкшемъ считать одного себя истиннымъ Populus Romanus и не уславливающемъ вовсе поступаться своими прерогативами въ гражданской, а особенно въ военной системѣ. Въ этомъ и причина народной оппозиціи противъ Т. Гракха.

Иногда выставляют другую причину, а именно: боязнь римских граждан утратить экономические выгоды своего гражданства. Но, во первых, не очень вероятно, чтобы осуществление реформы сразу повысило число римского населения новыми гражданами-приемышами, с которыми пришлось бы делиться экономическими выгодами; а, во вторых, эти выгоды не были значительны. В экономической жизни Рима мы не находим промышленного большинства, которому угрожала бы обездоливающая экономическая сторона реформы. За свои экономические интересы боялись капиталисты, но не народ, не пролетариат, так как они то никого и не имели. Поэтому объяснять его протест названною причиною — безусловно несправедливо.

Встретив сопротивление пролетариата и знати, Г. Гракх должен был очевидно позаботиться о паллиативе, который заставил бы оба сословия временно забыть о важнейшей части реформы. По отношению к капиталистам, т. е. сословию всадников, таким паллиативом явилась lex judiciaria, закон, по которому всадники получали в судах место наравне с сенаторами (по другой редакции закона делился вполне выгодами сенаторов). Для пролетариата-примиряющею

подачкою явился институт обязательной продажи хлеба государством по минимальным ценам, так наз. Lex frumentaria. Не мешает подчеркнуть это значение двух гракханских мер Г. Гракха: они обе должны были лишь служить проведению главной реформы. Судебным законом удар был нанесен не Сенату, как учреждению, а сенаторам, как сословию, и именно в той области, где от них приходилось терпеть наибольшие злоупотребления. Г. Гракх, создавая для сословия всадников возможность объединиться на новых правах, независимо от сената, создавал силу, на поддержку которой он не мог не рассчитывать. Он хотел поставить богатое и независимое среднее сословие между Сенатом и пролетариатом; это однако не удалось и новое сословие обратилось во фракцию того же Сената. Но, повторяю, главное значение этой меры было боевое значение орудия в борьбе за главную реформу.

Законы Гракха были коренными, и создались они мелкие реформы, как ограничение компетенции магистратов в привлечении граждан к отбыванию воинской повинности, как изменения в провинциальном управлении, как и многие другие проведенные Гракхом, все это являлось подготовкою глубокого, коренного изменения всего

государственного механизма, видя всю необходимость реформы, Гракх, как римлянин сознавал и разделял римский консерватизм, и подготовлял основное преобразование издалека. Но для современников и Гракх действовал слишком быстро; еще недостаточно чувствовалась фиктивность его узаконенных условий. О римской консервативной и о местной, городской патриотической римлянин, разбиралась деятельность Гракха, и цели, т. е. переустройства римской власти, он не достиг. В чью пользу он хотел добиться его — свою, или демократии — этого мы сказать не можем; но во всяком случае, в ущерб возгоревшейся в его время узкой олигархии.

Погубив Гракха, правящее сословие обратилось против его партии, стараясь разбить ее путем насилия (и процессов, равносильных убийствам, и настоящим убийствам). С этим, конечно, было связано стремление смести все реформы. Но уничтожить влияние раз высказанных идей не так легко; оно сохранилось, как сохранились и те меры, кровью Гракха бывшие лишь средством, как-то сервитутная и др., заключавшие в себе за-

родными большими будущими затруднениями. Действительно уничтожена была главная из реформ - законы о сословиях; т.обр. от деятельности Гракха осталось лишь то, что она принесла наименьшее удовлетворительного: опасные институты, как корпусы пролетариата и вторжение новых идей в народ, с которыми реакционерам приходилось бороться.

б) Внутренняя политика Суллы в связи с внутренним состоянием государства после Гракхов:

Собственно говоря существо государственного строя и проявления государственной власти со смертью Гракхов ни на йоту не изменились. Разница была только та, что теперь олигархический кружок богатых сплотился вокруг сената, силы же партии реформы были разобщены главным образом, вследствие отсутствия вождя, носителя определенной выработанной программы. Победившему первое время реставрации, сенату время усиленного возобновления олигархами своих прерогатив при слабых попытках противодействия со стороны партии реформы. С особенною яркостью проявлялись

олигархическія вождельнія и тенденціи въ вопросахъ внѣшней политики. Хорошаго конкретнаго иллюстраціей по этому служитъ исторія отношеній Рима къ Нумидіи.

Нумидія, рѣзко зависимая отъ Карѳагена, и насильственно вырванная изъ Карѳагенскаго государства Римомъ, скоро достигла высокаго расцвѣта и стала тяготиться самимъ существованіемъ Карѳагена. Одна изъ нумидійскихъ войскъ помогала охотно-зависимой гибели послѣдняго; вслѣдъ за этой гибелью идетъ быстрый ростъ Нумидіи. Одно время подъ вліяніемъ Эллинизма здѣсь развивалась пышная подзависимая культура; рядомъ съ этимъ шло и развитіе политическое. Собственно, самостоятельно Нумидія никогда не была. Она находилась въ зависимости отъ Рима, вмѣшивавшагося въ ея частныя политическія неурядицы. Сынъ Масинассы Micипса, слѣдуя примѣру отца, раздѣлилъ свою власть между тремя наслѣдниками: двумя сыновьями и племянникомъ Югуртою. Послѣдній рано обнаружилъ рѣзкія дарованія и рано такъ ознакомился съ Римомъ. Находясь со своимъ войскомъ въ римской

армій во время позорной кампаніи противъ Нумантіи, присутствуя при послѣднемъ актѣ этой затянувшейся трагедіи, Югурта ознакомился съ римскими нравами и обычаями, съ пренебреженіемъ римскихъ правителей къ дѣламъ государства для личныхъ интересовъ. Эти знанія впослѣдствіи пригодились ему. По смерти Micипсы, между наслѣдниками произошла распря, въ концѣ концовъ Югурта убилъ одного изъ братьевъ Гіемпсала, старался и у другого, Адгербала, отнять почесть, отправленной въ Нумидію отъ комиссіи римской, подкупленной Югуртою, выгодна была ему, такъ что онъ получилъ огромныя военныя и матеріальныя выгоды, предоставилъ брату почетъ и не особенно важную столицу. Скоро, однако, Югурта предъявилъ новыя притязанія, и борьба между нимъ и Адгербаломъ дошла до осады и взятія столицы Цирты. Въ этомъ городѣ, однако, кромѣ нумидійцевъ находилась и многочисленная италійскихъ торговцевъ составлявшихъ тамъ привилегированное сословіе; присутствіе ихъ значительно осложняло дѣло. Если Югурта и могъ

думать, что на убийство давшихся нумидийцев Рим не посмотрит слишком сурово, особенно при обольстительной нумидийском золота, то ему вряд ли мог ожидать от Рима такого же отношения к истреблению италиков, но было слишком неудобно, взявши Цирту и убивши Адгербала, оставить в условиях свидетелей этого дела и при том таких, которые дали бы о нем свидетельства Италии и Риму; и Югурта решился на поголовное истребление всех жителей взятой столицы, как нумидийцев так и италиков. В Риме, где сенаторы заседали Цирты с большим вниманием известие об истреблении италиков подняло бурю негодования. Усердными оказывались представители только что возвысившегося сословия всадников, кое потребовало и добилось объявления войны. Однако Югурта не совсем напрасно рассчитывал на свое золото, подкупленный им полководец римский А. Кальпурний, нарочно затягивал дело; Югурта явился, обеспечив себе безопасность, в римский лагерь, хлопотал сперва лишь перемирия. Оказалось, однако, что мор-

но добиться большаго. Трудно сказать, во сколько обошелся Югурте мирный договоръ съ Римомъ; офиціально онъ былъ договоръ стоилъ ему недорого: 90 военныхъ слоновъ, и небольшой контрибуціи. Но такой позорный миръ не могъ не вызвать возмущенія въ Римѣ; выразителемъ общественнаго мнѣнія явился трибунъ. Трибунъ Memmій потребовалъ отчета отъ Кальпурнія; но что бы кассировать ръшеніе полководца, надо было склонить къ этому большинство Сената. Изъ-это, и безъ того бурное бурное, (благодаря дѣятельности Брахова) время, Сенатъ не рѣшался идти противъ общественнаго мнѣнія, и Югурта былъ вызванъ въ Римъ, что бы дать показанія. Пока дѣло тянулось, подкупы Югурты довольно быстро измѣнили настроеніе въ его пользу. Вѣроятно все кончилось бы полной его удачей, если бы не явилось осложненіе въ видѣ выставленнаго врагами Югурты претендента на его престолъ, одного изъ братьевъ Micipcы. Этого претендента, Массиву, Югурта поспѣшилъ устранить при помощи наемныхъ убійцъ. Предпріятіе удалось, но это насиліе, кромѣ не удалось скрыть, дало оружіе въ руки

противникамъ Югурты. Онъ немедленно былъ отправленъ обратно въ Нумидію и война возобновилась. Сперва во главѣ римскихъ войскъ стоялъ Пост. Альбинъ, добивавшійся первымъ и затѣмъ уступившій мѣсто брату, Авлу, хромому удалось осадить Югурту въ одной крѣпости. Однако римское войско потерпѣло неудачу, и Югурта удалось купить новый миръ, на этотъ разъ при помощи фактическаго взятія въ плѣнъ всего римскаго войска. Въ Римѣ не хотѣли признать этого договора и война продолжалась. На этотъ разъ былъ отправленъ Метеллъ (109–107), а затѣмъ его знаменитый ученикъ Марій. (107–105) Несмотря на блестящую дѣятельность обоихъ вождей, условія мѣстности и, безъ сомнѣнія, также геніальность противника надолго затянули войну, обратившуюся подъ конецъ въ партизанскую. Чтобы покончить съ нею надо было поймать Югурту. Предательство Мавританскаго царя Бокра, родственника Югурты, отдало послѣдняго въ руки Рима; онъ окончилъ жизнь въ римской тюрьмѣ.

Цѣлый рядъ интересныхъ явленій связанъ съ югуртинскими войнами, въ частности съ

личностями полководцев. Из рук представителя старого побитого, - Метелла - власть переходит к представителю пролетариата, сыну крестьянина, Г. Марию. Бывший ментор Метелла, всему у него научившийся, Марий, вернувшись из первого похода, начинает интриговать против Метелла, инкриминируя ему его военную деятельность, обнаружив сам весьма удачно и поймав Югурту. Этот факт, что Марий в этом случае (как и впоследствии) опирается на пролетариат, а в особенности одержанный им успех показывают, как дискредитирован был в Риме класс побитой после Нумантии и Югуртинской войны. Представителю пролетариата удалось одержать верх над Метеллами, и, по странной иронии судьбы, успокоил своими, а в частности взятием Югурты Марий был обязан своему будущему сопернику, представителю знатного и древнего рода Корнелиев: А. Корнелию Сулле.

Оба они, Сулла и Марий, играют видную роль в последующих событиях, вплоть

Лекции по Истории Рима лист 4.
Директор

ТИП. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

исторіи, въ которой учрежденія, передъ которыми передъ которыми историка въ рѣдкихъ случаяхъ ставитъ все болѣе уступать мѣсто наблюденію. Прежде чѣмъ дать ея послѣднія, подробнѣйшее обзоръ разсмотрѣть условія въ которыхъ они существовали.
Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, римскому государству угрожали во внѣшней политикѣ двѣ задачи, одна другой противоположныя, и притомъ требующія немедленнаго разрѣшенія. Одинъ изъ наиболѣе сложныхъ вопросовъ былъ отношеніе Рима къ Африкѣ. Политическія задачи Рима въ Африкѣ никогда не имѣли важнаго рѣшающаго значенія для судебъ римскаго государства. Въ географическомъ отношеніи Африка никогда не была связана. Гораздо болѣе географическія предоставлялось разрѣшеніе вопроса объ отношеніи къ одной странѣ къ Египту, съ другой къ сосѣднимъ Іудеѣ-Келтиберіи и Лигурійскимъ племенамъ. Необходимо было установить сообщеніе, какъ съ Испаніей, оплотомъ Рима, такъ и съ Македоніей помимо морского пути. Безразличный, ничего не рѣшающій столкновеній съ дальними сосѣдями, особенно сѣверными горцами, былъ первымъ призваніемъ римскаго войска.

При постоянной, напряженной военной деятельности на северных окраинах особенно ценна была неутомимость Сегестия, тогдашнего стратега римского войска: мелкие стражения сделались обычным явлением на севере. Но и успехи в борьбе против горных северных племен имели свою неблагоприятную сторону: ослабляя их, Рим ослаблял свой собственный отпор против северных варваров, новых пришельцев, непрерывно напиравших оттуда. Победа над одним из племен, занимавших центральную Францию, которое тревожило Рим мелкими нападениями, открыла дорогу стратегу нашествию Кимвров. Этот народ был, вероятно, кельтического (или считают его кельтическим) и кроме приблизительно в современной Шлезвиг-Голштейна. Предания историки говорят, что Кимвры оставили свою родину, спасаясь от периодических наводнений; в этом почти ничего невероятного. Как бы то ни было, во II-ом веке мы застаем их двигающимися, с севера на юг, по направлению к Альпам. Сопротивление горных племен, еще не сломленных римским мечом и условий местности заставили

ихъ двигаться вдоль Альпъ, не переходя за нихъ, вплоть до Пиреней. Кимвры шли, какъ кочевали они у себя на сѣверѣ, — огромною, медлительною массою, съ жен-щинами, дѣтьми и всѣмъ домашнимъ скарбомъ. Ихъ движеніе отрѣзало Римъ отъ Испаніи, и, конечно, въ Римѣ не-могли не видѣть серіозной опасности; нѣкоторые ранѣе посланные отряды римскаго войска были легко уничтожены Кимврами. Въ долинѣ Роны, при Аураз̀іо, произошло столкновеніе между кимврами, соединившимися съ Гельветами, и уже болѣе значительнымъ римскимъ войскомъ; послѣднее было уничтожено. Кимвры отсюда двинулись въ Испанію, но съ юга ихъ не пустили сильныя племена въ Пиренеяхъ. Кимвры вернулись въ Галліо, гдѣ къ нимъ присоединились пришельцы изъ Германіи Тевтоны. Соединенная огром-ная сила Кимвровъ, Гельветовъ и Тевтоновъ двинулась на Италію. Римляне, боясь возвра-щенія временъ Бренна, ожидая чуть не сожженія Рима, поручили веденіе войны Марію, который вопреки всѣмъ основамъ конституціи, избирался консуломъ нѣсколь-ко лѣтъ подрядъ, что очень характерно для непобѣдимаго, стихійнаго развитія монархическаго начала въ Римѣ.

Дело Марія было трудно: для победы надъ страшнымъ врагомъ надо было создать еще заново войско. Однако, полководецъ оказался на высотѣ задачи. При римской колоніи Аквы Секстіи Марій разбилъ часть, и притомъ лучшую, кимврскаго войска. Другая часть, прошедшая въ Италію черезъ Швейцарію, расположилась въ долинѣ По, гдѣ войско Марія столкнулось съ нею при Верцеллѣ (101 г.). Кимвры, ослабленные непривычными условіями жизни, не устояли противъ римской силы: Марій разбилъ ихъ почти безъ труда.

Не смотря на удачный исходъ борьбы, она стоила Риму не малыхъ жертвъ и идеальныхъ, и матеріальныхъ. Послѣднія ясны сами собою: множество гражданъ погибло, множество денежныхъ средствъ ушло на войну. Но гораздо важнѣе были потери идеальныя. Прежде всего, фактически показана была возможность нарушенія основного закона римской конституціи, притомъ въ пользу единоличной власти военачальника, отъ силъ, отъ генія котораго цѣлыхъ 6 лѣтъ зависѣла судьба всей страны. Второю тяжелою потерею было окончательное перерожденіе національно-гражданскаго войска. Раньше римскій солдатъ былъ и крестьяниномъ, и гражданиномъ,

При огромномъ войскѣ, какое теперь было нужно, неоткуда было взять такихъ солдатъ. Въ войско попадаетъ пролетаріатъ, война ведется за деньги. Для наемника война прежде всего связывается съ полководцемъ; было уже указано, какой толчекъ къ развитію цезаризма давали эти новыя условія военной службы. Результатомъ Марієвыхъ походовъ было между прочимъ отчетливое сознаніе своей силы пролетаріатомъ, который съ этого времени начинаетъ играть все большую роль въ римской жизни. Всего же существеннѣе было — после описаннымъ войскомъ развивавшееся у римлянъ сознаніе полной неудовлетворительности римскаго строя. Этому сознанію давало почву и еще одно страшное зло, о которомъ придется говорить и впоследствіи: повторныя рабскія возстанія, изъ которыхъ одно произошло и въ разсматриваемую эпоху (въ Сициліи). Рабы возставали и ранѣе (сперва въ провинціяхъ, потомъ и въ самой Италіи), и это возстаніе повторило всѣ фазы предыдущихъ: то же первоначальное торжество неустроенныхъ шаекъ надъ правильными войсками, то же избраніе собственнаго царя, и въ резуль

тать та же купленная мясковскими цицинатами и потоками крови подобно ~~пути~~ правительства. Повторность явлений такого рода была симптомами очень опасными, такъ какъ, вытекая изъ самыхъ основъ строя государства, они указывали на страшныя ненормальности въ этомъ строѣ.

Внутренняя смута въ Римѣ.

Марій и Сатурнинъ.

Разъ намѣченная и провозглашенная Гракхами программа реформы могла быть заглушена на время, но не могла быть совершенно устранена изъ политическаго обихода римской жизни. Слишкомъ очевидны были выставленныя ею положенія и слишкомъ ярка была неудовлетворительность существующаго строя, особенно въ его усиленно реакціонной сторонѣ. Проявились однако Гракховскія тенденціи сравнительно поздно, задержанныя реакціей и внѣшними событіями. Но разъ появившись, начало реформы явно стремилось стать подъ знамена Гракховъ, что доказывается хотя бы возвышеніемъ самозванца, сына Т. Гракха.

Руководителемъ новаго движенія явился Апулей Сатурнинъ. Не будучи членомъ

одного изъ оптиматскихъ родовъ, но и не будучи современникомъ того почти, какъ Марій, онъ началъ свою карьеру съ наименьшей должностей. Безъ особаго усилія добился онъ завѣдованія чеканкой монеты — обычное начало карьеры въ то время — а отъ нея перешелъ къ квестурѣ (104). На его счастіе въ его вѣдѣніе досталась наиболѣе популярная отрасль квестуры, такъ наз. provincia Ostiensis т.е. забота о снабженіи Рима хлѣбомъ. Какъ разъ въ это время затрудненія надзора вызвали вздорожаніе хлѣба: устраненіемъ этого явленія предержащій превосходный случай создать себѣ популярность. На дѣлѣ вышло иначе: заботу объ устраненіи хлѣбныхъ затрудненій Сатурнинъ возложилъ на М. Эмилія Скавра, ветерана оптиматовъ. Несправедливость разъдорила Сатурнина. Выбранный на слѣдующій годъ трибуномъ и сознавая недостаточность своей квалификаціи и родовой, и личной, чтобы стать во главѣ сильнаго народнаго движенія, Сатурнинъ вступаетъ въ сношенія съ Маріемъ, звѣзда котораго въ это время приблизилась къ зениту. Маріо нуженъ былъ вліятельный агентъ въ Римѣ для проведенія своихъ цѣлей т.е. для повторнаго выбора въ консулы, и для укрѣпленія своей

популярностью среди ветеранов и войска. Марій, самъ неуклюжій и нетактичный, видѣлъ въ Сатурнинѣ ловкаго человѣка, могущаго вліять на толпу. По молчаливому соглашенію они стали помогать другъ другу. Благодаря въ значительной степени стараніямъ Сатурнина, Марій былъ избранъ въ консулы. Сатурнинъ же, опираясь теперь на могущественнаго патрона, немедленно раскрылъ свои карты. Первое его появленіе въ качествѣ политическаго дѣятеля было ознаменовано характернымъ фарсомъ: протестовавшій противъ меръ Сатурнина другой трибунъ, Бэбій, былъ прогнанъ каменьями римской толпы. Такое отношеніе къ неприкосновенной личности трибуна было ново и знаменательно. Такимъ же новымъ и знаменательнымъ явленіемъ въ римской исторіи были суковатыя поиски новаго консула Марія, дѣйствовавшія, быть можетъ, гораздо болѣе убѣдительно, чѣмъ тонкіе аргументы Сатурнина. Посредствомъ этихъ и другихъ Сатурнинъ проводилъ свои мѣры, изъ которыхъ первая была направлена исключительно къ упроченію популярности Марія. Предлагалось надѣлить Маріевыхъ ветерановъ землею въ Аррисѣ, въ размѣрѣ 100 юг. каждому. Хотя новые

надъ ними создавались такіе обр. не въ предѣлахъ римскаго государства, какъ хотѣли тог Гракхи, и въ пользу не бѣднѣйшихъ гражданъ но бывшихъ солдатъ, въ этой идеѣ все гракх, такъ или иначе, возрождались идеи Гракхов Это привлекало всѣхъ, кто видѣлъ этихъ идеях и способствовало проведенію мѣры, не смотря на протестъ Сената и вообще сильную оппозицію. Это раздѣленіе завоеванной земли между ветеранами имѣло важное значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ римской исторіи здѣсь мы наблюдаемъ первую массовую организацію, прочно привязавшую многіе солдатъ къ личности полководца. Удовлетворив Марія и обезпечивъ себѣ его поддержку, Сатурнинъ могъ начать свою кампанію противъ Сената, и первою его мѣрой въ этомъ смыслѣ была lex de maiestate. Этотъ законъ представлялъ собой еще одинъ камень, брошенный въ среду оптиматовъ и всадниковъ. Minuta maiestas римскаго народа являлась понятіемъ въ высшей степени растяжимымъ, подъ которое можно было подвести всякое, даже по обычнымъ законамъ ненаказуемое преступленіе или злоупотребленіе олигарховъ. Первой жертвой закона былъ Кв. Сервилій Цепіонъ, причина несчастья при Аратузіонѣ, роковаго и для него Намъ неизвѣстно, насколько насильственно

действовать Сатурнин при проведении своего закона, но во всяком случае без насилия не обошлось; чтобы нас несомненно, это уж, чтоб быть носителем смуты, не только в исключительных случаях государственной опасности, но даже в таких обычных, как выборы. Правда, общество выборов явился на этот раз глава оптиматов и злой гений Сатурнина — Кв. Цецилий Метелл Нумидийский. В борьбе против этого противника Сатурнин дошел до того, что запер Метелла на Капитолии и осаждал его там, пока на выручку не подоспели вооружившиеся всадники. Выбранный цензором Метелл попытался исключить Сатурнина из Сената, но благодаря протесту другого цензора, это не удалось. Сатурнин продолжал свою деятельность, помогая, между прочим, и повторному избранию в консулы Мария.

Последний, окончив кимврийскую кампанию, не хотел разставаться однако с политической ролью. Сохранить ее он мог двумя способами: или действовать открыто революционным путем, и опираясь на армию, объявить себя диктатором; или, при содействии агитации Сатурнина, удержаться у

власти съ помощью подставного въ консуля-
туцiи. На первое Марiй не рѣшился и заклю-
чилъ тѣсный союзъ съ Сатурнинаемъ. Послѣ
нѣсколькихъ уличныхъ побоищъ Марiй былъ
избранъ (въ 6й разъ) консуломъ, Сатурнинъ-
трибуномъ и нѣкто Главцiя, вполнѣ соли-
дарный съ обоими, преторомъ. Три сообщника,
которыхъ въ сущности и слѣдовало бы
назвать первыми трiумвирами, начали
свою дѣятельность аграрными реформами.
Внесенъ былъ, между прочимъ, новый фру-
ментарный законъ, понизивший до тiэтис
m'a хлѣбу на хлѣбъ (5/6 ас). Но гораздо
важнѣе былъ предложенный Сатурни-
номъ аграрный законъ о надѣленiи гра-
данъ и ветерановъ землею въ провинцiяхъ
Галлiи, Сицилiи, Македонiи и Ахаiи, при-
чемъ въ раздачѣ земель на первомъ планѣ
должны были стоять интересы Марiев-
скихъ ветерановъ. Замѣчательно то обстоя-
тельство, что въ числѣ земель, подлежащихъ
надѣленiю, включена была еще не завое-
ванная Галлiя, въ которой римляне выра-
лялись наслѣдниками побѣжденныхъ гал-
ловъ. Т. обр. становилась неизбѣжною
безпрерывная война на сѣверѣ съ цѣлью
покоренiя Галлiи. Очевидно, предложенiе
исходило отъ лица, глубоко понимавшаго
необходимость отпора романизированныхъ

Страна отъ наступающихъ северныхъ варваровъ. Политикою Цезаря и всѣхъ послѣдующихъ императоровъ было создать на сѣверѣ такой укрѣпленный щитъ, черезъ который германцы не могли бы прорваться. Въ предположеніи Сатурнина, мы видимъ первую идею всего этого щита; поэтому врядъ ли мы ошибемся заключивъ, что предполагаемое исходило отъ Марія, который одинъ могъ вполнѣознакомиться положеніе дѣлъ на сѣверѣ.
Понятно, что эта, истинно новая реформа вызвала страшный протестъ олигархіи. Что бы сломить ея сопротивленіе, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, Сатурнинъ присоединилъ къ закону параграфъ, обязующій Сенатъ въ теченіи 5 дней, поклявшись въ безпрекословномъ исполненіи закона; въ случаѣ отказа сенаторы теряли право присутствовать въ Сенатѣ. Нечего и говорить, что для проведенія закона, да еще съ такой гарантіей, потребовалось нешуточныя усилія. Много крови пролилось, пока ветераны, прогнавъ съ форума всѣхъ несогласныхъ, могли наконецъ принять законъ, якобы представляя собою Римскій народъ. Осталась еще клятва. Послѣ большихъ хлопотъ Марія, Сатурнина и ихъ сторонниковъ, она была наконецъ вынуждена у Сената. Только одинъ

Метелл Нумидійскій рѣшился не приносить клятвы и оставить Римъ, но при этомъ оказалось, что Маріи недостаточно смѣлости, чтобы послѣдовательно проводить свои планы. Законъ давалъ Маріо право присоединить нѣкоторыя союзническія и италійскія къ римскому гражданству, право на что они только что настаивали; ясно само собою, что проведеніе закона вообще отдавало въ распоряженіе Марія огромную силу, возможность достичь какого угодно нарушенія основъ конституціи; между тѣмъ Марій отступилъ передъ этой возможностью, не рѣшился смѣло стать на путь самодержавія. Въ качествѣ консула, онъ первый долженъ былъ скрѣпить клятвою законъ. И вотъ Марій приноситъ клятву, уже тогда ищущій самую сущность ея; онъ клянется исполнять новый законъ, поскольку онъ законенъ." Этимъ Сенату дано было въ руки сильное оружіе: очевидно сомнѣніе консула въ законности проведенной имъ мѣры.

Видя, что Марій своимъ поведеніемъ губитъ дѣло, Сатурнинъ попробовалъ дѣйствовать на свой страхъ. Въ качествѣ квестора онъ выставилъ темную личность, Гн. Грахка, надѣясь на 99 г. провести его и себя

въ трибуны, а Главцію въ консулы. Этотъ безумный планъ, повидимому, удался; такъ велико было обаяніе имени Гракховъ, что народъ, не смотря на отказъ цензора признать Луція-Грахла гражданиномъ, и отказъ Коретіей признать его своимъ внукомъ, повѣрилъ въ него и избралъ трибуномъ. Соперникъ Главція, Мемміи, былъ публично убитъ наймитомъ Сатурнина, въ день консульскихъ выборовъ, и т.о. Сатурнинъ могъ на мгновеніе подумать, что побѣда на его сторонѣ. Но теперь то его дѣло и было окончательно проиграно. Воцарившагося въ Римѣ террора не могъ вынести никто, ни сенатъ ни всадники. Всѣ сторонники порядка соединились противъ Сатурнина и Главція и результатомъ этого была знаменитая битва въ стѣнахъ Рима, о краѣ повѣствуетъ Цицеронъ.

Сенаторы, всадники, съ оружіемъ въ рукахъ, сопровождаемые народомъ, отправились изъ Сената на форумъ, гдѣ началась отчаянная свалка съ пролетаріями и Марієвыми ветеранами. Шайки Сатурнина были разбиты, и спасаясь бѣгствомъ бросились въ Капитолій, гдѣ и заперлись съ Сатурнинолмъ, Главціемъ и пойманнымъ Грахомъ. Началась осада Капитолія; волнавъ

нападавшихъ, по трагической иронiи судьбы, стоялъ, въ качествѣ консула, Гай Марiй, шедшiй теперь съ возрусенною силою не противъ Кимвровъ и Тевтоновъ, даже не противъ мирныхъ римскихъ гражданъ, а противъ собственныхъ старыхъ солдатъ. Осада продолжалась недолго: осажденные, надѣясь сохранить жизнь, сдались на капитуляцiю, ихъ отвели въ курiю, загородивъ туда доступъ народу. Но народъ забрался на крышу, оторвалъ съ нея черепицы, и этими черепицами и каменьями убилъ Сатурнина, Главцiя, Луцiя-Граника и всѣхъ равделившихъ ихъ пораженiя. Такъ покончилась дѣятельность новыхъ вождей революцiи.

Олигархiя послѣ Сатурнина. Исторiя Италiйскаго вопроса. Неизбѣжность кризиса. Ливiй Друзъ и его дѣятельность.

Послѣ гибели Сатурнина олигархiя продолжаетъ хозяйничать въ Римѣ и Италiи. Однако положенiе олигархiи теперь нѣсколько иное. Классъ всадниковъ, сплотившiйся около римскихъ судовъ начинаетъ пробовать силу; орательную для

сенаторов. Между сидящими и сидящими подготовлялся конфликт, особенно напряжённый со времени Сатурнинова революции, когда произошло-было временное примирение для отражения интересов обеих сторон. Посиг примирения еще ярче вспыхнул раздор, особенно разгоравшийся в дальних провинциях, где всадники в значительной степени узурпировали у сенаторов „право" грабежа провинциалов. За этот грабеж, всадники, будучи судьями, конечно, оставались безнаказанными, а сенаторы страдали. Между тем грабили и тех и других преступительно одинаково. Магистратская инициатива в провинции и процесс возрождавшегося аттиракрокенсула — стали явлением совершенно обычным в римской истории, но случалось иногда и так, что проконсул инициативы не проявлял; если такой человек являлся представителем сенаторства, он мог быть стараниями враждебного сословия привлечен к суду и за тем пострадать от пристрастных судей чуть совершенно безвинно. Интересен в этом смысл

Лекции по истории Рима читает Ив. Дм. Дирехторъ.

Литография Богданова Дротиевъ пер. 21.

Случай Кв. Муция Сцеволы.

Сцевола, безусловно честному и справедливому человеку, поручено было управление малой Азией, и на примере этой провинции, он задумал показать римскому правительству, что можно добиться честными средствами и с честными людьми. Как провинция, М. Азия находилась в нескольких особых положениях. Благодаря природным богатствам и историческим условиям, она наиболее поднялась в экономическом отношении, в то же время развив у себя олигархический муниципальный строй и довольно высокую культуру. Характерная черта греческих войн не очень ослабили страну, где войска были наемные, и М. Азия являлась в рассматриваемую эпоху, наиболее культурною и богатою из римских провинций. Понятно, что на нее преимущественно были направлены алчные взоры римских капиталистов и всадников. Если где либо можно было дать урок честного управления, то именно здесь, где исторически развилась традиция грабежа, служившая большим соблазном. М. Сцевола не только сам был безупречно чист путем огромных штрафов, изгнаний

Даусе какъ бороться, пользуясь своею каторжною властью съ злоупотреблениями, какъ всадниковъ, такъ и сенаторовъ, съ ихъ сословными. Это политика, ясно обрисовавшая всю хитрость поведенія всадниковъ, конечно, вызвала у нихъ желаніе отомстить. Самого М. Сцеволу — знатнаго, безупречно-честнаго, популярнаго въ Римѣ — затронуть было невозможно, но нашлась возможность обвинить другого. М. Сцевола поручилъ провинцію ранѣе срока, уклоняясь отъ неумѣренныхъ почестей, которыми осыпали его провинціалы; непривѣтливо къ человѣческому обращеніемъ съ ними, онъ окружилъ почти бѣдственнымъ положеніемъ ихъ имущество своего правителя. Не желая подвергаться обвиненію въ желаніи этихъ почестей, и не будучи въ силахъ ихъ избѣгнуть, онъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ управленія вернулся въ Римъ, передавъ власть своему легату, Дутилію Руфу. Послѣдній столь же непопулященъ, какъ Сцевола, но не столь знатенъ и вліятеленъ, поэтому легко далъ поводъ придраться къ своимъ дѣйствіямъ. Когда онъ возвратился въ Римъ, его боготворимаго въ провинціи за собственную безупречную честность и суровую безпристрастность къ чужимъ злоупотребленіямъ — привлекли къ обвиненію и осудили, какъ виновнаго въ

ограбленія провинціи. Осужденный удалился въ изгнаніе въ эту же область или ограбленную М. Азіго, гдѣ и окончилъ жизнь среди научныхъ трудовъ, окруженный любовью провинціаловъ.

Этотъ эпизодъ показываетъ, до чего дошло въ своихъ безаконныхъ дѣйствіяхъ сословіе всадниковъ, показываетъ также, въ какую ужасающую форму вылились отношенія Рима къ провинціямъ. Оба эти зла достигли повидимому своего кульминаціоннаго пункта и необходимость борьбы съ ними осложнялась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это же время требовалъ скорѣйшаго разрѣшенія одинъ старый, наболѣвшій вопросъ первостепенной важности — вопросъ объ отношеніи Рима къ италикамъ.

Не лишнимъ будетъ вспомнить здѣсь предшествующія фазы развитія этого вопроса и отношенія къ нему правящихъ классовъ.

Дарованіе права гражданства италикамъ было несомнѣнно одной изъ главныхъ задачъ въ дѣятельности Гракховъ. О Т. Гракхѣ мы этого не знаемъ достовѣрно, но есть основанія думать, что и онъ имѣлъ въ виду упомянутую задачу. Иначе трудно объяснить себѣ сочувствіе италиковъ къ вопросу о передѣлѣ земель въ Италіи, такъ близко касавшемуся ихъ интересовъ. О томъ же говоритъ и предложеніе

Фульвія Флакка (125), по которому каждой латинянинъ имѣлъ бы право добиваться полнаго римскаго гражданства. Это предложеніе, неудача котораго вызвала возстаніе Фрегеллъ, въ потокахъ крови усмиренное войсками, носитъ всѣ признаки того, что оно явилось лишь исполненіемъ обѣщанія Гракховой партіи вознаградить Италиковъ римскимъ гражданствомъ за земельныя потери. Г. Гракъ, въ своей борьбѣ за италиковъ, немало разсчитывалъ на ихъ дѣятельную помощь въ народномъ собраніи: но этого то и боялась олигархія. Въ 121 г. консуломъ принята была мѣра, удалявшая за предѣлы города всѣхъ тѣхъ, кто не владѣлъ правомъ римскаго гражданства. Неудачи Гракха должны были, конечно, еще сильнее раздражить италиковъ. Посмѣ Гракха обѣ стороны — и римскій пролетаріатъ, и италійское крестьянство крайне раздражены. Мелкія уступки Марія и Сатурнина вызываютъ протестъ и служатъ поводомъ къ неудачѣ всего посягательства. Предпринимаются новыя мѣры для удаленія италиковъ изъ Рима, мѣры, которыя однако не могли быть дѣйствительными. Слишкомъ много матеріальныхъ интересовъ связывало италиковъ со столицею, слишкомъ ничтожна была разница въ развитіи,

культурности, обычаях и даже языке. Италики не чувствовали себя чуждыми в Риме, не чувствовали превосходства над собой римлян, на в каком-то не было отношений, связанных с общением и материальными, и родственными отношениями; наконец, не раз самими правящими классами вводился в политическую агитацию, явление довольно обычное при отсутствии контроля. Вследствие всего этого, не говоря уже о прямом материальном ущербе, италики считали себя обиженными проведением мер, удалявших их из Рима. Последней каплей переполнившей чашу, и неминуемо повлекшей за собой революционное движение, был закон Муция Сцевола (95 г.), направленный с большою строгостью против всякого присвоения римского гражданства, и вновь изгонявший всех не-граждан из Рима. Им было вызвано со стороны италиков решительное стремление добиться своих прав. В роли защитника италийских интересов на политическую арену выступил М. Ливий Друз.

Взгляды как современных, так и позднейших источников на личность и деятельность Друза сильно расходятся. Виной этому — отчасти господствующие представления,

а главнымъ образомъ партійныхъ интересовъ.
Цицеронъ (въ сочиненіи объОраторѣ), вѣдавшій въ дѣятельности Друза нѣчто аналогичное тому, что происходило въ его собственное время, невольно искажаетъ исторію. Въ другомъ, болѣе достовѣрномъ преданіи, восходящемъ къ Посидонію, мы все же не можемъ уловить связи между отдѣльными дѣйствіями Друза. Такъ же обстоитъ дѣло и съ Аппіаномъ. У Ливія и Діодора мы находимъ лишь отрывки по данному вопросу. Понятно поэтому, что характеристика личности и дѣятельности Друза представляетъ значительныя затрудненія, что заставляетъ насъ внимательнѣе остановиться на ней. И современниковъ Друза, и позднѣйшее преданіе, и теперешнихъ ученыхъ сбивало съ толку кажущееся противорѣчіе въ дѣятельности Друза. Онъ прежде всего несомнѣнно членъ оптиматской вліятельной семьи и въ своей дѣятельности пользуется поддержкой сената и его главарей, Красса и Котты. Часть его политической дѣятельности и направлена въ защиту сенатскихъ интересовъ. Съ другой стороны онъ проводитъ мѣры Гракховой программы, вплоть до наиболѣе ненавистной — дарованія гражданства союзникамъ. Изъ разсмотрѣнія фактической стороны дѣятельности Друза должна

выяснится причина этого повидимому противоречивого положения Друза въ государственной жизни Рима. Начавъ обычнымъ образомъ свою магистратскую карьеру и выбранный въ 92 г. трибуномъ, Друзъ начинаетъ свою реформаторскую деятельность подъ вліяніемъ М. Эмилія Скавра и Л. Лицинія Красса, убѣждающихъ его выступить противъ судебной монополіи всадниковъ. Въ то же время, находясь въ сношеніяхъ съ италиками, Друзъ знаетъ о заговорѣ противъ консуловъ, исполненіе котораго предполагалось во время латинскаго союзнаго праздника, и предупреждаетъ консуловъ; заговоръ держался въ глубокой тайнѣ и свѣдѣнія о немъ Друза показываютъ, насколько хорошо онъ былъ поставленъ въ дѣла сообщниковъ. Затѣмъ мы видимъ Друза, предлагающаго цѣлый рядъ законовъ. Вопреки закону, онъ вноситъ въ одной rogatio три предложенія зараз: законъ аграрный, законъ хлѣбный и законъ о судахъ, по которому суды возвращались сенату, а послѣдній долженъ былъ быть увеличенъ 300 всадниковъ. Друзъ требуетъ [1] даровой раздачи хлѣба, а также [2] надѣленія его землею, причемъ въ Италіи, — гдѣ и раньше

не было физической возможности выдвинуть нова-
го количества земли. Быть может Друз имел
в виду земли италиков, рассчитывая
вознаградить их дарованием римского
гражданства; во всяком случае надо
заметить, что предложение Друза в
пользу пролетариата имело чрезвы чай-
ным образом одобрить эту непогрям-
лую и опасную силу, чтобы она в дан-
ный момент не мешала проведению других
реформ. Благодаря насилию все три
меры Друза удалось провести. Они
должны были вступить в действие, но в
это время Сенат, до тех пор поддер-
живавший Друза, вдруг оказывается про-
тив него. Красс как раз в это время
умер, а Э. Скавр и А. Котта вме-
сте с консулом Филиппом перешли
на сторону врагов Друза. По видимому
они рассчитали в Друзе защитника
интересов италиков и нашли, что
судебная реформа не вознаградит их
за страшное зло, которое они видели в
дровании гражданства италиков;
как бы то ни было, Сенат соединился
с всадниками против Друза. Последний,
оставшись без защиты, открыто выставил
себя защитником италиков, — разжигая,

без сомнения на помощь с их стороны. Неизвестно, удалось ли ему провести закон о даровании сокузникам римского гражданства; нечего и говорить, что в действие этот закон не вошел, а в Риме окончательно отступились от Друза, так что на следующих выборах одержали верх его противники. Тот факт, что во время болезни Друза о его выздоровлении возносились мольбы во всех италийских городах, еще более определенно выставляет его сторонником и сокузником италийцев. В Риме же убедились от Друза, что и было приведено в исполнение посредством политического убийства.

Предстоит теперь выяснить, что же стоит в основе деятельности Друза: закон о судах или дарование римского гражданства италикам? Иные считают Друза явным аристократом, бросившимся в объятия италиков лишь после того, как сенат лишил его поддержки. Но если так, непонятно поведение Сенара: какой смысл было ему отказываться от Друза, раз приняв его дары? С другой стороны, если признать, что для Друза на первом плане стояли

интересы итальянцев, то съ перваго взгляду кажется некоторою поддержка, оказываемая на первыхъ порахъ Друзу Сенатомъ; такъ какъ совершенно немыслимо, что бы сенатъ не зналъ о сношеніяхъ Друза съ союзниками. Однако при второмъ взглядѣ, объяснить дѣло легче. Сенатъ — вслѣдствіе репутаціи Друза, а въ особенности его отца, — вѣрилъ тому, что имѣетъ дѣло съ оптиматомъ, успѣвшимъ лишь воспользоваться силою Италиковъ, но по нашему мнѣнію для самого Друза было обстоятельство наоборотъ. Ему важнѣе всего было даровать гражданство союзникамъ и для достиженія этой цѣли онъ искалъ помощи и у Сената, и у пролетаріата, конечно, искалъ лишь временно, понимая, что въ будущемъ невозможно согласить столько противорѣчивыхъ интересовъ. Потерявъ поддержку въ Римѣ, онъ раскрылъ свои карты; но поддержка отъ Италіи не явилась и Друзъ погибъ. Достовѣрность изложеннаго взгляда зависитъ отъ подлинности одного документа, а именно предполагаемой клятвы Италиковъ Друзу. Текстъ этой клятвы

следующей: „Клянусь храмом
„Юпитера и римской Вестой, родным
„Марсом и дающим успех Солнцем,
„божественными основателями и покрови-
„телями города Рима, что мои враги
„мне и друзьями будут враги и друзья
„друга; равно хочу и в том, что я не буду
„щадить ни своей собственной жизни, ни жи-
„зни моих детей и родителей во всем том,
„что угодно другу и товарищам моим
„по этой клятве. Если же я нарушу кля-
„тву законом друга, то я буду счи-
„тать Рим мою родину и друга моим
„величайшим благодетелем. В тех кля-
„ну я обязуюсь снимать с возможно боль-
„шого числа моих сограждан. Клянусь
„я искренно, да будет мне хорошо; кля-
„нусь ложно, да будет мне дурно." Ни в
форме, ни в содержании этой клят-
вы нет ничего неправдоподобного;
самый текст не дает поводов к
подозрению в подложности. Я не считаю
поэтому возможным сомневаться,
почему Сенат в критической момент
покинул друга. Впрочем, узнав
эти причины отречения от клят-
вы, Друз собирался повес-
ти свой закон о союзниках, Сенат

поняли настоящее значение имп. Октавиана, и постарались отъ него отдѣлаться.

Изъ всего сказаннаго мы должны видѣть въ дѣятельности Друза стремленіе объединить вокругъ себя Италію, и принудить къ послушанію правительство. Здѣсь уже довольно ясна монархическая тенденція; это подтверждается многими частностями въ дѣлахъ Друза. Союзники должны были послужить Друзу въ достиженіи его цѣлей; на это ясно указываетъ военная поддержка, направленная, хотя и поздно, изъ Италіи на помощь Друзу. Историческое положеніе дѣла вполнѣ естественно. Италики, постоянно недовольные въ римскомъ государствѣ, были готовой революціонной силой, которой воспользовался Друзъ. Его паденіе было недостаточно, чтобы остановить разъ начавшееся грозное движеніе этой силы. Оно разрасталось и углублялось, приводя къ послѣдствіямъ, о которыхъ придется еще не мало говорить.

Италійская война, послужившая поводомъ къ Римской революціи. Сульпиція Руфа. Смута въ Римѣ.

Во вѣкъ прославленъ Ливій Друзъ составлялъ центръ широко распространеннаго заговора; безпечность Рима позволила корнямъ возстанія укорениться, отчего и разрослась грозная буря, охватившая всю Италію. Характеренъ поводъ къ возстанію. Въ Аскулумѣ римскій преторъ, посланный для разслѣдованія дѣла Друза позволилъ себѣ грубую выходку по отношенію къ гражданамъ этого города; это и дало толчекъ возстанію и всѣ римляне, на первыхъ порахъ попавшіеся народу были растерзаны въ клочки, что достаточно иллюстрируетъ настроеніе италиковъ. Италія вступила въ борьбу организованной, съ устройствомъ, вполнѣ точно скопированнымъ съ римскаго: У нея оказалась своя столица Italia (городъ Карсеолы), гдѣ собирались Италійскія комиціи, свой Сенатъ изъ 500 членовъ, свои два консула и 12 преторовъ. Можетъ быть однако мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ полнымъ вос-

произведения римского строя; могут — быть въ организации Италии играть роль начала новаго федеративнаго устройства. Къ сожалѣнію мы объ этомъ ничего не можемъ сказать, ввиду недостаточности источниковъ. Есть основаніе думать, что Италійскій Сенатъ довольно близко подходилъ къ настоящему собранію представителей народа, въ современномъ смыслѣ слова.

Возстаніе распространилось по всей средней Италіи, Кампаніи, по вашему Самніуму, до крайняго Пицентума. Главными контингентами возставшихъ составляли <u>сабины</u> и <u>самниты</u>. Послѣдніе, народъ горцевъ, съ рѣзко выраженнымъ національнымъ духомъ, и лишь въ незначительной степени воспринявшій Римскую культуру, не забывали своей вѣковой вражды къ Риму, сказавшейся въ упорномъ подчиненіи и во время Пунической войны. Возстаніе совершенно не тронуло Этрурію и Умбрію. Страны крупнаго землевладѣнія, не мирившіяся съ правами италійскихъ притомъ ближія къ Риму въ культурномъ отношеніи, уже раньше показали свой взглядъ на италійскій вопросъ

рось: во время деятельности Ливия Дру-
за представился местный латифундий
усиленно агитировали против него в Риме.
Поэтому Этрурия и Умбрия в начале войны
уже заявили себя нейтральными. Галлы
оказались частью на стороне италиков, частью
на стороне Рима. Последний получал сильную
военную поддержку от провинций, но однако
бороться ему предстояло с грозною силою.
Италики в римских же войсках научились
военной организации и качественно их войско
не уступало римскому. Количественно оно
также далеко превосходило на основании цензa,
произведенного уже после войны, после
всех происходивших избиений, мы видим,
что число союзников даже тогда превы-
шало число римлян на несколько тысяч
человек. Чисто идеальным преимуществом
италиков был сильный подъем нацио-
нального сознания, вдохновлявший их войска.
Но у них не доставало финансовых средств
для ведения войны, а в специальной области
— недоставало конницы, хотя за то пехота
и превосходила римскую. Главным же
преимуществом Рима была его организа-
ция, как государства; как бы ни были
организованы союзники, их устройство
не могло итти в сравнение с военной

твердили римского государственного строя.
Первые успехи наши союзников вызвали огромный духовный подъем в Италии, временное примирение всех партий, допущение к военному руководству людей самых различных взглядов, как Марий и Сулла. Последний отличался на боевом театре войны, Марий на Северном. Успехи северной армии вначале были весьма незначительны. Сулла в кампанию существенных удач не имел, но все же скорого торжества ожидать было нельзя. Надо было бросить в сплоченные ряды противников яблоко раздора; это скоро поняли в Риме. В 89 г. консул Л. Юлий Цезарь провел закон, по которому римское гражданство даровалось всем союзникам, оставшимся верными Риму; другой закон, lex Plautia Papiria, римским трибуналом Плавцием и Папирием даровал римское гражданство и всем тем, кто оставался от восстания в течение 60 дней. Было ли это достаточно для союзников? Нет, никого сом-

---

Лекции по истории Рима лист 6

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П.Т.

Директор

ченія, что по крайней мѣрѣ въ началѣ войны, значительная часть ихъ хотѣла добыться того римскаго гражданства, а не имѣла: національной ненависти, не вторившей этому идеалу оставались одни самниты. Всѣ остальные отпали отъ возстанія и скоро вся на всемъ сосредоточилась въ предѣлахъ Самніума.

Одни и отказавшіеся отъ возстанія союзники получили то, на что разсчитывали. Новые римскіе граждане были приняты не во всѣ, а только въ 8 трибъ; и это урѣзка ихъ гражданской полноправности вызвала сильное недовольство. Врядъ ли нѣчего, такое ограниченіе не шло большой выгодности, особенно для тѣхъ отдаленныхъ италійскихъ гражданъ, кому все равно не могло бы приходить непосредственнаго участія въ государственной жизни Рима; но оно было оскорбительно своею мелочностью и упорствовало римлянъ въ ихъ мнѣніи о союзникахъ, хоть о людяхъ нѣмецкой расы. Самниты это еще болѣе ужесточили въ ихъ пользу, ихъ партія осуществляла продолжала борьбу, а въ Римѣ вновь стало толчекъ къ пробужденію партій ихъ расширяя Лекціи Рима въ 89 г. было пятнадцать

чусасно. В то время, какъ производилось переустройство въ завоеванныхъ областяхъ, гдѣ съ уничтоженіемъ національныхъ различій объединялась однообразная городская конституція, Римъ надо было еще кончать войну, край благодаря стойкости самнитовъ не обѣщала кончиться скоро. Между тѣмъ не хватало ни войскъ, ни финансовъ; тѣ и другія нужны были государству для востока, гдѣ теперь вокругъ крупной личности царя Митридата Понтійскаго сплотилось грозное движеніе противъ римской силы. Необходимо было послать войска на востокъ; а средствъ для содержанія двухъ армій было очень мало, не смотря на продажу земель фракійскаго Юпитера капитолійскаго. Давшую правительству сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей. Поступленія доходовъ съ Востока прекратились, а война съ союзниками истощила казну. Отъ войны пострадало въ Римѣ имущество всѣхъ, кто такъ или иначе принималъ участіе въ финансовой системѣ государства. Избіеніе Римскихъ гражданъ произведенное на востокѣ Митридатомъ, было новымъ ударомъ для римскихъ финансовъ; пострадав-

шіе принадлежали главнымъ образомъ къ сословію всадниковъ, но они были связаны со всѣми почти капиталистами долговыми обязательствами, и внезапныя требованія долговъ всѣхъ за восточной рѣзней вызвали цѣлый рядъ краховъ. Полная несостоятельность должниковъ и осложненная требовательность кредиторовъ дали поводъ претору С. Авиніюсу ввести въ практику старый, не отмѣненный, но и не отмѣненный законъ, не допускавшій взиманія процентовъ подъ угрозою обратнаго взысканія ихъ въ учетверенномъ размѣрѣ. Возобновленіе этого закона стоило усиленія его невѣроятному развращенію и его публичное убійство во время жертвоприношенія не вызвало даже разслѣдованія. Финансовый кризисъ продолжался и въ Римѣ разгорались ожесточенныя распри.

Въ Римскомъ войскѣ, въ это же время обнаруживался рядъ явленій, заставлявшихъ призадуматься. На первый планъ здѣсь выдвигается личность Корнелія Суллы, выбраннаго на 88 г. консуломъ съ спеціальною цѣлью умиротворить Востокъ, а передъ тѣмъ, потравившаго дѣла Рима въ самой Италіи. Марій долженъ былъ не рѣдко уступать возможности того, что другой

воспользуется последними ими смятениями цезаризма; между тем это в истине уже происходило. Сулла хорошо понял дух Марьева войска и утилизировал его в свою пользу. По отношению к каждому отдельному солдату Сулла до крайности распустил военную дисциплину, давая солдату почти полную свободу во всем, что не касалось личности главного вождя. Дисциплина военная теряла для него всякое серьезное значение, но за то полководец для него становился всемогущим богом. Солдаты держались в строгой военной иерархии, но строгим орудием личной стремянной вождя. В связи с царящим обаянием личности Суллы, такой дух римского войска представлял очень опасный симптом.

В Италии Риме было отвлечено от войска внутренними смутами, разросшимися в значительную революцию. Представителем реформаторских требований явился трибун Пуб. Сульпиций Руф. Руф предлагал дарование полного римского гражданства италикам, а также отпущенникам; предлагал реформацию Сената-пятьсот

Директор. Rad

устраненіе всѣхъ сенаторовъ задолгусовшихъ болѣе чѣмъ 2000 динаріевъ, а такуже полную амнистію всѣмъ изгнанникамъ. Первая изъ этихъ мѣръ была принята продолженіемъ нападенія Брахова и Друза по отношенію къ сочинителямъ. Что до отпущенниковъ, то изъ нихъ реформаторъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду создать себѣ новую силу, на которую могъ опереться въ своей опасности; но дарованіе гражданства людямъ, кои теперь были призваны къ военной службѣ было вполнѣ естественной мѣрой и съ объективной точки зрѣнія, нельзя сказать того же о предполагаемомъ отнятіи Сената; если устраненіе изъ него задолгусовшихъ членовъ и оказалось бы полезнымъ само по себѣ, то врядъ ли бы это искупало то страшное впечатлѣніе, какое должно было произвести на государство поворотъ всего учрежденія. Вѣроятно Сулицій не предполагалъ бы такого плана, не будь онъ самъ въ сговорѣ съ вождями Сенатской партіи. Волнуется и Сенатъ и всѣ жители города тѣми мѣрами трибуна революціонными противозаконіями. Но Сулицій Друзъ не хотѣлъ уступать. Опираясь на созданъ-

ный сенат реформированный Сенат, хрбт
онъ противу поставить мелочному сто
рому Сенату, а тожде из 6000 вооруженных
отпущенников, составившихъ своего рода
гвардію трибуна. онъ рѣшился добиться
проведенія своихъ мнѣній. Что бы выиграть
время, правительство рѣшило пріостано
вить ходъ государственныхъ дѣлъ; консу
лы кв. Помпей Руфъ и Сулла объявили
диктатора ординарныя религіозныя праздне
ства, во время коихъ правительственныя
собранія созываться не могли. Прошло
лѣто отпрошенія революція. Какъ трибунъ
Сульпиція созвалъ народное собраніе, а
вооруженная сила его приверженцевъ дер
жала верхъ надъ противниками. Кв
Помпей былъ убитъ; Сулла спасся, и оста
вивъ Римъ отправился къ своей ар
міи. Положеніе Сульпиція въ сущности
было трудное. Убить консула и, запугав
Сенатъ помощію черни, было легче чѣмъ
осуществить реформу; при томъ Сульпи
цій имѣлъ всѣ основанія думать,
что успѣвшій отъ него Сулла
вернется въ Римъ во главѣ своихъ
легіоновъ. Противъ него, революціон
ныя силы были больше чѣмъ недостаточ
ны; нужно было настоящее войско и
настоящій полководецъ, и Сульпи

цій обратился къ Маріо. Послѣдній, не могши примириться съ первенствомъ Суллы въ военной области, поставилъ условіемъ, что бы командованіе ненавистнаго соперника въ восточной войнѣ было передано ему. Въ Римѣ согласились на эти условія и Сулла былъ отозванъ, а Марій получилъ проконсульскую власть для войны на востокѣ. Но осуществить на практикѣ принятое рѣшеніе было не такъ то легко. Войско христомстаго уже къ Риму, а Сулла, зная своихъ ветеранъ, успѣлъ склонить ихъ на свою сторону. Къ нимъ изъ Рима трибуны были посланы въ лагерь, а зачѣмъ войско Суллы двинулось на Римъ. (Къ чести офицеровъ надо сказать, что всѣ они отказались отъ этого похода. Городъ былъ взятъ и изъ него поспѣшили спастись бѣгствомъ противники Суллы, въ томъ числѣ и Сульпицій Руфъ, который былъ по дорогѣ пойманъ и убитъ и. Марій, хромому удалось бѣжать. Въ рукахъ Суллы оказалась власть надъ Римомъ, и онъ позаботился ее укрѣпить.

Первою мѣрою Суллы было усиленіе Сената 300 лицъ, выбранныхъ изъ партіи оптиматовъ. Затѣмъ послѣдовало возобновленіе старой формы центуріат

ных собраний и ослабление трибуната путем предварительного одобрения сенатом всех трибунских предложений. Реформы Суллы были вполне целесообразны, поскольку они устраняли элементы вражды внутри Рима и поскольку давали простор политической конкуренции, целесообразно было с точки зрения последнего, и проведение военной силой этих реформ, хотя народ не сопротивлялся, но потрясения не могли быть прочными; Сулла поэтому мог ожидать взрыва сопротивления. Это ему особенно стало ясным, когда на 88 году консулом был избран его смертельный враг Цинна. Между тем, долго Рим на восточ требования непримиримого честолюбца. Сулле представлялось два исхода: идти на Восток, оставив в Риме шаткую власть, или удержавшись у власти, увеличить восточными делами. Сулла нашел более целесообразным искать себе популярности в военных успехах, нашедшая отечество, чтобы оставаясь в Риме увеличивать народную антипатию проскрипциями и казнями. Он отправился на театр войны

Восточные дела. Мирадатова война

События на Востоке во времена Мирадата имеют всемирно исторический интерес, выражая собою один из моментов страшной борьбы между Западом и Востоком, достигающей в ту пору нового сильного напряжения. Сущность всемирной истории за целый ряд веков, обнимающий и время Мирад. состоит в постепенном перемещении центра мировой культуры между Востоком и Западом.

В политической и социальной жизни Рима, Восток, до рассматриваемой эпохи, не играл большой роли. Рим вёл крупные восточные войны, повлекшие за собою распадение Сирии и Египта и обращение Македонии в римскую провинцию, не особенно заботился об усилении своей власти на Востоке. Почти против воли они приобрели к себе Пергамское царство, завещанное Аттал. и, поставив в нём которую за вассальность от себя остальные государственные единицы, заботился устойчивательно лишь о тех из них, кои были важны с экономической точки зрения. В других они

предоставлять всему течь своим порядком. Рим старался поддерусать равновесие восточных государств, не допуская ни одно из них до слишком сильного усиления, но в общем не вмешивался в их внутреннюю жизнь, за исключением тех случаев, когда представлялась возможность, без затраты римских сил внести раздор в восточные политические отношения, достигая так. обр. их ослабления, а тем самым задерживая неудержимо надвигавшуюся с севера волну Востока варварского.

О своей провинции, М. Азии, Рим, конечно, заботился серьезно, и поэтому обращал некоторое внимание и на ее соседей. Провинция занимала собственно центр. и западное побережье М. Азии. Остальная ее часть отличалась необыкновенною пестротою, в этнографической и политической. Здесь было скопление самых разнообразных элементов, с одной стороны эллинских и др. вливших арийского, а в политическом отношении ветвящиеся греческие города-государства рядом с монархиями восточного типа. На сев. берегу Г. Моря находились Вифиния и Понт, в царстве которых

династии орайского и персидского происхождения. Между Вифинией и Понтом видим свободную Гераклею Понтийскую, западнее Вифинии свободных Киосян; на юг от Пергама — свободных союзников Ликийских полупреческих городов, своеобразное единение, сохранившее свою союзную организацию несмотря на зависимость сперва от Египта потом от Рима; на море, против этих городов, свободный остров Родос. Восточную береговую полосу занимала суровая горная страна: страна пиратов, куда Рим в 103–102 г. был принужден обратить внимание в провинцию, чтобы тем или иным способом покончить с этим разбойничьим гнездом. От Армении, Месопотамии, находившейся под парфянским влиянием и Сирии, провинции отделяли Галатия и Каппадокия. Первая представляла собою пестрый кельтский союз с устройством полу-городским, полу-монархическим; вторая была монархией восточного типа и более связанной с Востоком, чем с западом. Идеи от Малой Азии, не выходившей из ея среды: безсильная распадающаяся Сирия с ненавистной Ту-

дей свободными городами и арабскими шейхами, и Египет, страдающий от бесконечных династических смут и совершенно беспомощный политически.

В культурном отношении, Малая Азия представляла собою неустойчивую пестроту различных культурных влияний, соответствующую этнографическому смешению и на край образовался известный поверхностный слой эллинизма. Малой Азии эллинизм подвергшейся влиянию и само Пергамское царство. Такой уже легкий налет эллинской культуры видели мы и на Понтийском государстве, кроме предстояло теперь играть главную роль в столкновении Рима с Востоком. Понт благодаря выгодным географическим условиям и управлению талантливой мидийской династии, которая возвышалась среди обломков разрушенных государственных организмов и достиг высокого материального благосостояния к тому времени, когда там воцарился Митридат IV Эвпатор, считавший себя потомком Дария Гистаспа младшего и Селевкидов. К тому царю суждено было сделать Понт

правда на короткий срок, средоточием огромной власти, с которой Риму приходилось серьезно считаться. Однако возвышение Понтийского государства шло очень медленно, чаще нужно было действовать крайне осторожно, так как римляне, далеко не закончившие внутренними делами, не стали бы равнодушно смотреть на рост новой восточной монархии. Помимо всяких политических событий, интересы Рима и таких фирм сталкивались с Понтийскими в силу одного экономического роста Понтийского государства; конечно, то были интересы не Рима, как государства, а тех же римлян и латин, которые жили в числе до 100000 в Азии, как частные люди. Занятием этих людей были всевозможного рода спекуляции, — спекуляции на земли и их аренду, на рудниках, леса, рыбные ловли, соляварни и т. под.; спекуляции торгового характера, спекуляции денежные, спекуляции откупные. Всеми этими были заняты огромные контингенты лиц, которые не стеснялись вести себя в независимой стране, как господа, и не отличались большою сговорчивостью в своих делах. Характерно, что работорговля составляла одну из важных отраслей их деятельности. Понятно, что

всех этих наплывших римлян и итальков чувствительно задерживало развитие местной экономической жизни в Понтийском государстве. Это было еще одной причиной нецелесообразности римского вмешательства при первых кругах царя к возвышению. Надо было поэтому предпринять этот шаг где-нибудь не на глазах Рима, создать себе силу там, откуда Рим не мог ждать ея.
В качестве такой удобной точки опоры, Митридат наметил северное и сев.-восточное побережье Черного моря (нынешний юг России).
Во время Геродота этот край населяли Тавры и Скифы, происхождение которых до сих пор еще не выяснено. В VI в. эта узкая береговая полоса служит постоянным местом колонизации греческих городов, культура которых впоследствии отозвалась на возникающей славянской культуре.
В эту область Митридата на Средиземном море они стали вывозить свои колонии в этот край, богатый именно теми натуральными продуктами, которых ему доставляло в недостаточном количестве или вовсе не доставляло непосредственное соседство: хлебом, скотом, рыбой и т. под. Здесь довольно рано возникли следующие колонии:

Ольвія, у устьевъ Днѣпра, Танаида у устьевъ Дона; у выхода изъ Чернаго моря въ Азовское, на крымской сторонѣ, Пантикапей или Боспоръ, на материковой сторонѣ — Фанагорія, недалеко отъ Боспора — Ѳеодосія. Противъ Гераклеи Понтійской возникла ея колонія Херсонесъ, въ превосходной Севастопольской бухтѣ. Въ V в. основались на Кавказскомъ берегу Фасисъ и сѣвернѣе — Діоскурида. Эти колоніи, какъ богатыя культурныя эллинскими украсили собою варварское Черноморское побережье. Изъ нихъ Пантикапею выпало на долю служить оплотомъ противъ сѣвернаго варварства для огражденія торговли колоній. Въ этомъ городѣ развилось своеобразное полу-республиканское, полу-монархическое правленіе, какъ это и слѣдовало ожидать отъ взаимодѣйствія эллинскаго и варварскаго элементовъ.

Пока Милетъ царилъ въ Средиземномъ морѣ, онъ поддерживалъ колоніи и деньгами, и военными силами, что было необходимо въ борьбѣ со Скиѳами, время отъ времени осаждавшими грековъ требованьями дани и нападавшими въ этихъ въ случаѣ презрѣнныхъ требованій. Послѣ паденія Милета Аѳины внезапно поддерживаютъ Херсонесъ и Боспоръ

Директоръ Расъ.

вплоть до IV вѣка. При Александрѣ колоніямъ живется все-какъ; но послѣ него ихъ торговля падаетъ, вслѣдствіе того, что М. Азія, Сирія, Египетъ наводняютъ рынокъ сырыми продуктами, и интересъ къ Черномор. колоніямъ теряется. Вмѣстѣ съ этимъ начинается броженіе въ самомъ Черноморьѣ.. Съ сѣвера Оракійцы, Гетъ, Сарматы напираютъ на Пеоновъ и Скиѳовъ, которые въ свою очередь тѣснятъ Греческіе города, иногда стремясь овладѣть ими, чтобы за крѣпкими стѣнами укрыться отъ враговъ. Города, недостаточно сильные, чтобы воевать, должны были откупаться отъ Скиѳовъ, которые постепенно высасывали всѣ соки цвѣтущихъ колоній. Это положеніе очень ярко иллюстрируется сохранившимися декретами Протогена и Никерата, въ которыхъ приносятся благодарность городомъ частнымъ лицамъ, поддержавшимъ своими средствами правительство, принужденное платить непосильную дань, принявъ крайность была такъ велика, что пришлось закладывать драгоцѣнности храмовъ. Вѣсть эллиновъ въ Черноморьи все ухудшалась и ухудшалась, и –

Лекціи по Исторіи Рима. Листъ 7-й

Директоръ

Литографія Богданова. Эртелевъ пер. 1.

безпомощное положение несчастных колоний достигло своего апогея именно въ эпоху расцвета Понтійс. государства подъ власть Митридата. Владѣтели Понтикапея, династія которыхъ развилась изъ полузависимаго и наслѣдственнаго архонтства, были обложены данью, которой уплатить рѣшительно не могли; городъ Херсонесъ страдалъ отъ Скиѳскаго царя Савмака и не имѣлъ средствъ защищаться. Обѣ колоніи обратились за помощью къ Митридату, чувствуя свою безпомощность и рѣшаясь пожертвовать независимостью, чтобы не быть окончательно уничтоженными. Митридатъ послалъ на помощь своихъ полководцевъ Діофанта и Неоптолема и ея храбрыя дисциплинированныя войска легко справились съ степными варварами.

Конечно, помогая колоніямъ, Митридатъ дѣйствовалъ въ собственныхъ интересахъ. Онѣ были для него весьма важнымъ стратегическимъ пунктомъ, гдѣ онъ могъ сосредоточить свои силы. А силы ему нужны были весьма для того огромнаго дѣла, которое въ глубокой тайнѣ отъ Рима назрѣвало, разрасталось, чтобы затѣмъ грозно встать передъ ними на тотъ разрушительный и одряхлѣвшій Востокъ, котораго въ Римѣ такъ мало боялись.

Когда Черноморские колонии, защищенные и объединенные усилиями Діофанта, уже представляли достаточную опору для Митридата, онъ началъ понемногу и осторожно дѣйствовать на Востокѣ. Въ Черноморьи у него было, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельности Діофанта, второе царство, тѣсно связанное съ Понтійскимъ и главную силу котораго составляли греческіе города. Отсюда въ Понтійскую казну ежегодно поступало 200 талантовъ, причемъ колоніи снабжали Понтій и хлѣбомъ въ количествѣ 180000 медимновъ ежегодно. Это новое царство состояло изъ теперешняго Крыма и выступа азіатскаго берега напротивъ. Надо замѣтить, что и варварскіе степные народы, жившіе между Дунаемъ и сѣверными склонами Кавказа, большею частью поступали въ зависимость отъ Митридата, помогая ему если не деньгами, то постояннымъ войскомъ. Дѣйствія Митридата на Востокѣ были, какъ сказано, осторожны и нетерпеливы. Онъ заключилъ союзъ съ царемъ Вифиніи Никомедомъ; вскорѣ оба союзника завладѣли Пафлагоніей, которую послѣдній изъ владѣтелей Пилемендовъ завѣщалъ Митридату. Слабое противодѣйствіе сосѣдей не помѣшало Митридату овладѣть страной, которую

онъ и раздѣлить съ Никомедомъ. Послѣдній, чтобы придать захвату оттѣнокъ справедливости, назвалъ Пилемономъ одного изъ своихъ сыновей и назначилъ его номинальнымъ правителемъ Пафлагоніи. Завладѣлъ Митридатъ и Галатіей, а затѣмъ и Каппадокіей, послѣдній царь которой и его наслѣдникъ были убиты если не по порученію, то согласно съ желаніемъ Митридата. И тамъ назначенъ былъ номинальный правитель, названный племянникомъ послѣдняго царя. Въ составную часть своего царства обратилъ Митридатъ и Малую Армению, а съ царемъ Великой Арменіи, Тиграномъ, заключилъ тѣсный союзъ, выдавъ за него дочь свою и оказавъ ему помощь въ Азіи. Кажется, они собирались подѣлить между собою власть на Востокѣ, условившись взять: Тиранъ — Сирію и внутреннюю Азію, а Митридатъ — Малую Азію и Черноморье. Въ лицѣ Тиграна у Митридата былъ въ тылу могущественный союзникъ. Между тѣмъ, собственныя силы Митридата возрастали до грандіозныхъ размѣровъ. „Его ресурсы, какъ на сушѣ „пути, такъ и на морѣ, казались неистощи„мыми. Онъ набиралъ рекрутъ на всемъ „пространствѣ отъ устьевъ Дуная до Кавка„за и до береговъ Каспійск. моря; подъ его зна„мена собирались толпами оракійцы, скиѳы,

"Сарматы, Бастарны, Колхиды, Иберы (в теперешней Грузии), но они набирали в свои войска преимущественно храбрых Бастарнов. Для его флота Голландская Сатрапия доставляла, кроме льна, пеньки, смолы и воска превосходной строевой лес, край снабжали им Кавказские горцы, горные и флотские офицеры нашлись в Армении и в Сирии. Но Западную царь, как рассказывают, вступил с армией, в ней было 600 боевых колесниц с косами, 1000 всадников и 80,000 пехотинцев, а для этой войны, он еще не употребил в дело всех средств, какими мог располагать. При отсутствии Финикии, или какого-нибудь другого значительного сильного, пехотинского флота обеих господствовать на Черном море, опираясь на Синоп и на крымские порты." (Мамзен).

Рим, по видимому, проглядел эту грозную нарождающуюся силу, вовлечен надолго исключительно в восточные дела, занятый внутренними вопросами, а потом итальянской войной. Правда, при конце царствования Митридата в Риме возбудилась

вопрос о их неприкосновенности; но римские магистраты, посланные на Восток, обыкновенно удовлетворяли подкупами, и мародеры оставались в покое.

Римский Сенат спокойно взирал на эти захваты чужих владений и на это могущество, постоянно усиливавшееся в течение почти 20 лет. Он допустил, чтобы одно из вассальных государств превратилось в сильную военную державу, имевшую в своем распоряжении сто-тысячную армию, чтобы оно вступило в самый тесный союз с новым великим восточным царем, ставшим во главе внутренних азиатских государств, отчасти благодаря его усобицам, чтобы оно полностью господствовало азиатскими государствами и их усилило под такими предлогами, при которых на насильника под некоторою с настоящим положением дел и отдаленною перспективою покровительницей и наконец, чтобы он утвердил свое владычество даже над некоторыми из европейских стран и

„повинуясь на Таврическом полуост-
„ровѣ въ качествѣ иностраннаго влас-
„тителя, а далѣе вплоть до границъ
„Фракіи и Македоніи въ качествѣ
„державы покровительницы". (Ливій)
Италійская война, конечно не мало спо-
собствовала этой безпечности, умень-
шивъ значительно интенсивность рим-
ской силы. Италія поневолѣ отвлекла
на долгое, чѣмъ Митридатъ рѣшился
на открытыя дѣйствія противъ
Рима въ этой борьбѣ, и разсчитывая
на его поддержку для себя; но вов-
лечь остроумнаго царя въ Италійскую
войну имъ не удалось, они поддер-
живали сношенія деньгами,
а сами окружили свои владѣнія
въ М. Азіи. Еще ранѣе они заклю-
чили уже съ Митридатомъ Пафлагоніи, что
вызвало, по ходатайству Никомеда, первое
военное вмѣшательство Рима.
Съ послѣдними войсками и Суллы,
Митридатъ вовсе не успѣлъ входить
въ столкновеніе. Онъ далъ имъ отъ-
ѣздъ Пафлагоніи и согласился при-
нять ее независимой, не препятствовать
вывозу и вывозѣ ариміанскихъ
войскъ изъ Каппадоніи, куда послѣ

внушению послать их Тигранъ. Митридату нужно было, чтобы римляне ушли изъ М. Азіи, и для этой цѣли онъ согласился на все. Тотчасъ же по удаленіи Суллы Тигранъ свергъ царя Каппадокіи и посадилъ на его мѣсто Понтійскаго претендента Аріарата. Въ это же время въ Виѳиніи противъ новаго царя Никомеда III, избраннаго народомъ, и утвержденнаго римскимъ Сенатомъ, выступилъ претендентъ младшій братъ Сократъ и, съ помощью понтійскихъ войскъ, захватилъ власть. Было ясно, что виновникомъ происшедшаго, какъ въ Каппадокіи, такъ и въ Виѳиніи, былъ Митридатъ. Такъ и поставили дѣло въ Римѣ изгнанные цари, прибывшіе туда съ просьбою о помощи въ то время, какъ италійская война клонилась къ благополучному исходу. Римское правительство отправило посольство съ консуляромъ Маніемъ Аквиліемъ и Маніемъ Мальтинаемъ во главѣ. Аквилій, опытный полководецъ, былъ посланъ однако не какъ военный вождь, а какъ мирный посолъ, съ тѣмъ, чтобы проконсулъ Л. Кассій въ случаѣ нужды поддержалъ его войсками; того же потребовали отъ азіатск. властителей и въ частности отъ Митридата. Понтійскій деспотъ перемѣнилъ политику:

по первому же требованию они вывели свои войска изъ Вифиніи и Каппадокіи, самъ далъе приказалъ убить Сократа и показалъ себя готовымъ къ уступкамъ. Дѣло не дошло бы, безъ сомнѣнія, до войны, если бы Аквилій не старался всѣми силами довести до нея. На посылку своего въ Мал. Азію онъ смотрѣлъ какъ на средство быстраго обогащенія и разсчитывалъ поживиться на счетъ Каппадокіи и Вифиніи, интересы которыхъ якобы должны были защищать. Но тамъ послѣ Митридата взять было нечего. Тогда Аквилій предъявилъ къ самому Митридату требованіе контрибуціи, для котораго настоящаго основанія послѣдній не было, но предлогъ нашелся довольно. Такъ какъ въ это время италійская война затягивалась и скораго успѣха римляне не видали, Митридатъ отказалъ Риму въ его требованіяхъ, разсчитывая на то, что тамъ войны не хотятъ. Тамъ дѣйствительно не хотѣли войны, но ее хотѣлъ Аквилій, и не имѣя возможности вовлечь ее состоронъ Рима, принудилъ къ ней вифинскаго царя, находящагося въ полной зависимости отъ римскаго полководца. Вифинія объявила войну Митридату. Послѣдній все еще старался не поднимать оружія, и когда

войска Никомеда вторглись в понтийские области, а флоту его открыто действия на море — Митридат обратился в Рим с просьбой помочь ему или предоставить ~~ему~~ самому оборониться, обещая со своей стороны помощь Риму в итальянской войне. Аквилий в помощи отказал, но от Вифинии защищаться запретил. Тогда Митридат увидел, что разрыв с Римом неизбежен и двинул войска в Каппадокию под начальством своего сына Ариобарза, а сам стал деятельно готовиться к войне. Он возобновил союз с Тиграном, обещавшим ему военную помощь в Передней Азии, с тем что завоеванная территория достанется Митридату, а захваченная добыча Тиграну. По вторжении в Грецию Митридат постарался вызвать себя объединительницей восточного движения против Рима; это до известной степени удалось ему, особенно в виду местного недовольства многими греческими колониями в Азии. К понтийскому флоту присоединились сервильная армия киликийских пиратов, а со всех сторон стекающиеся вспомогательные Митридату собрали такую

грандіозную армію, какой не видали еще со времени Персидских войн. Основываясь преданием огромныя цифры (400 кораблей, 250 000 пѣхоты, 40 000 конницы, не считая армянских войск) / не хотятся преувеличенными, если вспомнить необычайное развитіе Мидо-Персидской державы.
Римляне со своей стороны готовились къ войнѣ далеко не такъ, какъ бы слѣдовало, ввиду подобнаго противника. Въ Азіи войскъ было очень мало, а подкрѣпленій изъ Рима можно было ждать только очень не скоро, по причинѣ отдаленнаго положенія въ Италіи. Приходилось ограничиться небольшимъ отрядомъ конницы М. Кассія и набранными въ Азіи милиціями. Съ этими слабыми силами и начали дѣйствовать М. Антоній и Кассій въ М. Азіи, а Кн. Оттій въ Киликіи.
Войска начали рядомъ неудачъ въ ~~Азіи~~ Римлянъ и скоро привели къ полному пораженію всѣхъ трехъ армій. Оттій попалъ въ плѣнъ, Кассій бѣжалъ на Родосъ, Антоній въ Лаодикію. Войско, главная часть котораго состояла изъ римлянъ, а изъ набранныхъ въ Азіи разнохарактерныхъ отрядовъ, гдѣ-

фигурировали торговцы, ремесленники
Вся греческая сборь — просить перезновения
полководцев немедленно разбушевалось,
разъярилось так, точно его и не существо-
вало. Митридат завладел легко
Пергамом и римским флотом
на Босфоре. Опьяненный такими быстря
ми и быстрыми успехами и воз-
вёлся обладанием известия о
новой смуте в Риме (88 г), Митри-
дат с торжественной вступил в М.
Азию, где большинство населения вос-
приняло его появление, как освобо-
дителя. Греческие города, особенно Эфес
приветствовали его, как избавите-
ля данников от ненавистного рим-
ского господства. Вышел поручить Мит-
радату не стоило первых попыток
убить его. Восторги, несомненно,
в М. Азии существовала сильная пар-
тия, видевшая спасение в подчинении
Риму. Одна любопытная, дошедшая
до нас надпись утверждает, что из-
вне города встретили своего бла-
го с прочностью римского могущест-
ва и увенчали декретами добрых
граждан, оказавших особые услуги
римлянам. Надпись касается посланов-

лений Митридата против грека Хремона, подарившего римлянам крупную денежную сумму, а потом скупившего передаточные пункты для писем римских солдатиков. Въ числѣ поплывшихъ была, кромѣ италиковъ, тѣсно сплоченная группа богатыхъ греческихъ землевладѣльцевъ, интересы которыхъ совпадали съ римскими; за немногими исключеніями, вся аристократія. На сторонѣ Митридата было во всякомъ случаѣ большинство: трудящіяся классы, всѣ обездоленные, всѣ недовольные, надѣявшіеся теперь на какое-нибудь улучшеніе своего положенія. Митридатъ поспѣшилъ оправдать ихъ надежды, объявивъ на 5 лѣтъ свободу отъ налоговъ и принявъ рядъ другихъ мѣръ, долженствующихъ обезпечить ему любовь населенія. Въ то же время онъ преслѣдовалъ приверженцевъ Рима, назначая награды за ихъ поимку. Между прочимъ онъ спѣшилъ покончить съ побѣжденными римскими полководцами. Родосъ, гдѣ находился Кассій, взять не удалось; но Оппій и Аквилій были выданы Митридату городами, въ которыхъ укрывались Аквилій, если вѣрить преданію, погибъ въ жестокихъ истязаніяхъ. Въ М. Азіи оставалось еще 100 000 подданныхъ римскихъ, о которыхъ уже было упомянуто. Всѣ эти лица были

чрезвычайно неудобны Митридату; однако уничтожение находившихся въ числѣ ихъ римскихъ гражданъ было бы шагомъ, уничтожающимъ всякую возможность примиренія съ Римомъ и рѣшаршія на который было бы рискованно. Между тѣмъ въ этомъ отдаленіи грозю всѣ эти италійскіе пришельцы объединяемые понятіемъ togati — носящіе тогу; отличій гражданъ отъ не-гражданъ не было, и конечно, нельзя было въ данномъ случаѣ заниматься разслѣдованіемъ, кто изъ нихъ гражданинъ римскій, кто нѣтъ. Надо было или пощадить всѣхъ, или покончить со всѣми. Митридатъ избралъ послѣднее, рѣшившись такъ. обр. на открытую и непримиримую борьбу съ Римомъ. Всѣ города и намѣстники получили предписаніе въ назначенный день истребить всѣхъ находившихся въ ихъ предѣлахъ италиковъ и римлянъ, причемъ половина конфискованнаго имущества убитыхъ поступала царю, а другая — исполнителямъ его предписаній. Строгое наказаніе угрожало тѣмъ, кто вздумалъ бы спасать осужденныхъ, изъ числа которыхъ не были исключены ни женщины, ни дѣти, ни рабы. Только въ немногихъ мѣстахъ, напр. на ост. Косъ, приказаніе не было приведено въ исполненіе. Во всей М. Азіи оно дало полный просторъ какъ слѣпой ярости мести за римскія

притеснения, так и обыкновенной алчности и разбойничьим наклонностям. Раб, убивший своего господина, становился свободным; должник, убивший кредитора, освобождался от долга.... понятно, какая страшная резня происходила, когда разгорались страсти. Погибло до 80000 (по другим свед. до 150000), человек, из которых многие не имели ничего общего с римлянами. Ясно само собою, что мера Митридата была политическим промахом. Тем из финансовых результатов, которые она дала, можно было бы добиться и другими путями. Что до истребления сторонников Рима, то в конце концов, после всей резни, остались все же достаточно людей, которые никогда не могли простить случившегося. Нечего и говорить, что на читателя Митридату теперь нечего было и рассчитывать. Главный же результат избиения был тот, что в Рим пришли в неописуемое волнение и Сенат волей-неволей должен был принять теперь на энергическое ведение войны.

Между тем, Митридат, водворившись в Пергаме, который он сделал своею столицею, и назначив наместников в Каппадокию, Фригию и Вифинию, продолжал по отношению к грекам свою политику эллинского объединителя.

Несмотря на сравнительно небольшой стя-

нения, которыми Греция подвергалась со стороны Рима, она не могла примириться со своим зависимым положением. Лучшими силами греческих полисов до них пор были эллинистические монархии на востоке, но теперь они были отрезаны от Греции римским владычеством в М. Азии, и лучшим умам там приходилось оставаться на родине. Но там можно было жить только воспоминаниями культурного прошлого; всякое проявление политической жизни эксплоатировалось Римом, несмотря на кажущуюся свободу, немедленно подавлялось. Особенно тяжело было положение Афин, для которых в Риме вырабатывали конституцию; пока ее вырабатывали, город оказался лишенным государственной жизни, а это затянулось на долгое время, благодаря гражданской войне и событиям в самом Риме. Приняв во внимание это положение Афин, в связи с их мировым цивилизационным значением, помня, что в каждом развитом эллине сидел высоко-культурный человек, что каждый в Афинах, от философа до ремесленника, так или иначе мечтал о возврате великого прошлого, — мы поймем, что призраком этого возврата в лице политического царя были увлечены

аонияне, привѣтствовавшіе Митридата, какъ „новаго Александра."

Нѣкто Аѳеніонъ, получившій образованіе въ Римѣ, а на родинѣ имѣвшій вліяніе на общественныя дѣла, — когда вошла заря Митридата, отправился къ нему въ Эфесъ, былъ принятъ тамъ съ распростертыми объятіями, а по возвращеніи въ Аѳины блестящею рѣчью склонилъ народное собраніе къ разрыву съ Римомъ. Аѳины открыто стали на сторону Митридата, а за ними и вся Греція, вплоть до границъ Оессаліи. Аѳеніонъ или Аристіонъ (не опредѣлено, къ одному или къ двумъ лицамъ относятся оба имени), объявивъ себя въ Аѳинахъ тираномъ, водворивъ въ городѣ произволъ на мѣсто анархіи, и вмѣстѣ съ политійскими подкрѣпленіями отправленныя македонскія войска Брутія Суры, одного изъ римскихъ полководцевъ Македоніи. Митридатъ звѣздамъ освободилъ изъ подъ римской власти Делосъ и Эвбею. Флотъ его даровитаго полководца Архелая взялъ ихъ и другіе острова отъ къ востоку отъ Малійскаго мыса, причемъ на Делосѣ было перерѣзано

Лит. Богданова Зятелевъ п. 1.

20000 чел., большею частью италийцев. Так. обр. вся почти Греция была в распоряжении Митридата, и положение его оказывалось блестящим, когда возобновилась война с Римом.

Каково было положение последнего в это время, нам известно: внутри политические раздоры, борьба партий, истощенное войско, все еще не законченная война с самнитами, полное отсутствие денег и флота. В восточной армии под командою Суллы было 30000 солдат против Митридатовых 200000. При этих условиях началась единственная в истории Рима война.

В задачу нашего исследования не входит подробности Сулловой компании, и здесь будет дан лишь краткий очерк ея. Сулла, желая прежде всего завоевать Грецию, осадил Афины. Осада тянулась весь 87 год, в течение которого римляне занимались грабежом окрестностей. Через год сопротивление Афин было сломлено, Сулла взял город приступом, дозволил там произвести грабеж и резню, но, впрочем, сохранил афинскую „свободу." Вторым успехом Суллы была победа при Херонее, но все же его положение было трудно. Не было ни флота, ни денег; из Рима, где происходили новые политические перевороты, помощи ждать было нечего. Однако дело их самих Восток повернулось

не в пользу Митридата, в котором под маской эллинистического монарха начал все яснее обнаруживаться восточный деспот. Отчасти у эллинов открылись глаза, отчасти действовала римская пропаганда; настроение в Греции и в М. Азии чувствительно изменилось. И вот, греческие города один за другим стали отпадать от Митридата. Первым перешел на сторону Рима Эфес, вероломно притворившись, будто союз его с Понтийским царем явился вынужденным. Попытка Митридата возвратить Эфес кончилась неудачей, и греки провозгласили отпадение. Переход Эфеса на сторону Рима совпадает приблизительно с поворотным пунктом Митридатовой войны. Звезда Понтийского, достигшая зенита, теперь начала меркнуть, и хотя вначале ее покровительному пурпурному только облачко, ей уже не суждено было когда либо засиять снова полным блеском: ее путь шел к закату.

В то время, как союзники и подданные Митридата стали колебаться, и Сулла достиг блестящих успехов в Беотии, на театре войны явилось новое римское войско. Это войско однако не было подкреплением первому. После происшедшей в Риме революции, восторжествовавшая партия лишила Суллу

должности главнокомандующего и послана на его место Валерій Флакка во главѣ новаго войска, имѣвшаго надъ Суллиновымъ то преимущество, что было снабжено денежными средствами, тогда какъ Суллѣ приходилось уже пользоваться казною греческихъ храмовъ. Объ римскія арміи думали не о совмѣстномъ дѣйствіи, а о личныхъ счетахъ; каждая дѣйствовала на свой страхъ. Столкновенія между ними не прошло только потому, что и Суллѣ, и Флакку хотѣлось поскорѣе попасть въ М. Азію. Поэтому обѣ арміи занялись независимо другъ отъ друга подчиненіемъ и грабежомъ Греціи. Въ 85 г. туда вступила новая армія Митридата: при Орхоменѣ Суллѣ одержалъ надъ понтійцами рѣшительную побѣду и расположился на зимовку въ Оессаліи. Между тѣмъ Флаккъ провелъ свою армію черезъ Македонію и Фракію въ Византію, откуда переправился въ Халкедонъ. Тамъ однако его войска взбунтовались, онъ былъ убитъ, а на его мѣсто армія выбрала одного изъ офицеровъ Г. Флавія Фимбріо. Так. обр. въ 85 г. соперникомъ Суллы явился уже не слабый и нерѣшительный В. Флаккъ, а энергичный и безспорно даровитый человѣкъ. Хотя теперь оба главнокомандующіе не могли считаться законно

распоряжающимся властью, они еще менее расположены были к совместным действиям, чем тогда, когда лишь один из них не признавался Римом. Фимбрия и Сулла действовали врозь и конечно это не способствовало скорому торжеству Рима. Был момент, когда война могла бы быть окончена одним ударом: легат Суллы, посланный им за флотом, на обратном пути встретился с войском Фимбрии в одной из соседних гаваней; Митридат с небольшим войском и двором находился в это время в соседней гавани Питане, откуда он, побежденный Фимбрией при Малитополе и выгнанный из Пергама, собирался удалиться морским путем. Фимбрия умолял легата Суллы Лукулла действовать за одно и захватить Митридата, что с флотом было бы нетрудно; но Лукулл не согласился и отправился к Сулле, а Митридат ускользнул.

Положение Суллы, несмотря на военные успехи, было трудное. За недостаточного флота, он не мог переправиться в Азию, между тем средства, несмотря на беспрерывный грабеж, скоро истощались; было основание и неблагоприятным положением в Риме, где продолжалось торжество противников Суллы и осно-

кий преимущества его сторонников. Чтобы вернуть себе власть в Риме, необходимо было явиться туда; но конечно явиться в качестве воина с большой популярностью, а ее могло дать лишь быстрое и удачное окончание войны, которую поэтому и желали Сулла. За такое желание его обыкновенно обвиняют в честолюбивых расчетах; вряд ли это справедливо. Отказаться от власти значило бы убить и себя, и свои политические планы, и я думаю, что в этих планах Сулла покидал Рим, как он их понимал, играя большую роль, что и для блага Рима, а не только для себя лично Сулла хотел поскорее покончить с Митридатовой войной и заняться делами в Италии. Конечно Сулла хотел мира на почетных для Рима условиях; мира хотел и Митридат, у которого исчезали союзники, истощались средства, разбегалось войско. Мог быть только вопрос, с которым из римских полководцев заключить мир; политическое чутье Митридата заставило его выбрать Сулла; через Архелая велись с ним переговоры. Условия мира установлены были при личном свидании воюющих у Дардана между Абидосом и Илионом. Эти условия далее не были записаны / что показывает, как смотрели на них

Сулла и какъ постоянно неисполнительно его за яко бы позорный договоръ). Митридатъ согласился на сокращеніе своей монархіи до прежнихъ размеровъ — т.е. сохранилъ отцовское Понтійское царство и отказался отъ Греціи и М. Азіи, а также отъ всѣхъ завоеванныхъ имъ и еще не отвоеванныхъ у римлянами земель. Сулла добился отъ него выдачи ему продовольствія, отпускныхъ, усиленія своего флота 80 кораблями Архелая и военной контрибуціи въ 3000 талантовъ. Прежде чѣмъ возвратиться въ Римъ по заключеніи мира, Сулла оставалось сдѣлать еще двѣ вещи: извлечь возможныя денежныя средства изъ М. Азіи для содержанія своего войска и такъ или иначе упрочить свои отношенія къ Фимбріи. Послѣднее устроилось почти само собою: Сулла со своей арміей подошелъ къ войскамъ Фимбріи; но никакихъ сношеній между войсками не происходило. Солдаты перешли на сторону болѣе счастливаго, и Фимбріи оставалось только одно: покончить жизнь самоубійствомъ, что онъ и сдѣлалъ въ храмѣ Асклепія въ Пергамѣ. Затѣмъ Сулла произвелъ послѣдній военный грабежъ въ ограбленной уже и безъ того М. Азіи, и отправился въ обратный путь.

Результатами войны для М. Азіи было

полное разорение и бедствие. Митридат, Фимбрия и наконец Сулла высосали изъ нея-весь соки. Контрибуціи и военный постой привели въ совершенно безнадежное состояніе эту когда то цвѣтущую провинцію. Правда Суллою приняты были нѣкоторыя мѣры къ улучшенію финансоваго положенія страны; таково устраненіе ихъ отъ сбора податей римскихъ откупщиковъ изъ всадниковъ и предоставленіе этого сбора самимъ мѣстнымъ правительствамъ, лишь подъ верховнымъ контролированіемъ Рима. Эта разумная мѣра дѣлала хоть сколько-нибудь возможнымъ существованіе страны, избавленной отъ хищничества римскихъ откупщиковъ.

Но не для одной М. Азіи, а для всего эллинистическаго Востока Митридатова война была причиной страшнаго потрясенія, отъ котораго онъ не оправился вплоть до II вѣка послѣ Р.Х.

Суллова реставрація. Романизація Италіи

Сулла возвращался въ Римъ, гдѣ за его отсутствіе произошелъ рядъ болѣе или менѣе кровавыхъ столкновеній между партіями. Консулъ Цинна, бывшій

после кровавого переворота изъ города Велитр
съ другимъ врагомъ Суллы Кв. Серторіемъ,
успѣвшимъ расположить къ себѣ стоявшую въ
Каталаніи армію и съ помощью прибывшаго
туда Веррики Марій пытался вернуть
себѣ власть въ Римѣ. Проконсулъ Страбонъ
помогалъ римскому правительству противъ
Марія и Цинны, но руководился въ этомъ
повидимому собственными честолюбивыми
замыслами. Риму пришлось обратиться
за помощью къ Италикамъ и даровать
имъ за это новыя права. Но помощь
италиковъ не помешала въ концѣ концовъ
Цинне и Марію вступить въ Римъ, дав-
шимся на капитуляцію; несмотря на
обѣщанія Цинны пощадить сенаторовъ, въ
Римѣ водворился еще невиданный терроръ,
главнымъ виновникомъ кот-аго былъ,
конечно, Марій. По смерти Марія Римъ
оказался въ рукахъ Цинны. Съ нимъ и
приходилось считаться возвращавшемуся
Сулле, а также съ Серторіемъ, который
явился противникомъ серьезнымъ въ виду
своихъ надежныхъ кельтскихъ войскъ. Въ
84 г. Цинна палъ жертвой мятежа, но
враговъ у Суллы оставалось довольно.
Мирные переговоры, начатые имъ еще
ранѣе съ Римомъ, не увѣнчались успѣхомъ,

и правительство готовилось к борьбе, также, как Г. Марий младший (сын первого) и представители Марианской партии с Сертонием во главе. Марианцы Рим боялся, но еще более боялись Суллы и олигархической реставрации и заботились теперь только о борьбе с азиатским победителем. Сулле, высадившемуся в Италии, оказало сопротивление 100 000 армии.

Кроме римских войск Сулле пришлось бороться и с италиками, державшими сторону правительства, потому что не могли ждать (особенно самниты) ничего хорошего от Суллы. Невзирая на первоначальное шаткое положение, поход Суллы на Рим был блестящим триумфальным шествием, в кот-м он еще раз проявил свои блестящие таланты. После ряда кровавых битв, римские войска частью стали отступать, частью переходить на сторону знаменитого полководца. Большим успехом для Суллы был переход на его сторону блестящего молодого воина Гн. Помпея; в руках Суллы оказалось несколько новых легионов, а главное умный, даровитый и популярный сотрудник. Труднее всего было Сулле справиться с самнитами; от них, как и ожидало

ограбить, они встретили отчаянное сопротивление; особенно в Прилуке и подступами Рыма. Последнее пришлось взять после занятия столицы войсками Сумы; находившийся там отряд был незначительный, и самостийская армия вместе с последними вождями демократической партии, видевшей свою неминуемую гибель, — рассчитывали овладеть городом. Но Сумы предупредили их. У Коллинских ворот произошла жестокая битва, долго не определявшая, на чьей стороне перевес, пока переходы на сторону Сумы — 3000 — отряда не решили исход дела. Артиллерии самостийцев некуда было отступить и вся она подверглась истреблению.

Вступив в Рыбу, Сумы начал с того, что приказал перебить находившихся в его власти 3—4000 пленных. Затем они занялись своими политическими противниками. Всех неудобных ему лиц поставили вне закона и за голову каждого назначена награда в 2 таланта, причем имущество казненных или вовсе убитых — шло в пользу Сумы. Массовые убийства постигли всех, так или иначе содействовавших успеху демократической партии; конечно

подъ такое широкое опредѣленіе Сулла подводитъ, кого хочетъ; наконецъ раздался робкій протестъ изъ лагеря Суллы: Сенатъ, въ лицѣ Ц. Метелла, проситъ Суллу указать не тѣхъ, кого рѣшился казнить, а тѣхъ, кого намѣренъ оставить въ живыхъ. Сулла тогда ввелъ новую систему наказаній, а именно — проскрипцій, т. е. обнародованіе списка всѣхъ, подлежащихъ смерти. Списокъ этотъ заключалъ подъ конецъ до 5000 именъ; къ этимъ казнимъ слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько тысячъ латинъ и самнитовъ, всѣхъ тѣхъ, кто былъ перерѣзанъ въ Римѣ еще во время безпристрастныхъ казней, все населеніе гор. Пренесты, сдавшееся Сулла вмѣстѣ съ арміей послѣ самоубійства вождей Г. Марія и сына Понція, одного изъ главарей демократовъ. Такими средствами Сулла, объявившій себя диктаторомъ, вводитъ свои реформы т. е. реставрацію до-Гракховскаго порядка вещей. Изъ этихъ средствъ — проскрипцій были наиболѣе необычайны. Еще не будучи диктаторомъ, Сулла присвоилъ себѣ право на жизнь каждаго

гражданина; ничто совершенно несогласное съ основами римской конституціи. Еще менѣе согласно съ него было перенесеніе наказанія — потери гражданскихъ и имущественныхъ правъ — на потомство осужденныхъ. Въ спискѣ проскрипцій, постоянно измѣнявшійся, можно разумѣется все, что угодно было уничтожить изъ маріевской партіи; можно также около 40 сенаторовъ и до 1600 всадниковъ, классъ, съ которымъ Сулла рѣшилъ покончить; нечего и говорить, что проскрипціи послужили въ достаточной мѣрѣ и цѣлямъ личной выгоды приближенныхъ Суллы; хотя въ особенности до проскрипцій погибли многіе, совершенно непричастные дѣлу и даже сторонники диктатора. Имущество осужденныхъ конфисковалось и немедленно распродавалось, за исключеніемъ того, что Сулла оставилъ для себя и своихъ друзей. Несмотря на крайне дешевыя цѣны этихъ продажъ, вырученная сумма составляла не менѣе 350.000.000 сестерцій, что даетъ нѣкоторое понятіе о чудовищныхъ размѣрахъ конфискацій. Извѣстною выгодою, извлеченною диктаторомъ изъ проскрипцій, были также

10,000 рабов из числа принадлежавших проскрипту; выбрав их между самыми молодыми и сильными Сулла даровал им свободу. Эти (10,000 Корнелиев) должны были поддержать опору олигархии, от торжества которой зависело их существование. 1-го Июня проскрипции были завершены.

Сулла каранул врагов не в одном Риме. Гарнизоны были посланы во все итальянские города, провинившиеся против Суллы во время междуусобной войны: производились конфискации земель, уничтожение укреплений и т.п. Некоторые италийцы вместе со землею утратили права римского гражданства. Надо заметить однако что из италиков вообще Сулла не отнимал вообще гражданских прав, дарованных противной партией, ясно понимая, что нельзя давать ей в руки такого сильного орудия, как обиженные италики. Только военнопленных возвратил он к прежнему положению. Из областей Италии каждое тяжко потерпела Самний; там конфискации не производилось, а целые города были просто в возможной степени разорены, так что страна обратилась в пустыню. Только в 79 году кончились опустошения в Италии.

Официальная диктатура Суллы — это необыкновенная диктатура на непродолжительный

сфёк, такъ мало похожаго на все видимое до тѣхъ поръ, — гласила цѣлью „изданіе законовъ и введеніе порядка въ республикѣ." То и другое, конечно, производилось въ духѣ строгой олигархической реставраціи. Конечно, такая дѣятельность ришуетъ Сулле весьма близорукимъ политикомъ. Онъ не замѣтитъ измѣнившихся условій, не замѣтитъ, что возстановленіе отжившей формы было немыслимо и что все созданное въ этомъ направленіи немедленно должно было рушиться. Но если Сулла былъ близорукъ въ созданіи себѣ государственнаго идеала, онъ отличался послѣдовательностью въ его осуществленіи. Видя печальные результаты того, что осталось отъ Гракховыхъ реформъ, онъ не сообразилъ правда, что простое устраненіе этихъ остатковъ не поправитъ дѣла, но понялъ очень хорошо, чѣмъ и какъ можно ихъ устранить. Сулла началъ съ уничтоженія хлѣбныхъ раздачъ, самой опасной изъ обязанностей римскаго правительства. Затѣмъ онъ направилъ свои усилія на подрывъ значенія всадническаго сословія. Частью это было уже осуществлено въ М. Азіи, гдѣ сборъ податей былъ отнятъ у римскихъ publicani. Но гораздо дѣйствительнѣе

была отнята всадническихъ судовъ, вновь возвращенныхъ Сенату; это мера лишила классъ всадниковъ ихъ главной силы. Сулла устранилъ и народный судъ путемъ организаціи постоянныхъ правительственныхъ судилищъ. Со времени ихъ учрежденія уголовныя дѣла разбираются судомъ присутствіемъ подъ предсѣдательствомъ претора, преобразованіе это. текущее судомъ присутствіемъ, но не подъ предсѣдательствомъ претора. Сулла систематизировалъ и упорядочилъ вотъ такъ судопроизводство и его судебныя учрежденія дѣятельныя въ своей совокупности, могутъ считаться и первымъ римскимъ сводомъ законовъ полнымъ имѣвшимся тогда двѣнадцати таблицъ" (Моммзенъ).
Участіе народа было упразднено и изъ выборовъ въ греческія коллегіи; Сулла возвратилъ имъ право пополнять свой составъ кооптаціей.
Центромъ всей реставраціонной дѣятельности Суллы были удары, нанесенные трибунату, главному источнику демократическаго начала въ государствѣ. Силу трибуната создало не ограниченное право интерцессіи,

а такое право непосредственного сношения съ народомъ въ трибунскихъ собраніяхъ, причемъ плебисцитообразныя подачи народнаго голосованія утверждались сенатомъ. Но обѣ эти права обратились въ мнимыя. Сулла — Прежде всего онъ ослабилъ законодательную дѣятельность трибуновъ, урѣзавъ имъ право сноситься съ народомъ. Какъ много извращенія отъ этихъ словъ Суллы, и въ точности трудно сказать, какъ далеко шла та или другая. Источники говорятъ, будто они совершенно отняли у трибуновъ возможность сноситься съ народными трибунскими собраніями. Конечно, въ такомъ видѣ дѣло представляется совершеннымъ абсурдомъ. Никогда Сулла не рѣшился бы на такую крайность, и, дѣйствительно, сей законъ, что онъ не былъ такъ обширенъ. Надо думать, что введено было предварительное обсужденіе сенатомъ трибунскихъ предложеній; практически это и было равносильно устраненію трибуната отъ сношеній съ народомъ, прочемъ можно было теперь, что либо предлагать лишь съ разрѣшенія Сената. Мы также не знаемъ, какъ именно было сохранено право

Листъ 9й Директоръ

трибунской интерцессии; это такое сокращение было произведено, не подлежит сомнению. Гораздо лучше нам известна третья мера Суллы против трибуната, а именно: выведение его из общего ряда магистратур. По новому постановлению лица, бывшие трибунами, не могли продолжать обычным образом магистратскую карьеру. Из всех указанных постановлений, эта мера была может быть вернее всего достигла цели, т. е. убивала значение трибуната. Многие честолюбивые люди теперь стали устраняться от поста, не дававшего дальнейшей карьеры.

Вся власть, кот-рую Сулла отнимал у народа и трибуната, должна была послужить усилению Сената. Ввиду юридической неопределенности института Сената, сделать это было не особенно трудно: урезка остальных органов государственной власти открывала дорогу к узурпации этой власти со стороны Сената. Сулла поставил в полную зависимость от Сената магистратуру, которую теперь надо было прежде того обезвредить — приспособить к новым условиям жизни государства. Это было достигнуто прежде всего отнятием военного управления у всех магистратов и отдачею его проконсулам и пропре-

торамъ, причемъ распредѣленіе провинцій пре-
надлежало Сенату. Число квесторовъ было уве-
личено до 20 и претуровъ до 8, что также
способствовало ослабленію магистратуры.
При этомъ преторомъ могъ быть гражда-
нинъ не моложе 40 лѣтъ, а консуломъ — 43,
между двумя консулатами требовался 10-ти
лѣтній промежутокъ. Было уже указано на
возвращеніе судовъ Сенату, ведущее къ его
усиленію; тутъ же нужно преслѣдовать и
стремленіе Суллою пополненія въ составѣ
Сената. Послѣ произведенной проскрипціи
ми убыли въ рядахъ сената, онъ былъ экстра-
ординарно пополненъ 300 якобы выборными
лицами, въ числѣ которыхъ попали преиму-
щественно младшіе соратники Суллы. На
будущее время сенаторы должны были
избираться исключительно изъ бывшихъ
магистратовъ, причемъ уже квестура
давала право на сенаторство.

Дѣятельность Суллы сводилась та-
обр. къ ряду негативныхъ мѣръ (немногія
позитивныя, въ родѣ судовъ и культа, незначительныя)
направленныхъ къ тому всего, что могло
питать анти-реакціонный духъ въ госу-
дарствѣ. Съ общей точки зрѣнія вполнѣ
предпринятое Суллою урегулированіе
италійскихъ отношеній.

Въ Италіи успѣшно водворялся повсюду римскій муниципальный строй, римскій языкъ и культура. Послѣ тяжкихъ гражданскихъ войнъ италійскихъ племенъ число жителей пополнилось теперь Суллановскими ветеранами, поселившимися въ Италіи затѣмъ, что сильно было содѣйствовать солдатскому невмѣшательству страны, гдѣ умиротвореннымъ благотворнымъ быть можетъ семена разнообразія. Въ связи съ установленіемъ по Италіи римскаго муниципальнаго строя, на нее распространено было и внутри-городское положеніе, по которому въ ней, какъ и въ стѣнахъ Рима, не могло находиться постоянныхъ войскъ. Эту мѣру вызвало столько же стремленіе обезпечить Италію, сколько и желаніе сдѣлать ее безопасною. Яркій примѣръ романизаціи италійскаго города мы имѣемъ въ Помпеяхъ, въ памятникахъ которыхъ увѣковѣчился весь процессъ быстраго вытѣсненія осскихъ языка и культуры. Въ это время римское государство во внутренней своей жизни вполнѣ вступило въ италійскую фазу развитія.

Въ теченіе 3½ года Сулла торжествовалъ свои побѣды и проводилъ реформы; на слѣдующій годъ онъ сложилъ съ себя диктатуру, а въ 79 году и консульство, и формально отказавшись отъ власти, удалился въ свое помѣстье въ Кумахъ, наслаждаясь отды-

Сулла от государственных дел и занимал писательством мемуаров. Уверенный, что Сулла глубоко вторгся в основы созданного им режима, а также зная, что он может вернуться к власти, когда это ему вздумается, опираясь на своих ветеранов в Италии и отпущенников в Риме. Ничего удивительного поэтому, что он не пожелал отдать остаток своей жизни наслаждению и покою, предоставив функционировать в Риме заведенному, по его мнению, государственному механизму.

Сулла умер в 78 году и с торжественностью был похоронен в Риме.

Междоусобия. Лепид. Сертурий. Восстание Спартака. Консульство Помпея и Красса. Власть Помпея в борьбе с пиратами. Восточная война: экспедиция Лукулла. Восточная политика Помпея.

За смертью Суллы немедленно начались беспорядки в Риме и протест против установленного режима. Во главе недовольных стал избранный под влиянием Помпея консул Лепид, никогда не скрывавший

своего враждебного отношения къ политикѣ Суллы и теперь немедленно предложившаго кассацію всѣхъ Сулловыхъ мѣръ; главнымъ образомъ полную амнистію и возвращеніе конфискованныхъ имуществъ, а также возобновленіе фрументацій. Этотъ послѣдній пунктъ Сулловой конституціи былъ ошибкой въ виду еще огромной популярности Суллы: Лепидъ сталкнулся съ сопротивленіемъ сената и другого консула Катулла. Между тѣмъ положеніе Италіи было не спокойно. Въ Этруріи уже вспыхнула междуусобіе жертвою котораго пали нѣкоторые изъ поселенныхъ тамъ ветерановъ Суллы. Въ этомъ случаѣ римское правительство распорядилось крайне неудачно: сенатъ послалъ въ Италію для усмиренія мятежа обоихъ консуловъ, наивно взявъ съ нихъ обѣщаніе не поднимать оружіе другъ противъ друга. Нечего и говорить, что обѣщаніе не подѣйствовало и междуусобная война разгорѣлась. Собравъ въ Этруріи войска, Лепидъ, какъ объединитель остатковъ анти-сулловой партіи, пошелъ на Римъ. Подъ стѣнами Рима произошла битва между войсками обоихъ консуловъ; Лепидъ потерпѣлъ пораженіе. Помпей между тѣмъ, посланный въ сѣверную Италію, быстро усмирялъ возставшіе города. Смерть бѣжавшаго Лепида ускоры-

на окончание восстания, и римскому правительству предстояла только покончить с Испанией, где ему противопоставлена была сила несколько иного характера, чем мелкие полки Лепида.

Один из талантливейших приверженцев Суллы во время испанской кампании был молодой Серторий, не потерявший еще надежды вернуть уничтоженной Суллою народовластие. Во исполнение своих людей бросился он в Испанию, надеясь найти там убежище на время торжества Суллиной партии, и в будущем — силы для осуществления своих планов. После неудачных попыток трудовой и экспансивной эрозии ему удалось утвердиться в Лузитании, где еще была достаточно свежа вражда к Риму и где поэтому Серторий мог найти сторонников. Конечно, они хотели торжества демократической партии, а Лузитанцы хотели независимости, что было не совсем одно и то же, но в ближайшем будущем, как и в настоящем, их интересы совпадали, и они стали действовать вместе. Личною энергией удалось Серторию создать из местных военных сил мощное ядро, о которое разбивались усилия лучших сенатских полководцев.

Войско Сертория, огромное по численности имело свою особую организацию и тактику, а главным достоинством этого войска была беззаветная преданность вождю, совмещавшаяся (не так как у Суллы) с военной дисциплиной. Для увеличения своих сил Серторий заключил союз с пиратскими флотами, предоставившими ему т.о. море, и даже с Митридатом, с кем в 82 г. Рим снова заключил мир. Серторий удачно воевал против сенатских войск и повсюду ему было никакой надежды держаться над ними верх. После поражения Лепида, в Цизальпине, со остатками его войска, отправился бывший претор М. Перперна. Это было неудивительно для Сертория в том смысле, что новоприбывший внес раздор в армию; но по прочим не популярность Сертория служила для него надежной защитой от всяких военных смут.

Для Рима наши дела, когда начальство над сенатскими войсками было отдано (не без опасения) гн. Помпею, худой исход был

покрыть себя славою въ какой нибудь блестящей кампаніи. Однако флотъ Сенатской арміи все еще не былъ достаточно силенъ. Нѣкоторыя успѣхи удалось, правда достигнуть; но самъ Серторій еще не потерпѣлъ ни одного пораженія, а напротивъ удачно [illegible] послѣ чего положеніе представлялось настолько серьезнымъ, что правительство, отказавшись въ удачѣ открытой борьбы, прибѣгло къ предательству и убійству. Заговоръ, въ которомъ принялъ деятельное участіе М. Перпенна, привелъ къ желаемому результату: Серторій погибъ, а затѣмъ, въ теченіи года, реставрація его дѣла, Кромѣ того и дерусалось.

Помимо военныхъ успѣховъ, та просвѣтительная дѣятельность, кою отличалось пребываніе Серторія въ Испаніи, гдѣ онъ вѣнчъ различныя культурныя улучшенія, характеризуетъ великаго полководца, какъ человѣка высоко-талантливаго, который на дѣлу связалъ свою участь съ судьбою обреченной на гибель политической партіи.

Знакомъ съ Серторіемъ, характеромъ,

пользуясь, что мог сделать даровитый человек, опираясь в борьбе с правительством на военную силу провинции. Отсюда очевидна, прежде всего большая слабость правительства, большая шаткость тогдашнего строя римского государства, для кого являлось истинным счастием, что в это время оно не столкнулось извне с настоящей организованной силой. В городе шла ожесточенная борьба демократической партии против решения Сулльи. Г. Аврелий Котта добился уничтожения запрещения для трибунов дальнейшей магистратской карьеры. За этим сделал ряд нападок на сенатский суд действительно бывший в этих с правами и виноватыми. Уничтожения сенатского суда, однако не достигли и пришлось пока ограничиваться повторными указаниями на его негодность. Зато удалось возобновить фрументации, что не мало способствовало народному брожению в Риме. С другой стороны, сам Рим для многих далеко не благополучно. Довольно серьезной задачей государства была

борьба с пиратством, достигшим постепенно очень внушительной силы, с которой трудно было бороться при хроническом состоянии полного отсутствия флота у Рима. Пираты были главными поставщиками рабов для Италии, и потому прочувствовать сперва довольствовали очень слабо и небрежно, а потом оказалось, что с ними уже трудно справиться. В описываемое время они оказывали поддержку Митридату, который теперь начал против римлян третью войну и уже успел нанести неприятелю несколько незначительных поражений. Ведение войны с Митридатом поручено было Лукуллу, который и отправился в Азию в 73 г. Но страшнее внешних войн была опасность, угрожавшая государству изнутри, а именно — возстание рабов. Рабские возстания происходили и ранее, но до последнего времени они не имели благоприятной почвы в Италии, где рабские хозяйства привились лишь медленно, встречая сильное противодействие в мелкой земельной собственности, соединявшейся с развитием свободного труда. После союзнической войны дело сразу существенно изменилось

лось. Италія, разбитая раньше на рядъ экономически замкнутыхъ мунициній, теперь стала представлять собою экономическое цѣлое, представлявшее полную свободу развитію латифундій. Прежніе граждане мунициній обратились теперь въ римскихъ гражданъ, богатыхъ участіемъ въ міровомъ хозяйствѣ, и у которыхъ поэтому естественно было развитіе крупной земельной собственности. Множество мелкихъ собственниковъ погибло на войнѣ (во время войны соціальной и Суллиевыхъ кампаній), а уцѣлѣвшіе не могли по причинѣ той же войны обрабатывать своихъ полей. Кромѣ того конфискація земель, при постоянной смѣнѣ партій въ Римѣ — бывали чудовищный ростъ земельныхъ владѣній государства. Естественно, что и распредѣленіе этихъ земель въ новыя руки происходило въ крупныхъ размѣрахъ. Словомъ, всѣ обстоятельства благопріятствовали развитію крупнаго земельнаго хозяйства, а при тогдашнихъ условіяхъ это хозяйство могло стать только рабскимъ. Вновь надѣленные землею ветераны явились и нравственно, и экономически развращающимъ долгою смутною, отнявшею у нихъ способность къ сельскому хозяйству; крупныхъ свободныхъ рукъ въ Италіи

было мало, а рабскія руки доставлялись въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточномъ тою же войною. Огромныя партіи рабовъ шли въ Римское государство изъ Испаніи, изъ М. Азіи; въ данномъ случаѣ въ особенности важна послѣдняя, дававшая большое количество рабовъ, способныхъ къ земледѣлію. Вслѣдствіе этихъ причинъ рабское латифундіальное хозяйство сложилось за короткій сравнительно срокъ огромныя цѣнности въ Италіи, гдѣ тж. обр. имѣлся и матеріалъ для рабскихъ возстаній.

Въ 70 хъ годахъ Италія, раньше не принимавшая участія въ рабскомъ движеніи, теперь повторила его исходныя пункты. Во 1хъ, рабы въ Италіи, еще недавно надѣвшіе ярмо и еще не пріобрѣтшіе безнадежной покорности судьбѣ, создавшей нѣсколько десятковъ рядовъ поколѣній, должны были пройти черезъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ къ освобожденію, прежде чѣмъ дойти до нея; чувствуя свое положеніе особенно зло, они должны были начать эти попытки особенно скоро и рѣшительно. Во 2хъ, средн рабовъ, доставленныхъ Суллановыми кампаніями, было не мало людей интеллигентныхъ (напр. офицеровъ Митридата),

они представляли собою и наиболее недовольных людей, и готовых организаторов восстания. Третьим благоприятным для восстания обстоятельством было отчаяние нравов римского народа, воспитавшее любовь к гладиаторским играм, где рабы шли на удовлетворение кровожадных инстинктов толпы. В то время гладиаторами становились большею частью приговоренные к смерти рабы, обучавшиеся гладиаторскому ремеслу по всей Италии в так наз. „ludi", особых школах при тюрьмах. Понятно, какой удобный материал для восстания представляли собою эти рабы, наиболее сильные и здоровые, подготовленные к военной деятельности, да еще в добавок сосредоточенные крупными массами по всей стране. Освободившийся гладиатор, прекрасно вооруженный и обученный, представлял серьезную опасность для государства, не имевшего полиции, а в то время, о котором идет речь, не имевшего и свободных войск. В 73 году началось грандиозное рабское восстание, общее число участников которого впоследствии вероятно приближалось к 300.000. Возникло оно в Кампании, где сосредоточены были лучшие школы римской знати, а потому и ludi. Восстание и началось в одной из этих гладиаторских

нигать, откуда во главе небольшой банды сотоварищей бежавший гладиатор грек Спартак, к которому непрерывно все стали отовсюду стекаться рабы. Успехи восставших в Кампании были поразительны. Спартак бежал с несколькими десятками людей, а в начале 72 года у него было уже 70.000 человек, успешно сопротивлявшихся правительственным войскам. С своей армией Спартак собирался пройти через Италию на север и за Альпами основать свое государство. В виду огромного числа восставших, в виду условий этого, где нигде место больших передвижений народов; в виду того, что земли для поселений за Альпами действительно нашлось бы, — в виду всего этого план Спартака являлся не безумным, каким он может показаться в наше время, а близким к реальности. Неизвестно, как осуществить бы его при благоприятных условиях этот бесспорно выдающийся человек; как организовать бы он государство из людей, частью уже деморализованных рабским состоянием, хотя и непродолжительным; — ему не пришлось приступить к этому. Что касается до войска, то он умел организовать его и организовать превосходно. Пробившись через римские консульские войска,

армія Спартака прошла черезъ Умбрію в Сред. Италію, по пути разграбляя страну и мстя, гдѣ было можно, прежнимъ владѣльцамъ. Въ небольшихъ сравнительно потеряхъ достигъ Спартакъ Галліи; тк. обр. въ стратегическомъ отношеніи его планъ, повидимому, удавался. Но войско его, возросшее до 120.000, отъ нѣкоторыхъ успѣховъ и деморализированное легкими побѣдами грабежа и насилія, захотѣло вернуться на югъ и принудило своего вождя къ походу въ Италію. Вначалѣ этотъ планъ былъ еще благопріятенъ: консульскія войска въ Пицентумѣ потерпѣли новое пораженіе. Но въ Ю. командованіе надъ арміей правительства получилъ М. Лициній Крассъ, котому Галліи 8 легіоновъ для усмиренія волненій. Войско Спартака стало терпѣть одну неудачу за другой. Отпущенные противъ него, Крассу удалось запереть ихъ въ Калабріи, гдѣ они и были уничтожены кромѣ нѣсколькихъ тысячъ, съ которыми Спартаку удалось снова пробиться на сѣверъ. Но Крассъ, нагнавъ его въ Луканіи, нанесъ его войску послѣднее пораженіе, при кот-омъ погибъ и самъ Спартакъ смертью героя. Небольшой отрядъ, уцѣлѣвшій отъ этой битвы, устремился дальше къ сѣверу; онъ попалъ въ руки возвращавшагося изъ Испаніи Помпея и былъ—

уничтожить, что дало Помпею еще один повод требовать себе триумфа (хотя несправедливо думать, что он только на этом основании и требовал его).

По окончании рабской войны римское государство было в ужасном состоянии. Не только война расстроила (хозяйство) всех без исключения провинций, но и в самой Италии не было ни одного места, где она явилась истощенной и обезлюдевшей. Нечего и говорить о том, что армия рабов ни в каких отношениях не щадила страны своих бывших (рабов) господ; но и передвижение консульских войск достаточно разорило ее. Между тем оба победителя, Красс и Помпей, явившись под стенами Рима, одинаково желали стать во главе государства; оба претендовали на консулат. Красс имел на него права Помпей, несший до сих пор лишь экстраординарные полномочия, — не имел никакого. Он был в необходимости идти против Суллиевой конституции, ставившей предел его беспокойному честолюбию. Несомненно Помпей стре-

ЛИТ БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

мился если не къ монархіи т. е. единовласт
узаконенному, то къ единовластію фактиче
скому. Вѣроятно, онъ удовлетворился бы пер
вымъ родомъ: пойти открыто противъ
существовавшаго режима у него не хватало
смѣлости. Онъ стремился лишь къ возстанов
ленію ниспровергнутой Гракховой конституціи, да
вавшей въ предѣлахъ законности, достаточный
просторъ личному честолюбію. Идти за одно
съ сенатомъ, кот-аго онъ за 4 дерзался
грубо изъ расчета, Помпей уже не хо-
тѣлъ; да и Сенатъ ему бы уже не повѣрилъ.
Въ виду этого войско было для Помпея единствен
ной вѣрной гарантіей успѣха; оттого онъ и
искалъ такъ тріумфа, дававшаго возможность
не распускать армію. Среди римскихъ гражданъ
Помпей постарался обезпечить себѣ избраніе
обѣщаніемъ добиться, въ качествѣ консула,
отмѣны сенатскаго суда и возстановленія
трибунской власти въ ея прежнемъ объемѣ.
Помпей былъ избранъ, но такъ же и Крассъ, ибо
каждый понималъ, что неизбраніе одного
изъ двухъ повлечетъ за собою междоусобіе.

Помпей началъ свою дѣятельность съ
разрушенія Суллановой конституціи. Первымъ
шагомъ въ этомъ смыслѣ былъ цензъ, кото-
рымъ устранились изъ Сената всѣ ставлен-
ники Суллы. Извѣстное поведеніе Помпея

въ тотъ годъ на всадническомъ смотру ярко характеризуетъ поверхностное тщеславіе этого человѣка, которому оно помѣшало, быть можетъ, стать великимъ государственнымъ дѣятелемъ, — къ чему онъ имѣлъ больше задатковъ, чѣмъ это нерѣдко думаютъ. Во всякомъ случаѣ власть была въ рукахъ Помпея, и онъ сдержалъ свои обѣщанія. Судебная монополія сенаторовъ была уничтожена, а трибунская власть возстановлена въ полномъ объемѣ. Въ судахъ теперь сливалось всадническое сословіе съ сенаторскимъ; такъ или иначе имъ необходимо было чувствительное единеніе любопытныхъ представителемъ — такого единенія или вѣрнаго стремленія къ нему, — слѣдуетъ считать М. Туллія Цицерона, политика и знаменитаго оратора, въ то время вступавшаго только на политическое поприще. Въ извѣстномъ смыслѣ интересы сенаторовъ и всадниковъ совпадали: то были интересы грабежа провинцій. Разумѣется, отъ совмѣстной дѣятельности въ этомъ направленіи государство далеко не выигрывало. Не удалось и судебное безпристрастіе, на кот-е разсчитывали; но надо думать, что хотя на первое время, возстановленный судъ былъ лучше сенатскаго.

Въ концѣ года произошла ссора между двумя консулами, Крассъ и Помпей, бывъ друзъ друга, оба не хотѣли распускать свое войско. На этотъ

раз, однако, дело обошлось мирно, и оба войска были в конце концов распущены одновременно. Помпею опять грозила опасность оставить за экстраординарное положение, которое для него успело стать нормальным. Но в это время как раз выступила на сцену опасность, о которой уже было упомянуто выше: опасность с стороны пиратов. Последние достигли в это время расцвета своей силы: флоты их доходили до 1000 кораблей. Ввиду слабости моря, принимавшегося раньше противниками, дерзость пиратов выросла до необычайных размеров. Они тревожили берега Италии, грабя не только отдельных лиц, но и храмы, и целые города. Обыкновенно их нападений бывали нередко приморские виллы римских богачей, причем в руки грабителей попадали иногда сенаторы и магистраты, за которых потом пираты требовали выкуп. Наконец, они дошли до того, что разбили небольшую римскую эскадру в самой Остии.

Помпею, которому во что бы то ни стало нужно было экстраординарное командование, представился случай получить его. Но для борьбы с пиратами они желали таких полномочий, каких не имел до него никто. Через-

трибуна Габиния внесено было предложение поручить ведение дела одному полководцу, которому предоставлялось: командование надъ всеми римскими побережьями Италии и провинций (на 10 миль внутрь страны), флотъ въ 500 кораблей, 24 легата и 120.000 войска. Съ точки зрения целесообразности требование такими полномочий было вполне логично: побить верный способъ уничтожить пиратство. Но со стороны конституционной это было нечто неслыханное. Каково же было впечатление въ Риме, когда Помпей, получивъ требуемыя полномочия, объявилъ, что ему ихъ недостаточно! Помпей хотелъ удвоения числа кораблей, войска и легатовъ; но после перваго испуга противники его решили сопротивляться. Однако, после энергичной борьбы имъ все таки пришлось уступить. Помпей очутился во главе колоссальной силы, которою онъ, конечно, блестящимъ образомъ расправился съ пиратами, и въ Киликии, и въ Италии, и въ Средиземномъ море, разбитыми имъ на кварталы, отдельно очищаемые его флотами. Но победа Помпея надъ правительствомъ Рима не была вполне этой победы надъ пиратами. Совершилось дело, составившее весьма важный прецедентъ въ дальнейшемъ ходе исторической жизни Рима, для такихъ

явлений, которым коренным образом должны были преобразовать римскую конституцию.

Прежде чем перейти к характеристике дальнейших действий Помпея необходимо бросить взгляд на внешния отношения Рима и в частности на Митридатову войну. Возобновленная давно она продолжалась уже несколько времени и римские войска под начальством Лукулла достигли значительных успехов. Несколько раз разбив Митридата, Лукуллу принудили его очистить Понтийское царство и искать убежища у своего союзника Тиграна, который по его наущению, тоже возобновил войну с римлянами. После безуспешных попыток добиться выдачи Митридата, Лукулл вступил с войском в Армению, нашося войскам Тиграна, хотя и собранным и плохо обученным, рядом поражений. У самых стен Тигранокерты и Артаксаты, произошло две крупных битвы, в которых Тигран и Митридат потерпели одинаковую неудачу. Все клонилось к благоприятному для Лукулла исходу дела, если бы этому не препятствовало отношение римских войск к своему полководцу. Солдаты не любили Лукулла, строгого и требовательного во время войны, но щедрого на грабеж и привилегии во время мира. Лукулл

не понялъ духа времени и не съумѣлъ привязать своего войска къ себѣ лично. Между тѣмъ то были легіоны, уже разъ цѣликомъ Римъ брали, и избалованные потомъ сидѣнья у Суллы, который и оставилъ ихъ въ Азіи; духу требовательному и развращенному войску скоро надоѣли трудности кампаніи. Во время самой войны недовольство не сказывалось, ввиду строгости римской дисциплины. Но прекращеніе военныхъ дѣйствій послѣ побѣдъ надъ Митридатомъ дало знать о себѣ, недостаткамъ Лукулла; войска его открыто возмутились. Положеніе Лукулла было затруднительно: онъ не получалъ поддержки изъ Рима, гдѣ противъ него дѣятельно интриговали враждебные ему интересы, въ лицѣ публикановъ, затронутые оказываемое Лукулломъ покровительство провинціаламъ. Противникамъ Лукулла удалось добиться его отставки и сторонники Помпея, число которыхъ было значительно, съумѣли повернуть дѣло въ его пользу. Трибунъ Г. Манилій внесъ предложеніе объ отозваніи въ Римъ Лукулла, а также намѣстниковъ Киликіи и Виѳиніи, и о передачѣ ведѣнія войны Помпею, получившему чрезвычайныя полномочія. Усиленіе власти Помпея могло, казалось бы, встрѣтить сопротивленіе

со стороны демократической партіи; но, пользуясь теперь геніальнаго и осторожнаго вождя въ лицѣ Г. Юлія Цезаря, она храмила выжидательное положеніе и повидимому не считала Помпея своимъ врагомъ. Надъ осталь-ными противниками Помпея сторонники его одержали верхъ: Манліево предложеніе было принято, и Помпею предстало завершить восточную войну.

Этой экспедиціи (60 г.) на Востокъ нельзя отказать въ эффектности. Побѣдить окончательно уже разбитыхъ Лукулломъ Митридата и Тиграна — было нетрудно. Но огромная ракшинутость непріятельской территоріи давала возможность Помпею баснословно расширить сферу римскаго вліянія. Понтъ, Вифинія, Сирія и Іудея становятся теперь римскими провинціями. Крымское и Кавказское побережье Чернаго моря подпадаетъ подъ римскій протекторатъ. Помпей положилъ основаніе несоразмѣрному, не соотвѣтствующему административнымъ силамъ государства, расширенію римскаго могущества. Трудно сказать, насколько вообще была разумна эта экспансивная политика, увеличивавшая прежде всего затрудненія управленія провинціями. Въ стратегическомъ отношеніи Тавръ былъ лучшею границею, чѣмъ Евфратъ, отдѣлявшій

покровительствовавшаго сферу
на сѣверѣ Египта и Сиріи
Юліемъ

теперь римлянъ отъ ихъ единственныхъ соперниковъ на Востокѣ — Парѳянъ. Но съ культурной точки зрѣнія такое передвиженіе границы было рано или поздно необходимо, какъ послѣдовательное проведеніе греко-эллинской культуры среди восточнаго варварства. Однако въ данный моментъ — при незначительныхъ силахъ государства, это явилось во всякомъ случаѣ неосторожнымъ, особенно съ точки зрѣнія внутренней политики. Каждая новая провинція была новымъ выигрышемъ публикановъ и слѣдовательно всего класса всадниковъ.

Для Помпея лично новое предпріятіе было вполнѣ удачно. Эта дальняя кампанія въ восточныхъ странахъ, множество покоренныхъ, только что побѣжденныхъ Риму народовъ — окружила особымъ ореоломъ фантастическаго величія личность полководца, котораго побѣжденные восточные народы называли „царемъ царей".

Но Помпей не сумѣлъ или не посмѣлъ извлечь особыхъ выгодъ изъ этой блестящей славы?

Отношеніе партій въ Римѣ къ соціальному вопросу. Значеніе отдѣльныхъ лицъ. Г. Юлій Цезарь. Попытка реформы Сервилія Руллa.

Соціальныя условія Рима въ разсматриваемый періодъ представляли немало весьма печальныхъ сторонъ. Въ результатѣ проскрипцій Суллы, множество людей (потомковъ осужденныхъ) всѣхъ сословій выброшены были изъ политической карьеры. Создался пролетаріатъ интеллигентный, не привыкшій ни къ какому систематическому труду и представлявшій богатый матеріалъ для соціальнаго брожанія. Выброшенными въ пролетаріатъ оказывались и очень здоровые, дѣятельные элементы: потомки собственниковъ и арендаторовъ, обезземеленныхъ конфискаціями. Съ другой стороны Суллановы ветераны не всѣ осуществили возлагавшіяся на нихъ надежды романизаціи; нѣкоторые, правда, стали новою сельскою и муниципальною аристократіею; но другіе быстро растратили свои деньги и разорившись тоже вошли въ пролетаріатъ, — то былъ еще худшій элементъ, чѣмъ два предыдущіе. Въ муниципіяхъ шла постоянная, глухая борьба между

непрекращающимися усилиями и сумасшедшими напряжениями; с обеих сторон разрастался и углублялась вражда. Все перечисленные условия создавали недовольство сервское, охватывающее всю Испанию. Удовлетворение недовольных могло идти, или в направлении аграрного законодательства в интересах лучшей части сельского населения, или в направлении, направляющемся само собою к удушению элементов пролетариата; в направлении общей революционной перестановки государственных условий, края была бы возможность отбросить общество обратно назад. Социальный вопрос слишком настойчиво, что бы в Финляндии могли его игнорировать, но, конечно, различные классы и отдельные группы имеют отношение к нему различным образом; при таком большом напряжении политических страстей в группах, и у отдельных людей, внимание к общему, руководясь собственными интересами, отношение к вопросу равнодушно, но и среди них были лица, создавшие себе определенные социальные идеалы, и

стремившееся бороться с неудобствами
ными или порядочными вещей; представ
ителем такого типа оптимизовых
служебных лукулл. Оптимизъ стара
го закала, добросовестный в делах и
общественных, хотя не всегда бескоры
ыстный в делах частных, он видит
лучшее решение социальных проблем
в сохранении старых форм, и именно
форм, за время они стали удушать
из виду содержание. Консервативен
несколько иного рода был Катон Млад
ший. Отсюда ясно видно, что государ
ство переживает кризис, склоняющий
ся к аристократической республиканского
строя; и все удары его были сосредо
точены по направлению против Помпея и Це
заря, носителей новых тенденций.
Катон в сущности был только
бескорыстен на иной лад, чем Лукулл;
он видит ход исторического процес
са, но не видит внутренней его необхо
димости. Феодальное сословие, в своих
социальных взглядах разложившееся.
часть его стремилась к близости с
сенаторским сословием, усвоив из
высшей среды своих специально-сво
бодных интересов. Всего труднее —

Такъ же Цицерона какъ на поступки такой тенденціи, всю усилія лавировавшаго между сенаторами и всадниками. Эта же тенденція воплотилась въ извѣстномъ законѣ о судахъ. Другая часть всаднического сословія, — большинство — революціонная въ соціальныхъ вопросахъ, не искала единенія съ сенаторами, но не была и анти-сенаторской, такъ какъ отъ сенаторской политики ея интересы въ провинціи не очень страдали. Помпей, такъ сильно способствовавшій расширенію этихъ интересовъ, былъ, конечно, богомъ всаднического большинства. Какъ Помпей, такъ и Красъ, который представлялъ собою образцовый типъ, постоянно меняющихъ убѣжденія, растерянно и безтолково переходящихъ изъ лагеря въ лагерь въ послѣднее время сблизились съ такъ называемой Цезарианской партіей. Съ кѣмъ-то время эта группа время отъ времени васъ увлекала свое знамя. Безъ опредѣленной программы, съ рядомъ плохо согласованныхъ между собою революціонныхъ требованій, представлявшихъ усѣченную пародію на отдѣльные члены Гракховой конституціи, эта партія не имѣла

До сих пор и сколько-нибудь выдающегося руководителя. Теперь, однако, значение демократов начинало измеряться, и именно вследствие этого что, духовною главою их стать понемногу, единственный, быть может, человек, действительно понимавший всю сущность исторических условий своей эпохи: Гай Юлий Цезарь. Только он один, с самого начала своей деятельности, придерживавшийся определенной программы и ряду не изменявших ей, ни разу не колебался и не впадал в противоречия. Со времени своего 1 консульства в этот, совершенно молодой еще, государственный деятель — последовательно, твердо и осторожно стремится к полному дискредитированию сената, против кого направлять удар за ударом. В этой цели служит систематическая поддержка всех антисенатских и анти-Суллановых процессов, демонстративное поведение Цезаря в целом ряде политических выступлений, напр. восстановление Марьевых трофеев на Капитолии; то же значение имело и прославление памяти А. Апулея Сатурнина посредством процесса Рабирия

обвиненного Цезарем въ незаконномъ
убійствѣ гражданина. Габиній былъ
осужденъ по особо важной категоріи госу-
дарственныхъ преступленій, при чемъ въ
оправдательной инструкціи было сказано на судъ
народа, оказавшагося весьма не со-
рокъ Цезаря. Габиній былъ осужденъ,
а статуя Сатурнина торжественно
возстановлена на форумѣ. По содѣйствію
трое оказывалъ Цезарь Помпею и его экс-
раординарнымъ порученіямъ было вполнѣ
согласно съ общей политикой Цезаря:
онъ хотѣлъ привлечь римскій народъ
приблизить къ патриціямъ сильныхъ сво-
ихъ государственныхъ умовъ, не къ се-
кату, а къ монархіи. Онъ заботился о
привлеченіи симпатій народа къ себѣ
лично, и что бы удивить его, какъ
блестящимъ предпріятіемъ,
не задумался дважды измѣнить тѣсня
законовъ. Несомнѣнно, что планы Це-
заря шли дальше второстепенныхъ
измѣненій въ конституціи. Едва ли
можно сомнѣваться, что съ самаго на-
чала, видя глубокія язвы въ государ-
ственномъ строѣ, онъ считалъ неизбѣжнымъ
исходомъ замѣну сенатскаго режима
абсолютной монархіей. Въ своемъ разру-

нём сенатского строя, он естественно мог опираться на демократическую партию, интересы край, которой, совпадали с его интересами.
Демократической партии держался в это время и Цицерон, стремившийся при помощи ея к консульству, кое и получил в 63 г. На этот год падает замечательной законопроект трибуна Сервилия Руллa, представлявший своеобразное соединение широтых замыслов и здравости положений с продуктами чистой фантазии и с полной недовлетворительностью предполагаемого исполнительного органа. Руллъ предлагалъ создать комиссию из 10 лицъ, кoторым было бы поручено отыскать путемъ принудительной покупки всю пригодную конфискованныя провинциальныя земли, для надѣленія ими римскаго и италійскаго пролетаріата. На захудалую землю въ Италіи и отчужденіе неправильно захваченныхъ предполагалось секвестрація всѣхъ доходовъ. Въ сущности основаніе этого предположенія вытекало изъ правильнаго пониманія социальнаго положенія. Послѣ сулловыхъ конфискацій, имѣвшихъ мѣсто,

как мы видели, самый неравномерный распределения, и самые произвольные захваты, одинаково способствовавшие развитию латифундий и рабского хозяйства, и увеличению пролетариата всеми выбрасываемыми из хозяйствования, мелкими собственниками. Перепродажа земель имела бы хорошую сторону в смысле рациональной колонизации провинций мелкими капиталистами, при приобретении ими земли на средства, вырученные от продажи земель в Италии. Устранение опасного элемента брожения в государстве путем основания нового хозяйства для мелкого собственного хозяйства пролетариата было бы очень ценным, как разгрузление идеи Гракхов на всю Италию; однако предлог заключать в себя и очень опасные предложения, еще более опасные потому, что в данное время осуществление мысли по колонизации, только было самое создание комиссии из 10 лиц с исключительно широкими полномочиями и с такой организацией, как осуществление огромной, охватывающей все государство, - реформы. В то время Риме не нашлось бы 10 достаточно

Лит. Богданова Эргелев и К.

Пер. 11 по Исп. Дела Директора

точно честных и даровитых людей для такого дела. Но главная фантазия коей предана заключалась в полном недоумении финансовых затруднений. Должны были одним из важнейших источников государственного дохода. Произвести насильственную перестановку установившихся экономических отношений так как этого хотят Сервий Тулий значило для государства идти на край. Вся Сенатская партия, как один человек, восстала против предложения Тулла и „первый демократический консул" Цицерон, своего блестящего диалектикой добился снятия с очереди этого предложения, в этом случае впервые становясь на сторону сенатской партии.

Демократическое движение 60 х годов. Заговор Катилины.

Ряд событий объединяемых обыкновенно названием „Заговора Катилины" в сущности характеризуется неправильно этим названием. Действительный заговор Катилины лишь входил — и то в предыдущий

момент — в известное движение, но ни-
какой не создал его. Однако во всех таких
случаях Катилина играл в событиях
63-го года настолько крупную роль,
что на нем необходимо остановить-
ся подробнее.
Общие источники, современные
личности и деятельности А. Сергия
Катилины, связано всецело с его
последним действием — анархи-
ческой революцией, в подавлении кот
главную роль сыграл Цицерон
и в которой третий край обвинения
Цезаря. Цицерон в своих речах
и других сочинениях с презрением
пристрастно рисует тогдашнее поло-
жение вещей, делая это таким обра-
зом, что рисует и свои собствен-
ные подвиги. Цицерон создал яркую,
хотя и односторонюю картину,
в кот Катилина является в
очень невыгодном для себя свете.
С другой стороны мы имеем спе-
циальную монографию — вторую нашу
дошедшую Саллюстия о Катилине, написан-
ную в чисто цезарианском духе.
Здесь Катилина выставляется уже
совершенно исключительным

негодяйства; цицерон автора было показать, что Цезарь в нем в нашем случае не мог иметь ничего общего с подобным человеком и с его деятельностью. И так оба современные и точные партийные, и при том партийные не в пользу катилины. По счастию имеется ряд свидетельств, относящихся к этой эпохе - хотя и отрывочных, но не тенденциозных, в трудах последующей эпохи римских историков.

Отношение новейшей историографии к катилине весьма разнообразно. Наряду с лицами, вполне доверяющими Саллюстию, имеются и такие, кто берут на себя задачу спасать катилину, видят в нем крупного социального и политического реформатора, талантливого предшественника Цезаря. Иные, наконец, не менее односторонне, усматривают в катилине безличную пешку демократической партии, сводя почти к нулю его собственную инициативу и делая тем лишь более тщательной критику источников, ибо только строгого выделения достоверных

фактовъ, одна только можетъ вывести историка изъ этихъ противорѣчій, давая единственно правильную фактическую характеристику.

То, что нами извѣстно о внѣшности Катилины, находится въ совершенномъ согласіи съ обнаруживающимся въ немъ психическимъ складомъ. Его очень бледное лицо, яркіе глаза съ неспокойнымъ взглядомъ, неровная походка и порывистыя движенія - вполнѣ соотвѣтствовали натурѣ страстной и неуравновѣшенной, увлекающей послѣдней, вѣроломному характеру и крайней неустойчивости. Но въ этой натурѣ была и недюжинная энергія, что согласно признаютъ за Катилиной всѣ источники во время союзнической войны и Сулловыхъ кампаній онъ показалъ себя человѣкомъ сильнымъ и смѣлымъ, и проявилъ выдающіяся качества не полководца, но солдата. Въ Сулловыхъ проскрипціяхъ онъ принималъ дѣятельное участіе, разоряясь и жестоко и безпощадно и съумѣлъ позаботиться объ устраненіи путемъ проскрипцій своихъ личныхъ

врагов. Конфискация и выгодный брак его обогатили и он выиграл расстраивать этого богатства он достаточно мог показать свою необуздавшую натуру, доходя до ярости, даже для этого времени, крайностей распутства, хитрости рано обнаружил и крайнее честолюбие, удовлетворению коего, не было особых препятствий при начале его карьеры. Сравнительно легко он достиг прэтуры, и получил на следующий (67) год в управление Нарбонну. Выкупался он из этой провинции, как сказано и разом возвращались тогдашние проконсулы и пропретуры с руками, полными золота и с обвинениями на плечах. Ввиду первого, последнее было не очень важно: не хотелось сделать промах, поставив свою консульскую кандидатуру тогда, когда не успеть еще добиться оправдания. Этим он восстановил против себя побитей и потерпел первую неудачу: кандидатуру его не приняли. В это время хоть раз демократическая партия стремилась стать во главе государства. Путем подкупа и

усиленной выборной агитации удалось достигнуть того, что консулами были избраны П. Корнелий Сулла и П. Автроний Пэт, оба послушные орудия демократов. Сенат, однако, кассировал выборы, ввиду обнаруженного противозаконного воздействия на избирателей. Демократическая партия, вероятно, под верховным руководством Цезаря и Красса, решилась на борьбу. Но так как Сенат, повидимому, монополизировал в свою пользу право подкупа и агитации, противники его выбрали другой путь: революционный. Возник заговор, ближайшею целью коего было восстановление отставленных должностей посредством убийства новых консулов, Л. Котты и Л. Торквата, на каникулах в день вступления их в должность (есть известие, что при этом имелось в виду диктатура Красса с Цезарем в качестве помощника; насколько это вероятно — неизвестно). Для осуществления такого бы то ни было заговора, а в особенности такого, где предполагалось убийство консулов, необходимы были услуги сотни подручных

участников, так как предстояло иметь дуэли не только с безоружной толпой но и с вооруженной охраной. Вербовать этих людей должны были, конечно, не сами верховные руководители возстания. В поисках за подходящими исполнителями, они обратили внимание на Катилину, выказавшего себя вполне определенным сторонником Суллы, современем Суллой проскрипций. Только что общественной сенатской партией, они охотно взяли на себя предлагаемую обязанность. Боясь серьезной роли в этом заговоре, о крови идти речь, они не играли, и чуть ли никак не являлись одними из исполнителей. Демократической партии, для достижения своих целей, необходимо было обезопасить себя, не только от Сената, но и от Помпея, в руках которого имелись большие материальные средства и сильная армия, так что в каких приходилось считаться всякому бывшему перевороту в государстве. Ему необходимо было противопоставить серьезную военную силу и, создавая эту силу не в Италии, где пришлось бы дать с-

вовать на глазах у Сената. Именно в виду этого демократическая партия и отправила Г. Гракха в Испанию, чтобы в богатой и малоцивилизованной провинции организовать надежное войско и запастись денежными средствами. Гракх был чрезвычайно способный молодой человек, и посылка именно его являлась, конечно, мерой временной: Цезарь прочил ему в преемники себя. Затем мы видим первое определенное проявление его основной идеи: собрать военную силу на западе, в противовес восточной мощи Помпея, и, опираясь на нее провести ряд реформ, путем единоличного абсолютного влияния на государственную жизнь.

Исполнение заговора назначено было на 1 января 65 г. под руководством Катилины, вербовка его участников производилась в широких размерах; даже в слишком широких. Сенат узнал о подготовлявшемся перевороте. Еще находившийся в Риме Гракх был привлечен к суду по обвинению в подстрекательстве; консулы получили почти неограниченную предательскую и важную власть для пре-

предвѣщія катастрофы 1-го января они вступили въ отправленіе своихъ обязанностей подъ сильною охраной, и такимъ образомъ заговоръ не удался. Было конечно такую опасность, явилось столько доказательствъ, что консулъ передалъ ихъ на обсужденіе Сената. Недолго прекращено было интерцессіей трибуна; и тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ въ сенатской палатѣ происходитъ рѣзкая перестрѣлка. Сенатъ не преслѣдуетъ заговорщиковъ, а хочь будто покровительствуетъ имъ. Тилонъ безпрепятственно отправляется въ Испанію; Катилину въ его процессѣ о вымогательствѣ защищаетъ консулъ; онъ оправданъ и ставитъ свою консульскую кандидатуру на 64 годъ. Вмѣстная перестрѣлка въ поведеніи Сената объясняется, въ виду близившагося возвращенія Помпея, опасавшимся довести до крайности консуловъ цѣлью главарей возстанія, противъ чего доказательствъ не было, и ибо актъ—Помпеянскія тенденціи теперь достаточно уже выяснились. Не мѣшаетъ прибавить, впрочемъ, что представленіе сената объ истинныхъ цѣляхъ Красса и Цезаря было довольно смутно.

Провалить прежних кандидатов, изгнать демократическую партию вместе с ее вождями, людей очень жестоких. Катилина был в их глазах достаточно крупной личностью, при том с сильною способностью влиять на людей; ему были обещаны слова консулов в 65 г. Ему хотели еще раз помешать провести Г. Антония, человека бездарного и бесхарактерного. Золото Красса и влияние Цезаря были пущены в ход для новой выборной агитации. О тактике заботился со своей стороны и сенат, и своими кандидатами против Катилины (об Антонии сенат не заботился, и были правы) избрали Цицерона. Последний, правда, был избран как защитник демократической партии, но его не связывало известное поведение слушного достаточной характеристикой этого „демократа", шедшего с аристократией, поступившегося сенатскою партией. Эта партия не без страха ожидала дня выборов. Интересами Катилины должны были поступиться Сулловы ветераны; в Сенате не без основания боялись вооруженного восстания, сваливши на улицах

Рима. Однако все обошлось относительно спокойно, и консулами были избраны Цицерон и Антоний. С этого времени создатели демократической партии оставили мысль о замещении консульства своими ставленниками. Но Катилина раззадорился новою неудачею, решил во что бы то ни стало добиваться консульства и действовать на свой страх. С тех пор главари демократов расходятся с ним, кто не желает однако Цезарю, согласно прежним обязательствам, содействовать справедливо преследуемого в новом процессе, уже описанном сопровождавшем новую неудачу Катилины. Цезарь всегда исполнял свои обещания.

На частном собрании у себя на дому, (где частными уже образом стало известно консулу) Катилина изложил своим приверженцам программу новых ужасающе разрушительных действий. Предполагалась конфискация и передел земель, прощение всех долгов и, словом, новый закон такого характера, какого не предлагал еще никто, и кроме

Катилина разсчитывал привлечь на свою сторону пролетаріат, а отчасти и Сулловых ветеранов, видевших въ немъ не раньше защитника ихъ интересовъ. Катилина, однако, еще не покидает законнаго пути, онъ только ведетъ себя более открыто: завоевывает сторонников, выставляет вооруженную свиту, вызывающе держит себя въ сенате и всеми средствами явно ищет себе приверженцев. Цицерон, испытывая почти такой же страх передъ кандидатурой Катилины, какой раньше не допустить его до самого избирательного собранія. Въ отвѣт на громовую рѣчь Цицерона, Катилина открыто объявил себя революціонером, произнеся между прочимъ знаменитую фразу о двух телах Республики, имѣющей слабое и сильное начало, „но если окажется только достойным, будетъ имѣть все, пока онъ живъ." Катилина заявил себя главою партіи, но противъ него не было никакихъ доказательствъ, какъ противъ главы заговора. На основаніи одного слуха сенатъ не рѣшился прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ

и выборная комиссия были назначены на один из следующих дней. Впечатление, произведенное опубликованием программы Катилины, повело за собой, что весь аристократический порядок сплотился вокруг Цицерона, деятельно заботившегося о том, чтобы кандидатура Катилины опять не прошла. Цицерон удалось отчасти благодаря его тогдашней популярности среди римского народа, отчасти благодаря обыкновенным средствам влияния на избирателей, не только дефензу прошлого и его планов, но и выборов, и покушений, каждого покушавшегося, какой опасности подвергается охраняющий порядок консул. Катилина избран не был. Тогда, наконец, он понял, что законным путем никогда не достигнет цели. С этого момента — и именно только с этого — начинается настоящий заговор Катилины. Впрочем он носил тесно личный характер, Катилина хотел добиться консульства и, став консулом, провести свою программу. Так и в 65 г. предполагалось убийство консулов, но имена нашли не

имелось в виду. Всю свою анархическую окраску заговор принял впоследствии. Во всех своих стремлениях заговор требовал продолжительной подготовки, и потому срок его исполнения назначили на конец октября. Из среды заговорщиков пошли доносчики, осведомившие Цицерона о происходящем, но не доставившие ему никаких либо положительных данных против заговорщиков. Заговор широкими кругами охватил всю Италию (особенно Северную, где предполагалось вооруженное движение Суллиных ветеранов) и обширный круг заговорщиков. Окончательная программа была: убийства, грабежи и пожары в Риме и одновременное восстание во всех городах северной Италии. Цицерон стремился узнать, принимает ли Красс участие в заговоре. Весьма вероятно, что с этою целью он сам послал Крассу ряд подметных писем о заговоре, сохранив их у Красса у себя, что последнему было бы на его обвинение. Но они предъявлены не были. Под влиянием этих писем и речи Цицерона в заседании Сената 21-го, в

въ Край предсказывалось италійское возстаніе, убійства и пожары на 28 октября. Сенатъ наконецъ рѣшился на decretum ultimum, дававшій Цицерону чрезвычайныя полномочія для подавленія заговора.

Цицеронъ принялъ мѣры къ безопасности внутреннихъ провинцій и города Рима, и въ немъ, въ назначенный срокъ, ничего не произошло. Но въ Фезулахъ Манлій со своими войсками началъ возстаніе противъ Катилины, между тѣмъ приготовлявшагося къ нападенію въ Римѣ, не имѣвшее впрочемъ успѣха, въ виду того, что положеніе разъяснилось раньше, чѣмъ начался процессъ.

Въ ночь съ 6го на 7е ноября происходило собраніе заговорщиковъ, на которомъ окончательно была программа и распредѣлены были роли, на слѣдующій день назначенныя убійства должны были устранить Цицерона, римскіе заговорщики — начать возстаніе въ городѣ; самъ Катилина долженъ былъ отправиться въ Этрурію, соединиться тамъ съ войсками Манлія, а затѣмъ, въ разгаръ революціи вернуться въ Римъ и объявить себя консуломъ

или чтил ему будет угодно. Цицерон, осведомленный обо всем, предупредил беспорядки в Риме и оградил собственную усадьбу. 8 ноября произошло заседание сената, куда Катилина явился, и Цицерон произнес свою первую известную речь против Катилины. (Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra? Quamdiu etiam furor iste tuus nos eludet)? Катилина на нападки отвечать не стал, но его сторонники вокруг него пустили слух, что после заседания они немедленно уедут в Этрурию, говоря всем в Риме, что добровольно изгоняют себя вследствие партийного отношения консула. Заговорщики в Риме остались под руководством П. Лентула Сципиона и Цетега. Оба были не очень удачными руководителями. Первый — хвастливый, несообразительный и медлительный; второй более способный, но опрометчивый и необдержанный. Вследствие неудовлетворительной постановки дело затягивалось, и Катилина, объявивший себя в Этрурии консулом, тщетно ждал восстания в Риме, чтобы двинуться туда с легионами. 12 Директор

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. Г.

вания. Цицерону поручению было известно все касающееся заговора, но по преценту не было явных улик; приходилось довольствоваться усилением полицейских мер и военными действиями против инсургентов на севере. Их возглавлял Манлий и Катилина, а также все не получившие орудие к известному дню, правительство объявило вне закона. Между тем, несмотря на тревожные слухи о брожении в Италии о гладиаторском восстании в Капуе. Положение было опасное, и неизвестность усиливала тревожное настроение, достигшее своего кульминационного пункта в тот момент, когда у Цицерона, наконец, оказались в руках неопровержимые доказательства. Убийство консула и сената в Риме назначено было на 7-ое декабря. Около этого времени в Риме явилось посольство allobrogов с целью на злоупотребления римских магистратов, распространявшейся с римской провинции на их соседей государство. У заговорщиков явилась неосторожная

имел арибликнуть к помощи Лентулов, у кого имелось в распоряжении войско. Цицерон, узнав об этих сношениях, сумел обещаниями склонить Лентулов к выдаче заговорщиков. Все требования посольства были удовлетворены, и в ночь на удаления их дома, когда должно было произойти окончательное соглашение с заговорщиками — Лентул, Цетег, Л. Статилий и П. Габиний были арестованы, с несомненными уликами. У Цицерона была теперь возможность действовать решительно, пока было на это смелости, боясь оставить их живыми заключенными, и боясь ответственности за немедленную расправу с ними, он предложил дело на суд Сената, в заседании 5-го декабря[1]. После некоторых прений мнение большинства склонилось к немедленному осуждению на смерть заключенных: Ю. Цезарь и Л. Лициний Мурена высказались за казнь, равно как и все консуляры. Сенат однако юридически не имел никакого права решать безапелляционно

---

[1] См. лекции профессора Достоевского курс 1900-1901 г.

вопрос о суммѣ и смертѣ гражданина; напомнилъ ему объ этомъ взялся Цезарь. А въ его, въ край онъ напалъ на мелкомъ поводѣ произнесенія сенатомъ смертного приговора, указывалъ на опасность чужестранныхъ вліяній предѣловъ закона, напоминалъ о времени Суллы и предсказывалъ кровавую мѣру со стороны демократіи — и произвелъ подавляющее впечатлѣніе. Теперь сенаторы, въ большинствѣ, уже были готовы замолчать, по предложенію Цезаря, смертную казнь заключеніемъ. Такъ и было бы вѣроятно, если бы не Катонъ, который съумѣлъ противу поставить страху, внушаемому Цезаремъ, другой страхъ: онъ указалъ на возможность освобожденія арестантовъ посредствомъ уличнаго возстанія, обвинялъ Цезаря въ сочувствіи заговорщикамъ и высказалъ то уже подозрѣніе относительно всѣхъ противниковъ смертного приговора. Сенатъ былъ запуганъ въ новомъ направленіи, и мнѣніе Катона одержало верхъ. Въ ту же ночь заговорщики были задушены въ тюрьмѣ и Цицеронъ объявилъ объ этомъ народу. Въ Римѣ наступила ре-

встретили, как спасителя города. Сенат учредил публичные, благодарственные празднества и Цицерон был почтен впервые произнесшим тогда названием „отца отечества". Вскоре затем было подавлено восстание в Этрурии. Войско Катилины, окруженное и вынужденное к битве при Пистории, удалось разбить после отчаянной схватки; при этом Катилина выказал доблесть и солдата, и полководца. Он сам погиб в первых рядах своим приверженцев.

Вся история заговора Катилины ярко характеризует тогдашнее настроение римского общества и Сената, трусливого, непостоянного, неспособного к энергии, подкупаемой и легко обольщаемой обещаниями. Характерно и поведение Цезаря. Он не побоялся открыто высказать свои мнения в Сенате; что это было действительно опасно — подтверждается неудавшимся покушением на его жизнь, при выходе из заседания. Среди всеобщего брожения умов, среди беспрерывных кровавых противоречащих постановлений и

поступков, один спокоен, твердый и последователен, один без сомнений и колебаний идет к определенно намеченной цели.

229 Союз Цезаря и Помпея. Вражда Цезаря на западе и ее значение.

Помпей, возвращавшийся в Италию в надежде сохранить свое исключительное положение, не собираясь однако заявлять открыто свои властолюбивые притязания. Ему нужно было новое, санкционированное правительством, экстраординарное поручение. Он предложил Сенату через отправленного Домиция Кальвина, свои услуги против Катилины, но заговор был уже уничтожен. Сенат отказал Помпею в консульстве на 62 г. Распустив свои войска, Помпей возвратился в столицу частным человеком, рассчитывая впрочем, на свое личное обаяние для проведения нужных ему мер. Ему необходимо было: ратификация всего, совершенного в Азии, и вознаграждение земли для своих ветеранов. Ни того, ни другого Помпей не добился,

и понял, что его личная обаяние недостаточно.

Помпей нуждался в политически сильном союзнике; таковым был в достаточной мере Цезарь, руководитель единственной организованной партии, и к тому же личность, на дружбу которого можно было безусловно положиться. Цезарь и сам нуждался в союзнике, ибо для того, чтобы стать современем равносильным Помпею, создать себе не менее значительное войско, он нашел в соглашении. Цезарь должен был получить консульство на следующий год и провести всех нужных Помпею людей. Последний обязывался не мешать экстраординарному поручению Цезаря — командованию войсками Трансальпийской Галлии. Договор был заключен и обе стороны хотя и исполнили его условия.

Цезарь, став консулом, провел, опираясь на народ, все меры Помпея, несмотря на сопротивление сената и на протесты своего коллеги. Аграрный закон был проведен не только в пользу ветеранов, но и пролета

ріата. Противъ Цицерона было возбуждено трибуномъ клодіемъ обвиненіе въ незаконной казни римскихъ гражданъ и „отцу отечества" пришлось отправиться въ изгнаніе. Отъ Катона отдѣлались порученіемъ присоединить къ Риму о. Кипръ, что въ сущности было тоже почетнымъ изгнаніемъ. Союзъ, къ прочему привлеченъ былъ Крассъ, (часть для замаскированья двоевластія; частью ради его богатствъ, и за прочимъ сохранилось названіе перваго триумвирата, могъ теперь безпрепятственно осуществлять свои задачи.

Цезарь, получившій проконсульство обѣихъ Галліи, приступилъ къ осуществленію тѣхъ задачъ, края играла первостепенную важность въ исторіи Рима. Очередною возложенная на него обязанность — усмиреніе кельтійскихъ племенъ, блуждавшихъ въ Италіи — имѣла самое мѣстное значеніе. Того коренного вопроса объ отношеніи къ сѣверу, краю не понялъ никто до Цезаря, за исключеніемъ разъ Маріа и немногихъ свѣтлыхъ головъ, въ Римѣ не по-

нениями и теперь. На севере происходили лишь незначительные военные столкновения, только разбрасывавшие варваров. Между тем, север был в брожении, и нашествия продолжались. Во время Цезаря германцы двигались на левую сторону Рейна, к кельтам, в его нижнем течении, а организованною сравнительно массою, чего раньше не было, в движение это представляло угрожающий симптом, несмотря на страшную разобщенность и почти тяжелую неурядицу, присущие Германии и Галлии. К сожалению, трудно представить себе настоящее распределение германцев и кельтов в то время. Многочисленное племя кельтов, вторгшееся когда-то в Германию, было разбито на многие части и группы. Во время обозначенной разъединенности германцев и кельтов сложный сам по себе, вдобавок запутанный в позднейшее время неудачными отношениями партийных историков, связывающих германцев и кельтов с франко-германскою

проблемою. Что несомненно, так это состояло постоянного брожения, в Галлии находились кельтские племена, представлявшие в будущем грозную опасность для культурного мира. Цезарь видел, что варваров нужно не только подчинить, но и романизировать. В течение своей проконсульской деятельности Цезарь, посредством ли его воспитанной в первых воинственных столкновениях с армией, покорил всех галлов вплоть до Ламанша; при этом покорить так, чтобы создать из всего завоеванного края подходящую почву для римской культуры. Его войска не только переправлялись через Рейн, где внушали страх и римскому оружию на дальнем Востоке; но он произвел высадку даже в Британии, указав таким образом будущую почву Риму, и по отношению к ее отдаленным жителям. Благодаря деятельности Цезаря, потом стержень варварских племен был направлен в другую сторону, на Дунай, и надолго отклонен от Рима. Для Цезаря ближ-

158

результатом Галльских войн, о которых он сам оставил такой поразительный рассказ (De bello gallico) было как сталь закаленное войско, преданное безгранично полководцу и дальновидную впоследствии дать ему власть над Римом. Вряд ли можно сомневаться, что задача Цезаря на Западе была высшего революционного значения в Риме; второе связано гл. обр. с судьбою римского государства, а первое имеет прямое всемирно-историческое значение.

Начало монархии в Риме

В то время, как в далеком По русского Цезаря постепенно воспитывалась мощная сплоченная сила надежных войск, в Риме продолжалась ожесточенная борьба партий.

Демократическая партия, с удалением Цезаря потерявшая своего естественного главу, группировалась вокруг Клодия, что конечно не беспокоило Цезаря, так как очевидное преимущество всегда должно было остаться за ним перед

этимъ умнымъ демагогомъ. Цезарь
издали следилъ за ходомъ дѣлъ въ
Римѣ, не вмѣшиваясь, и въ то же
время не давалъ забыть о себѣ,
ослабляя демокр. партію средства-
ми и устраивая игры и праздне-
ства народу.

Враги демократовъ т.е. Сенатъ
распался на нѣсколько фракцій, сре-
которыхъ преобладалъ голосъ умѣрен-
ныхъ, желавшихъ не верховенства
Сената (они сознавали, что время
его миновало), но мира во что бы то
ни стало, хотя бы цѣною компро-
миссовъ, послѣ всѣхъ грисовъ граж-
данскихъ войнъ, Маріевыхъ казней,
Суллановыхъ проскрипцій и т.д. Мира
думали достичь путемъ сохра-
ненія равновѣсія между Цезаремъ
и Помпеемъ. Вряль ли сенаторіе умѣ-
ренные опасались одного болѣе,
чѣмъ другого: во всякомъ случаѣ
они опасались, чтобъ который ни-
будь не оказался единовластнымъ и
старались сохранить возможность
противопоставить Цезаря Помпею
и наоборотъ. Это представленіе

чувствительных, опасными тобы чтобы; для некоторых, быть может, безболезненным переходом от одной формы правления в другую. Рядом с умеренными, типичными представителем которых был. Цицерон, в Сенате стояли сторонники единовластия, ставшиеся теперь очень тесно и определенно на цезарианцев и помпеянцев. Кроме того в Сенате существовала и старо-республиканская партия, во главе кот-й стоял Катон младший. Это была партия упорных сторонников сенатского полновластия, пронизавших и собственное безсилие и народившийся в государстве новый строй, и много держащихся древнего республиканского credo времен Сципиона и Полибия.

Среди постоянной партийной вражды, но не принимая в ней участия, жил теперь в Риме Помпей, превратившийся в простого гражданина. Отказался он от всякого стремления к партийной и тех пор, как все его попытки

говорить публично оканчивались неудачею; они вели в своем доме двоякую жизнь частного человека, которая с каждым днем становилась для него невыносимее. После стольких лет почти беспрерывных экстраординарных командований, диктаторской и бесконтрольной власти, блестящих триумфов, обращавших на него внимание всей Италии — возвращение к частной жизни представлялось совершенно немыслимым для Помпея. Лишенный своей настоящей силы — войска и несообразный к роли народного агитатора, он попробовал сблизиться с Катоном, чтобы найти тут некоторую для себя поддержку. Гениальность Помпея угадала то положение, кот-е теперь стали занимать Цезарь; усиление его в Галлии достигло размеров, неожиданных для Помпея. Последний решился на некоторые уступки Сенату; прежде всего Цицерон, незначащий, но все еще влиятельный руководитель умеренных, получил разрешение вернуться в Рим. Умеренные

воспользовались этимъ случаемъ, чтобы произвести окончательную демонстрацію при возвращеніи консула. Путь его изъ Брундизія въ Римъ былъ отмѣченъ триумфальными шествіями, и какъ на этомъ пути, такъ и въ Римѣ собралось огромное количество граждане сочувствовавшихъ Цицероновской партіи. Сенатъ, какъ бы ужасаясь смотря антимонархическимъ силамъ, имѣвшимся въ Италіи, и этимъ силамъ фактически представлялся весьма значительными; въ италійскомъ обществѣ была еще сильна привязанность къ республиканскимъ традиціямъ. Это выражалось въ сенатѣ большой подъемъ духа и увѣренность въ своихъ силахъ, и какъ разъ въ это время Помпей, черезъ посредство сената хотѣлъ вновь добиться электрической концентраціи, предлогъ для которой былъ у всѣхъ подъ рукой въ видѣ угрожающихъ сторонниками. Въ это время ложныхъ похоронныхъ ветрудненія въ снабженіи Рима продовольствіемъ. Помпей уговаривалъ, чтобы ему поручили заботу о продоволь-

венною утех, даровать проконсуль-
скую власть съ подчиненіемъ сенату всѣхъ
въ данномъ моментѣ ею обладающихъ.
При тогдашнемъ настроеніи сена-
та, можно было бы опасаться, что
онъ откажетъ, но отказать совсѣмъ
— значило бы убить политическую
карьеру Помпея и т. о. дать сильную
преобладаніе Цезарю. Съ другой сто-
роны, дать всю требуемую власть —
значило возвысить Помпея до срав-
ненія съ Цезаремъ, а сенатъ продолжалъ
стремиться къ ихъ равновѣсію. Поэ-
тому весьма основательно разсчи-
тывалъ, что Цезарь, благодарный
сенату за возвращеніе, будетъ дѣя-
тельно поддерживать его предложеніе;
такъ оно и было, но сенатъ подъ влія-
ніемъ приведенныхъ соображеній,
удвоилъ даръ помпею требуемой
поручителя, имѣвъ съ сильно урѣзан-
ною властью. Помпей получилъ не
только продовольственную часть легіоновъ и
кораблей, обыкновенно состоящихъ подъ
командою и право распоря-
жаться на 10^ти^ милліонной берего-

вой полосы; побезъ какого бы то ни было войска и безъ всякой прокурорской власти. Сенатъ рѣшился на такія угрозы Помпеевой компетенціи потому, что какъ разъ въ это время, въ 54 год. онъ чувствовалъ большую увѣренность въ своихъ силахъ и, даже какъ будто надѣялся свергнуть его Помпея и Цезаря, какъ это было и прежде. То все высокое руководящее положеніе въ государствѣ. При содѣйствіи усилить подкупъ и другихъ средствъ народной агитаціи, республиканской партіи удалось на выборахъ провалить выставленныхъ Цезаремъ кандидатовъ въ преторы, и провести своихъ. Оба консула на этотъ годъ также были избраны изъ антимонархической партіи. Одинъ изъ нихъ предложилъ кассировать законы, проведенные Цезаремъ въ его консульство, на основаніи того, что тогда вставили противъ закона изъ-за его коллеги Бибула. Это было уже открытое объявленіе войны Цезарю, какъ и листъ 13 Директора

Лит. Богданова Эртеля 3. П.

Помпей, не могли на это не отозваться. Вступив на сенаторскую должность при возвращении Цицерона, они устранили свою стойкую их характера. Триумвиры съехались в город Лукк, где собравшись вместе привергнувши и заключили между собою новыя условія, распредѣлили между собою власть и обязанности конечно, в этом совѣщательном собраніи участвовавшія около тысячъ сторонниковъ участія не принимали! но весьма было показательно для чего, и кто дѣйствительно произвело устраненіе впечатлѣніе на сенатъ, изъ среды ихъ достаточное количество имѣлось явиться для Лукку на поклонъ триумвирамъ. Конечно, здѣсь оказалось большинство угнетенныхъ и возгласовъ изъ Цицерона — прибыли сюда изъ личной преданности Помпею (по собственному убѣжденію, кромѣ в прочемъ изъ особыхъ основаній не вникнуть). Отъ Цезаря заявлено [illegible]

Дюпюи

стало теперь помехой в его пребывании в Египте? Сенатского сопротивления бояться было уже нечего. Является вопрос, почему Цезарю было выгодно вновь удалиться в Египет? Можно ли искать другие мотивации его поступка? Историки, удивляются, почему Цезарь, со своими сторонниками в Италии, со своим блестящим положением, не стал теперь уже добиваться единовластия для себя? Можно думать, что Цезарь и в 56 г. мог бы произвести в свою пользу государственный переворот и что отсрочка его замыслов принесла горькие плоды. Но говорит он, как государственный человек и как полководец, Цезарь был точно сильный игрок, который полагался на себя и презирал противников, давая им всегда в игре ход вперед и иногда даже два хода, что совершенно неслыханно. Вообще довольно распространено мнение, что Цезарь мог уже в то время осуществить все монархические замыслы, какие у него были. Я считаю, что

взглядъ совершенно погрѣшенъ. Покореніе Галліи въ то время было въ сущности лишь начато; вся страна находилась въ броженіи, и, пройди въ Италіи революція, Галлы непремѣнно ослабили бы ее возстаніемъ, причемъ могли-бы такимъ поддержать правительство или помѣшать противъ Цезаря. Войска самого Цезаря далеко еще не прошли всей той военной школы, какая впослѣдствіи сдѣлала ихъ въ одно мгновеніе ока ревнивыми сторонниками своего вождя, для такого предпріятія, какъ переворотъ въ пользу единовластія, на которое еще нельзя было разсчитывать безъ полнаго увѣренности въ успѣхѣ. При такихъ условіяхъ сенатская демонстрація показала, что у сената во всякомъ случаѣ достаточно сторонниковъ въ Италіи. Словомъ, минута взять власть въ свои руки была для Цезаря во всѣхъ отношеніяхъ неподходящею. Цезарь пока не собирался ссориться ни съ правительствомъ, ни съ Помпеемъ, и позаботился о томъ, чтобы послѣдній полу-

чить нужную ему военную власть. Для этой цели отлично подходило командование испан. легионами. Поручение Помпею наместничества в Испании было удобно и для него, и для Цезаря, так как не слишком удаляло их от Рима, и друг от друга; принималось во внимание, что Цезарь оставался в Галлии. Тот триумвир, кот-ый напрягал желательно было удалить, т.е. Красс — получил отдаленное командование в Сирии, для войны с Парфянами. Они приняли его охотно; ему выгодно было постоянно затмевать Помпея, пожинавшего лавры побед, наполовину принадлежавших ему. В Сирии он видел возможность выдвинуться самостоятельными военными успехами. Со своей стороны Цезарь и Помпей не могли бояться слишком большого возвышения Красса в восточ. кампании, и были в этом вполне правы. Действия Красса против парфян оказались далее неудачнее, чем того могли желать триумвиры; он надолго погубил римское дело на Востоке рядом промахов, кончившихся тем, что полководец дал

заманить себя в ловушку и погибнуть с всеми своими войсками. В данное время вероятно то, что Кассий, выдающийся муж политической жизни Италии, не мог сочувствовать помпеевой в Риме. Так. обр. совещание в Лукке кончилось к обоюдному удовольствию Помпея и Цезаря, и нет основания не верить их искренней дружбе в это время. Недавний брак Помпея с дочерью своего сотрудника, Юлией, сблизил его еще более с Цезарем. Они мирно подготовили власть между собою.

Получив испанское проконсульство, Помпей отправил туда со своими легатами часть войска, сам же с остальным часто не покидал Италии. Вероятно, он это делал по настоянию Цезаря, чтобы наблюдать за событиями в Риме и доносить в случае чего о революционном движении. Это движение в Риме принимало все более угрожающий характер. Антисенатское брожение продемонстрировалось, как в выборных собраниях, так и в судах, где адвокаты-периодисты в своих речах занимались не процессом, а состоянием римского государства; и в одних судах, где от речей различных ораторов черни

очень скоро переходили къ свалкамъ. Популяренъ Клавдію со стороны сенатской республикан. оппозиціи былъ противопоставленъ энергичный и ловкій авантюристъ П. Аній Милонъ. Въ Клодіи онъ нашелъ достойнаго соперника въ дѣлѣ интригъ и насилій. Объ партіи и демократы, и сенатскія республиканцы — сначала не хотѣли а потомъ и не могли препятствовать всевозможнымъ насиліямъ со стороны своихъ приверженцевъ и ихъ наемныхъ шаекъ. Въ Римѣ на нѣсколько лѣтъ воцарилась самая ужасная анархія, какую только видѣлъ этотъ городъ со времени своего основанія. Удача заговора Катилины врядъ ли могла бы повести къ худшимъ результатамъ для римскихъ смятеній. Битвы на улицахъ, тайныя убійства, вооруженныя схватки за городомъ стали повседневнымъ явленіемъ. Ни для Цезаря, ни для Помпея не могло быть желательнымъ продолженіе такого порядка вещей; и вотъ Помпей обращается къ Сенату съ требованіемъ особыхъ полномочій для возстановленія спокойствія въ городѣ. Какъ консулъ

Помпей не имѣя права вступать съ войсками въ Римъ, но желая имѣть возможность это сдѣлать, отъ требовалъ себѣ консульства, съ сохраненіемъ проконсульской власти, и при томъ консульства одинокаго. Это было все равно, что требовалъ диктатуры и въ сенатѣ условія Помпея вызвали полный успѣхъ. Много крови еще было пролито на улицахъ Рима, пока наконецъ неограниченный самъ по себѣ фактъ убійства рѣшилъ Милонова. Для Крыма послѣдовало нѣсколько указовъ, манифестовъ въ пользу убитого, не оставлявшихъ сенату сомнѣнія, чтобъ и не вынудить у него согласія на условія Помпея. Въ 52 г. до Р. Х. Милонъ былъ осужденъ государственнымъ судомъ и стоялъ послѣ суда со товарищами и въ то же время проконсулъ съ военною властью въ Италіи; явленіе совершенно необычное и ненормальное. Помпей немедленно принялъ мѣры для возстановленія порядка, мѣры противъ уличныхъ клубовъ, противъ адвокатскихъ рѣчей на политическія темы,

и ряд других мероприятий репрессивного свойства, терявших одна за свое значение в приложении к самому Помпею и его партии, и т. обр. лишавшихся своей эффективной власти уже при самом проведении их в жизнь. До известной степени, однако, спокойствие было восстановлено, после долгой борьбы удалось добиться исполнения кары за убийство Клодия и относительного прекращения уличных беспорядков. Помпей позаботился, конечно, о покорности Сената. В числе ораторов, еще не получивших провинции, был и Цицерон, храбро теперь отправившийся в Киликию проконсулом. Но значение Сената, даже если бы Цицерон и продолжал видеть в нем (теперь, конечно, уже не в пользу Помпея, давно открыто показавшего свои стремления) не трудно было свести к нулю. Весь 52 г. Помпей одним нравился государственным. При этом отправлять меру, явно свидетельствующую объ его измѣнившемся отно

шейся к Цезарю. Было установлено, что всякое проконсульское командование было прекращено ранее пятого дня до календ января (3 декабря), после чего консулы или преторы, ведя войска против Цезаря, будут объявлены врагами государства. Таким образом, Цезарь должен был отказаться от своей кандидатуры в консулы, и, конечно, с тем, что бы стать проконсулом тотчас же вслед за этим, а не через 5 лет. Но Цезарь не был особенно встревожен мерою Помпея после его тайных переговоров с ним. Помпей сблизился с ним снова, убедившись, что Помпей своими сторонниками достаточно восстановлен против него, Цезарь предоставил ему проводить свои угодно меры, уверенный в себе. Через год Помпей сложит с себя единоличное консульство, а на следующий год и консульство вообще, сохранив испанское наместничество.

Наступила очередь Цезаря. На 48 г. он потребовал себе права быть

нию избрания в консулы, — конечно с сохранением проконсульской власти. В известном смысле это требование было справедливо, но легко понять какую бурю поднял он в сенате. Последний теперь не был — по крайней мере, так ему казалось, в такой крайности, какая заставила его принять условия Помпея, начался упорная борьба. Весь ход требования Цезаря повторно предлагались на обсуждение, и каждый раз отвергались, что были снова были предложениями. Сторонники Цезаря увеличились трибуны М. Антоний и К. Курион. Последний играл роль бескрестрастного республиканца, указывая, что полномочия, как Цезаря, так и Помпея, неопределенно; и всякая попытка провести ослабление или отнятие полномочий Цезаря, он противопоставлял свое требование, на том основании, что постановление направленное против одного только Цезаря, уменьшало значение неопределенных полномочий Помпея.

Предложение консула Г. Марцелла (из среды катоновской партии), чтобы Цезарь сложил с себя прокон-сульство не прошло в Сенате, при-чем удовольствовались решением ко-дать траур в знак того, что отечеству в опасности. Между тем по истечении сро-ка своего полномочия, вернулся в Италию Цицерон, требовавший себе триумфа за успехи в Киликии, а потому не сложивший военной власти. Вер-нулись из своих командировок и еще некоторые военачальники Рима, и вокруг города оказалась уже целая группа проконсулов и других бывших магистратов, которые, не слагая с себя военной власти, ожи-дали, чем кончится дело. Консул Марцелл, встретив неудачу в Сена-те, решился на довольно необдуман-ный поступок. Вместе с несколь-кими единомышленниками из сена-торов он явился к Помпею и передал ему, из средств от лица правительства, а самом деле от своего собственного, меч для защиты Рима от Цезаря.

Помпей ухватился за этот предлог и оставивъ после гибели Красса получ. ченное имъ командованіе, въ Парѳян. войнѣ, подошелъ къ Риму, приказ. войскамъ, уже отправленнымъ на во- стокъ, должны были остановиться въ Капуѣ и ждать его приказаній. Для Цезаря представлялось неблагопріят- нымъ начать войну при такихъ условіяхъ: военныя силы Помпея зна- чительно превосходили его собственныя и притомъ, вступивъ съ войсками въ Италію, онъ первый поступилъ бы противозаконно. Нотъ сомнѣній, что взять на себя инищіативу военныхъ дѣйствій онъ не хотѣлъ. Вмѣсто того онъ послалъ Сенату свой ультима- тумъ: обязательство сложить съ себя власть и распустить войско при томъ условіи, что Помпей сдѣлаетъ то же. Все зависѣло теперь отъ от- вѣта Сената. Дѣло въ томъ, что римское государственное право строго различало понятія bellum и tumul- tus. Первое обозначало борьбу съ внѣш- нимъ врагомъ; 2-е — борьбу съ врагомъ внутреннимъ, въ предѣлахъ Италіи, только въ при нормальныхъ условіяхъ

военного положенія быть не могло. Поэтому Цезарь, находясь за границей Италіи, сталъ бы въ предъловъ законности, какъ только онъ вступилъ бы на italische. территорію, Сенатъ объявилъ бы tumultus — междоусобіе, начатое Цезарем. Въ сущности междоусобіе начали Помпей, принявъ командованіе въ Италіи; но Сенатъ собственно не имѣлъ права объявить tumultus, такъ Помпей дѣйствовалъ отъ его лица. Именно по этой причинѣ Цезарь и вошелъ съ войскомъ въ Италію какъ разъ тогда, когда Помпей принялъ italische командованіе. Сенатъ постановилъ Senatus consultum и объявилъ Италію на военномъ положеніи. Территорія была — по раздѣлена на многочисленные участки, гдѣ проконсуловъ производилъ наборъ въ каждомъ изъ нихъ. Верховная военная власть принадлежала Помпею. Между тѣмъ трибуны, протестовавшіе противъ принятой Сенатомъ мѣры, явились Цезарю, поспѣшившему къ нему съ извѣстіемъ о происшедшемъ. Цезарь быстро рѣшился. Въ ночь онъ переѣхалъ съ 5 когортами, только и бывшими у него въ этотъ моментъ,

Рубикона, и на утро обратился к войс-
кам с речью № 260, подняв-
шею дух солдат, крайне готовых биться
всюду последовать за своим вождем.
М. Антоний был отправлен
к другим б-ти погорячить, нашедшим-
ся у Цезаря в Италии, а он Галлии
лично им покорение приказал дви-
гаться на Рим. Там немедленно
объявили диктатуру и приняли ме-
ры к преграждению пути в Рим.
но Цезарь ряд ловких маневров
прошел через Италию и занял
выгодную укрепленную пункты
между прочим, Ариминум и Аретий.
им крыл была прямая дорога в
Рим. Вся надежда республики была
на Помпея и скоро себя представил
впечатление, произведенное неожидан-
ным его появлением, что они защи-
щать Рима не могут. Стратегиче-
ское положение Рима было, конечно,
трудно, но огромный город с силь-
ным войском мог бы выдержать
долгую осаду, одного только, ревни-
тельно встретился с Цезарем
в открытом поле, вовсе не успевать
быть запертым в городе, для

успѣлъ предотвратить ему имѣть
открытый и тотъ вообразилъ ему опять
не давать — бы шагу ступить полити-
ческія противники. Изъ Рима
побѣда указалъ ему выгоды, и онъ
поѣхалъ въ Пицентумъ организовать
свои войска. Въ Римѣ возворилась
паника. Сенаторы съ прибытіемъ Цеза-
ря уѣхали возвращеніе о ней Суллиной
диктатуры. И вотъ, послѣ удаленія Пом-
пея, вся сенатская партія тотъ же часъ
оставила городъ, оказавшійся въ пер-
вый разъ со своего основанія, совсѣмъ
безъ правительства. Изъ Римскаго
правительства не было въ Римѣ;
такъ не могъ собираться сенатъ, не
могли идти государственныя дѣла
города; рѣшеное правительство кон-
чая Римъ, его ipso теряло свою за-
конность. Цезарю было безразлично,
какъ долго протянется interim въ Ри-
мѣ. Онъ занялся выдѣленіемъ Пом-
пея изъ Италіи.
Рядомъ блестящихъ маневровъ Цезарь
отрѣзалъ противника изъ Пицену-
ма въ Брундизіумъ, откуда былъ одинъ
путь въ Грецію и на Востокъ. Помпей и
самъ могъ уѣхать только этимъ путемъ

Какъ-нибудь помнить, что изъ Италіи помощи ждать нечего. здѣсь могутъ имѣть вліяніе обнищавшіе римскіе фамиліи, поддерживавшіе отпрыска Помпея, вплоть до Фарсальской битвы, и до убійства Помпея въ Египтѣ. Судьба Фиміамбиртишка уже гораздо ранѣе. Тотъ день когда вслѣдъ за полководцемъ, изъ Фиміамбиртишка бѣжалъ его секретарь и консулъ, былъ первымъ днемъ монархическаго режима, первымъ днемъ новой фазы въ существованіи римскаго государства, уходящей далеко въ глубь вѣковъ и завершившейся только въ V столѣтіи под.Х

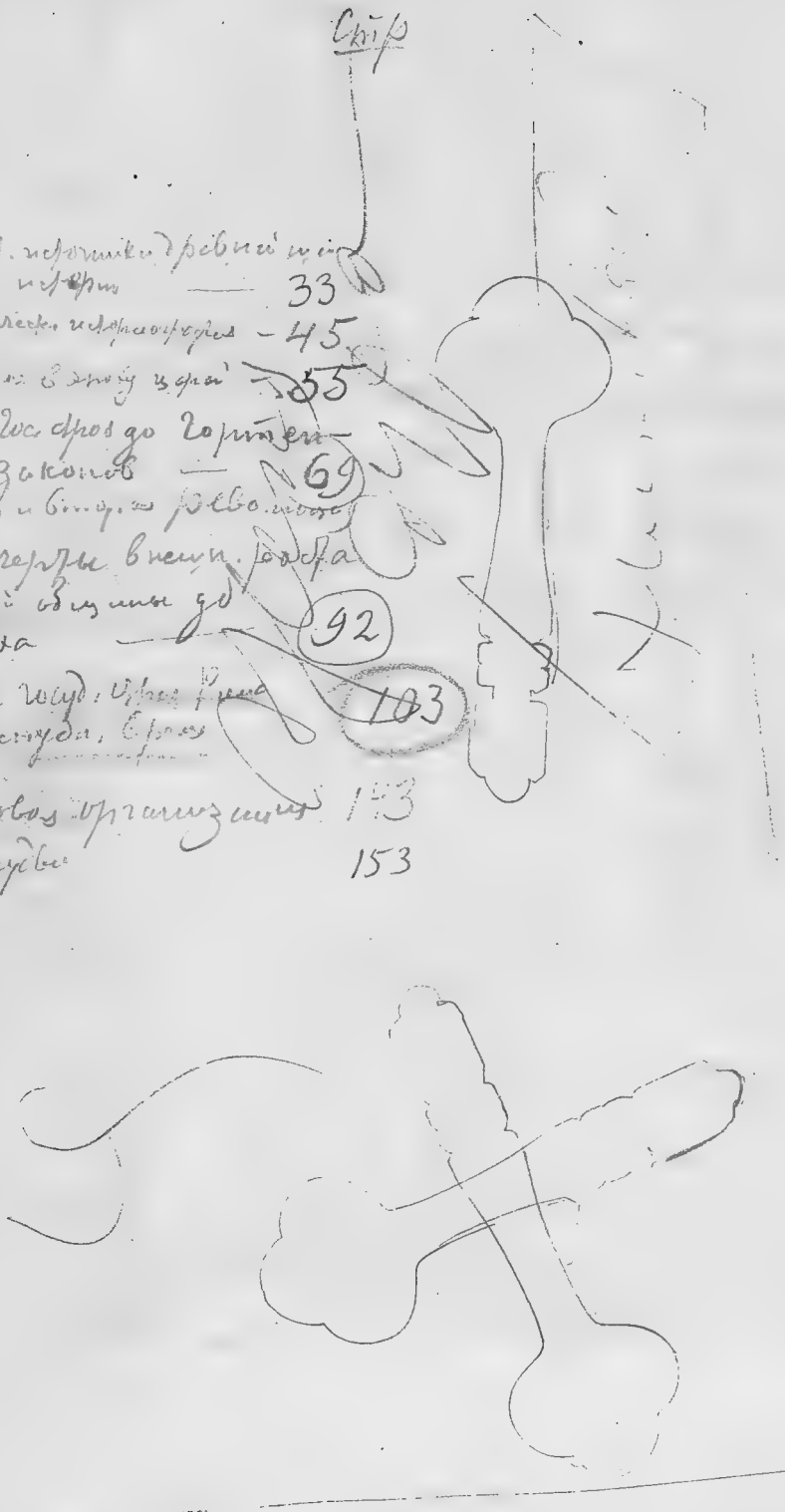
Листъ 14 по Исторіи Древ.

Директоръ.

ГОСУДАРСТВ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Лит. Богданова Эртелевъ пер. 7.

Скр



I. Докт. источники древней римской науки — 33
Римская и греческая историография — 45
Государство Рима в эпоху царей — 55
Разв. римск. права до Гортин. — 69
Судебн. органы внешн. сферы римской области до Трояна — 92
Остатки гор. Рима — 103
Финансовая организация — 143
Суд и судьи — 153

Отношение Рима — Ср. — 3
Отношение Рима к соседним — 154
Историч. Сервия Тулла — 163
Изгнание Тарквиния — 182
Изгнание Тарквиния — 24
Внутр. смуты в Риме — 55
Марий и Сатурнин — 78
Суллова реставрация — 120

Elek. 62440